

САТПАЕВ

Медеу
Сарсенкеев

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Книга рассказывает о первом президенте АН КазССР К.И.Сатпаеве. Сын степного кочевника, учитель, инженер-геолог, первооткрыватель огромных запасов медных руд в Джекказгане, К.Сатпаев прошел путь от члена ревкома до заместителя Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР. Книга М.Сарсекеева, написанная на основе документальных материалов, воссоздает замечательный облик этого ученого и государственного деятеля.

- [Каньш Сатпаев](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Младший сын](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [Почему жеребенка не съел волк?](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Мальчик учится танцевать](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Притча о Соколе](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Когда подрезаны крылья](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Член ревкома](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)

- [Судья и профессор](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
- [В сибирских Афинах](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Первые тропы](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [За невидимыми сокровищами](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [С верблюда на машину](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Годы испытаний](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [У наркома](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Послание из XIV века](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Будут и город и море](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)

- [Проводы](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
- [Часть третья](#)
 - [Все для победы](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Джездинская быль](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [Академия](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Лавры](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [Тернии](#)
 - [Разведка наверняка](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Последние высоты](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [Когда остановились часы](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
- [Основные даты жизни и деятельности](#)

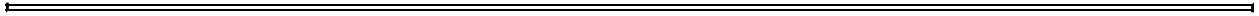
- [Краткая библиография](#)
- [Иллюстрации](#)

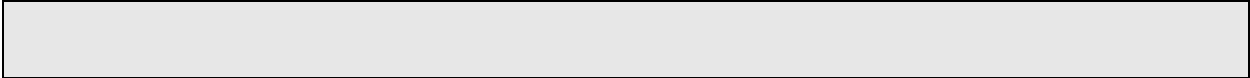

- [Примечания](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)

Каныш Сатпаев

Часть первая

Истоки

Человек не появляется на белый свет разумным. Он становится им, слушая людей, видя их дела, трудясь в поте лица. Он постепенно начинает отличать хорошее от дурного, а если ему суждено немало пережить, то он, конечно, и многое узнает.

Человек набирается ума, запоминая слова мудрых. Но любая беседа, какой бы она ни была поучительной, сама по себе ничего не даст. Из услышанного, подобно тому, как очищают зерно от шелухи, надо выделить истину, которую можно употребить с пользой. Так шлифуется разум человека.

*Абай Кунанбаев. 19-е слово назидания, 1893
год*

Младший сын

I

В начале апреля аулы Аккелинской волости один за другим покидали места зимовки. Некоторые держали путь на берега озера Каракуль, другие отправились к Ниязским горам. Только аулы бия¹ Сатпая по-прежнему оставались в урочище Айрык. Арбы стояли возле юрт, задрав оглобли в небо, а верблюды, предназначенные для запряжки, еще паслись на дальних пастбищах.

На первый взгляд могло показаться, что оба эти аула — Большой и Малый — не думают нынче откочевывать на джайляу², а намерены провести лето здесь, в голом урочище, сжато крутыми склонами. Но это была только видимость. Люди исподволь собирались в дорогу. Джигиты давно уже неприметно готовили верховых лошадей к дальнему странствию. Женщины тоже то и дело что-то подшивали, по-новому подтягивали бесчисленные тюки.

Младшая жена пятидесятичетырехлетнего Имантая Сатпаева была на сносях. Вот почему глава аула не отдавал долгожданного распоряжения об откочевке. Обыкновение кочевников не принимать во внимание такой пустяк, как роды, оказалось нарушено — сорокалетняя Салима угасала в ожидании ребенка под бременем тяжкого недуга. Нельзя было и думать о перевозке больной. Бию пришлось задержать переход на джайляу, оставив исхудавший скот на скудном корме Айрыка.

Он распорядился перегнать стада на самые дальние пастбища, дабы кое-как поддержать животных в эти трудные дни. А мужчинам приказал поставить юрты-уранкаи, чтоб люди хотя бы подышали свежим воздухом весенней степи. Только Салима по-прежнему оставалась на зимовке. Ее жилище постоянно отапливали. И конечно, днем и ночью возле нее сидели старухи. Имантай особенно дорожил Салимой — слишком много у него было связано с нею...

Ему уже за пятьдесят. С первой своей женой Нурум он прожил более четверти века. Но лишь однажды за все эти годы он услышал в своем доме голос младенца, и то ненадолго. Девочка умерла раньше, чем научилась произносить слово «отец». Давно это было. Но тоска по детям осталась, она постоянно терзала Имантая как неудовлетворенное желание, как недостижимая мечта. И когда всеми уважаемый аксакал Курмантай

предложил главе аула вторично жениться, Нурум безропотно согласилась.

Выбор бия пал на вдову Канафии — племянника знаменитого Мусы Чорманова, полковника императорской армии. Когда Салима переехала в дом Имантая, ей шел тридцать первый год. Вскоре родилась девочка Казиза. Еще через два года появился сын Бокеш.

Однако счастье Имантая было зыбким. Салима часто болела — в наследство от первого мужа ей досталась неизлечимая в то время болезнь — туберкулез легких. Недуг, усиливаясь с годами, то и дело приковывал ее к постели...

Но вот тягостному ожиданию пришел конец. Двенадцатого апреля на заре в ауле появился новый человек. То был год доныз³ по мусульманскому календарю, 1899 год по европейскому летосчислению. Кончался девятнадцатый век.

Мальчик родился большим и подвижным. Особенна удивляла жителей аула его необычайно крупная голова с чуть отросшими кудрявыми волосами. Лицом он был в мать, а спокойный, уравновешенный характер новорожденный явно унаследовал от Имантая.

Салима была настолько ослаблена болезнью, что не могла кормить сына. Уход за ребенком был поручен здоровой, хозяйственной и веселой нравом аульчанке Меиз, которая кормила собственного младенца. Простая, трудолюбивая, преданная семье Сатпаевых женщина стала как бы второй матерью младшему сыну Имантая. (Пройдет три десятка лет, и благодарный питомец Меиз назовет свою дочь ее именем. Пройдут еще годы, у него родится внук, и, когда другая дочь попросит отца назвать новорожденного, он, не задумываясь, произнесет имя своего молочного брата, верного товарища всей его жизни Нурлана Касенова.)

II

Только в мае аулы Сатпая начали откочевку. Двигались не торопясь, стараясь не изнурять исхудавший скот, давали ему возможность нагуливать вес, набирать силу. К тому же бий берег еще слабую Салиму и маленького Каныша.

С каждым днем степь становилась наряднее и богаче. Цветы и сочная зелень радовали глаз и веселили душу. На пятом переходе люди Имантая достигли речки Шабакай, которая терялась в сплошных зарослях чилика и тальника.

В долине реки располагались джайляу многих других аулов. Имантай

распорядился объявить всем сородичам и соседям иных родов, что в ближайшие дни будет праздноваться рождение его сына.

И вскоре последовали визиты. Приезжали из ближних аулов, приезжали издалека — много друзей было у Имантая, все, кто уважал и ценил его, считали своим долгом поздравить почтенного бия с сыном. Являлись прославленные певцы и акыны, чтобы показать свое искусство и послушать друг друга. Всех — и знатных и простых — радушно встречал аул в то лето.

Гости поздравляли хозяина и желали маленькому наследнику всевозможных благ. Чтобы был знатным и справедливым бием, таким же, как его дед и отец. Чтобы вырос сильным и славным представителем своего рода. Чтобы приумножил богатства семьи.

Много чего напророчили гости маленькому Каньшу. Но никто не сказал в напутствие ребенку, чтобы стал он ученым человеком. Никто не угадал, чем будет богат и силен наследник Сатпая... Ошиблись прозорливые аксакалы.

Такая оплошность вполне извинительна для стариков того далекого времени. Могли ли они пожелать младенцу стать ученым или хотя бы отдаленно намекнуть на такую возможность? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется порыться в архивах, относящихся к той эпохе.

По отчету инспектора народных училищ Семипалатинской области в Павлодарском уезде, куда входила и Аккелинская волость, в 1900 году было 16 казачьих станиц, один уездный город и 21 казахская волость. В уезде действовали 17 начальных училищ и 3 церковноприходские школы. При этом в казахских волостях уезда в тот год не было ни одной школы. А начальные училища, действовавшие в казачьих станицах, предназначались для русских. По приказу губернатора Степного края «родителям из киргизов⁴, желающим обучать детей», надлежало везти их в Омск и отдавать в специально открытые для них пансионаты.

Десятый аул Аккелинской волости, где родился Каньш, находился на расстоянии трехдневного перехода от уездного центра — Павлодара, шестидневного — от областного центра Семипалатинска и примерно на таком же удалении от Омска. В те времена степь еще не считала верст, основной обиходной мерой был путь, который сильный конь мог одолеть за полный световой день. Гордость девятнадцатого века — паровозы и стальные рельсы — еще не пришла в степи. Диковинкой были и другие эпохальные изобретения уходящего века: электричество, телеграф, автомобили. Все это казалось степняку сказкой...

Так мыслимо ли, чтобы старцы, собравшиеся на праздник в аул

Имантая, могли представить себе возможность иной будущности для наследника бия, кроме той, что была связана с умножением стад и накоплением богатства? Уклад кочевой жизни, повседневный быт казахов были страшно далеки от научных интересов. А государственные мужи имели по поводу степных жителей вполне определенную точку зрения. Вот что читаем в письме высокопоставленного чиновника оренбургскому губернатору: «Я не увлекаюсь гиперболическими желаниями филантропов устроить киргизов, просветить и возвысить на ступень, занимаемую европейскими народами. Я от всей души желаю, чтобы киргизы навсегда остались пастухами... чтобы не сеяли хлеба и не знали не только науки, но и даже ремесла...»

Неудивительно поэтому, что среди 165 тысяч казахов Павлодарского уезда в тот последний год уходящего века насчитывалось всего несколько десятков людей, знавших русскую грамоту. Правда, хозяйство степняка веками обходилось без помощи книжных знаний. Скотоводство кормило и одевало казаха. А благополучие семьи зависело больше всего от собственного трудолюбия и наличия пастбищ. Аул, где родился первый казахский академик, не был исключением — не самый богатый, но и не нищий.

В личном архиве академика, хранящемся в Институте геологических наук имени К.И.Сатпаева АН Казахской ССР, есть несколько воспоминаний современников, знавших Каньша в детские годы.

«Он рос, как все дети нашего аула... Играл в асыки⁵ — для этого мы взбирались на вершину сопки Карамурын, где была ровная площадка. От нас, особенно от своего брата Бокеша — шумливого мальчика, мастера на всевозможные придумки, — Каньш отличался тихим нравом, неразговорчивостью», — вспоминает Мукуш Шадетов.

«С малых лет у него был недетский характер, — пишет Иген Баязитов. — В одну игру Каньш не мог долго играть, глядишь — и заскучал раньше всех... Помню его голос, звонкий и мелодичный. Играть на домбре он научился немного раньше всех нас, своих сверстников».

«В детстве он был совсем малорослым, а голова необычно большая. Вспоминается шутка мальчишек по этому поводу: он-де до двух лет не мог без посторонней помощи стоять на ногах — слишком объемистая голова перетягивала. Каньш часто хворал, рос хилым, болезненным...» — вспоминает его дядя Мажикен Ержанов.

По рассказам сверстников, маленький Каньш предпочитал сидеть над книжкой с картинками, кем-то случайно завезенной в аул. Весной с переездом на джайляу мальчик любил бродить по степи, особенно в

зарослях прибрежного камыша какого-нибудь озера, и искать яйца диких гусей и уток. Нетрудно представить то удовольствие, которое испытывал он, собирая сладкую полевую клубнику. Разумеется, и верховая езда на жеребенке приводила его как истого степняка в неопиcуемый восторг.

Конечно, жизнь кочевников не была сплошным праздником. Суровая природа порой донимала людей холодными сильными ветрами, ливнями и снегопадами. Бесконечные переходы, необходимые для выпаса стад, доставляли детям много невзгод. В холодные дни весенних и осенних кочевок ребяташки толпились вокруг дымившего посреди юрты очага, чтобы отогреть коченевшие руки и всегда босые ноги. И суровую долгую зиму нелегко бывало перенести в скученности тесных, плохо проветривавшихся глинобитных хижин с их убогим отоплением и освещением.

Но трудные условия жизни, каждодневное соприкосновение с жесткой природой степи закаляли детей. И они вырастали неприхотливыми, мужественными, терпеливыми и стойкими ко всякого рода невздам.

«Хотя Каньш был самым младшим в семье, Имантай-ата⁶ не делал для него никаких поблажек и исключений, — рассказывает Нурлан Касенов. — Глава нашего аула всегда придерживался в воспитании своих детей, да и всех нас — аульных мальчишек — строгих правил. Все должны трудиться. И малые и взрослые. «От труда люди не умирают, а становятся крепкими и гордыми» — вот его жизненное правило».

В возрасте двух лет (по некоторым сведениям, пяти лет) Каньш лишился матери. Чахотка все-таки доконала Салиму. Старшая жена отца, бабушка Нурум, заменила мальчику настоящую мать, и ребенок отвечал ей подлинно сыновней любовью. Но будущий академик никогда не забывал той, кто дала ему жизнь. В 1963 году, за год до кончины, уже надломленный неизлечимым недугом, Каньш Имантаевич приехал на старую отцовскую зимовку и своими руками установил на могиле родителей надгробный камень...

По заведенному предками порядку размеренно текли будни в десятом ауле. Ранней весной отправлялись в дальний путь, возвращались на зимовку глубокой осенью. Зимой джигиты часто седлали коней, группами выезжали на охоту, иногда отправлялись погостить в другие аулы. Изредка сами принимали гостей.

Уход за скотом, разговоры о пастбищах, о кормах, заботы о том, чтобы выгодно продать лошадей на ярмарке и на вырученные деньги приобрести необходимую утварь и припасы, — все это целиком заполняло дни кочевника, и время бежало незаметно неделя за неделей, год за годом.

Каньш уже стал лихим наездником. Умел без помощи старших взобраться на коня — правда, приходилось подводить его к лестнице, прислоненной к стене дома, и забираться на третью ступеньку, чтобы добраться до седла. Мальчик выполнял небольшие хозяйственные поручения, пригонял с пастбища дойных кобылиц или отправлялся пригласить родича по делу из Большого аула.

Земляки Каньша славились как охотники. Многие держали соколов, ястребов. Каньш любил наблюдать соколиную охоту на уток. Поэтому охотники, выезжая на озера неподалеку от аула, частенько звали с собой младшего сына Имантая. Тогда он просил оседлать своего саврасого и с большим достоинством выезжал из аула в толпе всадников.

Однажды во время охоты молодые джигиты, увлеченные погоней за зайцем, не заметили, как Каньш исчез из виду. Спустя некоторое время его конь вернулся в аул без хозяина, волоча чембур по земле. Перепуганные аульчане немедленно отправились на поиски. Виножник переполоха вскоре нашелся. Он спокойно шагал в сторону родного кочевья, тихо напевая, словно ничего не случилось. Карманы его бешмета были набиты разноцветными камнями. Оказалось, что, отстав от охотников и потеряв кавалькаду из виду, мальчик набрел на необычную россыпь, искрившуюся под солнцем. Он слез с коня, стал собирать камни и не заметил, как чембур выскользнул из рук. Когда он попытался поймать саврасого, конь ускакал. Пришлось идти пешком. Но камни Каньш не бросил.

Вряд ли следует делать из этого случая далеко идущие выводы, всерьез связывать одно из многих увлечений детства с будущей профессией академика. Но факт, что Каньш и в дальнейшем не забывал о камнях. Учитель Н.Е.Алексеев, его наставник по двухклассному училищу в Павлодаре, писал в своих воспоминаниях: «...Возвращаясь на учебу в училище после летних каникул, Каньш Сатпаев однажды привез большую коллекцию разных минералов. Эти разноцветные камешки руды явились тогда пополнением естествоведческого кабинета училища».

Почему жеребенка не съел волк?

I

В ауле Сатпая было заведено: дети, достигшие семилетнего возраста, в течение последующих трех-четырех лет обязаны обучиться грамоте. Для этого в Большом ауле содержали муллу. В свое время Имантай тоже прошел эту «школу». Однако он не довольствовался знаниями, полученными от аульного муллы. Семнадцатилетним юношей (это было в 1862 году) Имантай едет в далекий Омск — административный центр Степного края — и поступает учеником в медресе Абдрахима. За три года он осваивает основы арабского, персидского, чагатайского языков, знакомится с образцами классической литературы Востока. В этот период Имантай сходитя с Чоканом Валихановым, уже прославившимся своим путешествием в Восточный Туркестан. Их знакомство было настолько близким, что некоторое время Имантай прожил в квартире Чокана. По-видимому, в эти же годы он приобщился к русской культуре — во время переписи населения, проведенной в 1897 году в Степном крае, он ответит на один из вопросов анкеты: «По-русски понимаю». Но, к сожалению, житейские обстоятельства не позволили Имантаю продолжить учение. Он возвратился на родину.

Глава аула был строг в выборе учителей. Для преподавания детям мусульманской грамоты он приглашал не случайного муллу, а подбирали для этого в городе способного выпускника одного из известных медресе.

Может быть, поэтому среди тех, кто прошел начальное обучение в ауле, многие, подобно Имантаю, стремились продолжить свое образование в городских школах.

Первым из них был Абикей, племянник Имантая. Он с ранних лет выделялся среди сверстников особой тягой к знанию и замечательной памятью. Стараниями дяди мальчик был направлен в Омск. Окончив учительскую семинарию, он возвратился в степь и всецело посвятил себя просвещению земляков. Таким образом, Абикей первым из всех Сатпаевых получил серьезное образование.

По его стопам пошел Абдикарим Сатпаев, другой племянник Имантая. Он отправился за знаниями в далекий Семипалатинск. Затем наступает очередь новых подросших представителей рода Сатпаевых. Среди них Абсалам, Магаз, сын самого Имантая Бокеш. Все они не удовлетворяются

азами, усвоенными от аульного муллы, но жаждут учиться, как старшие братья, в русской школе.

Пришло время братья за ум и маленькому Канышу, и однажды он с сумкой через плечо направился в Большой аул к мулле Жумашу.

По утрам в юрте, выделенной для занятий, собирается дюжина ребятишек. Сидят смирно, поджав ноги под себя, разложив на дощечке бумагу и карандаш. Взгляд каждого устремлен в землю — это означает беспрекословное повиновение. Входит мулла, усаживается на возвышенное место. Одной рукой раскрыв священную книгу, он берет в другую длинную палку и тычет ею кого-нибудь из учеников: «Читай!» Тот громко, нараспев произносит суру из Корана, остальные подхватывают. И начинается нестройное многочасовое гудение ребячьих голосов.

Каныш, будь его воля, с удовольствием расстался бы с этой нудной долбежкой. Куда лучше покататься с высокого Карамурына! Или, оседлав саврасого, скакать навстречу ветру по долине между двумя аулами. Или взять книгу Бокеша, обучающегося у русских, часами рассматривать картинки, считать буквы — сколько их! Книги Бокеша особенные, совсем непохожие на те, что читают мальчишки у муллы. И какие интересные картинки! Бегающие жеребята, густой лес, высокие горы, огромные дома, красивые люди в военных мундирах. Даже коровы нарисованы, и все точно как в жизни. И наставник, по словам брата, у них не строгий, даже палки не имеет.

Два года проучился Каныш у муллы. По свидетельству Тармызи Имантаева, воспитывавшегося вместе с будущим академиком, «цепкая память Каныша была замечена сразу, в самом начале обучения. Сложную арабскую грамоту он освоил уже на первом году, опередив всех ребят. Потому Имантай-ата и не стал держать его у муллы в течение обязательных трех лет».

В ту пору он посещал и другие уроки. Обычно они проходили дома, на коленях у отца. И в отличие от прочих занятий здесь не было установленных дней и часов. Урок мог состояться в любое время, когда позволяли обстоятельства. Но запоминался он на всю жизнь.

Пройдет много лет. Казахский академик А.Х.Маргулан напишет впоследствии:

«Под влиянием отца Каныш Имантаевич в детские годы с увлечением занимается арабским, персидским языками. Выучивает стихи Хафиза, Саади, Навои. Некоторые вещи он знал

настолько хорошо, что иногда в часы досуга, особенно когда отдыхал на курортах, любил подолгу читать наизусть».

Разумеется, жизнь мальчика, которому не было еще и десяти лет, заполнялась не одними уроками у муллы или наставлениями отца. Аульные будни приятно разнообразили наезды гостей. Вечерами Каныш не давал им покоя своими вопросами и неизменными просьбами «конак каде» — расплаты сказкой за ночлег.

В их аул часто приезжали певцы и поэты. Неспроста они подолгу гостили у Имантая. Бий ценил умную беседу и сам был неплохим рассказчиком и оратором. Меткое словцо, услышанное однажды из его уст, повторялось затем другими, постепенно становясь крылатым выражением. Недаром он неоднократно избирался третейским судьей на международных сходах. Ведь от такого посредника, кроме рассудительности, требовалось и умение выражать свои мысли точными образными словами. Имантай уважал и всегда был рад видеть у себя вольных, своенравных детей степи — акынов, сказителей и певцов.

Впоследствии исследователи-историки обнаружат в Ленинграде, в филиале Института востоковедения АН СССР, записи, когда-то сделанные Имантаем Сатпаевым: летопись рода Каржас и произведения прославленного поэта казахской степи Бухара Калкаманулы (1693 — 1787). Не один год собирал он эти стихи — наследие своего сородича. Он тоже был из рода Каржас — ветви генеалогического древа, на которых значатся имена Имантая и Бухара, сходятся к единому стволу на седьмом колене, во времена их прапрадедов Алтынторы и Кулыке. Можно предположить, что эти записи сделаны по настоянию Чокана Валиханова. А в том, что они оказались надлежащим образом сохранены, прямая заслуга наставника Чокана, знатока восточных языков, преподавателя Омского кадетского корпуса Н.Ф.Костылецкого. Имантай был хорошо знаком с ним.

Маленький Каныш, как все дети подражавший старшим, не остался в стороне от увлечений отца. Он с малых лет рос под впечатлением песен, сказок, поэтических творений, излюбленных в семье Имантая.

II

Аккелинская школа, находившаяся в ауле волостного правителя, была открыта в 1903 году. Тогда же появились в Павлодарском уезде две другие — в Караобинской и Маралдинской волостях. А в следующем году

школами обзавелись Баянаульская, Теренкульская и Чакчанская волости. И во всех преподавание ведется на русском языке, а учатся только дети казахов!

Расширявшиеся с каждым годом деловые связи администрации, предпринимателей и торговцев со степью, нужда в грамотных туземных чиновниках заставляли руководство Степного края заботиться о просвещении кочевников. Еще за несколько лет до описываемых событий губернатор области отдал волостным управителям распоряжение отправить в уездные города «...по два молодых киргизца, не моложе 15 — 16 лет для обучения их в русской школе». Они воспитывались в специальных пансионатах, за два-три года проходя курс делопроизводства, а в дальнейшем служили писарями, переводчиками. Но поскольку кадров стало недоставать, потребовалось открыть несколько школ и в уездах.

Все эти четырехгодичные учебные заведения содержались казной на средства, отпускаемые ведомству народного просвещения. Строго предписывалось, чтобы в школу принимались дети не моложе 15 лет. Все объяснялось просто: поступив в первый класс подростком, воспитанник заканчивал курс в возрасте 19 — 20 лет, то есть достаточно зрелым для государственной службы. При этом учитывались психология казаха, нравы, бытовой уклад аула. Ведь обычно в этом возрасте родители женили своих детей. Так что окончившего школу молодого человека ждали немедленная женитьба и служба в какой-нибудь канцелярии, в лучшем случае должность аульного старшины.

Аккелинская школа помещалась в двухкомнатном деревянном доме — помещение по тем временам неплохое. В нем было светло и уютно. Хозяева аула Чормановы были людьми образованными, преданными интересам правительства. А поскольку правительство требовало заботиться о некотором просвещении туземцев, каждый очередной волостной правитель из этого клана с вниманием относился к нуждам школы. А глава рода, один из самых образованных и влиятельных людей того времени Садвакас, сын Мусы Чорманова (получившего чин полковника за заслуги перед империей в период колонизации Степного края), не мог допустить, чтобы в школе, попечителем которой он был, преподавал случайный человек. Первыми учителями в Аккелинской школе были Бексултан Валиханов (родственник Чокана Валиханова) и Султан-Али Джуанышбаев — оба для той эпохи широко образованные, культурные люди.

Джуанышбаева сменил Григорий Васильевич Терентьев, крещеный молодой татарин из Казани.

«Мне всегда везло с учителями...» — скажет академик Сатпаев,

воскрешая в памяти дни отрочества. Эти слова полностью относятся и к его первому учителю. В 1949 году Каныш Имантаевич, находясь в родном ауле по случаю своего пятидесятилетнего юбилея, вспоминал: «Наш учитель Григорий Васильевич был замечательным человеком. Он хорошо говорил по-казахски, неплохо исполнял наши песни, любил подолгу беседовать со стариками. Но в классе всегда становился строгим, начисто «забыв» язык. Он говорил с учениками только по-русски... В свободные от занятий дни он часто приезжал в наш аул, был дружен с моим отцом и особенно с двоюродными братьями. Наши джигиты увлекались соколиной охотой и держали гончих. Разумеется, были у них хорошие кони. Возможно, и это притягивало его, знаю лишь — он многие дни лета проводил в нашем ауле».

Может быть, дружба отца с учителем решила судьбу мальчика, может быть, сыграла роль поддержка авторитетного попечителя школы, но в 1909 году Каныш вопреки строгому приемному правилу в возрасте десяти лет был принят в подготовительный класс. Небывалый дотоле случай: среди великовозрастных рослых парней появился десятилетний малыш с кудрявым чубчиком на лбу, черными большими глазами и слегка оттопыренными ушами. Каныша едва было видно из-за парты, оттого он казался еще меньше. Однако одноклассники признали и полюбили его. Он охотно и быстро исполнял просьбы и поручения старших. А вскоре стал многим помогать в учебе. Незаурядные способности и усердие мальчика были очевидны, а его любознательность казалась поистине ненасытной.

— Ученик Сатпаев, к доске! — вызывает Григорий Васильевич.

Перед Канышем изображения различных животных.

— Кто здесь нарисован? — Указка учителя останавливается на одной из картинок.

— Жеребенок.

— Правильно. Какой он масти?

— Саврасой.

— Допустим, этого жеребенка съел волк. Как сказал бы ты об этом по-русски? — Новый вопрос учитель неожиданно произносит по-казахски.

— Не буду говорить! — заявляет ученик, не скрывая своего недовольства.

— Почему же?

— Потому что не мог его съесть волк. Наш Касен-ага — смелый табунщик, не дал бы ему...

Смеются ребята: какой решительный этот малыш! Григорий Васильевич улыбается. Но вот снова уже строгим голосом продолжает:

— Все же попробуй, Каныш. Я ведь для примера говорю. И так, как ты сообщил бы об этом отцу?..

Каныш недоволен настойчивостью учителя. Не нравится ему этот вопрос. Поэтому он с кислым видом, нехотя произносит:

— Отец, саврасого жеребенка не съел волк, потому что... потому что он далеко ускакал...

Учитель, дивясь упорству малыша, качает головой.

Вот строки из воспоминаний жены академика Таисии Алексеевны Сатпаевой:

«...Литературная хрестоматия того времени для начальных школ «Вешние всходы», насыщенная чудесными описаниями природы в виде отрывков из лучших произведений русских классиков, стала любимейшей книжкой маленького Каныша. Он буквально не расставался с ней и на ночь клал ее под подушку с тем, чтобы, проснувшись рано утром, снова приниматься за чтение любимых отрывков и стихов, многие из которых давно уже знал наизусть и впоследствии помнил всю жизнь...»

По утвержденному министром народного просвещения положению срок обучения в аульной школе составлял четыре года, из них один подготовительный. Каныш в первый же год проходит начальный курс и первую ступень 1-го класса. В подобных учебных заведениях применялась так называемая система параллельного обучения. Иначе говоря, в одном помещении рядом усаживались ученики всех классов.

Однажды случилось нечто небывалое.

Григорий Васильевич, написав на доске условия контрольной задачи для ребят последнего года обучения, приступил к чтению с учениками низших ступеней. Задание было довольно сложным; он знал, что дети справятся с ним не скоро. И потому увлеченно занимался с младшими. Но вот Григорий Васильевич услышал негромкий спор двух учеников с разных рядов.

— Нет, ты не прав. Задачу можно решить двумя действиями. Вот смотри...

— Ты что? Наши задачи всегда решаются тремя действиями, а то и четырьмя. А ты говоришь, двумя. Это у вас такие легкие...

— Какая разница, лишь бы правильно решить. На, возьми, перепиши

лучше.

— Подсказчик нашелся! Лучше вытри нос, — пренебрежительно ответил старший.

Спорили сын волостного правителя Зынды и Каныш, занимавшийся в числе ребят второго года обучения. Удивленный услышанным, Григорий Васильевич подошел к спорщикам. Бегло просмотрев их записи, он убеждается в правоте Каныша. Ученик четвертого года обучения, восемнадцатилетний джигит, сидел, не зная, как разжевать задачу, которую смысленный Каныш решил просто и вроде бы для забавы.

Может быть, этот случай сыграл решающую роль или учитель и без того собирался поговорить с отцом мальчика, как бы то ни было, весной 1911 года Терентьев, приехав в аул Сатпая, обратился к Имантаю:

— У Каныша большое будущее. Вы сделаете доброе дело, если пошлете его учиться в город.

— Но пусть он сначала кончит твою школу...

— Считайте, что он уже кончил ее. Ему у меня нечему больше учиться.

— Неужели твои знания иссякли?..

— Нет, конечно. Но чувствую: ему уже нечего делать в аульной школе... По-русски он говорит неплохо, а кое-какие изъяны легко поправимы в городе — просто здесь было мало практики. Учится он с желанием, пытлив. Словом, если не хотите, чтобы он сделался писарем волостного управителя, а стал летать повыше, нужно с этой осени отправить его в город. Пока молод, пусть учится.

— Нелегкую задачу ты задал мне... Надо подумать.

III

Нетрудно понять, почему бий отвечал так неопределенно. В тот год Имантаю исполнилось шестьдесят шесть. Он чувствовал, что жить ему остается недолго. Старшая дочь давно выдана замуж, она в другом ауле. Оба сына с успехом окончили Аккелинскую школу. Оба просят в город. Да и братья, которые учились в городе, подбивают их продолжать образование. Но может ли Имантай на старости лет так легко отпустить сыновей в дальнюю сторону, где нет у него ни близких, ни знакомых? Что станет с ними в чужом городе? Кто будет следить за их здоровьем, заниматься их воспитанием?..

Но разговор о дальнейшей учебе возникал не однажды, и главе аула

приходилось возвращаться к нему почти все лето. Дело решилось благодаря Абикею Сатпаеву — сыну Зеина, который после окончания семинарии учительствовал в другой волостной школе. В то лето молодой человек был приглашен в Павлодар преподавать в двухклассном русско-киргизском училище. Приехав однажды в родной аул, Абикей обратился к двоюродному брату:

— Доверьте мне судьбу Каныша. Пусть с этого дня его дальнейшее воспитание ляжет на мои плечи. Это мой долг перед вами — именно вы когда-то отправили меня в город за знаниями...

Имантай снова призадумался... Судьба старшего сына уже бесповоротно решена: он останется с отцом, обзаведется семьей, ведь и в ауле нужен грамотный человек... А против отъезда Каныша у него нет основательных возражений. К тому же Абикей достойный молодой человек, гордость рода, на него ложно положиться...

Пройдут годы. Широко известный в ученом мире академик К.И.Сатпаев напишет в 1962 году, отвечая на анкету Принстонского университета (США): «...за полученное образование из близких своих считаю себя обязанным на всю жизнь двоюродному брату, старому интеллигенту Абикею Зеиновичу Сатпаеву».

Мальчик учится танцевать

I

В областном календаре, изданном в Семипалатинске в 1910 году, уездному городу Павлодару отведены следующие строки: «Представьте, читатель, лишенную всякой растительности равнину с желтоватой глинистой почвой, крутые... берега Иртыша, несколько улиц с деревянными домишками, среди которых каменное здание тюрьмы выглядит настоящим дворцом.

В чем заключается общественная жизнь Павлодара?

Вероятно, здесь тянется такая же серенькая обывательская жизнь, как почти во всех городах Степного края. Есть неизбежный клуб, где играют в карты и танцуют...»

История Павлодара начинается в первой четверти XVIII века, когда в 1715 году по приказу Петра Первого на среднее течение Иртыша отправилась военная экспедиция подполковника Бухгольца. В продолжение последующих пяти лет на берегах реки были заложены крепости Омская, Железинская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская. А Павлодар как одно из звеньев тысячеверстной Иртышской укрепленной линии был основан в 1720 году. Долгие годы форпост почти не расширялся: несколько офицерских домов, казармы, почтовый двор, конюшни, арестантская — вот и все, чем могли похвалиться здешние обыватели.

Может быть, долго еще никто и не заинтересовался бы этим глухим углом Российской империи, да, на счастье, неподалеку лежало соленое озеро. Деловые люди тотчас заинтересовались соляным промыслом, благо по Иртышу можно было сплавливать тысячи пудов грузов. Это обстоятельство и предопределило дальнейшую судьбу крепости.

В 1861 году форпост по высочайшему повелению получил статус заштатного города. Тогда в нем числилось 602 жителя. Через семь лет Павлодар стал уездным городом. А в год рождения Каныша в нем уже насчитывалось более 400 домов. Телеграфная линия, соединившая Семипалатинск с Омском, пришла в Павлодар в 1872 году. Это стало настоящим событием, однако почтовые «оказии» да вести с проходящих пароходов еще долго служили основным средством связи. А о железной дороге еще и не мечтали. В сущности, город был отрезан от крупных культурных центров страны, и людям, жадным до знаний, волей-неволей

приходилось определяться на учебу здесь, в городе, хотя выбор был и не особенно велик.

В конце XIX века в Павлодаре было два училища: церковноприходское и войсковое станичное, чуть позже их число увеличилось до девяти. Каныш намеревался поступить в русско-киргизское училище, которое было открыто в 1909 году. Основную массу учащихся составляли выпускники аульных русско-киргизских школ. Срок обучения — четыре года. Каждый предмет в отличие от аульных школ здесь вел отдельный учитель, поэтому уровень преподавания был здесь гораздо выше. Кроме того, вместе с казахскими детьми занимались и русские ребяташки, что, конечно, способствовало лучшей языковой подготовке учеников.

В 1911 году при училище открылся интернат, куда предполагалось принять тридцать детей казахов из аулов и столько же учащихся из среды русских крестьян-переселенцев.

II

За несколько дней до начала занятий дядя Абиkey привез Каныша в Павлодар. Яков Игнатьевич Овсянников, заведующий училищем, встретил их в своем кабинете. Долго и внимательно рассматривал свидетельство об окончании волостной школы.

— М-м-м... значит, окончил с отличием, — задумчиво начал он, — а ну-ка, голубчик, прочтите какое-нибудь стихотворение. Проверим ваши знания...

Каныш на миг растерялся. Все слова вылетели из головы, густая краска залила щеки.

— Как же так, голубчик... Значит, забыли. Понимаю, лето, бесконечные игры...

— Что прикажете прочесть, ваше превосходительство? — вдруг с вызовом ответил Каныш.

— Зовите меня Яковом Игнатьевичем отныне и навсегда. А что читать, это уж на ваш выбор.

И Каныш, выпрямившись, громко отчеканивает:

— Федор Иванович Тютчев, стихотворение «Гроза».

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом...

Читал он хорошо, с выражением, правильно выговаривая слова. Заведующий сразу подобрел. На его строгом лице появилась улыбка.

— Неплохо для начала, — сказал он, когда Каныш умолк.

— Могу еще прочесть. Знаю Пушкина, из Тургенева кое-что помню...

— Достаточно. Теперь скажите-ка мне, голубчик, имя нашего государя-батюшки.

— Его императорское величество Николай Александрович!

— Прекрасно, — кивнул довольный Овсянников, затем, помолчав, продолжал: — Помимо прочего, все четыре года вы будете слушать проповеди указного муллы господина Каримова. А по пятницам ходить в мечеть. Все ясно?

— Ясно, — выдохнул Каныш.

— В таком случае идите. Считайте, что вы приняты на подготовительное отделение первого класса. Желаю вам отличных успехов в учебе и поведении...

Хотя Каныш и значился в списке принятых в пансионат, поселился он, однако, на квартире двоюродного брата. Таков оказался наказ отца. Слабому здоровьем мальчику нужен был, по мнению Имантая, строгий домашний уход.

Абикей Зеинович жил на Владимирской улице, в старом доме. Одну из комнат отвели Канышу; обстановка, правда, была спартанской — кровать и письменный стол. Частенько случалось так, что приходилось спать и на полу, — хлебосольный хозяин любил гостей, особенно земляков, вот и приходилось Канышу на денек-другой уступать свое ложе очередному приезжему. А иной раз и к мальчику ввалится веселая ватага однокашников — добросердечные брат и его жена всегда встречали ребят ласково. Накормят, напоят да еще и на дорогу дадут...

Из воспоминаний Н.Е.Алексеева, преподавателя училища:

«...Сатпаев Каныш за время своей учебы в первом подготовительном классе в период первого полугодия 1911/12 учебного года показал большие способности в учебе и отличные знания по всем... предметам наук, изучавшихся в данном классе. И при его прилежности и старании к учебе учителя считали, что Каныш Сатпаев вполне мог с большим успехом учиться во втором отделении этого класса. Учитывая эти обстоятельства, по

решению педагогического совета двухклассного русско-киргизского училища Сатпаев Каныш со второго полугодия был переведен во второе отделение первого класса. Находясь в этом классе, он успешно закончил учебный год и был переведен в следующий класс с отличными оценками по всем предметам».

Абикей Зеинович преподавал в училище русский язык, и Каныш, уже тогда понимая, что без хорошего знания русского ему будет трудно разобраться в прочих науках, относился к этим занятиям с особенным усердием. Его грамотные и содержательные сочинения всегда ставились в пример остальным ученикам.

Уроки математики вел Рахматулла Актаевич Барлыбаев, человек незаурядных способностей. Яков Игнатьевич преподавал историю и географию. Но, пожалуй, самым интересным из всех учителей был Николай Ермилович Алексеев, натура увлекающаяся, ищущая. Он всегда что-то придумывал, вызывая большой интерес к своим урокам. Особенно его любили казахские дети. И это неудивительно — он знал их родной язык.

В учебной программе училища были предусмотрены также и уроки физического воспитания. Правда, спортивного инвентаря почти не было; училище обратилось за помощью к местным толстосумам, но туда, где не пахло барышами, никто не хотел вкладывать деньги. Тогда Владимир Никанорович Терентьев, преподаватель физкультуры, неистощимый выдумщик, нашел выход из положения. Школьный двор, обычно пустующий, был сдан под склад для строящегося узла Южно-Сибирской железной дороги, а на деньги, вырученные за аренду, куплено все необходимое не только для занятий спортом, но и для других нужд училища.

Так появились гимнастические снаряды, лыжи, коньки. Зимой на берегу Иртыша заливали каток. Стараниями того же Владимира Никаноровича воспитанники училища получили разрешение в дневное время бесплатно посещать каток.

С наступлением лета Каныш возвращался в аул. К дню окончания учебы за ним приезжал кто-либо из взрослых, чаще других Бапай Тенизбайулы. Он отличался суровым видом и силой. В ауле говорили о нем: «С Бапаем в любую даль не страшно ехать, он в обиду не даст». Ведь в то далекое время степь была небезопасна для путника. При всей своей силе и внешней неприветливости дядя Бапай слыл незлобивым и занятым

собеседником. С ним хорошо коротать время в дороге: то расскажет что-нибудь смешное, то затянет бесконечную песню. И каждый раз обязательно спросит: «Что-то надолго затянулось твое учение в городе, Канышжан. Скоро ли конец?» — «Не скоро, дядя. Окончу эту школу, пойду в другую», — отвечает Каныш. «Значит, ты вроде нашего Абикея, и тебя нам не видать как своих ушей? — с притворной досадой скажет Бапай. — Выходит, я зря езжу за тобой? Нет, дорогой, уж лучше сразу возвращайся в город. Нам не по пути...» И впрямь придержит на минуту разгоряченную лошадь. «В самом деле, для чего я учусь вот уже сколько лет? — как-то задумался Каныш. — Поскорей бы конец! Получу свидетельство народного учителя. И, как Григорий Васильевич, стану жить в ауле». И пообещал: «Что вы, дядя Бапай, я обязательно вернусь домой. И буду учить не только ребятишек нашего аула, но вас самого обучу грамоте». — «Куда уж мне...» — усмехнулся провожатый и пришпорил свою гнедую.

Как-то Каныш поделился своей мечтой с братом. Абикей Зеинович сказал: «У тебя хорошие мысли. Ничто не нужны степи так, как знания, культура. Но нести ее землякам должен человек, знающий много, гораздо больше того, что ты получишь в училище».

На следующий день он повел Каныша в Народный дом, который находился неподалеку — на той же улице, где они снимали квартиру. Раньше там помещалось сельскохозяйственное училище низшей ступени, затем местные филантропы организовали в этом добротном здании нечто вроде клуба культурной общественности города. По воскресеньям здесь выступал хор. Иногда любители сценического искусства разыгрывали какую-нибудь классическую пьесу.

Особенное впечатление произвела на юного казаха библиотека Народного дома. Канышу разрешили брать книги на формуляр брата. Первое, что он выбрал по совету Абикея Зеиновича, была «Капитанская дочка». Затем последовали сочинения Толстого, Тургенева, Майкова, Некрасова...

Через год он записался в кружок любителей танца. И в этом увлечении сказало влияние старшего брата.

Спустя годы его зять А.Х.Маргулан вспомнит:

«Наряду с музыкой Канышу Имантаевичу нравились бальные танцы. Еще в ранние годы среди интеллигентов Сатпаевы были лучшими танцорами, неизменно всегда получали призы на вечерах отдыха. Настолько это было в их традиции, что

даже в последние годы жизни, находясь в Кисловодске, Каныш Имантаевич с охотой участвовал в карнавалах, проводимых культмассовиком санатория, и, конечно, всегда получал первые призы. Он настолько увлекался этим, что, я помню, с жаром учился и новым танцам — таким, как фокстрот, танго, хали-гали, ча-ча, даже освоил современный твист...»

Время шло. Канышу исполнилось пятнадцать лет. Это был уже не тот мальчишка, который, приехав три года назад в уездный город, растерянно озирался по сторонам. Ростом он настоящий джигит, худощавый, стройный. Он больше не бреет голову наголо. Волосы у него красивые, волнами. Под стать им брови — густые, длинные, они резко подчеркивают белизну его лица. Но большие глаза юноши выдают его возраст — они еще по-детски наивно смотрят на мир. Одевается он теперь по-городскому — уже не наденет шапку-ушанку из овчины и длинный чапан из верблюжьей шерсти. На нем пальто с отложным воротником и металлическими пуговицами. И китель у него настоящий, как у семинаристов. Модное галифе, хромовые сапоги. Летом в жаркие дни — шелковая рубашка навывпуск с вышитым пояском. Теперь Каныша не увидишь среди резвящейся на джайляу ребятни. Он подолгу засиживается со старшими за достарханом². Слушает молча, с достоинством. А если приходится самому о чем-то рассказывать, ведет речь неторопливо, обстоятельно, подражая аксакалам, — чувствуется, что это доставляет ему удовольствие. Да, он многому научился, и сказать парню есть о чем. Иногда играет на домбре, неплохо исполняет баянаульские песни. Иной раз берет в руки скрипку брата Абдикарима Сатпаева. На сцене училища он часто играл на этом инструменте, там у него не было соперников.

Увлечение музыкой, особенно пением, не проходит у него с годами. Через всю жизнь пронесет он любовь к народным мелодиям. Часто в часы досуга, после многочасовых научных заседаний или на привале геологических походов он будет предаваться игре на домбре или напевать любимые мотивы. Его увлечение пением оказалось настолько серьезным, что Каныш впоследствии смог помочь известному собирателю казахских песен А.В.Затаевичу — от него знаток музыкального фольклора записал двадцать пять напевов...

Наконец наступило лето 1914 года.

Из воспоминаний Н.Е.Алексеева:

«По окончании учебного года училище устроило выпускной вечер. На этом вечере К.Сатпаеву как отличнику учебы было вручено свидетельство с похвальным листом. Получив его, он, помнится, сказал: «Благодарю всех учителей нашего училища за вашу заботу и внимание... И я обещаю оправдать ваш труд. Постараюсь продолжить мое образование...» Жизнь показала, что он действительно оправдал наш труд. И нас, учителей своих, не забыл. Например, со мной он никогда не терял связи, даже когда стал президентом Академии наук республики...»

III

Закончено еще одно училище. Что дальше? Возвратиться в аул, поступить на службу к волостному управителю? Нет, ему и думать не хотелось об этом. Продолжать учение? Но где, в каком городе? К какому делу готовить себя?

Эти вопросы волновали не только Каныша, но и Абикейя, взявшего на себя заботу о брате.

— Садись, надо поговорить, — скажет он в день расставания юноши с Павлодаром.

— Я слушаю вас, Абикей-ага.

— Меня пригласили в Семипалатинск преподавать в учительской семинарии. Дают квартиру. Да и платить обещают побольше. Я дал согласие. Передашь отцу о моем решении. Пусть не осудит, что я выбрал далекий Семипалатинск. Все равно стану бывать на родине по-прежнему часто.

— А как быть мне? — нерешительно спросил Каныш. — Может, за вами податься?..

— У тебя, Канышжан, три дороги. Первая в Омск — город большой, и учебные заведения там серьезные. Правда, далековато, да и знакомых почти никого. Думаю, не отпустит тебя бий-ага в такую даль. Вторая — снова вернуться в Павлодар. Нынче здесь открываются двухгодичные курсы. Если закончишь их, сможешь преподавать в любой аульной школе. Некоторые твои сверстники — Айсауытов, Абдыхалыков, Жусупбаев — уже подали заявления. И наконец, третья — последовать за мной в Семипалатинск.

— Я решил ехать в Семипалатинск, Абикей-ага.

— Не забывай, Канышжан, что последнее слово все-таки за отцом.

— Раз вы будете рядом со мной, он не побоится отпустить меня и подалее Павлодара.

— Ну что ж, жду тебя в Семипалатинске...

Случилось так, как предполагали братья. Сперва отец вообще не хотел слышать о дальнейшей учебе. Сторона дальняя — неделю надо, чтобы добраться туда верхом из аула. Неизвестно еще, какой год выдастся нынче. Минувший год коровы был для степняков тяжелым, пришла беда — проклятый джут, поубавилось скота, от бескормицы иные хозяйства совсем обнищали. А теперь вот о войне поговаривают... «Нет, сынок, не могу отпустить на чужбину. Подкрепи здоровье, поживи зиму рядом со старым отцом...»

Из воспоминаний А.Х.Маргулана:

«Помню разговор с отцом Каныша по поводу его отъезда на учебу в Семипалатинск: «То был особенно тяжелый год, — говорил он. — И мне не хотелось в такое тяжелое время далеко отпускать сына. Но вижу, у Каныша пропал аппетит, каким-то мрачным парень стал. Что делать? Отговорить его мог только Абикей. Но его нет, он отдыхал в то лето в Зайсанском уезде. Думал-думал, вижу: не удержать его в ауле. Наконец решился. В начале августа, прихватив с собой верных спутников Бапая и Козыбагара, вчетвером отправились на телеге в дорогу. Через неделю добрались до берега Иртыша. Каныш говорит:

— Аке⁸, давайте не поедem в Павлодар. Лучше дожидаться парохода здесь, в Воскресеновке.

Так и сделали. Через несколько дней, во время чаепития, слышим гудок. У меня сердце замерло. Каныш радостно выскакивает на улицу, а у меня сил нет даже с места подняться. «Что станет с ним? Неужели целый год не увижу его? Дождусь ли? Ведь уже седьмой десяток кончаю...» Но пересилил себя, поднялся. Нельзя удерживать сына из-за старческой прихоти. Идем на пристань. Билет куплен заранее. Быстро простившись, Каныш, поднимается на палубу, мы стоим на берегу словно вкопанные. Пароход дает прощальный гудок, отчаливает. Каныш машет рукой, утирает глаза. Все же трудно пятнадцатилетнему мальчугану покидать надолго родные места. А нам каково? Бапай с Козыбагаром насупились, в глазах крупинки слез. На устах у меня молитва о скором и благополучном возвращении любимого

сына...»

Притча о Соколе

I

Здание, где помещалась учительская семинария, располагалось в то время на самой окраине Семипалатинска. Дальше начиналась голая степь. Оттого и пустынная пыльная улица, по которой в город входили караваны и всадники из аулов, получила свое название — Степная. Ныне она носит имя Чокана Валиханова и давно считается одной из центральных. Здание бывшей семинарии не только хорошо сохранилось — в его стенах по-прежнему занимаются будущие учителя. Поэтому совсем: небольшое усилие приходится делать сегодня, чтобы ощутить ту атмосферу, что окружала десятилетия назад нашего героя.

В тот год, когда Каныш приехал в Семипалатинск, семинарии исполнилось десять лет. Здесь успели сложиться свои традиции, накопился определенный опыт. Преподавание вели широко образованные, передовые интеллигенты того времени. Вот имена некоторых педагогов, значащиеся в ведомостях 1914 — 1915 годов: Николай и Виктор Белослюдовы, Н.Я.Коншин, супруги Назипа и Нургали Кулжановы, Н.И.Ильинский, В.М.Морозов, Н.Сулима-Грузинский.

Дадим краткую характеристику некоторых людей из этого списка.

Братья Белослюдовы стали выдающимися просветителями края. Собственный двухэтажный дом на улице Крепостной они превратили в настоящий краеведческий музей. По свидетельствам очевидцев, здесь было собрано свыше четырех тысяч экспонатов, имелись отделы геологии, минералогии, палеонтологии, археологии, старых предметов (рукописи, книги, редкие вещи), этнографии, нумизматики, картин и рисунков. Братья увлекались не только собиранием исторических документов и экспонатов, они много способствовали изданию материалов о жизни казахов. Виктор Белослюдов проиллюстрировал поэму «Казах» известного польского поэта Густава Зелинского, пропагандировал поэзию Абая Кунанбаева среди русских читателей.

О Николае Белослюдове один из его питомцев, писатель Мухтар Ауэзов, вспоминал впоследствии:

«У всех своих учеников он оставил по себе светлую память.

Он не ограничивался простым преподаванием. Своими беседами он будил мысль. Прогрессивность и гуманизм его воззрений и отношение к ученикам вызывали искреннее уважение».

Близким другом классика казахской литературы Абая Кунанбаева был другой преподаватель семинарии — Николай Яковлевич Коншин. Он читал курс права. Коншин закончил юридический факультет Петербургского университета. В Семипалатинск попал в девяностых годах как политический ссыльный.

Особым авторитетом среди студентов-казахов пользовались супруги Кулжановы. Сами бездетные, они страстно, по-родительски пылко любили своих воспитанников. Юношей, приехавших на учебу из далеких аулов, Кулжановы всегда рады были принять в доме...

Всю свою жизнь эти благородные люди посвятили служению простому народу. А Нургали Кулжанов пошел на смерть за свои убеждения. В годы колчаковщины он был расстрелян за связь с посланцами Обуховского завода, приехавшими по заданию В.И.Ленина помогать строить новую жизнь в Прииртышье.

Довольно высокий образовательный уровень преподавателей семинарии объяснялся тем, что в Семипалатинске вообще было немало интеллигентных людей, окончивших учебные заведения в столицах, — Степной край давно был избран царской администрацией как место поселения политических ссыльных. Однако многие из сосланных на берега Иртыша вольнодумцев не сникли в глухомани, не опустили, не пали духом, как рассчитывали полицейские умы, но, словно зерна, упавшие в благодатную почву, дали новые всходы. Именно они открыли в Семипалатинске отделение Российского географического общества, участвовали в работе статистического комитета, основали областную библиотеку имени Н.В.Гоголя. А недостаток «благонадежных» кадров в учебных заведениях вынуждал губернское начальство приглашать политических ссыльных и для преподавания.

Срок обучения в учительской семинарии — четыре года. За это время студент получал основательную подготовку по литературе, истории, географии, естествознанию, математике, физике, черчению, юридическим дисциплинам.

Свидетельство выпускника этого учебного заведения академика А.Х.Маргулана: «Семинария давала своим воспитанникам по-настоящему крепкие знания... можно сказать, в объеме современных педагогических

институтов. И окончившие ее отличались твердыми знаниями, передовыми взглядами... Неудивительно, что из стен этой семинарии вышло так много государственных и общественных деятелей, ученых».

II

В 1914 году в Семипалатинске насчитывалось около сорока тысяч жителей. Не так уж много по меркам европейской России, но и немало в сравнении с такими городами, как Усть-Каменогорск, Барнаул, Павлодар, Верный, возникшими почти одновременно с ним в начале XVIII столетия. Значение административного центра обширного края не ограничивалось военно-управленческими функциями. Семипалатинск был средоточием торговых путей, по которым шли бесконечные караваны из далекого Ташкента и Бухары, из Восточного Туркестана, из китайских городов Кульджа и Чугучак. Поток этот оказывался настолько велик, что в иной год семипалатинский караван-сарай принимал до одиннадцати тысяч верблюдов. Экономический рост и расцвет торговли потребовали строительства железной дороги, связавшей город с Сибирью. В Семипалатинске открылось китайское консульство, действовала таможня. Одно за другим строились щеголеватые здания в европейском стиле: резиденция генерал-губернатора, гимназия, банковский дом, клубы купцов, приказчиков. На главных улицах появляются особняки разбогатевших торговцев с затейливыми башенками, лепными украшениями фасадов. А мечети и церкви! И они, словно соперничая друг с другом, стараются блеснуть своим убранством. В то лето, когда Каньш впервые сошел здесь на берег с иртышского парохода, в городе действовали двенадцать мечетей и шесть православных храмов.

Промышленность также получила в Семипалатинске довольно значительное для того времени развитие: множество рабочих было занято на кожевенном производстве, дымили трубы десятков маленьких кирпичных, мыловаренных, свечных заводиков... Слышался звон наковален, гудело железо под молотками котельщиков и слесарей судоремонтных мастерских пароходного общества «Меркурий».

Разумеется, и в культурном отношении. Семипалатинск намного превосходил уездные города. Неудивительно, что он показался пятнадцатилетнему Каньшу настоящей ярмаркой чудес. Скоро юный степняк понял, что Павлодар совсем не то, чем он представлялся вначале, — это просто захолустный городишко, а его места общественных

увеселений, учебные заведения, даже Народный дом жалки по сравнению с теми очагами культуры, что имеет областной центр. Чего стоит одна библиотека имени Гоголя! Сколько здесь книг и журналов! Каныш с первых дней становится усердным посетителем этого святилища наук и искусств. А здешние педагоги! Да это настоящие мудрецы. Их познания, кажется, не имеют предела.

И в Семипалатинске юноша учится прилежно. Каждый курс он оканчивает только с отличными оценками. Его ненасытный ум требовал все новых и новых сведений — некоторые из предметов, например математику и физику, он уже на первом году обучения проходит по программе старших курсов.

Поначалу Каныш поселился у двоюродного брата. Абикей Зеинович жил на берегу Иртыша, по улице Большая Владимирская. Чтобы добраться до семинарии, приходилось проделывать немалый путь: сначала подняться по скалистому берегу Иртыша, пройти через Западные ворота старой крепости, затем долго шагать по широкому пустырю до Степной улицы.

Потому ли, что ходить было далеко, или была тому виной тяга к самостоятельности, но на втором курсе Каныш решает перебраться на отдельную квартиру. Он снимает комнату в доме татарки Ханисы вместе со своими друзьями Жекеем и Мухтаром. О первом из них мы ничего, кроме имени, не знаем, и дальнейшая судьба его нам неизвестна. А юноша Мухтар Ауэзов — это будущий академик, всемирно известный писатель. Он учился в семинарии курсом позднее Каныша, хотя и был старше его на два года. По воле судьбы на пороге молодости встретились два будущих великана казахской культуры, чтобы затем в течение почти полувека идти вместе. Это произошло осенью 1915 года.

Журнал «Айкап» сообщил в 5-м номере за этот год:

«17 февраля в Семипалатинске, в клубе Приказчиков, состоялся литературный вечер казахов. Исполнителями были казахские учащиеся и образованные казашки. Вечер состоял из четырех отделений: в первом были прочитаны стихи старых акынов и показано речевое искусство знаменитых биев... Во втором отделении Назипа Кулжанова читала стихи Ибрая Алтынсарина о лете. Певец Альмаганбет исполнил мелодию «Ыргакты», «Песню Татьяны» и «Жарык етпес». На двух домбрах и при участии одной мандолины были исполнены кюйи. Затем Т.Жомартбаев, К.Сатпаев, М.Малдыбаев еще декламировали стихи...»

Подобные литературные вечера в Семипалатинске были, в сущности, самыми первыми собраниями казахской художественной интеллигенции. Степь еще не знала ни театра, ни постоянно действующих артистических

коллективов. Организаторы таких встреч ставили своей целью собрать воедино все немногочисленные творческие силы, чтобы в недалеком будущем создать национальный театр и способствовать развитию письменной литературы.

Пройдут годы. Молодые участники «Первых казахских игр» (название статьи в «Айкапе»), повзрослев, изберут свою дорогу в жизни. Один станет инженером, другой литератором, третий историком... Им суждено будет увидеть осуществление своей мечты. Создан первый казахский национальный театр. «Енлик-Кебек» — первая казахская пьеса, поставленная на его сцене. Автор ее Мухтар Ауэзов, тот самый юноша, который когда-то звонко декламировал Абая в семипалатинском клубе Приказчиков. А рецензент этой исторической постановки тоже явится не со стороны: им станет тот самый чтец и домбрист К.Сатпаев. «Нам думается, что национальному казахскому театру в будущем следует держаться трех направлений, — напишет он в статье, напечатанной газетой «Енбекши казах» 24 января 1927 года, — первое: театр должен стать зеркалом жизни народа, второе: театр как борец за исправление недостатков нашего национального характера, и третье: театр как организатор и хранитель культурных ценностей, традиций нашего народа... Для осуществления этих направлений театру предстоит еще много работать и приложить максимум сил, воли и искусства».

III

Баянаул далеко от Семипалатинска, и потому земляки редко, не каждый месяц наезжают в гости. Обычно это случается зимой, когда привозят на продажу мороженое мясо. И семинарист получает с такими оказиями посылки из дому. Хозяйство отца сильно истощено, оно еще не оправилось после джуга тринадцатого года. Поэтому даже незначительная помощь из аула идет с перерывами. Вся надежда на ту пятнадцатирублевую стипендию, что дает семинария.

С началом войны стали расти цены на продовольствие. Бытовые трудности из-за дороговизны, ежедневная суета в течение года настолько докучали семинаристам, что они ни на день не задерживались в городе с началом летних каникул. Мухтару попасть домой было легче, его аул зимовал на расстоянии двухдневного перехода от Семипалатинска. А вот Каньшу, чтобы добраться до своих Аккелинских гор, приходилось ехать много дней. Потому-то он заранее сообщал отцу день окончания экзаменов,

чтобы провожатый успевал вовремя приехать за ним. В первый раз за Канышем прибыл старый знакомый Бапай. А в последующие годы вместе с ним приезжал Нурлан Касенов — молодой джигит, озорной крепыш, любимец всего аула. Обычно ехали домой на двух, иногда на трех повозках. В одной из них Каныш с друзьями. Багаж у него бывал немалый — два курджина, доверху наполненных книгами. Друзья в основном русские, преподаватели семинарии или краеведы. Они отправлялись в живописный Баянаул отдыхать, на кумысолечение. Иной раз таких попутчиков набиралось много, и всем не хватало места на возу друга, тогда остальные в складчину нанимали тарантас. Частыми гостями Баянаула стали Белослюдовы, особенно младший из четырех братьев — Алексей Николаевич. Его хорошо знал не только аул Сатпая, но и все окрестные селения. Называли его просто Лексеем или Лексеем-сказочником. Он приезжал в степь не для того, чтобы вести праздную жизнь на джайляу, пить кумыс и устраивать прогулки в горы. Безделье было не в его натуре. Алексей Николаевич занимался сбором фольклора. В аулы он отправлялся не один, обычно его сопровождал Каныш или кто-то другой из его местных знакомых. Ведь немало баянаульцев училось в то время в Семипалатинске.

Каныш с детства любил музыку. Все его родные и двоюродные братья хорошо играли на различных инструментах. Сам он виртуозно исполнял на мандолине народные мелодии. Случалось, что Сатпаевы устраивали настоящие семейные концерты, тогда весь аул сходил к послушать их. Встречи с акынами и сказителями превратились для Каныша в настоящую потребность. В каждый свой приезд на родину он обязательно навещал знаменитого певца Жаяу-Мусу Байжанова. Его аул находился в сорока верстах от зимовки Сатпая, в урочище Акшоки. По свидетельству Нурлана Касенова, летом 1916 года Каныш отправился к старику уже на третий день по приезде из города. Певец был болен и поэтому постоянно жил в зимовке, не откочевывая на джайляу даже в жаркие месяцы. Он всегда вел скромный образ жизни, но в тот приезд быт певца, его жилище показались молодым гостям еще более бедными и жалкими, чем прежде. Жаяу-Муса лежал на железной кровати, застеленной тощим тюфяком. На полу спальни не было даже обычной в казахском обиходе кошмы.

После взаимных приветствий юноши спросили старика о его здоровье. — Об этом узнайте вон у той птахи, моего синего сокола, — сказал певец, указав на птицу, сидевшую в углу на стояке.

Каныш подошел к ней, погладил крылья, пощупал зоб, затем, обернувшись к Байжанову, произнес:

— Недоволен я хозяином — так говорит ваш сокол. Весна минула, проходит и лето, а я ни разу не вылетел на охоту. Разве это жизнь — сидеть на привязи?

Певец рассмеялся:

— Вот как! Чует птица, что сын почтенного Имеке страстный охотник... Ладно, Канышжан... садись, будь гостем и рассказывай, какие новости в городе. Что-то затянулась эта война...

Когда долгая беседа подошла к концу и гости стали прощаться, акын поднялся с постели и, с трудом пройдя в тот угол, где сидел сокол, снял птицу со стояка, сказал:

— Вот сидит без дела мой прославленный синий сокол, которого я никому ни за что не уступал долгие годы. Нет ему равного в нашей степи. Ты сам подобен соколу, сын нашего дорогого Имеке, твоя ученость — твои могучие крылья. Возьми, Канышжан, моего боевого сокола и дай ему вволю полетать!

Но Каныш наотрез отказался принять подарок, хотя ему и хотелось иметь эту знаменитую птицу. Каково расставаться со старым другом больному старику?

— Когда выздоровеете, привезите его к нам на джайляу. Поохотимся вместе.

Узнав от Каныша об этом разговоре, отец остался доволен сыном. Заметил:

— Правильно поступил, что отказался от подарка. Ведь весь смысл, вся радость его жизни — песни и охота. Между прочим, с этим соколом связана одна известная в округе история...

Однажды приезжает в аул Жаяу-Мусы волостной правитель. Видно, гордыня его обуяла — сам он не пошел к певцу, а отправил к нему своего прислужника просить на время синего сокола. Через несколько минут джигит возвращается с пустыми руками и говорит своему господину: «Он дома. Но даже не ответил на мое приветствие. Даже с кровати не встал — лежит и почитывает газеты». Пришлось волостному уехать ни с чем.

Поведав эту историю, Имантай заключил:

— Удивительный человек! Волостному, который специально приезжал просить, отказал. А тебе сам предлагает. Если аллаху будет угодно, старик поднимется, тогда мы еще увидим его сокола в деле...

Но в то лето им не пришлось поохотиться. Вскоре, 25 июня, был объявлен указ о мобилизации казахов на тыловые работы. К удивлению администрации, безропотная, всегда исполнительная степь неожиданно показала совсем иной нрав. По всему краю запылал, широко разливаясь,

бунт...

Когда подрезаны крылья

I

Эхо Февральской революции докатилось до далекого Семипалатинска с опозданием на пятнадцать дней — столько времени известие о свержении самодержавия скрывалось местными властями.

В считанные дни в степном захолустье возникли десятки комитетов и союзов, открылись организации всевозможных партий. Одна за другой появлялись новые газеты и листовки, словно грибы после обильного дождя. То и дело по любому поводу созываются митинги. Сколько речистых ораторов появилось, сколько «вождей»! Ведь отныне для всех и во всем свобода.

Питомцы учительской семинарии, конечно, не остались в стороне от этих событий. Сразу же была дана отставка преподавателям духовных предметов. Ведь объявлено же: свобода совести! Тихих, смиренных семинаристов словно подменили. Энергия так и клоочет в них. Не нужно их приглашать на митинги. Они идут сами и успевают за день побывать на нескольких собраниях. Есть среди студентов и такие, которые сами выступают. Все это происходит не стихийно и не самотеком, как может показаться с первого взгляда. Эта кипучая деятельность направляется разного рода комитетами.

В Семипалатинске организации, заявлявшие о своем праве участвовать в управлении, плодились в изобилии. Объединенный комитет общественных организаций, офицерский комитет, солдатский комитет, областной национальный комитет казахов, купеческий совет... Кто из них левые, кто правые? Кто над кем, какой комитет подчинен какому? Программа какого комитета приведет к истинной свободе?..

Весной занятия в учительской семинарии почти прекратились. Собрания и митинги, демагогические призывы различных «вождей» делали свое. Многие семинаристы не приходят на лекции. Из среды учащихся уже явились свои активисты, записные ораторы. Они даже выдвинули лозунг «Не только сам учись — учи других!».

Какие призывы тех дней привлекали восемнадцатилетнего Каныша? Трудно сказать, ибо юноша не бывал на шумных демонстрациях и сборах. Доподлинно известно, что в это время он оказался в больнице переселенцев. Каныш поступает туда с высокой температурой, жалуется на

боли в груди. Это было первое проявление опасного недуга. Но об этом пока не знали ни больной, ни лечившие его врачи. Поставлен диагноз: воспаление легких. Семинарист выписывается из лазарета только перед летними экзаменами. Однако педагогический совет, учитывая его состояние и отличные успехи в учебе, принимает решение о переводе Сатпаева на четвертый курс без испытаний. К этому моменту подоспел транспорт из аула. И Каньш не мешкая отправился в Баянаул.

Свежий воздух степи, кумыс и забота домашних сделали свое дело — здоровье юноши заметно окрепло, и он уже не чувствовал никаких следов болезни. К концу августа он возвращается в Семипалатинск. Ему сразу бросилось в глаза, что город словно подменили. Почти нет митингов, и пылкие ораторы, которых весной нельзя было силой остановить, куда-то подевались. Комитетов и разных союзов тоже стало меньше. Разношерстные партии, будто бы между ними никогда не было политических разногласий, прекратив борьбу, пребывают в состоянии мира. Какое-то необычное затишье. Вероятнее всего, люди просто устали от болтовни, изуверились в обещаниях партийных листов.

Занятия в семинарии начались как-то вяло, без прежнего оживления на лекциях. И учащиеся съехались к началу учебного года не в полном составе. Многие остались в аулах, некоторые успели сделаться чиновниками многочисленных служб Временного правительства. Каньша не привлекала такая перспектива, ему хотелось скорее завершить учебу. Поэтому он аккуратно посещал занятия, продолжал много читать по изучаемым предметам. Но, к своему удивлению, юноша стал отмечать, что лекции тяготят его, пропало горячее стремление узнать побольше. Какая-то усталость, сонливость все сильнее овладевали им.

Вскоре, однако, это необычное состояние находит объяснение. Глубокой осенью Каньш снова попадает в переселенческую больницу. И врачи ставят жестокий диагноз: туберкулез в открытой форме. Кровотечение удается остановить только через месяц. Но больной по-прежнему в критическом состоянии. Несмотря на это, доктор С.Н.Разумов, осмотревший юношу по просьбе Абикея Зеиновича, рекомендует немедленный отъезд из города. «Каждый день пребывания здесь губелен для молодого организма. Только кумыс да степной воздух спасение для него. Чем скорее он переберется в аул, тем лучше. И хорошо, если он никогда больше не появится в городе».

Разве это не жестоко? Столько лет мечтать о приобретении истинных знаний и на последнем году прервать учебу так неожиданно. Да еще с таким суровым приговором.

Каныш выписывается из больницы. Уже дано знать о случившемся в Баянаул, в ожидании транспорта томительно тянутся дни.

Из воспоминаний Каныша Имантаевича:

«Это было осенью 1917 года. Холодный день. Пронизывающий ветер с песком. Доктора не помогли мне ничем. Тяжело на душе. Я уже подумывал об отъезде.

Время шло к вечеру. Я отправился из семинарии к дому Абикей-ага с книгами, которые намеревался захватить с собой в аул. На углу встречаю человека с бледным лицом. Ясноглазый, среднего роста, худощав.

— Здравствуй, братишка. Ты не сын Имеке-аксакала? — спросил он неожиданно.

Вроде знакомый, только не знаю, где я его раньше встречал.

— Да, я Каныш, сын Имантая.

— А я Султанмахмут Торайгыров. Если располагаешь временем, зашел бы ко мне вечерком, — и назвал свой адрес.

— Хорошо, Султа-еке. Зайду.

Он жил на квартире у одного татарина. Я зашел к нему поздно вечером. На столе стопки бумаг, книги. Султа-еке был рад моему приходу.

— Каныш-шырагым⁹, у меня нет основательного образования, я рос без школы. И в русском не особенно силен. Прочти мне некоторые места из этой книги, которые я укажу, и переведи их содержание если не дословно, то хотя бы в общих чертах, — сказал поэт, протянув мне толстую объемистую книгу, обернутую желтой бумагой. Я пролистал ее. Некоторые строки подчеркнуты. Начал читать про себя. Вроде на русском языке написано, знакомые слова, но понять смысл их с первого раза оказалось не так-то просто. Пришлось прочесть снова. И только тогда смог кое-что разобрать, и то почти интуитивно. Начинаю пересказывать. Султанмахмут-ага не просто слушает, а записывает. Так мы просидели около двух часов. Вдруг обоих захватил сухой кашель, должно быть, чад керосиновой лампы подействовал.

Это послужило поводом для того, чтобы излиться друг другу о скорбях своих. Поэт тоже болел этим страшным недугом...

После этого мы встречались еще два раза. В последний вечер

Султа-еке, зная, что я уже еду в аул, принял меня с хорошим угощением. В один из моментов, когда хозяин вышел в переднюю комнату, я, не в силах удержать свое любопытство, быстро развернул обертку, под которой были и первые страницы книги, столь тщательно изучаемой поэтом, широко известным в степи. На титульном листе стояло: «Капитал. Критика политической экономии. Сочинение Карла Маркса. Том первый, С.-Петербург, 1872 год».

В тот же вечер Султа-еке меня благословил на дорогу домой.

— Не забывай мечту свою, — сказал он мне на прощание. — Она не только твоя, это давнее стремление всего нашего народа. Только через просвещение, только через него лежит путь к нашему благополучию в будущем. Но, для того чтобы учиться, нужно хорошее здоровье. На что годен сокол без крыльев?..»

Наконец прибыл долгожданный провожатый из аула. В середине октября Каныш снова держит путь к родной зимовке.

Об октябрьских событиях в далеком Петрограде Каныш узнал с большим опозданием — номер семипалатинской газеты с этим известием попал в Айрык, уже когда новая власть успела укрепиться. К началу 1918 года большевики установили свой контроль и в Степном крае. «Известия Семипалатинского Совета депутатов рабочих и солдат» стали для жителей аула единственным источником сведений о происходящем в мире. Раз в неделю Имантай посылал в Баянаул верхового за почтой, и первым, кто получал газету для прочтения, был Каныш.

Состояние его в ту зиму по-прежнему оставалось критическим. Болезнь долго и цепко держала его. Нурлан Касенов рассказывает об этом периоде жизни своего молочного брата: «Каждый вечер, когда я или мой отец седлали коня, чтобы сторожить табун нашего аула, мы привязывали к седлу торсук¹⁰ с кумысом, туда же опускали казы¹¹ и кусочек лекарственного снадобья величиной с воробьиное яйцо. И целую ночь, пока мы сторожим табун, кумыс взбалтывался в торсуре. Бывало, утром Имантай-ата сам отвяжет его и несет Канышу. Поверьте, от казы оставалась одна кость. А снадобье вовсе растворялось. И знаете, лекарство подействовало. Через два месяца наш больной не только встал с постели, но мог даже ездить верхом...»

До полной победы над недугом было еще далеко. Но настроение юноши намного улучшилось, он вновь ощутил знакомую жажду жизни,

знаний. По свидетельству Тармызи Имантаева, Каныш усердно принялся штудировать книги, привезенные из библиотеки семинарии, чтобы сдать экстерном экзамен за четвертый курс. А кроме того, устроил в своей комнате настоящий класс — собрав сюда ребяташек аула, он обучал их грамоте и счету.

II

Наступила весна. Солнце греет все сильнее. Пастбища покрылись нежно-зеленым ковром. Над озерами шум бесчисленных крыльев — возвращаются перелетные птицы. Аулы отправляются на джайляу.

И у Каныша на сердце светло. Словно солнечный луч играет внутри. Забыты осенние невзгоды, долгие дни болезни. Душа рвется в новые, неведомые дали. Ему девятнадцать лет. Отец говорит: «Возраст, чтобы возглавить караван аула. Время собирать урожай после стольких лет учебы». А сам он считает себя еще негодным к большому делу. Он подобен путешественнику, остановившемуся на середине пути. Хотя бы семинарию надо окончить. Но отца ничто не убеждает: «Не до учебы тебе, сынок. Хворь эта не шутка; она и мать твою подкосила смолоду. Пока не окрепнешь, не отпущу в город. Да и жениться пора. Ждет тебя невеста, давно сосватанная мною. Выедем на джайляу, сыграем свадьбу. И я спокойно могу уходить на покой...» — «В таком случае, отец, разрешите съездить в Семипалатинск, пока не разъехались сокурсники, может быть, удастся сдать экзамены вместе с ними...»

На этом договорились. Когда аулы тронулись на джайляу, Каныш с Нурланом выехали в Семипалатинск. Успели как раз к сроку. Сдачу экзаменов экстерном Сатпаеву разрешили. И он, хорошо подготовившийся за зиму, успешно выдерживает испытания по всем предметам.

И вот у него в руках аттестат об окончании учительской семинарии. Нурлана удалось уговорить отправиться назад одного. Пообещав не задерживаться надолго в городе, Каныш сознавал в душе, что вернется в аул не скоро. Единственным желанием его было учиться дальше, получить высшее образование. Но в Семипалатинске не было институтов или университета. Значит, оставалось ехать в другие, дальние города. Знающие люди хвалят томские вузы, прежде всего технологический институт.

Однако, наведя справки, Каныш обнаружил неожиданную преграду. Оказалось, что по аттестату семинарии в вузы не принимают. Что оставалось делать? Ехать обратно в степь, жениться и преподавать в одной

из аульных школ? Не об этом ли он мечтал в юные годы?

Выбора не было. Приходится возвращаться в Баянаул. И Каныш, уже смирившись с неизбежностью, заходит в губернский отдел народного образования за направлением. Недавно губоно объявил через газету о приеме в неограниченном количестве образованных казахов для работы в аульных школах.

— Товарищ Сатпаев, вам преподавать не в аульной школе. Ваши знания нужны здесь, на курсах мугалимов, — сказали ему.

Выяснилось, что в Семипалатинске открываются двухгодичные курсы учителей. Для них не хватало квалифицированных педагогов. Аттестат семинарии был в глазах руководства губоно вполне солидным документом. И Каныш не задумываясь соглашается остаться в городе.

Из воспоминаний Дуйсебая Есенжолова, слушателя курсов мугалимов:

«...Естествознание нам преподавал Каныш Сатпаев. В то время еще не существовало учебников, а те, что имелись на русском языке, были не по зубам нам. Поэтому мы ловили каждое слово преподавателя. В аудиториях холодно, поэтому на занятиях мы сидели в верхней одежде — одевались, конечно, кто во что горазд. Как сегодня помню: Каныш в своей любимой кожаной тужурке, волнистые волосы зачесаны на пробор, широкий лоб, пронизательный взгляд. Он казался едва ли не моложе всех нас, курсистов. Ведь мы были собраны со всех концов губернии, без ограничения возраста, лишь бы немного разумели грамоту. Помню, как нерешительно он заходил в аудиторию, вежливо здоровался. Когда он улыбался, становились видны ровные крупные зубы. В аудитории воцаряется тишина. Лектор искусный, объясняет свой предмет с увлечением, будто сказку слушаешь...»

Калиакбар Туребаев, выпускник тех же курсов:

«...Знаю, Каныша Имантаевича и в то время отличали широкие познания. Судите сами: заходил он в аудиторию с одной-единственной книгой, да и то при объяснении не открывал ее — целый час без запинки рассказывает нам очередную тему. Мы были в то время настоящими неучами, думаем: «Каков этот

Сатпаев, целый учебник наизусть знает!..»

Слушатели курсов не подозревали, что их «всеведущий» наставник сам прилежно учится — в ту зиму Каныш, не откладывая, принялся готовиться к поступлению в вуз. Ему необходимо было основательно пополнить свои знания по математике, а также изучить один из иностранных языков. При условии успешной сдачи этих экзаменов он мог с аттестатом семинарии поступить в любое учебное заведение Томска.

По математике с ним занимался Гарифолла Ныгметуллин. Когда совершилась Октябрьская революция, он заканчивал Сибирский технологический институт. И отличник учебы, увлеченный просвещенческой идеей, на время оставив учебу, возвратился в родной город, чтобы принять посильное участие в революционных преобразованиях. Естественно, что такой человек с охотой откликнулся на просьбу Каныша. В течение почти полутора лет Ныгметуллин бескорыстно делится с питомцем своими знаниями. Он же помог ему найти преподавателя английского языка.

В непрерывных сидениях над книгами прошли зима и затяжная весна. Знойное лето девятнадцатого Каныш также провел в Семипалатинске. Курсисты разъехались по аулам на летние каникулы. И он, свободный от занятий на курсах, все свое время отдавал подготовке к экзаменам. Ни увещевания отца, ни уговоры братьев не подействовали: он решил во что бы то ни стало штурмовать врата Сибирского технологического. Уже избрана специальность. Он будет поступать на горный факультет...

Но судьбе опять было угодно изменить эти планы. Когда Каныш уже собрался в дорогу, его вновь свалила болезнь. Не прошли даром ночные бдения и дни, проведенные без отдыха.

Диагноз плачевный: снова открытый процесс; если удастся остановить кровотечение, надо немедленно ехать в Баянаул и больше не выезжать оттуда. Никаких занятий, об учебе забыть!

Ничего не поделаешь. Снова томительные дни и ночи на больничной койке. Только через два месяца закрылась каверна в легких. И вот земляки, давно прибывшие из аула и уже уставшие от ожидания, везут больного на родину. «Никогда не забуду ту поездку из Семипалатинска в Баянаул, — вспоминает Нурлан Касенов. — Время было смутное. В степи разгуливал всякий сброд, пешие и конные отряды белых уходили после разгрома в сторону Китая. Встретятся в степи, не станут спрашивать, кто таков, огреют нагайкой и заберут лошадей. Потому я был снаряжен в город не

один, а с джигитами, и мы сделали кое-какие приготовления на случай встречи с одинокими разбойниками. Из города выехали в середине октября. Было еще не холодно, но больному трудно пришлось. В первые дни он еще мог сидеть. Но затем слег. К тому же его донимал сухой кашель — наверное, Каныш простудился. Поэтому нам пришлось ехать медленно, с остановками. Но в одном отношении нам везло — мы не встретили на пути ничего опасного и где-то на десятый день добрались до зимовки. Видно, неумоготу было ждать бедному отцу — Имантай-ата встретил нас с людьми в двух днях перехода от аула. Так, в окружении множества джигитов, мы и въехали, наконец, в Айрык. Но состояние Каныша было совсем плохим. Посудите сами — он не мог самостоятельно сойти с телеги. Пришлось нам нести его на руках...»

III

Из рукописи Каныша Сатпаева:

«Предлагаемый вам учебник был начат в 1919 году. С тех пор по различным причинам не раз приходилось приостанавливать работу, и закончить его удалось только в 1924 году. Много трудностей встретилось автору в части систематизации математических действий, а также при введении новых терминов...

Эта книга писалась не от безделья. Я писал ее в годы подготовки к вузу, затем в трудную студенческую пору, борясь с разными невзгодами жизни и быта. Поэтому автор мог допустить в своей работе много недостатков и ошибок. Заранее благодарю всех, кто укажет такого рода огрехи».

Рукопись названа «Учебник алгебры для казахских школ на родном языке». Она состоит из 1642 объемистых страниц. Самый первый научный труд будущего академика.

Но почему он взялся за эту огромную работу? На этот вопрос отвечает в предисловии сам автор: «...Рассмотрим теперь положение казахских школ: ни учебная программа их, ни уровень подготовки учителей неудовлетворительны; причин этому несколько. Не хватает учительских кадров, а самое главное, совершенно нет учебников... Эти недостатки нельзя изжить в один день или в один год. На это нужны годы, самое малое

— десять, двадцать. Но значит ли это, что надо ждать того дня, когда люди науки подготовят нам соответствующие учебные пособия?..»

Детей в те годы обучали математике кто как. По своему разумению, по примеру того, как его самого обучали в школе, по переводам из русских учебников. Даже единых математических терминов вовсе не существовало. Каждый учитель переводил их по-своему, объяснял согласно своим представлениям. А ведь многие из этих наставников сами кончили лишь краткосрочные курсы.

Как только болезнь отступила, Каныш взялся за исполнение своего замысла — дать казахской школе столь необходимый учебник. Основой для него служил учебник, применявшийся в то время в русских школах. Однако руководство Сатпаева не дословный перевод русской алгебры. Он целиком переделывает задачи: упрощает их, вводит бытовые, хозяйственные детали из жизни кочевников. Интересна его система образования терминов. Рядом со своими он в скобках указывает их русские параллели. За немногими исключениями его термины вошли в математический обиход. В конце рукописи автор дал словарь новых понятий, употребленных в учебнике; всего их 220.

К сожалению, по неизвестным причинам этот труд не был издан, сохранился лишь в рукописи. Хотя в Государственном республиканском архиве Казахской ССР сохранилась справка, данная автору учебника 19 июня 1924 года академическим центром Кирнаркомпроса. В ней говорится: «Учебник алгебры на казахском языке одобрен, и принято постановление о немедленной сдаче его в типографию».

Занятия книгой свидетельствовали о том, что болезнь вновь побеждена. С началом весны окрепший Каныш стал ездить верхом, подолгу бродил в степи, иногда выбирался на охоту. И каждый день все дальше углублялся в дебри алгебры. Так прошел 1919 год, минула и зима двадцатого.

Член ревкома

I

Буря гражданской войны, гулявшая по степи, наконец улеглась. Рассеялись банды, грабившие население. Советская власть укреплялась повсюду. Пришли перемены и в далекий Баянаул.

Уже в первых числах марта, оправившись от болезни, Каныш приезжает в станицу. Хотя ранней весной недуг этот особенно опасен, у молодого человека не было мочи без дела слоняться по аулу в такое тревожное время. К тому же до него дошла весть, что в Баянаул прибыли люди из уезда.

18 марта в Семипалатинске была получена телеграмма, подписанная особоуполномоченным Каркаралинского уезда Керейбаевым: «По поручению уездного ревкома зпт а также на основании телеграммы губернского ревкома мною организован Баянаульский ревком тчк председателем ревкома избран Богаченко зпт членами стали товарищи Каныш Сатпаев зпт Зарембо зпт Калачин зпт Айтбакин тчк прошу срочно утвердить данный состав ревкома».

На первом же заседании Баянаульский ревком постановил организовать так называемые культпросветы — отделы по проведению культурно-просветительной работы среди трудящихся. Сатпаев был назначен председателем казкультпросвета, а также членом правления русского отдела.

Значение станицы растет день ото дня — вскоре она становится центром крупного района, соответственно расширяется поле деятельности ревкома. По инициативе казкультпросвета им отдано распоряжение по всем волостям об открытии начальных школ. Вот строки из приказов того времени: «В каждом ауле должны работать курсы «саужой» — «долой неграмотность», «Женщины наравне с мужчинами пользуются свободой», «Конокрады и барымтачи объявляются преступниками, укрывателям их — нет пощады!», «Бедняки, слуги равны со своими хозяевами»... Для проведения в жизнь этих указаний нужны кадры — активисты из бедноты, нужны агитаторы, которые могли бы разъяснять приказы ревкома трудовому люду. Много грамотных людей требуется для открываемых школ. А именно их-то и не хватает. И члены станичного ревкома, в том числе Каныш Сатпаев, работают, не зная отдыха. Дни целиком заняты

решением дел, разъездами по аулам. По несколько раз в неделю митинги и собрания.

«Агитаторы тех дней не походили на нынешних, — вспоминает Маликаждар Есмагамбетов, деливший с Каньшем комнату в доме станичного казака Бельденинова, — сегодня рассказываем о земельном декрете, а завтра, прискакав в тот же аул, говорим о мерах предохранения от тифа... Собрания проходят часто, в отдельные дни даже по несколько раз. Иногда становимся агентами, инспекторами по сбору продовольствия для голодающих Центра...»

Имя хорошо образованного молодого человека быстро сделалось широко известным. Той же весной Сатпаев получает срочный вызов в Павлодар.

Из речи К.И.Сатпаева по случаю его 50-летнего юбилея:

«...Помню, как сразу же после установления Советской власти в Сибири председатель первого в Павлодаре уездного ревкома, железнодорожник-большевик П.В.Поздняк вызвал меня в Павлодар и, узнав о моей болезни, определил на работу в Баянаул председателем только что учрежденного там 10-го участка народного суда. Помню, как меня глубоко поразили отзывчивость и гуманность этого человека — первого большевика, с которым мне пришлось встретиться в служебной обстановке. Прошли с тех пор многие годы, и вот среди лиц, приславших приветствия в 1942 г. в связи с присуждением мне Сталинской премии, к огромному моему волнению и радости я увидел фамилию и этого первого встреченного мной большевика — тов. Поздняка. Не скрою, что его телеграмма является одним из ценнейших документов моего личного архива».

II

В степи, где прежде признавались лишь суд аксакалов и решения биев, отныне вершат дела народные судьи, назначаемые уездными ревкомками. Трудовой люд, веками угнетавшийся имущими слоями и их ставленниками, наконец получил равноправие по закону. Теперь его интересы защищает справедливый советский суд...

Иски от века бесправных женщин. Вдову из аула Бейсенбая увезли, не уплатив калым, — пусть аул жениха возвратит калым вместе со штрафом.

Тяжбы о земле и пастбищах. Соседние селения оспаривают друг у друга не какой-нибудь родник, но и безводный такыр, где совершенно отсутствует растительность. Что уж говорить после этого о жестоких спорах из-за пресноводных озер или просторных пастбищ? Горячатся порой не из-за того, что земли не хватает, а лишь потому, что ни в чем не хотят уступить соперничающему роду, часто из-за старых обид и мести.

Но вот бедняки требуют по суду у своих хозяев достойную плату за многолетний труд. Шестнадцатилетняя девушка желает освободиться от шестидесятилетнего старика, купившего ее за богатый калым. Это споры, неведомые ранее, рожденные новым временем.

Собственно говоря, народный судья не столько блюститель закона, сколько глашатай равноправия. Но какими кодексами, юридическими установлениями должен он руководствоваться в своих решениях? Ведь за три года, прошедшие после победы революции, еще не успел сложиться упорядоченный свод законов.

— Будете судить по революционному праву, джигит, — сказал ему при первой встрече в Павлодаре большевик Поздняк. — Вы образованны, умеете отличать черное от белого. Держитесь не тех законов, что раньше господствовали в степи, а тех принципов, которыми руководствуется революционный пролетариат. Станете судить справедливо, по совести, никогда не допустите ошибку. Будьте защитником угнетенных, это укрепит не только ваше положение в аулах, но и поможет упрочению Советской власти, усилит доверие к ней.

И вот одно из первых разбирательств молодого судьи, которое привлекло тогда внимание всей окрестной степи.

Красавица Фатима была просватана еще маленькой, и к тому же ее опутали богатым калымом. Девушка любила джигита из родного аула. Но жених, законный согласно шариату, известив о своем намерении родителей невесты, однажды ночью насильно увозит ее.

Решительная Фатима остается верна своему возлюбленному и, преодолев все препятствия, презрев пересуды, обращается в народный суд. Заявление свое она пишет в стихах.

Я словно птица в клетке,
Плененная зимой врасплох.
Помогите — нет больше сил
Томиться в неволе.
Спасите от коршунов — вот мольба моя...

Каныш срочно наряжает милиционеров в аул обидчика Фатимы. Через несколько дней там открылся показательный процесс. Фатима получила желанную свободу, а обидчики ее понесли суровую кару, определенную советским судом.

«После этого процесса сразу увеличился поток обращений в нарсуд, — рассказывает Маликаждар Есмаганбетов. — В основном это были заявления женщин и бедняков. Просители приходили не только в контору суда, но также к нам на дом, где мы, четверо холостяков, квартировали... Каныш был справедливым судьей. Никому не давал поблажки, даже своим сородичам. А нам, которые были еще моложе его и куда меньше образованны, он говорил: «Никогда не поступайте своей совестью. Будешь честным, Советская власть всегда поддержит тебя и возвысит...» Правду он говорил. Я знал людей, которые, воспользовавшись доверенной им властью, начинали заботиться лишь о собственном благополучии. И что же? Все они забыты, как кости, выброшенные на свалку...»

На Каныша степняки смотрели как на многознающего, справедливого представителя новой власти. Они верили ему, поэтому без конца шли жаловаться на несправедливость, просить помощи и совета. Да и сам он постоянно идет навстречу землякам. Его то и дело видели верхом. Вечно он бывал в разъездах.

Но выпадали и дни, когда на душе у него становилось тревожно. Его влекли иные просторы, другие дела...

«Смею донести, что положение дел в десятом участке катастрофическое, — писал он в губернский совнарсуд 16 декабря 1920 года. — Сейчас в канцелярии дел больше 300, не считая законченных. Канцелярские силы очень слабы. Это люди, большей частью незнакомые с азбукой делопроизводства. Кроме того, даже наиболее деловитые служащие, а именно корреспонденты Магаров и Абсалям, с 1 декабря 1920 года поступили в трудовую школу второй ступени, где они раньше обучались. Я был не в силах и не имел морального права сдерживать их благие стремления продолжать свое образование. На их место пришлось посадить, почти с улицы, двух совершенно незнакомых с канцелярской работой людей... Здесь в районе вообще нет подходящего лица для замещения должности секретаря. Все заботы по канцелярии до сих пор всецело лежали на нарсудье 10-го участка, т.е. на мне. Но я больше не могу, не в

силах... дальше нести обязанности секретаря...»

III

Работа в суде не освобождала Каныша от обязанностей члена ревкома. По-прежнему активно участвовал он в культурно-просветительной работе.

Вот свидетельство Токена Оразова:

«...Тихий стук в дверь. В класс входит высокий белолицый молодой джигит. Мы поднимаемся с места, хором здороваемся. Гость снимает черную шапку, с жалостью вглядывается в посиневшие от холода лица учеников.

— Добрый день, дети! — отвечает он на наше приветствие, затем за руку здоровается с Рахымжан-ага, учителем Баянаульской начальной школы.

— Садитесь, дети, — и он опускается на крайнюю парту. Не спеша расстегивает пуговицы дохи, опускает воротник, затем с улыбкой начинает осматривать класс. Увидев разбитые окна, неестественно ежится, на лице его снова появляется жалость.

Все мы тепло, по-зимнему одеты. У всех лисьи тымаки на голове, на ногах зимние сапоги-саптама, на плечах купы, вязанные из верблюжьей шерсти, или шубы, сшитые на степной манер. Но в классе так холодно, что и эти одеяния не помогают — едва осмеливаемся чуть-чуть высунуть руки из длинных рукавов.

— Не очень-то здесь уютно, — говорит гость, вдруг вставая с места. — Недолго и заболеть... Сегодня же направлю сюда мастера, чтобы он навел здесь порядок. А пока расходитесь по домам.

Учитель тут же дает нам домашнее задание.

Едва дверь за посетителем закрывается, мы наперебой спрашиваем Рахымжан-ага о личности обаятельного джигита.

— Разве вы его не знаете? Это член нашего ревкома Каныш Сатпаев. Открытие нашей школы — его личная заслуга. Очень образованный человек...»

Во время поездок по аулам Канышу Имантаевичу часто приходилось становиться свидетелем импровизированных концертов — по давней

традиции всякий большой сбор народа оканчивался в степи выступлениями певцов и акынов. Случалось, что судья и сам брал в руки домбру. Зная любовь степняков к песне, Сатпаев и в помощники приглашал с собой тех, кто неравнодушен к музыке. Может быть, поэтому в аулах всегда с охотой отзывались на его приглашение идти на собрание.

«Помню, как-то раз более двадцати джигитов сопровождали Каныша в поездку по окрестностям Баянаула, — пишет Иген Баязитов. — На нас возлагались не только задачи по проведению советской работы в аулах, но и культурно-агитационная деятельность. Из тех спектаклей, которые мы имели в своем репертуаре, мне особенно памятли «Енлик-Кебек» и «Волостной-взяточник». Абдикарим Сатпаев возглавлял нашу художественную часть. Играли в пьесах Сармен Кариев, Амиржан Адильбеков, Кабен и его жена Токен, которая исполняла все женские роли. Были с нами и певцы Есмаганбет и Балабек. Зрители особенно хорошо принимали короткие импровизации Есмаганбета; он был нашим конферансье, если говорить сегодняшним языком...»

А ведь все эти музыканты, чтецы и актеры были в служебное время людьми сугубо прозаическими. Один — секретарь суда, другой — финагент, третий — милиционер.

Вечерами на просторах джайляу, где аулы располагались поблизости друг от друга, джигиты Каныша, засучив рукава, проворно ставили вплотную две большие юрты, одна из которых служила им раздевалкой и гримерной, а другая сценой. И начиналось представление. Зрители располагались прямо на земле перед полураскрытой юртой, некоторые смотрели пьесу, сидя верхом на лошадях.

Разумеется, круг задач члена ревкома не ограничивался содействием школе или организацией художественной самодеятельности. Жизнь постоянно выдвигала десятки новых проблем.

В начале 1921 года Баянаульский ревком принимает решение об организации среди казахской бедноты коллективных хозяйств. Непросто было выполнить его. Как уговорить бедняка передать единственную лошадь или корову в общее пользование? А другого убедить, чтобы он впряг свою лошадь в соху? И вот созывается общее собрание нескольких аулов. Людей пришло немало. Народный дом станицы полон. Председатель ревкома Богаченко предоставляет слово Сатпаеву.

— Я спрошу вас, вчерашние батраки, — начинает он. — Кому принадлежали прежде богатые травой и лесом земли вокруг Баянаула и лучшие пахотные угодья?

— Чего спрашивать, все знают. Зажиточным казакам.

— А теперь переданы вам. Но вот прошел год, как эти земли отобраны у прежних хозяев. Как вы использовали их за это время? — вновь спрашивает Каньш у аудитории.

Зал отзывается:

— Как же, вдоволь накосили травы.

— А я засеял сколько мог, неплохой урожай собрал.

— Скажите, Абеке, — обращается Сатпаев к старику из заднего ряда. — Какой урожай у вас был?

— Пудов тридцать взял. На мою семью хватило, излишек даже обменял на теленка.

— А могли больше взять?

— Конечно, мог, если были б силы. Но откуда их взять? Ведь у меня одна лошаденка, и то худая. А соху у соседей пришлось просить, отдал за нее осенью три пуда хлеба.

— Вот видите! Как плохо, не по-хозяйски мы используем наши богатые земли. А можно ведь сделать больше и жить богаче. Например, почему бы не объединиться Абеке с Ореке и Алеке. У них ведь на дворе без дела лежат хорошая соха и сенокосилка. А у Садыка и Сагына есть неплохие телеги.

— Но они ведь из другого рода! — выкрикнул кто-то.

— Какое это имеет значение, когда речь идет о деле, — продолжал Каньш. — Представьте себе, что эти пять или шесть хозяев объединились. Тогда они смогут обработать хотя бы половину тех угодий, что лежат нынче без пользы. И получить не тридцать пудов хлеба, как Абеке, а десять раз по столько. Всем семьям хватит, да и излишек вышел бы немалый.

— Да, здорово получается.

— Конечно, выгодно.

— Стоит подумать об этом.

Каньш подождал, пока люди вдоволь выскажутся, и только тогда сказал главное:

— Баянаульский ревком предлагает вам объединиться в несколько кооперативов. Кто с кем — это вы сами должны решить. И обрабатывать землю сообща. А мы, со своей стороны, готовы выделить вам в кредит семена, технику и даже несколько лошадей... Но зато весь излишек, который останется у вас осенью, вы будете обязаны продать государству...

Летом 1921 года исполнилась годовщина образования автономной республики. В то время обширная территория к востоку от реки Урал еще именовалась Киргизским краем.

Правительство решило широко отметить знаменательное событие. К

юбилею стали готовиться и в Баянауле. Ревком создал комиссию по проведению праздника. Председателем ее стал Сатпаев.

После митинга и конных состязаний в урочище Кобей-Шилик перед народом выступили певцы, артисты, прославленные акыны. На следующий день в губернской газете «Степная правда» была напечатана следующая телеграмма в адрес Семипалатинского губревкома: «Пятитысячное собрание киргизов Баянаульского района по случаю праздника в Кирреспублике выражает свой глубокий восторг и энтузиазм по поводу раскрепощения киргизского народа от векового гнета. Собрание заверяет губернскую власть, что оно всю свою силу и энергию беззаветно направит на служение Кирреспублике. Собрание верит, что вы явитесь стойким проводником заданий Киргизского центра в грядущей работе по строительству молодой киргизской государственности. От имени собрания Сатпаев, Жунусов, Бочтаев, Адимов, Жантемиров».

IV

Больше года прошло, как Сатпаев стал членом ревкома и судьей. Хорошая слава идет о нем в народе. Теперь он не новичок в общественной работе, может выступить на любом собрании, как говорят в ревкоме, наделен ораторскими способностями. Много открыл он для себя за это время, научился понимать людей. И с болезнью как будто покончено. Степной воздух исцелил его, он по-прежнему бодро чувствует себя. Весной по приглашению губернского нарсуда Каньш побывал в Семипалатинске и, конечно, зашел к знакомому доктору. Врач, который два года назад предсказывал ему безвыездное сидение в ауле на весь недолгий остаток жизни, теперь, осмотрев пациента, удивленно произнес:

— Да с такими легкими жить и жить! Просто чудо! Словно ничего и не бывало — такое чистое дыхание! Ваш Баянаул — истинно целительный уголок степи. Настоящий санаторий для легочников!.. Поздравляю, молодой человек, но все-таки предупреждаю: остерегаться простуды и ослабления организма.

На родину Каньш возвращается в радостном настроении. Он снова задумывается о будущем. Повседневная работа хоть и захватывала его, но все же на душе оставалась какая-то неудовлетворенность. Свой завтрашний день он представлял себе не совсем отчетливо. Неясность эту усугубляло еще и то, что он был теперь не один. По настоянию престарелого отца в двадцатом году ему пришлось связать свою судьбу с Шарипой. А затем он

стал отцом. Его жена и дочка Ханиса жили на зимовке у отца. А он по-прежнему по-холостяцки снимал с несколькими джигитами комнату в доме станичного казака Бельденинова...

Судья и профессор

I

Профессор Усов сидел на высоком утесе, у подножия которого лежало кристально чистое озеро. На недвижной глади отчетливо отражались каменистые берега, поросшие сосной, легкие облака, едва заметно плывущие в небесной лазури. Ему вспомнились слова Каныша, сказанные при их первой встрече: «Озеро Жасыбай не просто чудо природы, с ним связана старинная легенда...» — «Расскажи», — попросил профессор.

«Когда наши предки сражались за свою землю с джунгарами, особенно много крови было пролито в здешних окрестностях. Эти места не раз переходили из рук в руки. Говорят, озеро когда-то называлось Шойын по имени джунгарского богатыря, которому была доверена охрана этих краев. Но однажды казахский батыр Жасыбай, победив на поединке Шойына, отобрал озеро. Обозленный джунгар замыслил отомстить и, поворовски пробравшись в стан соперника, злодейски убил во время сна Жасыбая и его преданного друга Кийк-батыра. Далее рассказывается, что, совершив это злодеяние, коварный Шойын бежал из наших пределов. А озеро с той поры называется Жасыбай. Так ли это было на самом деле или как-то иначе, трудно сказать. Во всяком случае, старики по сей день показывают могилы Кийка и Жасыбая у тропы между озером и станицей...»

В тот день Каныш повел профессора на перевал и показал место, где, по преданию, были похоронены богатыри. Форма каменной гряды напоминала лежащего великана. «Вот где разгадка легенды... — подумал Усов. — Результат многовековой работы ветра и дождей». Но он не стал вслух говорить о своей догадке. Ему не хотелось разрушать у молодого человека веру в предание. Когда они снова спускались к озеру, профессор рассказал Сатпаеву историю, случившуюся в 1906 году в степях Джунгарии, когда Усов еще студентом сопровождал известного путешественника-геолога, своего учителя Владимира Афанасьевича Обручева.

— Однажды мы набрали на удивительный город. Трудно было сосчитать, сколько улиц в нем. Дома все разные, ни один не похож на другой. На площадях мы видели множество творений скульптуры. Горбатого медведя, грозного льва, бегущих лошадей, а также множество других животных — настороженных архаров, верблюдов, лежащих

поодиночке или идущих целым караваном, — невозможно всего перечислить... Словом, город этот можно назвать зоологическим музеем. Но он оказался мертв. Мы не встретили ни единой души. Казалось, что в какой-то страшный миг все живое здесь было превращено в камень. Но в том-то и дело, что город этот строили не люди. Ни одной из фигур животных не касалась человеческая рука. Все было здесь изваяно самой природой, миллионы лет над скульптурой мертвого города трудились ветры и дожди...

Каныш внимательно слушал Усова. Хотя профессор ни словом не обмолвился о происхождении могилы Жасыбая, молодой человек понял истинный смысл его рассказа. И когда гость умолк, Сатпаев проговорил:

— Михаил Антонович, хотя у нас и нет таких мертвых городов, я могу показать вам достаточно много скульптурных фигур из камней.

— Только не сегодня, дорогой. Может быть, на той неделе?

— Хорошо, я приеду еще раз, — обрадовался Каныш.

Профессор вспомнил его радостный взгляд и улыбнулся. «Интересный молодой человек! Грамотен, свободно говорит по-русски, воспитан. Вдумчив, ни одного слова зря не скажет. И все-таки не укладывается в голове, что он судья. Почти юноша... Даже в Европе, где хорошо поставлено юридическое образование, на такую должность вряд ли назначают столь молодых людей...»

Вечерело. Ученый окинул прощальным взглядом огромную чашу озера, недвижимо дремлющую в раме гористых берегов, и отправился в сторону своей юрты.

Приезд в Баянаул Михаила Антоновича Усова, магистра геологических наук, был не случаен. Два года назад он заболел туберкулезом легких, и врачи предписали ему проводить лето на свежем воздухе, хорошо питаться и пить кумыс. В Томске, где он жил и работал, ему удавалось хотя бы приблизительно выполнять первые два условия, но вот кумыса взять было негде. Его изготавливали только в казахских или башкирских степях. И профессор геологии стал выезжать на лечение. В прошлом году он побывал близ Чингисских гор, в ауле Турагула Кунанбаева, сына Абая. А теперь приехал с женой в Баянаул. Сопровождать Усова вызвался Алексей Николаевич Белослюдов, семипалатинский краевед и литератор, один из известных нам четырех братьев. Со старшим из них, Николаем, ученый познакомился еще в Томске, когда тот работал в типографии. А через него сошелся с Алексеем.

Баянаул, один из живописнейших уголков степи, давно сделался любимым местом отдыха сибиряков. Каждое лето сюда приезжали из

Омска, Томска, Новониколаевска и других городов. Близ станицы всегда можно было найти и юрту, и свежее мясо, и отличный кумыс. Местные жители, отличавшиеся гостеприимством, уже привыкли снабжать приезжих всем необходимым. Но начиная с 1914 года берега Жасыбая делались от лета к лету безлюднее. А во время гражданской войны приток отдыхающих и вовсе прекратился. В год приезда Усова сибиряки, похоже, вновь вспомнили о Баянауле — с самой весны понемногу прибывали гости. Профессор и его спутники остановились на восточном берегу Жасыбая, у родника Тасбулак. Уже на следующий день по приезде их навестил народный судья 10-го участка Каныш Сатпаев, ехавший с зимовки Бокета, которая стояла в полутора верстах от озера. Прослышав о каких-то томских землемерах, Каныш захотел познакомиться с ними, да так и застрял возле Жасыбая.

Они путешествовали по его окрестностям целых три дня. Побывали и на озере Торайгыр. Заночевав на его берегу, с утра поехали в Мойылдыбулак, потом свернула на Айнабулак. Затем профессор пожелал побывать на Казан-Ауыз, где предприимчивый купец Степан Попов когда-то добывал медь, построив для этого примитивную печь. В довершение ко всему поднялись на Акбет, самую высокую вершину Баянаула.

Во второй свой приезд к Усову Каныш, как и обещал, свозил профессора к интересным каменным фигурам, образовавшимся в результате ветровой и водной эрозии. Но, к удивлению его, ученый недолго задерживался возле них. Только раза два обошел каменного «верблюда» да от нескольких «статуй» отбил молотком кусочки камня и, осмотрев сколы, тут же бросил их. Гораздо охотнее он задерживался в ущельях у свежих оползней или на обрывах, где поработали весенние воды. Он поднимал там совсем невзрачные камушки. Некоторые исчезали в его рюкзаке.

И Каныш когда-то любил собирать камни. Предпочитал цветные. Найдешь пару таких камней, ударишь их друг о друга ночью или в темной юрте и высечешь целый сноп искр. Но это давно в прошлом. Народному судье не очень-то идет увлекаться подобными безделицами. И теперь его удивляла страсть маститого профессора, его волнение при встрече с каким-нибудь обломком скалы. «Какая цена этим мертвым камням, почему они так влекут к себе взрослого человека?» — думал он, наблюдая за Михаилом Антоновичем.

Но вскоре Каныш стал понимать смысл увлечения своего спутника. Усов был великолепным рассказчиком. О камнях он говорил с такой красочностью, что его интерес к ним передавался и слушателю. Ученый просто и доступно рассказывал об основных проблемах геологии, о

строении земной коры и образовании разного рода минералов. Как бы между делом он объяснил и происхождение причудливых скал в окрестностях Баянаула. «Когда-то эти места были морским дном. Длительные геологические процессы преобразили лик земли, ваши края сделались сушей, поднялись горы и сопки. Над утесами поработала сначала вода — вот почему они имеют стертую, словно гладко отполированную, поверхность. Остальное довершили ветер и солнце. А возраст их — миллионы лет...» Конечно, Каныш и раньше знал о строении земли, ее возрасте. Но то, что он почерпнул в семинарии, до сих пор казалось ему какой-то отвлеченной премудростью, хотя ему даже приходилось пересказывать слушателям учительских курсов то, что было написано по этому предмету. Но он никогда не думал, что о таких сложных вопросах, как строение земной коры, можно рассказать так занимательно, как Михаил Антонович. Вот что значит иметь настоящее образование, думал молодой человек. Ведь, казалось бы, и он немало учился. Два года в аульной школе. Три в Павлодаре. Еще четыре в Семипалатинске. Но на поверку оказалось, что он знает очень мало. Что из того, что он грамотен, служит народным судьей? Вот если бы знать хоть сотую долю того, что ведомо этому магистру геологии!

— Сколько нового открыли вы мне в эти дни! Никогда прежде я не узнавал за один раз так много! — неожиданно для себя самого признался Каныш, подсаживая профессора на лошадь после очередного привала...

II

По прошествии нескольких дней Усов вернулся на берег Жасыбая, а Каныш отправился по неотложным делам в дальние аулы. Встретиться должны были в ауле Имантая — молодой человек договорился с отцом, что профессор проведет у него часть своего отпуска. Вместе с Канышем в поездку по волостям отправился Алексей Николаевич Белослюдов — для него как собирателя фольклора и мечтать нельзя было о лучшем переводчике, чем Сатпаев. Через несколько дней оба спутника добрались до берега реки Шидерты, в исконные места откочевок аулов Сатпая. Белослюдов громко выражал свое восхищение увиденным джайляу. Живописный речной ландшафт, густые заросли кустарника, синеющие на горизонте горы. Оказалось, что за геологом и его супругой уже высланы несколько джигитов.

Аул готовился к приему почетного гостя. По распоряжению Имантая

перекочевали на новую стоянку по соседству, где трава была еще не вытоптана и окрестность выглядела свежо. Для профессора поставили отдельную гостевую юрту в стороне от остальных жилищ и кухни, чтобы оградить его от дыма и людского шума. Аул Сатпая умел принять гостей.

Михаил Антонович с женой прибыли на третий день. Удивил всех его распорядок дня: профессор вставал очень рано и сразу отправлялся на прогулку. Обычно он проходил каждое утро по 5 — 6 километров по берегу Шидерты. Предложили ему смирную лошаденку для таких моционов, Усов отказался, что немало удивило аульчан, привыкших по любому поводу седлать коня. Возвратившись с прогулки, он раздевался до пояса и шел умываться к речке. А потом садился за чай. Пил он его по казахскому обычаю со сливками и выпивал за раз изрядное число пиал. После этого его нельзя было беспокоить. Он уединялся в своей гостевой юрте и работал по несколько часов подряд. Обычно в это время к нему приносили кумыс. Он не любил, чтобы кто-то сидел рядом и ухаживал за ним, и все делал сам. А вот обедать ученый предпочитал в компании, за достарханом он становился разговорчивым. После обеда к его юрте подводили оседланного коня. И несколько всадников — обычно это бывали Белослюдов, Каныш и его брат Бокеш — сопровождали профессора на прогулке. Возвращались вечером с дичью или с образцами различных минералов.

Но иногда Михаил Антонович сам нарушал сложившийся распорядок. Обычно это случалось в те вечера, когда молодежь затевала игру в алтыбакан, качели или когда в ауле появлялся заезжий певец-жыршы. Хотя профессор и не понимал слов, он любил слушать песни, подолгу сидел вместе со всеми на таких импровизированных концертах.

Ему нравились чистый воздух джайляу, напоенный ароматом трав, целительный кумыс и мирная тишина аула. И то, что степняки постоянно выглядели бодрыми и жизнелюбивыми, тоже радовало его душу. Охота, протяжные задушевные песни, обстоятельные беседы на лугу — все это вызывало хорошее настроение. Здоровье заметно поправлялось, стихали боли в груди. День ото дня Усов чувствовал себя все лучше.

Обычно Каныш приезжал в родной аул на несколько дней, а затем подолгу не появлялся. В это лето он изменил своему обыкновению. Уезжал на два-три дня, а вернувшись, старался остаться лишний день у своих. Его тянуло к профессору, постоянно хотелось быть возле него. Беседы с ученым на любую тему были интересны для него, намного расширяли круг его познаний и обогащали представления молодого человека о природе. Чего он только не узнал во время совместных прогулок с Усовым о рельефе степи, о происхождении гор и равнин родины, о камнях, которые

встречались им на пути. Лишенный возможности жить в большом городе, Каныш давно тосковал по общению с образованными людьми. С приездом Усова и Белослюдова у него появилась возможность удовлетворить эту потребность, потому так сильна была его тяга к ним.

Как-то раз случилось, что в один из приездов Каныша он и профессор отправились на прогулку только вдвоем. В тот день они добрались до Ниязских гор. Канышу давно хотелось показать Усову этот кряж, своеобразный по рельефу. Верхом они поднялись на несколько сопок, затем Михаил Антонович пешком прошел вдоль самых крупных каменистых обнажений. Образцы рассматривал нахмурившись. Видно, ничего особенного не попадалось, ибо он почти не клал образцов себе в сумку. Канышу казалось неудобным задавать вопросы, и он молча следовал за Усовым на некотором отдалении.

Время обеда давно прошло. Солнце клонилось к западу. И только когда оно коснулось вершины ближней сопки, они повернули коней назад.

Ехали не спеша, думая каждый о своем. Неожиданно профессор заговорил:

— Много я слышал о ваших краях. «Киргизские степи, киргизские степи...» Это сделалось своеобразным геологическим термином. Но, не бывав здесь, я представлял степь совершенно иной. Знаете, что я думал? Что это голая равнина — ну, растет ковыль и еще кое-какие травы, воды почти нет. Приехал нынче к вам и что же вижу? В Баянауле настоящий оазис, более дивного места не придумаешь! Рядом солончаки и соленые озера. А здесь буйное разнотравье, речек и ручейков не счесть, горы какие! А раньше бывал я в Тарбагатае, Чингисских горах. И ни одна из этих местностей не похожа на другую, но каждая по-своему интересна и богата. Правда, в глубь степи не приходилось ездить. Но и моих немногих впечатлений достаточно, чтобы иметь кое-какое представление о ней...

Выслушав ученого, Каныш сказал:

— Нашу степь я сравнил бы со скатертью, уставленной всякого рода яствами, но не повсюду одинаково густо, неравномерно. Скажем, в одном месте всякие сласти — урюк, изюм и тому подобное, а в другом — соль да несколько кусочков курта¹², в третьем — один хлеб, в четвертом — вода, а в пятом и этого нет, совершенно пусто...

— Что-то не совсем понимаю, дорогой.

— Яснее этого не скажу, Михаил Антонович, — рассмеялся Каныш. — Где урюк, изюм лежит — это те самые оазисы, о которых вы упоминали сейчас. Баянаул, Каркаралинск, Кокчетав... Другой край, где кучей навалена всякая еда, — это, к примеру, Тарбагатай, Чингисские горы, Шидерты и

иные подобные места. А большие сосуды с водой — это Балхаш, Зайсан и другие озера. А где пусто — пески и такыры.

— Теперь ясно. Образно выражено! Но я как геолог смотрю на вашу степь по-другому и скажу совершенно иное, дорогой Каныш Имантаевич. Я назвал бы ее — уверяю вас, что так оно и есть, — настоящей классической школой для геологов. Сколько здесь разломов, трещин! Сколько открытых, совершенно обнаженных мест! Широчайший простор для геологической деятельности! Горы старые, а в них не счесть рудных сокровищ! Причем лежат они близко к поверхности, почти на открытых площадях. И потому неграмотные кочевники без всяких разведок, не затрудняя себя проходкой скважин и шурфов, а просто разворошив сурковые норы, находят Караганду, Экибастуз. А если прийти сюда хорошо оснащенным современной техникой да начать бурение, что произойдет тогда, даже не представляю. Сколько будет феноменальных открытий! Ведь, по сути дела, в этих краях, кроме наезжавших ненадолго разного рода спецов-дельцов, не было настоящего геолога-исследователя.

Захваченный картиной будущего, нарисованной профессором, Каныш порывисто повернулся к спутнику, отчего лошадь под ним настороженно встрепенулась.

— Михаил Антонович, а нельзя ли мне выучиться на геолога?

— Так приезжайте ко мне в Томск! — с горячностью заявил Усов.

— А может быть, поздновато мне учиться? — вдруг вспомнив о семье, в раздумье спросил молодой человек.

— Учиться никогда не поздно, дорогой мой.

— Вы в моем возрасте уже окончили институт..

— Ну и что же из того?.. — Усов в сердцах прищипорил коня. — Окончил институт, а все равно продолжаю учиться. До сих пор. Хоть я и профессор, а все равно, как говорят, грызу гранит науки. И буду учиться всю жизнь. Остановлюсь — пропал. Тогда конец моей учености.

— Да, учиться хочется, — произнес Каныш после некоторого молчания. — Но отец, семья, конечно, будут против. Здоровье у меня неважное, потому они и будут возражать. Это их главный козырь. Если бы не болезнь, давно бы я был студентом.

— Если дело в этом, то давайте я поговорю с Имантаем Сатпаевичем, — предложил Усов. — Томский климат при нашей с вами болезни вполне терпим. Даже хорош. Ведь кругом хвойные леса. Правда, там нет чудодейственного кумыса.

— Нет, с отцом лучше поговорю я сам. Он образован и лучше многих понимает дух времени. Думаю, он все-таки даст согласие. А вас я прошу

уговорить уездный ревком, нет, лучше губернский нарсуд, ведь там могут возражать, удерживать меня. Слишком мало еще у нас образованных людей, и не так легко найти замену.

— Отпустят! — уверенно и твердо сказал профессор. — Конечно, и судья необходим в степи, но инженеры нужнее. Если этого кто-то не может понять, я сумею его убедить...

После этого разговор вновь надолго прервался, всадники поехали быстрее, чтобы успеть домой до темноты. И только когда вдалеке забелели юрты аула, Каныш нарушил молчание:

— Михаил Антонович, скажите откровенно, выйдет из меня геолог?

— Не понимаю, что за вопрос.

— Новое это дело для нас, степняков. Никто никогда здесь им не занимался.

— Вот те на! — рассмеялся профессор. Затем, резко оборвав смех, внимательно посмотрел в лицо спутника и серьезно заговорил: — Друг мой, если хотите знать, никто не является на свет готовым геологом и вообще ученым. Родился человек, растет, учится. Учится в школе, в институте и у жизни. Много надо повидать, много пережить, на ус побольше намотать. И риск нужен, и дерзость мысли, и знание дела. А у вас, как кажется мне, и опыт жизни есть, и пытливость...

— Итак, стоит попытаться?

— Вы выбираете себе дело не на один год, а на всю жизнь. Хорошенько обдумайте все наедине с самим собой. А когда решитесь на какой-то шаг, дайте знать мне...

III

Месяц спустя в Семипалатинск отправилось письмо из Баянаульского нарсуда за исходящим номером 370:

«В коллегия Семгубсовнарсуда

В связи с отъездом на учебу прошу коллегия губнарсуда освободить меня от занимаемой должности в судебных органах до начала учебного года, т.е. не позднее 1 сентября 1921 года. Прошу сообщить Ваш ответ.

Народный судья К.Сатпаев

12 августа 1921 года».

На обороте этого заявления секретарем суда Бекжановым было

приписано: *«Семипалатинск, совнарсуду. Народный судья Сатпаев, оставив все дела мне, уехал на учебу. Прошу указать, как поступить в дальнейшем».*

Мы не знаем, какой ответ получил секретарь от своего губернского начальства, ибо архивы суда хранят на сей счет молчание. Но совершенно точно известно, что в тот день, когда было написано приведенное выше заявление, его автор сделал решительный шаг в будущее, о котором говорил магистр геологии Михаил Антонович Усов.

В сибирских Афинах

I

Технологический институт стоит у пересечения улицы Почтамта и Бульварной на склоне круглой сопки, возвышающейся почти в центре города. По соседству располагаются здания университета. В то время это были единственные высшие учебные заведения Сибири. Поэтому Томск издавна называли «сибирским светочем» или даже сравнивали его с научной столицей древнего мира, именуя город сибирскими Афинами.

Не только университет, открытый еще в девятнадцатом веке, и технологический институт, существующий с 1900 года, составляли славу Томска. Здесь находилась единственная в Сибири типография, печатавшая книги, было много культурно-просветительных учреждений. Богатством и красотой отличалась архитектура зданий. И улицы города спланированы иначе, чем в других старых поселениях края. Главные из них были вымощены, а по сторонам проезжей части устроены деревянные мостки.

Учебные корпуса университета выстроены в стиле классицизма, высокие фасады и карнизы пышно отделаны. Все эти прекрасные здания окружены мощно разросшимся лесопарком — при закладке университета здесь был оставлен нетронутый кусок тайги.

Строения технологического института не уступают в красоте университетским и выглядят даже величественнее их. Они возведены позже и еще более продуманно спланированы. Здания строились по индивидуальным проектам самих преподавателей института. Хорошо, по-хозяйски продуманы размеры, расположение учебных аудиторий и даже их акустика: в общих лекционных залах голос лектора хорошо слышен с любого места. Лаборатории оснащены новейшими приборами. А чертежный зал со своими специальными столами и идеальным освещением не имел равных.

Разумеется, Каныш был в восторге от всего увиденного. Он не жалел, что приехал.

Декан принял молодого человека приветливо. По-видимому, ходатайство профессора Усова возымело действие, ибо Каныш был без труда освобожден от экзамена по иностранному языку. Ему оставалось лишь сдать математику.

В назначенное время Сатпаев явился к профессору Шумилову.

Молодой человек уже слышал от студентов о его странностях. Ему ничего не стоило выставить экзаменуемого за дверь из-за какого-либо пустяка или поставить отличную оценку за удачное решение одной лишь задачи.

— Ну-ка, степняк, садись поближе, посмотрим, на что ты годен: овец пасти или гранит науки грызть?

И профессор математики дал ему для решения алгебраическое уравнение с двумя неизвестными. Каныш без затруднения справился с заданием. Ведь недаром он несколько лет готовился к этому испытанию, да и работа над учебником алгебры кое-чему его научила. Профессор предложил еще несколько задач, они были уже посложнее, требовали определенной смекалки. И с ними абитуриент справился лучше, чем мог ожидать экзаменатор. Шумилов воскликнул:

— Bravo, bravo, голубчик! Выходит, ты в своей степи даром времени не терял. Я рад, что ты оправдываешь похвалу почтенного Михаила Антоновича. Учиться тебе в нашем храме науки!

Итак, он стал студентом Сибирского технологического института. Наконец-то он достиг того, к чему страстно стремился все последние годы...

Жизнь в городе только начала налаживаться после разрухи военного времени. Не хватало продовольствия, топлива, одежды. Особенно тяжело приходилось студентам. На весь университет и институт имелось лишь одно общежитие. Получить место в нем удавалось лишь учащимся старших курсов. Студенты жили или на частных квартирах, или, когда не хватало средств, вели настоящую бродячую жизнь. Многие ночевали в вестибюлях учебных зданий, на столах в аудиториях. Руководство вузов знало об этом, но делало вид, что не замечает. Корпуса в ту зиму не отапливались — не было топлива, и в лекционных залах стоял такой холод, что студентам и преподавателям приходилось заниматься в верхней одежде. Лекции слушатели записывали карандашами. Питались и того хуже. В институтском ларьке в день на каждого выдавалось 400 граммов черного хлеба, но, для того чтобы получить хотя бы это, приходилось выстаивать в очереди на морозе несколько часов подряд. Студенческая столовая из-за отсутствия продуктов была закрыта.

Но Канышу повезло, его пригласил к себе Михаил Антонович. Узнав о нехватке мест в общежитии, Усовы в один голос заявили ему:

— Не пытайся даже, все равно не отпустим. Неужто ты думаешь, что мы можем жить у твоих родичей целой ватагой месяцами, а тебе позволим ютиться где-то по чужим углам?..

Горный факультет, который он избрал, готовил инженеров по четырем специальностям: геология, горное дело, металлургия и маркшейдерия. В продолжение пяти лет студенты изучали все эти предметы, разумеется, с преобладанием какого-либо одного из них в соответствии с основной специализацией. Горных инженеров не хватало, и вузы выпускали специалистов широкого профиля. В дипломе окончившего Сибирский технологический значилось просто: горный инженер. Универсальная квалификация требовала соответствующей подготовки. Вот почему учебная программа факультета была сильно перегружена. Читались такие дисциплины, знание которых могло и не пригодиться выпускнику в его практической работе в будущем. Например, изучались курсы «Архитектура», «Гидравлика», «Паровые котлы». Лишь одно облегчение появилось в последние годы — из старой, дореволюционной программы были исключены латинский язык и духовные дисциплины.

Факультет был открыт в 1901 году. Его организатором и основателем считается Владимир Афанасьевич Обручев. К тому времени он уже прославился основательными трудами по изучению природы и ресурсов Сибири, Средней Азии, как неутомимый исследователь-путешественник. Владимир Афанасьевич составил такую программу, какой не было в то время ни в одном из подобных учебных заведений империи: до минимума оказались сокращены теоретические курсы, зато до предела увеличена доля практических дисциплин; и все они должны были подкрепляться работой студента в поле и на действующих месторождениях; существенно изменился и порядок изучения многих предметов. Например, в Петербургском горном институте, выпускником которого был сам Обручев, геологию изучали лишь на четвертом году, а в Томске этот курс начинался в первом же семестре... Едва ли не самым важным считал Обручев качество преподавания. Поэтому для ведения основных курсов Владимир Афанасьевич пригласил в Томск самых крупных специалистов. Благодаря его старанию и настоянию в Сибирском технологическом оказались такие крупные инженеры — практики горного дела, как Янышевский, Лаврский, Казанский, Тове.

Сам Обручев был по преимуществу геологом, поэтому наиболее богато оснащенной на факультете оказалась кафедра геологии, по совместительству возглавлявшаяся Владимиром Афанасьевичем. Собственная многолетняя практика, длительные путешествия в глубины Азии давали ему богатый материал для лекций. Он отказался от установившегося годами обыкновения изучать геологию как единый курс. Обручев делит ее на разделы «Общая и полевая геология», «Петрография»,

«Курс полезных ископаемых» и некоторые другие, каждый из которых по отдельности включает в учебную программу. Были организованы кабинеты петрографии, геологии. Создана специальная библиотека по геологическим наукам, в ней насчитывалось тогда более трех тысяч книг. Практическая работа будущих геологов обязательно проходила в полевых условиях, чаще всего в поисковых партиях. Таким образом, студент, решивший стать геологом, с первого года учебы начинал жить беспокойной, неустроенной жизнью разведчика недр.

Такая продуманная работа неизбежно должна была дать практические результаты. Так и случилось. В считанные годы в глубине Сибири выросла новая школа геологов, которая начала одно за другим выявлять на востоке страны крупные месторождения полезных ископаемых.

Тем не менее своенравный и принципиальный основатель горного факультета в условиях политической реакции не смог удержаться на своем посту. В 1912 году министр просвещения, известный консерватор Кассо издает приказ об увольнении профессора В.А.Обручева со службы за неуместные политические высказывания.

Через год на эту должность был назначен молодой магистр геологии М.А.Усов.

Михаил Антонович сам был выпускником Томского технологического института и считался одним из лучших и самых талантливых питомцев Обручева. Это его, тогда еще студента Мишу Усова, профессор приглашал в качестве помощника в свои путешествия по Джунгарии. И научным ростом Михаил Антонович был во многом обязан своему учителю.

Разумеется, приват-доцент Усов не стал ломать установившиеся традиции горного факультета и кафедры геологии. Напротив, он еще больше увеличил число часов практической работы студентов, следуя и в этом завету основателя школы сибирских геологов.

К моменту приезда Каныша в Томск эта школа была в расцвете творческих сил и считалась лучшей в стране кузницей геологических кадров; именно ее представители оказались авторами самых феноменальных геологических открытий того времени.

II

То и дело поправляя поднятый воротник полушубка, посиневший от холода, царящего в аудитории, Каныш записывает в тетрадь слова лектора. Воспользовавшись малейшей паузой, он начинает быстро и энергично

тереть ладони одну о другую.

Больше всего он любил лекции Усова. Их он записывал почти слово в слово, настолько ценным казалось ему все, что говорил учитель.

Из статьи К.И.Сатпаева и И.И.Бока «Деятельность М.А.Усова, его прогрессивные идеи и теории в геологии»:

«Как лектор М.А.Усов буквально покорял аудиторию. Его лекции, продолжавшиеся обычно с небольшими перерывами два или четыре часа, было легко записывать, они очень хорошо воспринимались слушателями. Все в них было прекрасно: и чудесный дар красноречия, и способность увлекательно и просто излагать сущность самых сложных научных истин, и неумолимая логика, и филигранная чеканность научных формулировок и выводов, и изумительная собранность мысли, и железная самодисциплина. В лекциях не было ни лирических или других отступлений от предмета, ни каких-либо экскурсов в сторону. Слушателей безраздельно захватывала присущая М.А.Усову предельная стройность изложения мысли и логическая последовательность ее развития, строгая закономерность заключительных формулировок. Поражало удивительное «чувство времени», характерное для М.А.Усова. Лекции его были так строго запланированы по времени, что тотчас же после окончания определенных разделов обычно раздавался звонок для перерыва. Ни одного лишнего слова, ни одной потерянной минуты — таков был стиль его лекций. Так же строго и предельно экономно был запланирован и распорядок всей его жизни».

Студенты технологического заслушивались не только лекциями Усова. В ту пору в Томске работала целая плеяда замечательных ученых. Металлургию преподавал известный в стране специалист В.Я.Мостович, курс физики читал страстно влюбленный в свой предмет В.Д.Кузнецов, ставший позднее академиком, прославившийся замечательными открытиями. Кафедрой физиологии в университете заведовал знаменитый А.А.Кулябко. Это он в своей клинике впервые в мире заставил биться сердце умершего. Ботанику вел профессор В.В.Сапожников, знаменитый своими путешествиями по Южному Алтаю. «При существовавшем тогда

свободном посещении лекций, — вспоминала Таисия Алексеевна Сатпаева, — студенты-технологи считали для себя обязательным слушать в университете таких профессоров, как А.А.Кулябко и В.В.Сапожников, а медики приходили послушать изумительного лектора — профессора М.А.Усова». Как видим, у любознательного молодого человека была возможность получить обширные познания по различным отраслям науки. А Каныш не уступал своим товарищам по части любознательности.

«Это был тихий, скромный студент, горевший желанием учиться, — скажет много лет спустя доктор геолого-минералогических наук, профессор В.А.Хахлов о своем любимом питомце. — На занятиях по общей геологии он с восторгом слушал прекрасные лекции М.А.Усова. С радостью вспоминаю, что он с интересом слушал и мои лекции. Курс общей геологии, читавшийся М.А.Усовым, имел особое значение для подготовки геологов. Курс этот знакомил с просторами и глубиной науки, с ее очередными задачами государственного значения. С изучения такого курса и загорается искра в душе студента, он начинает любить науку, в нем зарождается неутомимая жажда знаний. Одних лекций для него уже недостаточно, и у студента появляется тяга к научной и популярной литературе. Так случилось и с Канышем Иммантаевичем, который всерьез увлекся чтением специальной литературы, отдавая этому занятию все вечера. Однажды я ему предложил посмотреть кафедральную библиотеку. Я ему порекомендовал почитать книгу Вальтера «Законы образования пустыни». Возвращая эту книгу, он о ней отозвался с восторгом и задал мне множество вопросов. Он говорил, что книга помогла ему понять происхождение рельефа некоторых хорошо известных ему территорий Казахстана».

Так в ежедневных занятиях проходили недели, месяцы. Первую свою экзаменационную сессию Каныш сдал успешно — не зря он засиживался в читальном зале института до глубокой ночи. Да и в лабораториях пришлось работать немало. Молодой человек заметно осунулся, пропал появившийся было румянец на щеках. Временами Каныш задумывается об этом — его тревожит вероятность возврата болезни. В аудиториях постоянный холод, да и с питанием неважно.

И то, чего он так опасался, вскоре произошло. В конце зимы Каныш слег. По просьбе Усова его осматривает профессор университета, специалист по грудным болезням Курлов. И ставит диагноз: снова открылась каверна в легких...

— Единственное спасение — чистый воздух, полноценное питание и кумыс. И чем скорее, тем лучше. Следовательно, каждый день пребывания в городе губителен для больного...

Снова, в который раз уже, стоит перед ним этот вопрос. Что делать? Неимоверно трудно решиться на отъезд, когда ты наконец-то достиг так давно желанного. Бросить все, признать свое поражение, отправиться восвояси...

Но и уехать в это предвесеннее время из Томска оказалось нелегко. Пассажиры поезда не ходили. Приходилось добираться на товарняках, причем по пути два раза делать пересадку — сначала на станции Тайга, затем в Новосибирске. Состояние Каныша не позволяло даже думать о таком путешествии на перекладных, поэтому он после долгих раздумий решил дождаться лета и по возможности продолжать учебу.

Однако Михаил Антонович решительно запротестовал против этого. Он верил в выздоровление Каныша и сделал все, чтобы немедленно отправить его в Баянаул. Однокурсникам было поручено во что бы то ни стало разыскать прямой вагон до Семипалатинска. После недели поисков Омар Толыбаев, однокашник Сатпаева, явился в дом Усовых с известием: вагон есть. Михаилу Антоновичу удалось договориться с железнодорожным начальством об устройстве больного в пульмане, наполовину заполненном разного рода грузами. Студенты, переместив к краям вагона часть мешков, в центре его установили печь-«буржуйку», а рядом с ней устроили ложе для больного товарища. Но, осмотрев эти приготовления, профессор не решился в таких условиях отправить Каныша одного. Каныш был общим любимцем, поэтому желающих помочь ему оказалось много. Стали тянуть жребий. Ехать выпало Володе Домбровскому.

И вот в начале марта поезд, к которому был подцеплен товарный вагон с больным, отправился из Томска. Через неделю, испытав в пути немало трудностей, два товарища прибыли в Семипалатинск.

III

На этот раз Каныш безвыездно прожил в ауле довольно долго. Ради

здоровья приходилось отречься от всего, что он любил с детства: от скачек и состязаний в ловкости во время откочевок на джайляу, даже от страстно любимой охоты... Его помыслы полностью сосредоточились на лечении — он строго соблюдал режим, иногда через силу заставлял себя принимать снадобья, которые предлагал отец.

Уже к маю ему стало лучше. Болезнь начала отступать. Это придало сил Канышу, появилась надежда на возвращение в Томск.

Молодой человек понемногу, стараясь не перегружать ослабевший организм, начинает самостоятельно готовиться по всем институтским предметам. Благо товарищи, откликнувшись на его просьбу, прислали необходимые пособия.

А вскоре у Сатпаева появилась возможность на месте проконсультироваться у крупных специалистов по всем трудным вопросам: в первых числах июля в аул прибыли гости из Томска — Усов с супругой и двое его коллег.

«Интересным, удивительным человеком был Усов. Аллах свидетель — не знал он усталости во время поездок по степи, — вспоминает Нурлан Касенов лето 1922 года. — Не помню дня, когда бы он не отправлялся из аула. Все лазит по сопкам, да и товарищи его — забыл имена их — не отстают от профессора. Обычно выезжали до восхода солнца — их трое, Каныш и я в качестве сопровождающего. Женщины оставались в ауле, они проводили время за чтением книг, без конца собирали цветы на лугах. А мы до наступления жары бродим в горах. Мне-то что — я верхом да их лошадей сторожу. А ученые мои с лопатами и молотками все время на своих двоих... Ни одной горы не осталось в окрестностях, которую они не обследовали бы в то лето».

Наконец настала пора уезжать. Каныш тоже стал собираться в путь. Здоровье его поправилось, на щеках появился румянец. Но отец думает иначе. Не однажды он видел эти обманчивые признаки выздоровления. Ему уже почти восемьдесят, и он не хочет на старости лет потерять сына. Имантай слышать не желает об отъезде. Не сумев уговорить Каныша, он со слезами на глазах обращается к Михаилу Антоновичу с просьбой подействовать на него. Усов соглашается и не без труда убеждает Каныша остаться в родном ауле еще на год.

Договорились, что это будет не просто период отдыха и лечения, а время напряженной самоподготовки. К осени Михаил Антонович подберет необходимую литературу и задания и вышлет все это в Баянаул. Если Каныш сумеет достаточно хорошо подготовиться, профессор выхлопочет для него допуск к экзаменам за второй курс. А по практическим занятиям

отчитается как-нибудь позже. Таким образом, он даже не отстанет от своего курса, нужно лишь основательно и систематически работать весь год и, самое главное, окончательно укрепить здоровье...

Гости уехали. Аул еще оставался на джайляу, но Каныш даже не выезжал на охоту, а сидел в своей юрте-отау, обложившись учебниками и книгами по геологии. Но он не мог остаться безучастным к тем переменам в жизни степи, что происходили на его глазах. В аул приходили газеты, журналы, долетали вести из центров губернии и уезда. И конечно, вчерашнему члену ревкома быстро стало известно о начинании казахских интеллигентов, призывавших земляков отказаться от постоянных кочевков, перейти к оседлому образу жизни. Пора было строить настоящие поселки и заниматься наряду с животноводством и земледелием. Романтически настроенного Каныша увлек этот призыв. Он стал уговаривать отца поддержать новое начинание. И в конце концов Имантай согласился. Будучи человеком мудрым и просвещенным, он понимал необходимость перемен. Новый образ жизни откроет путь к грамоте для народа, объединение нескольких мелких хозяйств в одно сделает возможным строительство школ.

В ту же осень оба аула Сатпая, впервые изменив вековой традиции, не возвратились на старую зимовку в Аккелинских горах. На берегу речки Шабакай, в долине, очень удобной для сеяния хлеба и богатой травами, выросли новые глинобитные домики.

Каныш провел здесь зиму, ежедневно усиленно занимаясь по всем предметам учебной программы. Пришла наконец и долгожданная весна. В начале мая 1923 года он отправляется в путь, сопровождаемый несколькими джигитами своего аула. Расставшись с ними в Семипалатинске, Каныш садится в поезд. «Вернувшись через полтора года в Томск, он блестяще сдал задолженности по всем предметам за два курса, — напишет потом в своих воспоминаниях Таисия Алексеевна. — Осмотревший его профессор Курлов оценил этот случай в своей медицинской практике как какое-то чудо, когда организму удалось побороть столь жестокую и острую форму туберкулеза».

Итак, в третий раз был побежден тяжелый недуг. Побежден в ту пору, когда медицина еще не располагала эффективными средствами лечения. Еще удивительнее, что после этого случая Каныш Имантаевич никогда больше не болел туберкулезом. Даже в самые тяжелые времена, когда он месяцами в жару и холод работал с разведочными партиями, его организм выдержал все испытания.

К моменту возвращения Сатпаева в Томск жизнь в городе стала

постепенно налаживаться. Работала студенческая столовая, полегче стало и с общежитием.

На этот раз Каныш снял квартиру неподалеку от Усовых на улице Белинского. И сразу же всецело отдался занятиям. Месяца через полтора после приезда он успешно сдает все экзамены. Однако Сатпаев еще ни разу не был на практике; и на этот раз деканат горного факультета пошел ему навстречу, разрешив одновременно пройти практику за два курса — для этого необходимо было поработать остаток полевого сезона с опытным руководителем в одной из геологических партий.

— Я рекомендовал бы тебе Русакова, — сказал профессор Усов, когда Каныш пришел к нему за советом. — Во-первых, это бывалый геолог, а во-вторых, он вот уже несколько лет подряд работает у вас в Казахстане. Следовательно, опыт пребывания в его партии в будущем придется тебе очень кстати. И еще: если не ошибаюсь, в этом году он расположился где-то близ Караганды в долинах рек Нура и Сары-су. Значит, ты сможешь по пути заехать к себе домой, успокоить своим цветущим видом почтенного Имантая Сатпаевича — небось не спит, бедный...

Михаил Петрович Русаков попал в Томск после окончания Петербургского горного института. Он был направлен сюда для работы в Сибирском отделении Геологического комитета. Каждый год с ранней весны до глубокой осени он пропадал в поисковых партиях и неизменно выбирал маршруты на просторах Центрального Казахстана. Скоро Русаков стал считаться среди геологов одним из лучших знатоков этого края. Зимой он жил в Томске, занимаясь обработкой материалов, собранных за летний сезон. Часто Михаил Петрович приходил в технологический институт послушать замечательные лекции профессора Усова. Не он один бывал здесь — многих специалистов притягивали ораторский талант и глубокие познания Михаила Антоновича. Именно здесь Сатпаев впервые встретил молодого геолога, имя которого хорошо было известно студентам. Их познакомил его сокурсник Ваганов.

И вот теперь, отдохнув несколько дней под родительским кровом, Каныш отправился верхом на поиски геологической партии Русакова. Его сопровождал двоюродный брат Тармызи.

Из воспоминаний академика АН Казахской ССР М.П.Русакова:

«В 1923 году, в один из солнечных дней июля, к лагерю моей геологической партии в урочище Бес-шоки подъехали два всадника на белых лошадях, и один из них спросил, здесь ли

работает геолог Русаков. Оказывается, это Каныш Имантаевич, значительно посвежевший на вольном воздухе родных степей, приехал, по совету М.А.Усова, ко мне отбывать геологическую практику. Из далекого Баянаула, за 400 километров от Бес-шоки, пробирались два путника напрямик, без дорог, через горы и долины, чтобы найти ту геологическую партию и геолога, которых рекомендовал молодому студенту его любимый учитель.

Месяц совместной работы по геологической съемке, по осмотру целого ряда медных и других месторождений быстро промчался. И если в Томске на лекциях Каныш Имантаевич жадно грыз теоретический гранит геологических наук, то здесь, в поле, в геологически интереснейшей части Главного Кызылташского водораздела, в истоках рек Нура-Шерубай, Джамга, Сарысу, принадлежащих к трем разным бассейнам, молодой геолог с утра до ночи изучал горные породы и руды на месте их залегания, в коренных выходах и в древних чудских выработках. Здесь практически Каныш Имантаевич... познакомился со сложным и разнообразным комплексом изверженных осадочных и метаморфических пород, участвующих в геологическом строении Центрального Казахстана. Больше всего его интересовали руды, их минералогия, условия залегания: и в рудничных выработках Каныш Имантаевич засиживался дотемна...

Вспоминается сейчас, четверть века спустя, что не одна геология интересовала Каныша Имантаевича. После утомительного маршрута в жаркий летний день, во время ночевки в ауле, среди живописной природы и трудовой жизни скотоводов Каныш Имантаевич находил в себе силы подолгу вести разговоры с аксакалами при свете костра в юрте, слушать их рассказы о старине, о разных находках в степи, показавшихся им таинственными явлениями природы. Уже тогда зародился в Каныше Имантаевиче интерес к археологии и к фольклору родного казахского народа. Улегшись спать в юрте, я нередко слышал, как парни и девушки по просьбе Каныша Имантаевича пели ему незнакомые для него песни. И все это перебивалось молодым смехом, разными загадками и т.д. Так уже смолodu воспитал в себе Сатпаев любовь к родной песне, искусству акынов, к старинным легендам и ко всему тому, что разнообразит тяжелую жизнь кочевника в осеннюю и зимнюю пору.

Расстались мы в августе 1923 года с лучшими чувствами и интересом друг к другу, даже не догадываясь, что в будущем жизнь столкнет нас на совместной работе».

Осенью Каныша снова видят в аудиториях технологического. Друзья окружили его с радостью, шумно делились летними впечатлениями. Работа во время каникул многих выручала — давала возможность подработать и дотянуть до следующего лета. Так жили и учились большинство товарищей Каныша, завидовать им, конечно, не приходилось — многие с трудом тянули двойную нагрузку учебы и работы...

В 1925 году Семипалатинский губисполком принял постановление об оказании материальной помощи студентам, обучающимся в центральных городах, и выделил для этой цели значительные средства. В списке студентов, приложенном к этому решению, имя Сатпаева стоит пятым, размер стипендии был определен в 420 рублей на год, по тем временам сумма немалая. Кроме того, в это время Каныш закончил учебник алгебры и предложил его Наркомпросу республики. Рукопись была одобрена, и автору выдан аванс. Через десятки лет в одной из автобиографий Каныш Имантаевич укажет: «В годы учебы я жил на средства госстипендии, подкрепленные гонораром за учебник алгебры, а в последний год на спецстипендию, выделенную Семипалатинским губисполкомом...»

Время шло. Молодой степняк давно свыкся со студенческим бытом. И с учебой у него все хорошо, так что, помимо изучения программных дисциплин, он может посвятить часть времени чтению новинок литературы. Едва ли не каждый день часок-другой он проводит в университетской библиотеке. Недаром она славится на всю Сибирь. В читательском формуляре Каныша одно за другим появляются названия трудов по этнографии, культуре и истории казахов. Он знакомится с произведениями европейских и русских классиков.

Из воспоминаний А.Х.Маргулана:

«В свободные от занятий часы Каныш посвящает себя одному лишь делу — обогащению своих знаний. Потому он засиживался в читальном зале Томского университета, с увлечением перечитывая материалы по истории казахов... О некоторых из них он пишет статьи для газет, а иные готовит для издания. По инициативе Каныша при Томском университете

организуется научный кружок по изучению культуры восточных народов, в него записываются почти все студенты, обучающиеся в то время в Томске. На заседаниях кружка поочередно читаются лекции о литературе и этнографии якутов, бурятов, хакасов и других народов. Сам Каныш несколько раз делает доклады о песенном и литературном творчестве казахского народа. Наряду с этим кружковцы несколько раз организуют вечера, где исполняются песни народов Востока. Разумеется, в каждом из них Каныш принимает активное участие, зачастую сам исполняя казахские песни...»

Квартира Сатпаева на улице Белинского становится своеобразным клубом студенческой молодежи. Она всегда открыта для друзей и для незнакомых, он не чуждается никого. Здесь можно услышать задушевную русскую песню, протяжный степной мотив. К нему часто приходят земляки-казахи, их уже немало в томских вузах. Если студенты собираются в субботний день, они в складчину покупают еды, готовят здесь же и засиживаются за столом до утра. Иногда отправляются в походы по живописным окрестностям Томска...

IV

Студенческие годы Каныша удачно совпали с тем периодом, когда геологическая служба страны приобретала невиданное ранее значение в народном хозяйстве. Для осуществления планов индустриализации Советское государство нуждалось в мощных ресурсах сырья. Ежегодно с наступлением весны во все концы Сибири из Томска отправлялись многочисленные партии поисковиков. Многими из них руководили ученые-педагоги технологического. А рабочими их зачастую были студенты — будущие разведчики недр. Профессор же Усов являлся главным научным консультантом всех геологических изысканий Сибирского отделения Геолкома. Без его участия не решался ни один спор в комитете, не утверждались маршруты научных экспедиций. К тому же он постоянно приглашался экспертом на многие рудники. Разумеется, Усов выезжал и по геологическим маршрутам, но обычно это были поездки для решения спорных вопросов, ревизии разведанных запасов работающих рудников, посещение уже выявленных месторождений... У Михаила Антоновича существовало правило брать в такие поездки студентов: молодые люди

участвовали в проверке спорных выводов, помогали профессору в расчетах, некоторым он даже позволял выступать со своим мнением в прениях. Михаил Антонович считал такую практику полезной для них.

Каныш несколько раз участвовал в подобных поездках. «Ему посчастливилось ближе познать богатство природы своего учителя, его железную самодисциплину, его наблюдательность в поле, исключительную способность в простой форме излагать глубокую сущность явлений природы», — свидетельствует профессор В.А.Хахлов.

Еще одно доброе начинание Михаила Антоновича принесло немалую пользу его питомцам. Зимой, когда все поисковики возвращались в Томск, Сибирское отделение Геолкома по инициативе своего научного консультанта проводило так называемые «воскресные собрания геологов». На этих встречах все разведчики без исключения делали сообщения о своих летних работах, делились сомнениями и планами на будущее. То был своеобразный отчет специалиста с последующим открытым обсуждением. Профессор Усов не делил участников собраний на ранга, единственным условием для желающего выступить была научная ценность материала, с которым он хотел познакомить коллег. Вот почему нередко доклад доверялся кому-нибудь из студентов. Раза два такие поручения выпали и на долю Каныша Сатпаева.

Летом 1924 года он второй раз выезжает на практику в родные края и участвует в геологических съемках, проводившихся под руководством доцента Н.Н.Горностаева вблизи Семипалатинска, в гористой местности Семейтау.

Затем он работает в угольных коях Экибастуза под руководством самого Михаила Антоновича. Это было уже в 1925 году. И наконец наступила решающая пора. Он уже на пятом курсе. Позади тревожные годы — борьба с тяжелой болезнью, учеба, экспедиции, трудности быта. Но одновременно это были радостные годы — время приобщения к истинной науке, обретения глубоких знаний... Подошло время сдачи последних экзаменов, пора избрать тему дипломной работы и защитить ее...

— Каныш, дорогой, советую тебе взять для диплома тему за пределами Казахстана. Ведь в ваших краях пока нет ни одного основательно разведанного, полностью оснащенного технической документацией месторождения. А без этого трудно написать хорошую работу. Так что подумай, — сказал Михаил Антонович.

Через несколько дней Каныш снова пришел к своему учителю и объявил о своем выборе: Маинское месторождение в Минусинском округе.

— Решил я, Михаил Антонович, специализироваться по меди. Думаю,

придется мне в будущем порыться у нас в степи в поисках этого добра. Может, повезет и найду что-нибудь дельное.

— Чую влияние Михаила Петровича! Столько лет Русаков ищет медь в Центральном Казахстане...

— А что вы думаете по поводу Маинска?

— Это стоящее месторождение. Поезжай, посмотри, что к чему. Побольше на ус намотай, пригодится.

Через пять месяцев Каныш возвратился в Томск, возмужавший, уверенный в своих силах. Вскоре был готов его дипломный проект на тему «Разведка меди в Маинском месторождении и геологическое исследование его».

14 мая 1926 года Сатпаев защитил свою работу перед Государственной комиссией. В дипломе, выданном ему, говорилось о присвоении квалификации горного инженера. По этому поводу в семипалатинской газете «Кызыл дала» вскоре появилось следующее сообщение: «Среди казахов очень немногие на сегодня получили сколько-нибудь солидное образование, а инженеров почти не было... И вот наконец наша казахстанская промышленность впервые получила в лице товарища Каныша своего специалиста... Верим, что Каныш Сатпаев оправдает наше доверие и будет неустанно трудиться, отдаст все свое знание для процветания молодой растущей индустрии Казахстана. Доброго пути молодому инженеру...» Над статьей помещен портрет обаятельного молодого человека. Густые волосы лежат волнами. На Каныше темный костюм, из-под воротника белоснежной рубашки выглядывает узел галстука...

И еще одно важное событие произошло тем летом в его жизни. После долгих раздумий он решает связать свою жизнь с избранницей сердца — Таисией Алексеевной Кошкиной. Он знал ее еще по Семипалатинску, когда Тася работала в учительской семинарии лаборанткой. Потом они встретились в Томске, в аудиториях технологического. Учились вместе, даже специальность у них оказалась одна и та же. Долго Каныш не решался на этот шаг... Но чувства молодых людей взяли верх. И из Томска они отправились вместе. Перед ними открывалась бесконечная дорога жизни. Они были счастливы. Они были готовы без остатка посвятить себя борьбе за воплощение своих идеалов, за процветание Родины.

Часть вторая

Большой Джебказган

...В поисках минералов играет роль не только увлечение, азарт, удача или «фарт», как говорят искатели золота на Урале. Нет, поиски минералов связаны с глубоким, часто инстинктивным пониманием природы, умением по мелким признакам догадаться о том, что можно найти, по изменению зерна породы вовремя заподозрить возможность жилы, по изменению окраски предположить скопления цеолитов, по обломку сообразить, где должно быть коренное место.

Тонкая наблюдательность естествоискателя и большой опыт нужны в этом деле, и не все делаются хорошими искателями, и не всем «везет».

Академик А.Е.Ферсман

Первые тропы

I

Только какой-то месяц в году Улутауская степь может очаровать путника — весной вся она покрывается нежным малахитовым ковром, причудливо вытканным яркими соцветиями. Там и сям темнеют густые кусты кокпека. Блестки шайыра и баялыша то и дело проглядывают в зарослях полыни, и ярче всех горят под жарким степным солнцем разлетевшиеся повсюду брызги алого мака.

Собрав влагу тысяч ручейков, выходят из русла речки, разливаясь все шире. Но как же короток этот праздник! Не успеют отцвести, войти в полный рост буйные травы, как снова степь укрывает бурый, безотрадный для глаза полог. Горячие ветры из Голодной степи и Каракумов иссушают растительность. Степь замирает, так и не покрасовавшись вволю.

Особенно тяжело здесь летом. Голая равнина начисто выжжена. Кажущееся бездонным небо пугает своей прозрачностью и отрешенностью. Как благодати жаждет путник хоть слабого дуновения ветра. Но вот он налетел, пахнув зноем, раскаленным дыханием горячей пустыни, и все живое прячется и замирает. Где речки, через которые весной было не найти брода?! Вода темнеет лишь в глубоких лощинах да кое-где по пересохшим руслам. Только там и сохраняется зеленый наряд. Но такие места встретишь здесь очень редко. За долгие месяцы зноя степь успевает так выгореть, что осенью она кажется не только суровой, но и безжизненной... Таким впервые увидел место своей будущей работы и Сатпаев.

После окончания института Канышу не сразу пришлось отправиться к месту службы. Сначала он поехал в Кызыл-Орду — тогдашнюю столицу республики. Центральный Совет народного хозяйства (КазЦСНХ) направил молодого инженера в распоряжение Атбасарского треста цветных металлов.

Хотя «владения» этой организации находились на территории Казахстана, по административной линии она подчинялась Всесоюзному Совету Народного Хозяйства. Правление треста находилось в Москве. Потому чете молодых геологов поначалу пришлось ехать в столицу.

Атбасарский трест цветных металлов организовался 10 июня 1925 года по специальному постановлению Совета Труда и Оборона СССР. К

нему относились два комбината: Спасский, в который входили Карагандинский угольный бассейн, Успенский медный рудник, Спасский медеплавильный завод и Карсакпайский комбинат, который состоял из строящегося Карсакпайского медеплавильного завода, Байконурских угольных шахт, медных рудников Джекказгана и свинцового месторождения Кургасын. По сегодняшнему административному делению, это громадная территория примерно в восемьсот километров в окружности.

Руководство треста сразу же назначило Сатпаева начальником геологического отдела. Таким образом, ему была вверена вся разведывательная и поисковая служба на огромной территории. Мало того, он стал кандидатом в члены правления (а через год его избрали членом правления треста). Так в один день вчерашний студент сделался главным специалистом большого многоотраслевого хозяйства, охватывающего своей деятельностью территорию, равную целому небольшому государству. Почетная, но и трудная миссия. Особенно для его двадцати семи лет и почти полного отсутствия опыта работы по специальности. Таисия Алексеевна пока осталась работать в Москве, в правлении треста.

А Каньш не стал долго задерживаться в столице. Оформив разного рода документацию по новой должности, он отправился в путь.

О тогдашних связях Джекказгана с внешним миром рассказывают документы Атбасарского треста, хранящиеся в Центральном архиве ВСНХ СССР: «...Дороги вовсе отсутствуют. Надежная связь — верблюды, но они в руках местного туземного населения, которое не всегда доброжелательно. По нашим расчетам, на руках у киргизов имеется около тысячи бричек и полутора тысяч верблюдов. Если сумеем привлечь половину их в наше дело, то можно считать проблему с транспортом уже решенной. К сожалению, такой уверенности у нас пока нет. Местное население пока считает выгодным заниматься охотой за сусликами. Ведь это ремесло особо поощряется продовольственным снабжением от заготовителей».

Из Москвы он выехал поездом. Через несколько дней пересел в другой, курсировавший по дороге Оренбург — Ташкент, и сошел с него на станции Джусалы, ближайшей к Карсакпайскому заводу. Руководство Атбасарского треста выбрало Джусалы как перевалочную базу. Все грузы, прибывавшие для завода, разгружались здесь и доставлялись верблюдами и лошадьми на расстояние 430 километров.

К моменту приезда Сатпаева на станции царило необычное оживление: вдоль построенной недавно трехкилометровой ветки с разгрузочной площадкой высились горы все прибывающих грузов — оборудование, лес, строительные материалы, всевозможные ящики. На

склонах близких холмов в ожидании поклажи стояли караваны верблюдов. Сотни рабочих сортировали эти груды добра. Всякого рода посулами агенты треста вербовали людей, составляя договоры по найму, отправляли специалистов в Джусалы.

Правление треста старалось до конца использовать погостее время и перебросить как можно больше материалов. На пути от Джусалы к заводу появились 18 пикетов для верблюжьих караванов. На каждом из них имелся достаточный запас воды и фуража. И вдоль всей дороги, прорезающей пустыню, были вырыты глубокие колодцы.

Главный геолог треста не стал выбирать транспорт — с детства привыкший к спине двугорбого, он с удовольствием пустился в путь с верблюжьим караваном.

«Хорошо помню Каныша Сатпаева — молодого, застенчивого, обаятельного, — рассказывал позднее бывший погонщик Шенеу Далабаев. — Помню потому, что был он первым инженером-казахом, которого я увидел в наших краях... Подходит он ко мне и вежливо, будто стесняясь, просится попутчиком. Я, конечно, заинтересовался его внешностью — инженера сразу видно по одежде и манере речи. Говорю: «Что несет тебя в наши края?» Он отвечает: «Еду работать». — «Надолго ли, месяца на два?» — «Нет, насовсем, отагасы¹³. Возьмите попутчиком». — «Возьму, конечно, если не убежишь с полдороги. Знаю вас, спецов... Немало я перевидел их. Приедут, поживут, а потом словно ветром сдуло...»

Караванная дорога до Карсакпая представляла собой скучное зрелище: бесконечная голая степь с однообразными приземистыми сопками. А людей увидишь, если посчастливится встретить на пути караван. От жилья до жилья долгий дневной переход. Пикеты — низенькие саманные домишки, тесные и темные. Вода в колодцах солоноватая, еды в дороге не найдешь даже за плату — если не запасся сам, будешь голодным до самого завода. Изредка в отрогах холмов видны табуны антилоп. Они хозяева этих мест, но настолько застенчивы, что взирают на гостей только издали.

Семь дней караван идет до Карсакпая.

Канышу повезло — он ехал с лучшим караванщиком. Шенеу сделал все, чтобы показать новому инженеру свою расторопность, и постарался поскорей доставить своего пассажира.

И вот наконец вечером шестого дня они увидели на самой вершине сопки высокую трубу Карсакпайского завода.

В тот знаменательный год Карсакпай походил на аул, только что откочевавший на новое место. Но в ауле может быть лишь десяток юрт, а здесь их стояли сотни. Будто бы целая волость разом перебралась сюда, в узкую долину речки Кумола. Юрты без особого порядка рассыпались на пространстве от старой зимовки бая Карсакпая до подножия сопки Балбыраун, возвышавшейся напротив площадки строящегося завода. Люди селились и по обе стороны Джусалинского тракта. Здесь жили в основном караванщики, они размещались в легких летних косах¹⁴, палатках. На берегу плотины, возле которой плескались воды Кумолы, негде было яблоку упасть. Там строили себе жилье рабочие, приехавшие в Карсакпай с семьями. Чем ближе вода, тем удобней держать мелкий скот...

Строительство здесь развернулось еще в давние времена. Начали его англичане. Они арендовали у бая Карсакпая зимовье сроком на 30 лет, обязавшись уплатить четырнадцать тысяч рублей. Предприниматели построили рудничный двор, плавильный цех, кое-где установили оборудование. Но запустить завод не успели. Как гром с ясного неба грянула революция. И арендаторам пришлось убраться, так и не выплавив ни одного пуда джезказганской меди. Советская власть решила не демонтировать завезенное оборудование, а достроить завод.

Каныш приехал в Карсакпай в год начала работ. По масштабам того времени это была грандиозная стройка, самая крупная в казахской степи. И этот первый медеплавильный завод, который сооружала Советская страна, был первым в жизни инженера Сатпаева. Увиденное поразило молодого геолога: тысячи лопат и тачек. Такое скопление рабочих он видел впервые.

Строительство в Карсакпае в основном велось в двух местах: на площадке завода и вдоль железнодорожной линии. К пуску предприятия должно было завершиться и строительство узкоколейного пути между Байконуром и Джезказганом, протяженностью в несколько десятков километров. В Байконуре имелся уголь, пригодный для плавки меди. Поселок лежал недалеко от Карсакпая по Джусалинскому тракту. Перед своим уходом англичане затопили построенные шахты. Теперь их надо было очищать и достраивать. Джезказган поставлял основное сырье — медную руду. Строить узкоколейную ветку не значило просто отсыпать насыпь, положить шпалы и рельсы, надо еще было соорудить станции, разъезды, разгрузочные площадки, подъездные пути. Кроме того, в Джезказгане запланировали построить обогатительную фабрику. Не возить же пустую породу за шестьдесят километров в Карсакпай. Не рассчитывать же, по примеру англичан, только на богатую руду — это недопустимое хищничество.

Обо всем этом подробно рассказывал Сатпаеву директор комбината Иван Васильевич Деев. Хотя о многом Каньш узнал еще раньше в Москве, увиденное перевернуло представления молодого специалиста о масштабах стройки. Еще больше удивил его директор комбината — столько энергии и энтузиазма у этого бывалого человека. Работы непочатый край, нужно успеть на десятки объектов. Условия жизни невыносимые. Ящик гвоздей и тот везут за четыреста километров. А Деев не унывает. Может быть, он не понимает, за что взялся, не осознает масштабов задуманного? В Москве Каньшу говорили, что завод строит не спец, а фельдшер, что на его кандидатуре настояли казахстанские товарищи.

Деев старый партиец, участвовал еще в первой революции, сражался на Красной Пресне. А в 1913 году после долголетнего заточения был сослан сюда, на угольные копи Байконура. Работая фельдшером среди шахтеров, Иван Васильевич и здесь организовал большевистскую ячейку. Для углекопов он становится своим. Рабочие-казахи называли его «справедливым орусом». Потому и избрали они Ивана Васильевича в состав первого Карсакпайского ревкома, созданного еще в 1918 году. Деев хорошо освоил обычаи и традиции местного населения, знал казахский язык. Именно это обстоятельство сыграло главную роль, когда решался вопрос, кому быть директором комбината.

Иван Васильевич оправдал доверие. Он хорошо знал коренных жителей этих мест и умел с ними по-товарищески ладить. До начала строительства правление треста опасалось, что самым трудным будет организовать транспорт. Но Деев быстро сумел доказать обратное. По первому зову директора степняки пришли на помощь.

Страна нуждалась в меди. Калатинский и Кыштымский заводы на Урале, Баймакские, Карабашские медеплавильни, а также небольшие Аллавердинское и Зангезурское производства на Кавказе были созданы еще до революции. Они давали только половину того количества меди, в котором нуждалось народное хозяйство. Недостающий металл Советское правительство закупало за границей за золото. И правительство решило строить новые медеплавильные заводы.

Первенцем советской цветной металлургии стал Карсакпай.

III

После первых деловых встреч и знакомств Сатпаев решил осмотреть свои владения. Прежде всего он отправился в Байконур и Джебказган.

Следующим пунктом был рудник Кургасын, где добывалось свинцовое сырье; там же примитивным способом из руды выплавлялся металл. Туда приходилось добираться по бездорожью целых двести километров. Но и это считалось сравнительно недалеко. Успенское, Спасское и Карагандинское медные и угольные месторождения располагались еще дальше, до них было верст семьсот, а ведь они тоже находились в ведении Сатпаева, так как принадлежали Атбасарскому тресту цветных металлов. Сегодняшнему геологу преодолеть это расстояние ничего не стоит. На автомобиле за световой день, а вертолетом и того быстрее. Канышу предстояло добираться до каждого из рудников верхом.

В ту первую поездку по Улутаускому району он побывал у горы Найзатас, что возвышается вблизи Карсакпая, обследовал берега рек Джезды и Кенгира и обнаружил здесь сырье для флюсов. Особенно много времени проводит он у джезказганских сопок Таскудык и Милькудук. Это были новые участки разведки. Каныш спускается в шахты, где проводились восстановительные работы. А глубокой осенью геолог едет в далекий Успенск, на Спасский завод, где когда-то купцы Ушаков и Рязанов ставили первые медеплавильные печи. В Карагандинских копиях он знакомится с профессором А.А.Гапеевым — исследователем угольного бассейна. Караганда еще не была тогда известна миру. Вокруг старых шахт стояли десятки полуразвалившихся шахтерских лачуг. Здесь жили разведчики и горняки.

Во многих поездках по окрестностям Карсакпая Сатпаева сопровождали геологи из Ленинграда, специалисты Геолкома, которые по договору с Атбасарским трестом уже два года занимались изысканиями в Улутауском районе. Их руководителем был Иван Степанович Яговкин, открывший несколько месторождений в недрах Сары-Арки. Его считали знатоком Центрального Казахстана. Главный геолог треста встретился с Иваном Степановичем в Джезказгане. Маститый спец с улыбкой приветствовал своего коллегу.

— Прекрасно, прекрасно! Добро пожаловать, молодой человек! — говорил он, радушно пожимая руку Канышу. — Казахская степь давно ждет таких вот исследователей своих, которые с рождения знают ее вдоль и поперек, любят ее суровую природу. Какой толк от нас, приезжих: словно перелетные птицы, весной съезжаемся, а осенью на теплые квартиры... Раз обязали — надо поехать, поковыряться. Вот как мы смотрим на вашу степь! — И, раскатисто посмеявшись, Иван Степанович продолжал уже серьезно: — Десять лет копались здесь англичане, но нашли немного. Пробурили 235 скважин. Наверное, не очень-то верили в землю — глубоко

не забирались. А мы за те два года, что торчим здесь, кое-где прорыли разведочные канавы. Руда есть, но вряд ли месторождение стоит серьезного внимания. Хватит на десяток лет для этого заводишка, и все.

— Вы говорите, вероятно, о богатых рудах. А если еще пустить обогатительную фабрику? — несмело проговорил Сатпаев.

— Вы, Каныш Имантаевич, специалист молодой, — без церемоний сказал Яговкин. — Вам еще в деле надо побывать, пройти, как говорят, огонь и воду... Скажу вам откровенно: если найти в этой глуши не медь, а золото, его и то дороже будет взять. Сами посудите: до ближайшей станции железной дороги четыреста тридцать верст, воды нет, кругом бескрайняя безжизненная степь, население малочисленное и к тому же полностью неграмотное. Степняки умеют пасти скот, а к промышленным делам не приучены. Лучшее, на что они годны, — это караваны водить. А когда кончатся большие перевозки, что им делать? Ладно, открыли мы производство. Кто будет работать на нем? Казахи?.. Техника не отара овец, которую можно криком повернуть куда надо. Делать ставку на рабочих из центральных городов, которые будут трудиться здесь по найму? Нет, они продержатся в Карсакпае от силы несколько месяцев. Когда по-настоящему узнают здешние условия, заводские порядки, сразу сбегут. Это я знаю по примеру наших людей, которых мы нанимаем сюда каждый сезон. Да и как их обвинять? Лето знойное — воробей не вынесет, не то что человек. Зимой бураны бушуют месяцами и холода такие, что носа из дому не высунешь. Овощей днем с огнем не найдешь, питьевую воду везем за несколько километров. Но даже если решили мы проблему рабочих рук — как организовать водоснабжение завода и рудников? Для выплавки меди нужно много топлива. Где его взять? Может быть, назовете карагандинские угли как надежную топливную базу? Но до них семьсот километров с гаком.

— А Байконур?

— Его запасов, дорогой мой, хватит лишь на десяток лет. А потом, это одно название — уголь... Там больше золы, чем горючих веществ. Нет, Каныш Имантаевич! Англичане не дураки, они лучше нас умеют из копейки делать стерлинги. Сами увидите, здесь навалом всякой документации — их разведывательные данные. На глубокое бурение англичане не отважились. Видно, неспроста. Не верили они, будто можно что-то найти поглубже. Поэтому и не стали напрасно тратить деньги. Они все хорошо изучили и строили завод с расчетом на двенадцать лет. Слышите, только на двенадцать!..

— Тогда зачем же столько шума вокруг Карсакпая: разбудим степь от

векового сна!

— Молоды вы еще, — усмехнулся Яговкин. — Строим завод потому, что он уже наполовину готов. По расчетам товарища Дыбеца, управляющего вашим трестом, выгоднее было достроить его, чем вывозить отсюда оборудование. А почему стали вдруг строить с расширением, с перспективой роста? Этого я не знаю. Спросите об этом у руководства. Я был против с самого начала. Да разве это завод? Для связи с рудниками узкоколейка — память девятнадцатого века. Самый надежный транспорт — верблюды, для водоснабжения завода — задержание паводковых вод. Нет, дорогой. Большое дело так не начинают. Большое дело с перспективой на будущее не так ведут...

Через несколько дней геологи отправились в Джусалы. Яговкин еще раз побывал с Сатпаевым во всех точках, где работали специалисты Геолкома, сдал ему все дела.

— Вы намного моложе меня, да и как специалист тоже молоды. Не обессудьте, Каньш Имантаевич, если дам вам пару советов на правах старшего, — проговорил он при прощании.

— Пожалуйста, Иван Степанович. Я буду вам только благодарен.

— У вашего народа есть пословица: крылья птицы крепнут в полете. Умно сказано. Вот и вам даю совет: скорее взлетайте, дорогой, обретайте крылья. Чем выше подниметесь, тем лучше! Поэтому говорю вам: не засиживайтесь в Джебказгане. Годика два поковыряйтесь здесь, обеспечьте этот заводик запасом еще на десяток лет. И хватит с вас, поищите себе какое-нибудь крупное месторождение с перспективой... В геологическом отношении Казахстан пока еще настоящая целина. Вам, молодому специалисту, работать да работать. И вы непременно сделаете сколько угодно интересных открытий! Лишь бы иметь удачу!

За невидимыми сокровищами

I

Когда Каньш уезжал на Улутау, землю уже укрыл снег. Унылая степь из пепельной сразу сделалась белоснежной, как бы разом помолодела. Поубавилось шума и сутолоки, царивших здесь летом. Шло на убыль и движение по караванному пути. Разведочные работы прекратились, люди Геолкома разъехались по домам. И на площадке завода, и на железнодорожной насыпи — всюду темпы строительства поубавились. Все перешли на замедленный зимний ритм.

В Джусалы Каньш Имантаевич задержался ненадолго. Сдав в отдел перевозок станции все материалы разведок — документацию скважин, образцы пород и некоторые другие грузы, он сел в пассажирский поезд до Оренбурга.

Приехав в Москву, Сатпаев сразу же попадает в водоворот кабинетной беготни. Потом потянулись дни, когда он просиживал дотемна в отделе геологии треста — надо было подытожить летние работы: из химлаборатории Геолкома уже поступали первые анализы, их следовало привести в порядок, разобрать кое-какие данные, подсчитать первичные запасы... Что не успевал сделать в конторе, захватывал на дом. И тогда они вдвоем с Тасей работали вечерами. Сатпаевы жили в тесной комнатухе, выделенной трестом. Обстановка была более чем спартанской — молодые не имели даже порядочного стола. Единственное достояние их составляли книги.

«Пожалуй, это было самое интересное время нашей жизни. Кстати, в молодые годы любое занятие кажется интересным, важным. О чем мы мечтали, не перескажешь, и мы чувствовали себя для всего достаточно сильными. А сколько было работы у нас, тоже не пересчитать, но мы на все успевали, — вспоминала Таисия Алексеевна. — Время было такое. Совершенно не думали о быте или о других прелестях домашней жизни, работали так, будто хотели вдвоем свернуть гору. А ведь в Москве было так много мест, где нам хотелось побывать: театры, кинематограф, музеи, концертные залы. Выгадав из нашей напряженной

программы два-три часа, мы шли куда-нибудь. Каныш Имантаевич особенно любил бывать в театрах и музеях. На понравившиеся спектакли он ходил по нескольку раз, в музеях готов был часами простаивать у понравившейся картины. Всего мы с 1926 года прожили в Москве подряд три зимы. Частенько мы ездили в Ленинград. Там находилась контора Геолкома. Здесь мы свободные часы проводили в очагах культуры и искусства, столь богатых и разнообразных в этом городе. Я думаю, что всеохватывающие, глубокие познания Каныша Имантаевича, всегда удивлявшие его знакомых, были получены им именно в те годы. Разумеется, он учился всегда и всюду. Его любопытство было ненасытным, он вбирал в себя многое из однажды увиденного и прочитанного. В те зимы он долгие дни просиживал и в библиотеках...»

— У каждого месторождения своя история, оно имеет своеобразную летопись, — говорил профессор Усов на одной из своих лекций в технологическом. — Ее пишет не один человек. Ее авторы — сотни людей, судьбы которых скрестились на этом клочке земли. Пишут не только чернилами, но иной раз даже кровью. Если желаете, молодые люди, стать настоящими геологами, вам обязательно следует всегда прежде всего изучить летопись исследуемого месторождения — что происходило здесь до вас, кто побывал и что делал, что открыли, чего не смогли найти... Словом, надо пройти по следам прежних исследователей, и только тогда, когда вы уже почувствуете себя достаточно осведомленными, приступайте к самостоятельной разведке. Тогда и успех вам обеспечен...

Каныш хорошо помнил слова учителя. Еще в дни пребывания в Джекказгане он глубоко интересовался историей открытия месторождения. Он исследовал ее не только в разведочных канавах, шурфах или подземных выработках рудников, но и расспрашивал бывалых людей края, рылся в архивах.

Его особенно заинтересовало то, что местность эта издавна звалась так точно, словно решение о ее наименовании после долгих дебатов вынес ученый совет современного геологического института. «Джекказган» значит по-казахски «копающий медь». Имя присвоено не каким-то исследователем, а народом. Значит, он знал не только достоинства просторных пастбищ степи, но и ее подземные кладовые.

Во время хождений по джекказганским холмам молодой человек

обнаружил на старых рудных канавах и выбросах множество следов, доказывавших, что медные залежи разрабатывались с древних времен...

Пройдет пятнадцать лет. Уже хорошо знакомый с историей этих мест, собравший множество научных фактов, Каныш Имантаевич напишет в одном из своих трудов: «Детальное изучение археологических памятников древней культуры, вероятно, позволит в будущем более обоснованно установить время появления и расцвета ее в этом районе. Пока лишь можно говорить об общей возрастной амплитуде в пределах от неолита до медно-бронзовой эпохи развития человечества (2500 — 3000 лет тому назад)».

Но идет только начало 1927 года, и молодой Сатпаев еще ничего не знает об этом. Он часами просиживает в библиотеках Москвы и Ленинграда. Интерес к историческим книгам вознаграждает его удивительными сведениями. Он обнаруживает, что еще греческие авторы Геродот и Страбон указывали: к северу и востоку от Аральского моря обитают кочевые народы «массагеты» и «саки», их страна изобилует медью и золотом. «Все предметы вооружения их — копья, стрелы и секиры изготовлены из меди». Предками каких народов были эти племена? Ясно одно — «земли, лежащие за Аральским морем» — это современный Казахстан и, в частности, Улутау-Джезказганский район.

«В песках Джетиконьра неподалеку от наших зимовий мы находили мальчишками множество медных стрел. Они были в хорошей сохранности, ржавчина их не тронула. Попадались нам даже медные кинжалы», — рассказывал Сатпаеву Рахмет Жаппасбаев, житель десятого аула Карсакпайского района.

В поисках свидетельств о древних рудокопах Джезказгана Каныш наткнулся однажды в библиотеке на книгу «Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году». Некоторые записи этого своеобразного дневника привлекли внимание геолога.

«Мая 11-го дня, 1771 года.

...От сих мест начинается путь каменистыми горами, возвышающимися час от часу более, и в виду нашем приглянувшимися к хребтам горы Улы-Тау именуемой. Высокие холмы, кои лежат на поверхности сих славных гор и кои были видимы в самом дальнем расстоянии, представляли разная и приятнейшая зрелище глазам. Не столько высоты сих гор, сколько камня, на поверхности их лежащие, делали затруднение

путешествующим по ним. Наконец преодолели все трудности, достигли мы речки Тирсакана (Терисаккан. — М.С.), текущей из горы Улы-Тау. Там застигшая ночь принудила расположиться лагерем в 43 верстах расстояния от утреннего стана.

...Знатнейшие реки, выходящие из горы Улы-Тау, суть нижеследующие, — Улы-Карагай-Еланчик, Кенгир, Сары-Кенгир, Джизлы-Кенгир, на коей великое множество медных руд, копаных древними обитателями той страны, также находит признаки золотой и серебряной руды. Кенгири, хотя текут из разных мест, но потом, сообщившись все вместе, выпадают одиноким устьем в реку Сары-Су. При устье сих соединенных рек находятся славные развалины, именуемые Джуан-Ана, что значит «толстая мать». Там поныне видимо великое множество каменных развалин и других остатков древних зданий. Сказывают, что тут была столица Чингисхановых потомков, коих владение распространялось во всех пределах сея страны».

«Дневные записки» Николая Рычкова подтолкнули Каныша к дальнейшим поискам в библиотеках. Следующей находкой его была «Книга Большому чертежу», изданная в XVI веке в Москве. В ней также говорилось, что «из Улутавской горы протекали три реки одним прозванием Кандерлика. Две из них, соединяясь в одну реку, потекли в Сыр-Дарью, а третья в Сары-Су».

Это свидетельство невольно заставляло задуматься. Упомянутый в книге Кандерлик — это нынешний Кенгир, в этом не было сомнения, но почему говорилось о трех реках? Кара-Кенгир и Джебды, соединяясь между собой, действительно впадают в Сары-Су. Но о реках, которые, начавшись в Улутау, текли бы в Сырдарью, никто не слышал. По «Большому чертежу» их было две. Может быть, изменившиеся климатические условия преобразили их русла? А что, если когда-то здесь существовала богатая растительность и множество ручейков, текущих из лесов, давали начало десяткам рек? Раз воды много, то и жизнь другая. Потому здесь мог проходить большой караванный путь. Существовала высокая культура. В многочисленных копиях разрабатывалась медь, и слава мастеров этого края распространялась на тысячи верст, вызывала поток товаров из глубин Азии — от китайского шелка до драгоценностей Багдада. Остатки поселений, развалины дворцов — разве они не свидетельствуют о былом расцвете?.. Прошло много веков. Горячий ветер, постоянно дующий из Голодной

степи, и неостановимое движение песков в конце концов сделали свое дело. Растительность выгорела, постепенно исчезли леса. Пересохли ручейки, питавшие реки. И сами реки сначала изменили русло, а затем тоже исчезли. А это привело к оскудению обитателей края. Караваны перестали ходить этим путем, и ремесло постепенно зачахло. Но осталось как след, как памятник этому искусству название местности — Джезказган. И имя, не затерявшись в веках, дошло до наших дней...

Вот какие картины рисовались перед Каньшем, когда он встречал упоминание об Улутау и его богатствах в старинных книгах.

Но последние 60 — 70 лет джезказганской истории казались Каньшу грустной сказкой. Из документов он узнал, что первым вновь открыл это месторождение широко известный в казахской степи екатеринбургский купец второй гильдии Никон Ушаков. 10 ноября 1847 года он подал заявку Алтайскому горному правлению о найденной в джезказганских сопках медной руде. Через три года он арендовал эти сопки у казахов Кожас-Ибескинской волости за 400 рублей серебром. Богато окисленные руды стали возить подводами на далекие уральские заводы. В 1854 году к Никону Ушакову в качестве компаньонов присоединились Аникий Рязанов и Тит Зотов. Но троица все-таки не сумела извлечь большую выгоду из этого дела. До Урала было далеко, а на лошадях и верблюдах много не вывезешь. Словом, джезказганская медь оказалась не по зубам купцам. Компания вскоре занялась Нилды и Успенскими месторождениями вблизи Караганды и выстроила там Спасский медеплавильный завод. В Джезказгане Ушаков и К^о не проводили никаких работ, ограничиваясь осмотром лежащих на поверхности кусков руды. Чтобы не потерять право на месторождение, компаньоны время от времени делали кое-какие разработки для отвода глаз.

Впоследствии купцы, так и не сумев как следует поставить добычу, продали Джезказган иностранным концессионерам за 260 тысяч рублей. Отныне его владельцем стало так называемое «Акционерное общество Атбасарских медных копей», организованное в Лондоне. Наряду с Джезказганом оно получило в аренду Ескульское месторождение железа, известковый карьер в Улутау и угольные копи Байконура. По данным геологического архива Джезказгана, эта сделка состоялась 29 мая 1909 года.

Но англичане появились здесь задолго до этого — они ковырялись в недрах степи целых три года. А еще в 1904 — 1905 годах специалисты-агенты так называемого «Сибирского синдиката» дважды побывали в Джезказгане и возвратились с обнадеживающими данными. Но английские

дельцы не такой народ, чтобы, подобно русским купцам, очертя голову бросаться в погоню за фантастическими барышами. Эти всегда сначала все разведают, прощупают со всех сторон, подумают, зато потом вцепляются мертвой хваткой. Так было и здесь. В 1906 году в Улутау прибыла партия под руководством Уэста, крупного инженера-геолога.

Уже в самом начале разведочных работ англичане наткнулись на богатые жилы. В первых партиях руды, отправленных на выплавку, содержание меди колебалось от 6 до 32 процентов. Это были неслыханные раньше результаты. Не объявляя о них, иностранные специалисты продолжали разведку месторождения, одновременно занимаясь изучением возможностей выплавки меди здесь, в самом Улутау. Для этой цели в Джекказган направился английский инженер Гарвей. После возвращения в Лондон он выступил перед собранием акционеров с докладом, в котором доказывал, что медь можно получать на месте, не вывозя далеко джекказганскую руду, а в качестве топлива использовать байконурские угли. После этого сообщения интерес к Улутау со стороны английских дельцов особенно возрос. И в конце концов состоялась сделка об уступке месторождения «Акционерному обществу Атбасарских медных копей».

Английская компания разведала в Джекказгане небольшую площадь со средней глубиной скважин 60 метров. Найденные запасы руды оценивались всего в 61 тысячу тонн в пересчете на медь. На Байконуре было пробурено 54 скважины. Обнаружив в двух местах угольные пласты, английские инженеры решили сразу же начать строительство шахт.

В декабре 1912 года правлением общества был утвержден проект, представленный экспертами, по которому предлагалось построить медеплавильный завод и обогатительную фабрику в Карсакпае, две шахты в Байконуре и несколько рудников в Джекказгане. Между собой их должна была соединить узкоколейная железная дорога.

И в следующем году закипела работа. Надо признать, что по тем временам задача представлялась грандиозной. В глухой степи, вдали от железных дорог построить завод! Прежде всего вставал вопрос о доставке туда тяжелого оборудования. Английские инженеры предложили хитроумное решение...

10 ноября 1914 года со станции Джусалы вышел в степь поезд-гигант, состоявший из 278 вагонов и 5 паровозов. Эшелон был нагружен всем необходимым для постройки завода и шахт. Состав растянулся на два с половиной километра. Необычный поезд прибыл в Карсакпай 8 октября 1917 года, пробыв в пути почти три года и пройдя за это время 430 километров по бездорожью. Он двигался по степи следующим образом:

сначала расчищалась полоса длиной 13 километров, на которую затем настился обыкновенный узкоколейный путь, паровозы разжигали свои топки и тянули вагоны с грузом; дойдя до самых последних шпал, караван останавливался на два месяца, рельсы разбирались сзади и начиналась подготовка нового участка пути. Это был поистине колоссальный труд!

Но усилия английских концессионеров оказались напрасными. Они не успели даже установить с таким трудом доставленное оборудование, хоть сколько-нибудь оправдать свои расходы. Наступил Октябрь, и любителям чужого добра поневоле пришлось удирать из степи, не выплавив ни одного пуда меди.

*

Чем дальше вчитывался Каныш в летопись Джекказгана, тем больше удивлялся одному обстоятельству. Какие только знатоки горного дела разных времен не побывали здесь: известные исследователи Центрального Казахстана М.П.Русаков, И.С.Яговкин, профессор А.А.Гапеев. Заграничные специалисты Уэст, Гарвей, Титкомб, Саймон, инженер Нобель. Итальянский геолог Камило Черути, француз Бауэр, американец Сидней Болл. Но их мнения расходились в оценке запасов руды.

В самом деле, каковы залежи меди, таящиеся в джекказганских недрах? На какой площади расположены они и каковы глубины их залегания? А содержание? Может быть, прав Яговкин с его утверждением о поверхностном расположении рудных пластов? И англичане даже не пытались делать разведку на глубине, лишь кое-где они добивались до ста метров. Нельзя сказать, что глубокое бурение было им не под силу. Возможности у англичан были, и еще какие! А может быть, они хотели скрыть запасы месторождения? Ведь двух французских инженеров, которые хотели воочию убедиться в результатах разведки, они близко не подпустили к Джекказгану. Тогда как понять ту шумиху, которую они сами поднимали в Лондоне на собраниях акционеров?

Не только эти вопросы волновали Каныша в те дни. Если решиться самому вести разведку, то какими силами? Ведь своих кадров здесь нет. Яговкин прав: казахи умеют пасти скот, водить караваны, выносливы к невздам. Но они не умеют обращаться с техникой. Значит, вся надежда на приезжих, которых трудно удержать в джекказганских условиях. Сатпаев думал об этом постоянно не только на работе, в правлении треста, но и в часы досуга.

II

В Джекказган он вернулся ранней весной 1927 года. И не один, а с Таисией Алексеевной. Теперь на комбинате стало два инженера-геолога.

В этот сезон Сатпаев решил начать колонковое бурение на рудосодержащих площадях Джекказгана. На первых порах работать должно было небольшое число станков, хотя бы два-три. Поэтому он, еще будучи в Ленинграде, предложил руководству Геолкома подписать договор с Атбасарским трестом на выполнение этих изысканий.

В те годы Геолком был руководящим центром геологоразведочной службы Советского Союза. Под стать масштабу деятельности этой организации подбирались и ее специалисты. Здесь работали самые высокие авторитеты геологической науки — академики, профессора, авторы крупных открытий, чьи мнения при решении дел, касающихся разведки полезных ископаемых, в основном не обсуждались, а беспрекословно принимались за истину.

И вот никому еще не известный и неименитый молодой горный инженер Сатпаев явился в Геолком и обратился к его руководству с предложением о заключении договора на буровые работы в далекой безводной глуши, хотя два года назад Геолком утвердил перспективный разведочный план, по которому колонковое бурение не предусматривалось. Да знает ли он, сколько стоит такое удовольствие в этих краях? Ведь там, ко всему, с огнем не сыщешь ни одного буровика.

— Вы знакомы, молодой человек, с Иваном Степановичем Яговкиным? Этот вопрос в его ведении. Ведь Иван Степанович является главным консультантом геологической службы Центрального Казахстана. Пусть он подпишет вашу заявку, согласуйте с ним все детали, тогда и решим, — сказали ему.

Зная предубеждения своего старшего коллеги, Каныш все же пошел к Яговкину.

— Итак, решились на бурение, хотите попробовать? — с добродушной улыбкой встретил его Иван Степанович. — Думаете, что Джекказган — богатое месторождение? Ну что же, попытайтесь. Для молодого геолога, как вы, это всегда поучительно: хороший урок, так сказать, с отрицательным результатом. Чтобы другой раз не лезть на рожон... Я не буду стоять вам поперек дороги. Если у вашего треста денег навалом, пожалуйста, тратьте их. На много ли вы рассчитываете? На одно лето я добрый, помогу вам.

— Если можно, Иван Степанович, я хотел бы начать сразу с двумя-тремя станками...

— Нет, дорогой. На заведомо сомнительную затею я столько людей выделить не могу. Один станок — извольте, и то из-за уважения к вашей молодости. Если хотите знать, за два года, проведенных в Джекказгане, я сам себе столько добра не делал...

Пришлось удовлетвориться и этим.

И вот, приехав в Карсакпай, Каныш распорядился в ожидании буровиков Геолкома подготовить место для первых скважин. Он выбрал район шахты «Петро», заложенной еще английскими концессионерами. В прошлом году ленинградские специалисты проводили здесь электроразведку на площади 115 квадратных километров. По ее данным были отмечены 34 рудные аномалии.

Бригада Геолкома прибыла в середине лета, и скоро один из оставленных англичанами буровых станков «Крелиус» начал день и ночь мерно постукивать возле старой шахты. Это была двести тридцать шестая скважина за всю историю месторождения и самая первая в жизни геолога Сатпаева. Может быть, потому он возлагал на нее много надежд. Он ждал от нее добрых вестей — встречи с рудным телом хорошей мощности. Это было нужно не только для того, чтобы доказать геолкомовским спецам свою правоту — ему необходимо было обрести веру в свои силы, чтобы смелее идти вперед в дальнейшем.

— У каждого настоящего геолога бывает чувство угадывания, интуиция, которая непонятна случайному человеку, — говорил профессор Усов. — Какие-то внутренние силы толкают его на решительные действия. И он, увлекаемый ими, идет на всякие неожиданные, порою рискованные дела и, случается, совершает такие открытия, которые осторожному специалисту никогда и не снятся. Иногда такие энтузиасты ошибаются. Но чего стоит вера в себя, с этой верой можно идти на штурм небес!

Смелый шаг молодого Сатпаева, выбравшего для разведки слабо изученное место, объясним только этой удачливостью геолога, доверившегося своему чутью.

Надежды его оправдались. На тридцатом метре скважина начала выдавать керн с серым песчаником. Он уже знал, об этом писали английские специалисты и русский инженер Тиме, что для джекказганских руд характерны именно эти серые песчаники, в толще которых вкраплены минералы меди.

Еще через несколько метров скважина показала, что бурение идет через слой медесодержащих песчаников. Керн свидетельствовал, что руда

хорошего качества. Но для того чтобы установить, сколько в ней меди, требовался тщательный анализ. А химлаборатории в Джекказгане не было, и поневоле приходилось теперь ждать осени, когда коллектор буровиков повезет керн в Ленинград, и только к зиме можно будет сказать что-либо определенное о составе пород. Лишь на 48-м метре изменился состав керна. Далее снова шла пустая порода.

237-ю скважину заложили также в районе шахты «Петро». И она на ожидаемой глубине пересекла рудное тело. Мощность пласта оказалась такой же, как и в первом случае, — более десяти метров.

Геолкомовская бригада хорошо поработала в то лето. Всего пробурили семнадцать скважин со средней глубиной сорок четыре метра.

Глубокой осенью буровики, захватив с собой ящики с кернами, отправились в Джусалы, чтобы оттуда добираться до Ленинграда.

Дальнейшее зависело теперь от результатов химического анализа, которые выдаст лаборатория Геолкома. Это должно было решиться зимой, не раньше, чем через два-три месяца. Изрядно поработав, усталые и до черноты загоревшие, Сатпаевы тоже вернулись в Москву.

Снова началась знакомая с прошлой зимы работа — утомительное сидение в кабинетах и архивах, оформление отчетов за лето, изучение документации и проведение подсчетов по результатам летних работ. Полученные в январе данные анализов превзошли ожидания молодых геологов. Сатпаевы засели за арифмометры. И оказалось: на участке «Петро» найден доселе неизвестный мощный пласт руды с богатым содержанием меди. Каньш Имантаевич называет его «Пятой залежью», продолжая нумерацию прежде обнаруженных на этой площади.

Это было первое найденное им рудное тело. В дальнейшем у него будет много таких открытий. Но это первое ему запомнится на всю жизнь. Запомнится потому, что именно рудный пласт, обнаруженный возле старой шахты, послужил ему главным козырем в состоявшемся вскоре принципиальном споре со специалистами Геолкома.

План геологоразведки по Джекказгану на 1928 год он теперь переделывает по-своему: значительно расширен объем буровых работ, вместо ранее предлагавшихся разведочных канав намечается пройти сотни скважин, а для этого предусматривается не один действующий станок, как в прошлый сезон, а несколько. Притом бурить предполагается не только летом, а круглый год. И самое главное — хватит ковыряться в верхних слоях, надо идти на большую глубину, на три, четыре сотни метров...

Специалисты Геолкома не поверили в реальность этих предложений. Они слишком хорошо знали условия Джекказгана. Потому план был

объявлен фантастическим, а автора его посчитали безответственным прожектором. Никто даже слышать не хотел о нескольких буровых, а о постоянно действующих станках тем более. И все-таки Геолкому пришлось согласиться на расширение работ — был составлен договор, в котором говорилось уже о двух «Крелиусах»!..

Тем временем в Улутау происходили волнующие перемены. Считанные месяцы оставались до завершения строительства завода. Байконурские шахты уже начали выдавать уголь. Джекказганские рудники были восстановлены. Действовала узкоколейная железная дорога.

Но трудности еще предстояли покорителям степи.

«...Прервано всякое сообщение с Карсакпаем, и прекращена доставка хлеба, продуктов и оборудования, — сообщалось в телеграмме из Карсакпая правлению треста. — Находящемуся на Джусалах председателю правления К.И.Бронзосу с большим трудом удалось организовать один караван в сто вьючных верблюдов, отправлено 1300 центнеров муки. Бронзос выехал с верблюдами только 18 января. Снежный буран, морозы и гололедица усиливаются. Хлеба хватило до 15 января. По полученным сведениям, навстречу каравану комбинат послал 40 верблюдов. Сегодня мороз дошел до 33 градусов. На Байконуре рабочие-казахи прекратили работу из-за отсутствия продуктов».

Это лишь одна страница суровой, героической летописи Джекказгана. Трудности были на каждом шагу, и заключались они не только в сложностях снабжения и неласковом климате. Не хватало специалистов, сколько-нибудь опытных рабочих рук. Недоставало жилья и хотя бы минимальных бытовых удобств.

И все же воля людей победила. 16 сентября 1928 года при большом стечении народа, собравшегося со всех рабочих площадок и близлежащих аулов, в торжественной обстановке пустили первую отражательную печь Карсакпайского завода. И та самая высокая труба, которую Сатпаев за много километров увидел с Джусалинского тракта, в тот день впервые начала извергать клубы газа, тем самым объявив на всю Улутаускую степь о рождении первого детища казахстанской социалистической индустрии.

А через месяц, 19 октября, в одиннадцать часов ночи первый конвертер Карсакпайского завода начал выдавать металл.

«Исключительной волей и энергией рабочих и административно-технического персонала большой медеплавильный завод Карсакпайского комбината пущен в назначенный правительством срок... — телеграфировали участники торжественного собрания, посвященного этому событию, Председателю ВЦИК М.И.Калинину. — Джекказганские медные рудники, Байконурские каменноугольные копи развернули свою работу по обеспечению сырьем и топливом завода. Карсакпайские горняки, несмотря на исключительно тяжелые условия работы этого района, оторванного от железных дорог, в голодной казахской степи преодолели все препятствия. Три тысячи рабочих и административно-технический персонал поручили нам передать сессии ВЦИК их пролетарский привет и заверения, что возложенная на них правительством задача, несмотря ни на какие трудности, будет выполнена».

III

За лето 1928 года бригада Геолкома, работая с двумя станками, пробурила в Джезказгане 28 скважин со средней глубиной 56 метров. Зимняя проработка результатов сезона добавила к запасам месторождения еще три новые залежи.

И все же этого мало. Не раскрыта еще мощь джекказганской свиты. Так думает теперь молодой геолог. Потому он жаждет кипучей деятельности, широкого размаха. И добивается того, что план разведки на 1929 год увеличен вдвое. Недра Джезказгана исследуют уже четыре «Крелиуса». Они бурят теперь во многих точках рудного района — на Раймундовском, Петропавловском, Никольском и Анненском участках. А один агрегат к осени начал работы в совершенно новом месте, вообще не охваченном разведкой, — на участке Жаргас. Всего за этот сезон добавилось 44 скважины со средней глубиной 58 метров. И вновь открыты три залежи и одно новое рудное поле.

Джекказган постепенно превращался в перспективное месторождение. Запасы росли. Чем шире велась разведка, тем больше увеличивались известные мощности рудных пластов.

Это дало возможность его исследователю выступить в печати со смелыми предположениями. В статье «Карсакпайский район и его

перспективы», опубликованной в первом номере журнала «Народное хозяйство Казахстана» за 1928 год, Каныш Имантаевич писал: «Джезказган представляет в потенции одну из богатейших мировых провинций меди, в пользу которой в будущем уступят пальму первенства большинство известных медных провинций Америки».

Для того времени это был весьма смелый прогноз. Делать такого рода заявления на основе каких-то трех сотен скважин, и то неглубоких, проводить сравнения с мировыми провинциями меди — это казалось многим специалистам просто несерьезным. Но, несмотря на подобные скептические оценки, Сатпаев продолжал свое дело. Наряду с разведкой он создавал, как мог, славу Джезказгану. По его твердому убеждению, это самое крупное месторождение меди в Советском Союзе. Карсакпайский завод, каким бы большим он ни был, не осилит джезказганскую рудную кладовую. Здесь нужен подлинный индустриальный гигант. Нужна надежная связь с внешним миром, а значит, ширококолейная железная дорога. Надо построить в долине Кенгира настоящее водохранилище. А для осуществления всего этого нужны крупные средства. Значит, задания по развитию Джезказганского района придется включить в пятилетний план и считать его директивной стройкой...

Об этом Сатпаев говорил с трибун совещаний, печатал статьи в периодических изданиях. Писал заявки, официальные письма в руководящие хозяйственные органы.

А как смотрело на эти заявления геолога его начальство в Главцветмете?

Вот свидетельство М.П.Русакова:

«К сожалению... чувствовалось непонимание руководством бывшего Главцветмета и его представителями на местах новых, выявленных К.И.Сатпаевым перспектив Джезказгана как будущего крупнейшего медного месторождения в Союзе. По-прежнему в главке исходили из цифр запасов, оставленных нам в наследство концессионерами. Эти немногие десятки тысяч тонн меди (правда, в отменно богатых рудах), по-видимому, в какой-то степени гипнотизировали и научных работников бывшего Геолкома, возобновивших в Джезказгане изучение его недр, но в масштабах, далеко не соответствовавших мощности этого колоссального рудного поля. Эти работники в лучшем случае не могли оторваться в итоге своих работ от оценки Джезказгана

порядком первых сотен тысяч тонн меди и не более. Уже в 1927 году Каныш Имантаевич сделал установку на опровержение этих представлений: не сотни тысяч, а миллионы тонн меди должны лежать в недрах Джекказгана».

Сохранилось много отписок, справок, экспертных заключений, где опровергались ошибочные взгляды «горе-геолога» Сатпаева — «неудачника», который своими лжепатриотическими, псевдонаучными, местническими заявлениями атакует вышестоящие организации. Кто этот Сатпаев? Какие месторождения открыл до этого, чем он обогатил геологическую науку? Нет, если уж говорить о пятилетке, то в план надо включить Коунрадское медное месторождение и строить завод-гигант на берегу Балхаша...

Таково было мнение крупных геологов. Об этом открыто говорили И.С.Яговкин, эксперт Геолкома профессор В.К.Котульский, известный разведчик рудного Алтая, знаток Казахстана. Вот что писал в 1928 году Котульский на запрос института Гипрозем: «Что касается вопроса о возможных ресурсах Джекказгана, то они, по-видимому, в лучшем случае могут превысить вдвое известные сейчас запасы металла».

Словом, чем настойчивее доказывал Сатпаев замечательные перспективы Джекказгана, тем яростнее перечеркивали эксперты его доводы, отказывая в поддержке.

В этом споре справедливым судьей могло стать только время. И спустя десять лет оно рассудило, кто был прав, кто ошибался...

С верблюда на машину

I

Несмотря на трудности и преграды, чинимые экспертами, скептически оценивавшими перспективы месторождения, геологическая разведка Джебказгана с каждым годом расширялась. И завод, хорошо обеспеченный минеральным сырьем, набирал силу. Начали выдавать руду две небольшие шахты, действует небольшая станция, построено несколько жилых домов и производственных сооружений. Вырос небольшой рабочий поселок. Все это сделано за каких-то два-три года.

Однако достигнутое не удовлетворяло главного геолога треста Атбасцветмет. Его не устраивали не только темпы разведочных работ, но и их результаты. Да и поисковые методы оставляли желать лучшего. Обычно только с наступлением весны, когда земля освобождается от снега, на сопках, где были отмечены рудопоявления, начинались буровые работы. Станки приводились в движение дизельными двигателями, для обслуживания которых требовались опытные мотористы, а их-то в Джебказгане не хватало. Дизелям нужны горюче-смазочные материалы. Их доставляли со станции Джусалы. Воду также приходилось возить издалека. Для этого к каждому станку был прикреплен возчик-казах. Обычно на эти работы нанимались местные жители со своими верблюдами и телегами. Поскольку воды не хватало, даже воду из шахт использовали как питьевую.

Бурением занимались в основном специалисты Геолкома, прибывшие из Свердловска. Это были мастера, мотористы, старшие рабочие. Несмотря на хорошие заработки, приезжие постоянно были явно недовольны. Проклинали палящее солнце, ругали все испепеляющий ветер, днем и ночью дующий из Голодной степи; люди не могли привыкнуть к безмолвной однообразной степи, скучали по родным краям, лесистым, многоводным. Даже ночью снятся им говорливые речки, шумящие рощи... Обычно те, кто проработал одно лето в отрогах Улутау, стараются вторично не попадать сюда. Поэтому ежегодно состав рабочих обновлялся чуть ли не полностью.

Такую обстановку Каныш наблюдал в течение трех лет. За это время было открыто множество рудных залежей. Но это стоило слишком больших усилий — из-за любого пустяка приходилось семь потов пролить, а иногда, что греха таить, и на хитрость пускаться.

Для того чтобы изменить такое положение, есть только один путь: взять разведку целиком в свои руки, распорядиться не только средствами, но и всеми кадрами, вести поисковые работы круглогодично, в те сроки, в том объеме и в тех местах, которые определяешь ты сам. Словом, заниматься изысканиями планомерно и постоянно.

Для этого требуются прежде всего средства. И немалые. Ведь нужно создать хорошую техническую базу, воспитать свои кадры бурильщиков — то, чего трест пока не имеет. К тому же в этот год по решению ВСНХ управление Атбасцветмет переведено из Москвы в Карсакпай, что потребовало значительных затрат.

Сатпаевы тоже переехали в Карсакпай. Живя здесь постоянно, они могут круглый год заниматься тем делом, которому посвятили жизнь. Им снова везло, как и три года назад, когда они, только что окончив вуз, попали на Джекказган. Именно в 1929 году Советское правительство выделило большие средства для ускоренного развития цветной металлургии. И обязало предприятия освоить львиную долю отпущенных сумм в ближайшие годы. Немалая часть этих вложений была выделена для Атбасарского треста. Практичный Каньш не мог упустить благоприятный случай и приложил немало усилий, чтобы сосредоточить руководство геологоразведкой в своих руках.

В ноябре 1929 года при Карсакпайском комбинате создали геологоразведочный отдел. Тогда же появился приказ Главцветмета о передаче работ и всей техники от Геолкома вновь образованному отделу. Начальником и одновременно главным геологом его назначался инженер К.И.Сатпаев.

То, что Каньш вынашивал все эти годы, стало реальностью. Теперь у него в руках и буровая техника, и средства. Он имеет право вести разведку в необходимом объеме, волен затрачивать на это значительные средства. Сам себе хозяин!

Но этого было недостаточно, чтобы ощутить себя подлинно самостоятельным руководителем большого дела: когда он получил приказ о новом назначении, оказалось, что в его подчинении нет ни одного бурового мастера, нет коллектора, нет даже лаборанта. Специалисты Геолкома по сложившейся традиции с окончанием сезона разъехались по домам. Уговоры начальника отдела, пытавшегося задержать их, результатов не дали. Перспектива остаться на постоянное жительство в безводной, пустынной глуши никого не прельщала. Как же найти выход? Не поехать ли на поиски людей в Москву, Ленинград, Свердловск? Пойти на обман, посулив специалистам райские условия в Джекказгане? Чего он этим

добьется? Удержит геологов здесь от силы год. А дальше снова таким же способом набирать новых? Нет, этот путь по годится. Когда Каныш мечтал взять разведку в свои руки, он думал иначе. Ему хотелось создать постоянный, спаянный коллектив и по-настоящему разведать недра Джебказгана, добраться до его потаенных глубин.

Сейфуллин С.Н. — геолог, член-корреспондент АН Казахской ССР:

«Я родился и вырос в татарской слободке Атбасара. Это совсем недалеко от Улутау. В 1924 году поступил на рабфак Казанского университета, а оттуда через два года отправился в Московскую горную академию. После третьего курса студенты должны были пройти производственную практику в геологической партии. Нам предоставлялась возможность выбора. По приглашению своего друга Журкина, который работал на Джебказгане, в мае 1929 года я приехал в Байконур и устроился коллектором в геологоразведочную партию Геолкома. Ее начальником был тогда инженер Бурцев.

Однажды в выходной день, когда я один сидел в землянке и что-то чертил, вошел незнакомый молодой человек в форме геолога. Мы поздоровались по-русски. Он некоторое время вглядывался мне в лицо, затем неожиданно спросил на моем родном языке:

— Вы татарин? Не ошибся ли я?..

Это был Сатпаев. Через какие-то полчаса мы уже беседовали как старые знакомые. Видимо, ему понравилось то, что я в воскресенье не гулял, а сидел за работой.

Уходя, он сказал:

— Я скажу Бурцеву, чтобы вас назначили старшим коллектором. Не возражайте, студенту лишняя десятка не помешает.

Все лето мы виделись изредка. При каждой встрече он подробно интересовался моими делами. Признаюсь, я с восхищением смотрел на интеллигентного и участливого инженера-казаха и старался как можно лучше выполнить его задание.

Наступила осень, моя практика подходила к концу. Как-то раз Каныш Имантаевич вызвал меня к себе и сказал:

— Саид, у меня к вам просьба. Положение джебказганской

партии тяжелое. Рабочие Геолкома, несмотря на наши настойчивые просьбы, не хотят оставаться на зимние работы, не приживаются. Надежда на вас. Может быть, для родных мест, ради нашего Джезказгана пожертвуете годом учебы?

Он говорил очень горячо, убедительно, и я, недолго поразмыслив, согласился. Вскоре меня назначили временно исполняющим обязанности начальника буровой группы. К тому же я продолжал по совместительству занимать должность старшего коллектора».

Халык Темирбаев, буровой мастер, старожил Джезказгана:

«...Мой аул расположен в долине Кенгира. В 1929 году была засуха, и посеянный нами хлеб сгорел. К осени многим джигитам пришлось податься в Карсакапай, Джезказган. Скитаясь в поисках работы, я попал в Таскудук, где стояла вышка буровиков. В то время я не говорил по-русски, хлеба не мог выпросить. Русские рабочие не поняли меня, но привели к палатке, стоявшей рядом с буровым станком. Из нее ко мне вышел молодой, представительный джигит, приветливо поздоровался. Я изложил свою историю.

— Хорошо, устрою вас младшим рабочим, — сказал он, — но потом долго не отпустим...

Это было мое первое знакомство с Канышем. В дальнейшем мы до того подружились, что Каныш меня называл Хал-ага¹⁵, а я его Кан-ага.

Обязанности младшего рабочего на буровой — в основном быть на побегушках. Сходи туда-то, принеси то-то. Подвозил на верблюдах воду, горюче-смазочные материалы. Крутил ворот ручных станков, постепенно стал разбираться и в машинах. А поначалу таких названий, как «труба», «стержень», «блок», «вал», «винт», «гайка», просто не существовало для меня. Тогда все это я звал просто железным прутиком или железом с дыркой.

Когда я появился на буровой в Джезказгане, там уже работали пять-десять наших джигитов. Устроившись, я потянул сюда других парней нашего аула. Всякий раз, когда Каныш приезжал проверить работу станков, он спрашивал нас о житье-бытье, о детях. Вытащит шакчу¹⁶, предложит нам. Улыбнется, скажет:

— Не думайте, что вы подрадились на время. Теперь от этой

буровой вам не уйти. Пока не состаритесь, не отпущу вас...

Мы думали, что он шутит. Оказалось, он говорил всерьез. Однажды глубокой осенью приехал невеселый. Собрал нас и говорит:

— Учитесь всему, что делают мастера. Вскоре они уедут, тогда вам придется туго. Ведь буровую забрасывать нельзя — сами будем работать.

Не поверили мы ему. Куда нам без русских работать? Даже колонку боимся держать в руках. А он, Кан-ага, говорил правду. С наступлением первых холодов приезжие отправились по домам. Теперь нам действительно пришлось встать за станки. Поначалу было совсем туго. Каждый день поломки. Час работаем, два часа чиним. Даже готовую скважину загубили: вдруг теряем колонковую трубу, а как вытаскивать ее, не знаем. Таким образом, многодневный труд целой бригады пропал из-за секундной оплошности, иной раз приходилось все начинать сначала. Хорошо еще, Каныш не ругался. Сроду не видели мы такого мягкосердечного человека. Придет, улыбнется, если что-то не в порядке, покачает головой. И станет объяснять, как выходить из положения. Меня он назначил сменным мастером. Но какой же из меня тогда был мастер? Я ведь даже цифры не разбирал на измерительных линейках. Пробуренные глубины отмечал карандашом на палке и при пересменке другой, грамотный мастер отмерял их и записывал в карту. Мудреные названия инструментов я также долго не мог освоить и поэтому придумывал им новые имена. Помню, разводной ключ я называл «крокодил».

Но работал я прилежно, как и все мои товарищи. Со временем не считались. Учились со старанием, лишь бы Каныш был доволен. Может, поэтому и Кан-ага любил нас как родных братьев. Не раз случалось, что он оставался ночевать в нашем бараке, тогда чуть не всю ночь мы проводили за разговорами».

Зверинцев Т.А., буровой мастер, старожил Джезказгана:

«...Я родился и вырос неподалеку от Акмолинска. В 1926 году в газетах появились объявления, что в Карсакпай требуются рабочие. Отец, старший брат и я подались на заработки в

Джезказган. Отец и брат устроились крепильщиками на первую шахту, а я, не годившийся по летам для подземных работ, определился конюхом в хозяйственную часть комбината.

В скором времени произошло мое знакомство с Канышем Имантаевичем. Правда, это сказано, пожалуй, слишком сильно — даже заговорить не смел с инженерами, ведь я был еще мальчишкой. Видно, Сатпаев заметил мою расторопность. Однажды приходит на конюшню и говорит мне:

— Тимоша, хватит тебе ходить за лошадьми. Переходи ко мне. Я набираю людей для разведгруппы. Научись хорошему делу, которое будет кормить тебя всю жизнь.

Я передал его слова отцу. Он сказал: «Сатпаев человек, верный своему слову. Если он тебя заметил, это твое счастье». Я дал согласие и перешел в геологоразведочную партию. В трудовой книжке эта дата указана точно: 25 мая 1930 года.

В то лето мы работали под началом Александрова. Был у нас такой мастер, виртуоз глубокого бурения. Каныш Имантаевич пригласил его из Свердловска, заранее оговорив, что он, кроме исполнения своих прямых обязанностей, будет еще обучать наших людей своему ремеслу. Сначала я был в его бригаде младшим рабочим, а потом Сатпаев назначил меня старшим над десятью парнями-казахами и всех нас прикрепил к Александрову. Почему меня так быстро «повысили в чине»? Думаю, потому, что я был самым грамотным — закончил несколько классов, а это по тем временам было немало. Да и по-казахски я говорил хорошо. Джигиты, которых Каныш Имантаевич приставил ко мне, всегда толпились рядом, когда Александров начинал объяснять, — я для них толмачом был...»

II

Итак, постоянно действующая геологоразведочная служба Карсакапайского комбината начала свою работу. В то время весь ее административный штат размещался за двумя письменными столами в помещении, занимаемом канцелярией главного механика. Да и то один из них постоянно пустовал — начальника отдела можно было скорее найти на разведочных объектах. В Байконуре велись поиски угля, изыскания руды — на Джезказгане. Одна из важнейших задач, поставленных тогда перед

собой молодым геологом, — составить план разведочных работ на 1930 год и добиться утверждения его в главке. В прежнем плане был предусмотрен небольшой рост геологоразведки на Джекказгане. Увеличение отпущенных средств круто изменило положение. Не использовать такую возможность будет непростительной ошибкой. Надо немедленно действовать: добиться того, чтобы на бурении постоянно работало 15 станков, причем половина из них не должна останавливаться и в зимнее время; два-три станка нужно поставить на глубокое бурение. Пора раскрыть загадку глубоких горизонтов Джекказганского месторождения. Ведь никто из исследователей пока не добирался за сотню метров! Необходимы небольшие отряды под руководством опытных, знающих геологов, которые будут вести поисковые работы вокруг месторождения в окружности 100 — 150 километров. Не копать же до бесконечности на сопках Джекказгана. По убеждению Каньша, недра Улутау содержат, кроме меди, и другие полезные ископаемые. А в итоге нужно добиться, чтобы в ближайшие годы в отрогах Улутау постоянно работали 25 — 30 буровых станков.

План разведки, предложенный отделом после обсуждения на техсовете комбината, был утвержден без изменения. Затем Сатпаев повез эти материалы в Москву. Но здесь он встретился с неожиданными преградами. Главметалл не стал сразу рассматривать его планы, а поручил изучить их специалистам Геолкома. А экспортная комиссия Геолкома не спешила согласиться с выводами инженера Сатпаева. «Когда же этот фантазер спустится с облаков на землю?» В конце концов, отклонив его расчеты (было решено, что представленный проект — это утопия, не стоящая внимания), Геолком разрешил встречным документом под названием «Пятилетний план разведки Джекказгана». Теперь джекказганскому геологу было предложено ознакомиться с бумагами Геолкома и высказать свое мнение. Убедившись, что специалисты из центра остались при своем прежнем мнении относительно перспектив Джекказгана, Каньш решил бороться до конца. Он напомнил прежде всего о давних заблуждениях экспертов Геолкома. Теперь же, по его мнению, они не желали верить в большие возможности месторождения. Не потому, что им недоставало данных, а потому, что не хотели признать ошибочными свои ранее сложившиеся воззрения. Но и Сатпаев тоже не тот малоопытный геолог, каким он был три года назад, — теперь он вооружен весомыми доказательствами своей правоты.

Спор разрастался, обе стороны не могли прийти к единому мнению. Для вынесения окончательного решения Главметаллом была создана особая комиссия, которая должна была принять решение на месте, в

Джезказгане.

В начале года специалисты главка под руководством И.С.Яговкина прибыли на месторождение. Они проверили разведанные участки, скважины и их паспорта. Однако свое первоначальное мнение геологи-эксперты не изменили. На их взгляд, проект Сатпаева — фантазия, далекая от действительности. Для Джезказгана ведение разведочных работ в таком широком масштабе неоправданно, да и выдержать предусмотренные планом темпы невозможно. Здесь вполне достаточно трех-четырёх станков. Обеспечить рабочими хотя бы эти машины, и то проблема. В доказательство своей правоты эксперты приводили темп буровых работ истекшего года. Прошлым летом четыре станка сделали всего сорок четыре скважины со средней глубиной по 58 метров. И то их бурили не джезказганцы, а рабочие Геолкома. Теперь усилиями Сатпаева они отстранены от работ. А ведь эти люди хорошо знали Джезказган. Потому-то они и были осторожны в своих оценках. Сатпаев специалист молодой. Ему бы надо быстрее отказаться от местнических представлений и смотреть на окружающее не глазами фантазера, а как подобает технически грамотному человеку. Это будет полезно и для него самого, и для реалистической оценки месторождения. Итак, Карсакпайскому комбинату следует продолжить разведку в прежних масштабах. Таковы окончательные выводы комиссии. К подобному же выводу пришел и геолог В.П.Симонов, эксперт, дополнительно привлеченный Главметаллом. После возвращения из Джезказгана он открыто заявил: «Действия Сатпаева — пустая возня. Постановка разведочных работ в Джезказгане в таком широком масштабе невыполнимое дело».

Спор как будто окончен. Вынесен суровый приговор: умерить фантазию; месторождение рядовое, несомненно, здесь что-то есть, но разведку следует вести осторожно. Нет гарантии того, что колоссальные затраты на широкую разведку оправдаются...

Однако специалисты Геолкома и руководители Главметалла еще мало знали Сатпаева, его твердый характер. Молодой геолог принадлежал к тем людям, что не отказываются от дела, в которое однажды поверили, и готовы бороться до конца.

Он был настойчив и добился наконец рассмотрения своих предложений на заседании горно-металлургического сектора ВСНХ. Обсуждение превратилось в горячий спор. Каждая сторона пришла во всеоружии и не хотела сдавать свои позиции.

— На сегодня вопрос состоит не в том, есть ли медная руда в недрах Джезказгана. Это прояснит будущая разведка. Мы не согласны с товарищем

Сатпаевым, что необходим столь большой объем поисковых работ. Считая, что руда месторождения недостаточно изучена, неясен ее генезис, мы предлагаем вести разведку Джекказгана без спешки, постепенно. Это позволит нам расходовать средства понемногу и рационально. В условиях отдаленной степи, где совершенно отсутствуют кадры разведчиков, — это единственно правильное решение. А товарищ Сатпаев хочет поступить наоборот. По его мнению, Джекказган — самая настоящая медная провинция. И поэтому он считает, что разведка должна идти здесь широким фронтом и в ускоренном темпе. Ради этого он даже идет на авантюристический шаг. Как иначе назовешь его выступление в партийной печати республики под громким названием «Большой Джекказган»? Спрашивается, где он вычитал об этом или с кем согласовал данный термин? Сатпаев выдумал его сам и рекламирует везде и всюду. Короче говоря, масштабы Джекказгана еще требуется доказать — действительно ли большой он или малый... Это раз. Во-вторых, какими силами коллега хочет вести широкую разведку, не располагая обученными кадрами? Он хочет за один год кочевника-казаха превратить в бурового мастера. Разве это мыслимо? Нет, и поэтому надо назвать возможные результаты такого эксперимента своим именем. Это именуется у нас: пустить государственные средства на ветер.

— Что скажете на это, товарищ Сатпаев?

— Сначала я хотел бы выразить свою благодарность специалистам Геолкома. Потому что эти же товарищи всего три года назад заявляли мне: в Джекказгане-де нет ничего стоящего и поэтому незачем там проводить буровые работы. Теперь оказывается, там кое-что есть, но разведку нужно вести не спеша...

— Говорите по существу, это не доводы.

— Если говорить по существу, я должен открыто высказать свое удивление детскими рассуждениями некоторых взрослых людей относительно наших степей. Не так давно специалисты, которые даже не видели месторождения, без стеснения сделали вывод, что меди там быть не может. А другие, приезжая в Джекказган на два-три дня, увидев голую заснеженную степь, говорили: «В таких местах невозможно вести разведочные работы...» Я тоже хочу назвать некоторые вещи своими именами, как призывали здесь мои оппоненты. Их подход — самый безответственный подход к государственному делу... Чтобы не продолжать этот спор дальше, я предлагаю: недра Джекказгана нужно разведать широким фронтом на большую глубину. Для этого требуется много средств, техники, необходимы кадры буровиков. Но в первую очередь

нужны ваше доверие и поддержка.

— Вы, вероятно, понимаете, что просите не сто или двести тысяч, а миллионы?

— Да, я умею считать деньги.

— Как же вы хотите решить вопрос с кадрами разведчиков?

— Выступивший передо мной товарищ вызвал улыбки слушателей, когда упомянул о кочевнике, который, оставив своего верблюда, пришел на буровую. Мне кажется, это вовсе не смешно. Это явление, которое должно нас радовать, которое мы должны всецело одобрять! Ведь это пришел к нам человек, разбуженный нашим социалистическим преобразованием. Это не следствие духа местничества, а патриотический вклад, вносимый вчерашним кочевником в великие свершения, которые ежедневно происходят на родной его земле. Конечно, я не утверждаю, что кадровый вопрос у нас решится совсем легко. Но, во всяком случае, мы будем стараться не выпрашивать у вас специалистов... Только выделите нам достаточные средства для подготовки буровиков.

Но долгое обсуждение ничего не дало джезказганским разведчикам, ассигнования не были увеличены. Сектор ВСНХ все же предпочел поверить экспертам из Геолкома во главе с профессором В.К.Котульским, и предложенный Сатпаевым пятилетний план широкой разведки Джезказгана провалился. Взамен ему почти насильно сунули мизерную программу Геолкома.

Что оставалось делать? Смириться и, признав свое поражение, вернуться в Улутау? Нет! Он как никогда уверен в себе, в подземных богатствах джезказганских недр. И решает искать новые пути. Весной 1930 года он попал на прием к председателю Госплана СССР академику Г.М.Кржижановскому... Неизвестно, какие доводы он приводил и в какой обстановке проходила беседа, но факт то, что после этой встречи Главметалл вынужден был выделить дополнительные суммы на разведку. Геологоразведочному отделу Карсакпайского завода отпустили не только средства, но и предоставили буровую технику; положительно решился и вопрос о кадрах.

Дальнейшая судьба дела зависела от недр Джезказгана. Подтвердятся ли прогнозированные запасы руд? Оправдают ли доверие люди, на которых возложено столько надежд?..

Свидетельствует эксперт Всесоюзной комиссии по запасам полезных ископаемых Комитета по делам геологии при СНК СССР М.П.Русаков:

«...Сразу же бросалась в глаза, во-первых, минималистическая тенденция в оценке общих перспектив Джекказгана с учетом лишь богатых руд, как это делали и английские концессионеры; во-вторых, крохоборческий подход работников Геолкома к масштабу проводившихся здесь геологоразведочных работ... И конечно, нельзя было не согласиться, что... К.И.Сатпаев совершенно правильно и впервые в истории этого рудного поля определил и его масштаб, и масштаб перспективных запасов меди в недрах Джекказгана, которые можно и должно было выявлять не тысячами метров бурения, а многими десятками и сотнями тысяч метров... Не могу забыть, как... Каныш Имантаевич сказал мне: «Я очень ценю и понимаю такие твои крупнейшие достижения, как Коунрад, Алмалык и прочие, но поверь мне, Михаил Петрович, не пройдет и 15 лет, как наш геологоразведочный коллектив в Джекказгане сделает здесь несколько Коунрадов. Я в этом больше чем уверен». Такова была сила научной интуиции и здорового оптимизма у молодого Каныша Имантаевича, которому тогда чуть перевалило за тридцать лет».

III

В эту зиму должны были работать три станка. Когда Каныш возвратился из Москвы, все они стояли. Оказалось, что отдел снабжения комбината не выделил леса для сооружения навесов. В Джекказгане был настоящий голод на строительный материал.

Правда, готовый лес есть в Джусалах, лежит целыми штабелями. Но его нужно как-то подвезти. А где взять транспорт для доставки? Из-за общей необеспеченности комбината в Карсакпае то и дело получалось по пословице: «Хвост вытащишь, нос увязнет». Постоянно где-нибудь случались прорывы.

Так как станки остались неутепленными, двигатели работали с перебоями, часто в них замерзала смазка. В итоге в один из морозных дней все три «Крелиуса» совсем смолкли. А раз остановились «кормильцы», как рабочие называли свои станки, среди обслуживающих их буровиков начались пересуды, ворчание. Некоторые даже уехали в свои аулы.

Если надеяться на подвоз леса, пожалуй, до весны придется сидеть без дела. Надо что-то срочно предпринимать. После долгих раздумий Каныш

решил использовать казахскую юрту для обогрева станков. Ту самую, что далекие предки его когда-то изобрели для жилья. В персональном архиве академика, находящемся в Институте геологических наук, сохранилась фотография бурового станка, обнесенного такой юртой.

Такой выход из положения мог показаться нищенским, но он давал определенные выгоды: юрту легче переносить с места на место в сравнении с деревянными будками, да и срок службы ее намного дольше. Если же отапливать «буржуйкой», то внутри будет куда теплее, чем в дощатом сарае. Походное жилище кочевника привилось на джезказганских буровых, им часто пользовались и в последующие годы. Комбинат приобрел специально для геологов несколько юрт. Таким образом, станки, которые впервые работали в зимних условиях, больше не останавливались и в дальнейшем бурили без перебоев.

На обслуживании «Крелиусов» теперь было занято в два-три раза больше рабочих, чем обычно. Приходилось идти на это: бурение шло в непривычной обстановке, а люди плохо знали технику. Это приводило к перерасходу заработной платы. Повышалась и стоимость каждой пробуренной скважины. Но была от этого и польза — Каныш считал зимние буровые школой подготовки кадров.

К летним разведочным работам он начал готовиться сразу после возвращения из Москвы. Группу молодых людей, отобранных еще осенью, направил в Ленинград. Они должны были в течение пяти месяцев обучаться на курсах буровых мастеров. Придавая огромное значение этому делу, Каныш Имантаевич отправил в качестве сопровождающего группы Таисию Алексеевну.

В самом Карсакпае также были открыты школа ликбеза, курсы по подготовке буровиков, коллекторов, лаборантов, токарей, слесарей и шоферов. На некоторых из них преподавал сам Сатпаев, он привлек к обучению новых рабочих, специалистов-геологов, инженеров и даже прибывших на производственную практику студентов. Каждый квалифицированный рабочий обязывался обучить своему ремеслу товарища, который трудится рядом.

Понять тогдашнюю обстановку помогают лозунги, пестревшие на страницах газет того времени: «Неграмотный рабочий не может работать на буровой. Буровая — это не скот, который можно погонять камчой, это техника, которая подчиняется только грамотному человеку», «Безграмотный хуже слепца, овладевай грамотой, рабочий казах!», «Ормантай научился грамоте, и его назначили мастером. Зарплата его стала вдвое больше. Берите пример с Ормантая Елжасова!», «Проснись, казах,

настала пора пересаживаться с верблюда на машину!», «Запись на буровую еще продолжается. Если придешь сегодня, еще не поздно».

Необходимо было ускорить обобщение результатов ранее проведенных разведочных работ и сделать подсчет запасов руды. А комбинат к тому же требовал изыскать воду в районе Карсакпая — с ростом производства и в питьевой воде стал ощущаться недостаток. Пришлось снять один станок с Байконура и перевести его на поиски воды. Зимой, когда Сатпаев был в Москве, он договорился с некоторыми геологическими организациями, что они проведут в районе Улутау топографические и геологические съемки. Подписано соответствующее соглашение с Геолкомом. С наступлением весны прибыли топографы, за ними последовали геофизики. Те и другие требовали людей и подводы. На крайний случай просили местных проводников. И все это лежало на начальнике геологической службы комбината.

В прошлом году, когда Каныш был на месторождении Болаттам, он видел выходы пиритиносного лигнита. Зимой образцы тамошних пород были отправлены в центральную лабораторию в Ленинград. Результаты анализа вышли обнадеживающими. После этого было предложено не возить для Карсакпайского завода пирит с Урала, а использовать в качестве флюсов болаттамскую руду. В выгоде предложения никто не сомневался, однако каковы запасы нового месторождения, расположенного в 180 километрах от Карсакпая? Оправдано ли открытие рудника? Этот вопрос также требовал проведения детальной разведки.

Молодой геолог никогда не забывал и о Байконурском месторождении угля. Результаты изысканий были неважные, да и бурение проведено неглубокое и слишком выборочное. Разведанные запасы не смогут обеспечить работу завода на длительное время. Памятуя об этом, геологический отдел развернул поиски угля, и в результате буровики обнаружили угольный пласт в урочище Киякты. По мнению Сатпаева, эти запасы несколько превышали мощности Байконурского месторождения. Здесь тоже была необходима детальная разведка. А возможности отдела пока не позволяли вести все эти работы одновременно.

Весна 1930 года застала Каныша в таких заботах. Джекказганская партия приступила к работе с семью станками. Однако начальник отдела и на этом не успокоился. Весной он дважды ездил в Свердловск и привез оттуда немало буровиков. Один из них старый знакомый — мастер Александров. С его прибытием два станка перешли на глубокое бурение, в подмогу свердловчанину были выделены самые расторопные и сообразительные местные парни. Их задачей стало перенять у опытного

буровика секреты его ремесла. А в начале июня из Ленинграда возвратилась группа молодых людей, которые обучались там всю зиму и весну. Сразу же по приезде каждый из них получил по станку. Таким образом, еще восемь машин приступили к бурению. Были открыты химическая лаборатория, кернохранилище и мастерская. Чтобы постоянно иметь повсюду свой глаз, нужен был транспорт. После долгих хлопот Канышу удалось организовать собственный конный двор, и нескольких лошадей всегда держали наготове, чтобы любой инженер геологоразведочного отдела мог при первой же надобности выехать в партию. Но и это казалось недостаточным беспокойному начальнику отдела... И вот два старых, потрепанных автомобиля марки АМО заняли свое место рядом с конюшней; они послужили основой для будущей автобазы геологоразведки. Одна из машин постоянно тарахтела около дверей конторы или подле квартиры Каныша Имантаевича.

С удлинением светового дня увеличились темпы работ. Росли мастерство и навык рабочих. Егизек Байсалбаев пришел на буровую в числе первых казахов. По природе любознательный, понятливый, он прилежно изучал новое ремесло. Сметливый джигит приглянулся Канышу Имантаевичу, и скоро Сатпаев отправил его в Каратау к знаменитому американскому специалисту, прибывшему для обучения буровиков в Ачисайское месторождение. Пробыв два месяца у заморского мастера, Егизек научился чеканке алмазных коронок. Впоследствии это позволило геологам Джебказгана сэкономить много средств, используя алмазную крошку вместо закупки новых дорогостоящих коронок.

Многие из квалифицированных рабочих были приглашены со стороны. За дополнительную плату каждый обучал своего помощника. Несмотря на то, что такая подготовка кадров обходилась дорого, она себя оправдала.

Некоторые из приезжих оставались в Карсакпае насовсем. Одним из таких мастеров был Геннадий Ильич Бабаилов. Он и раньше бурил скважины в Джебказгане, в те годы, когда здесь вершили дела английские концессионеры. После их отъезда он вернулся к себе в деревню под Смоленск. Бабаилов был человеком свободлюбивым, мастером на все руки, жил одиноко, промышляя по деревням Смоленщины как кузнец. Случайно в газете ему попадает заметка об открытии Карсакпайского завода, и он, недолго думая, снова отправляется в места, памятные ему с молодых лет. Старые горняки, особенно буровики, до сих пор вспоминают его как своего наставника.

Вот свидетельство одного из них, Ахмедия Тулекбаева:

«Одна из замечательных черт Каныша Имантаевича — знание не только тайн земли, но и умение распознавать людей, их души. Как быстро он распознал доброе сердце Бабаилова! Однажды Канеке привел к нам русского с огромной окладистой бородой и сказал: «Друзья, уважайте этого человека как родного отца и учитесь его ремеслу. С сегодняшнего дня назначаю Геннадия Ильича главным врачом всех наших станков. Он человек бывалый, знающий свое дело...» Я проработал на буровой тридцать лет. За все эти годы не встречал другого такого мастерового человека, как Бабаилов. Он был неразговорчивый, но добрый, безотказный. Вы могли прийти к нему в час ночи и попросить отремонтировать станок. В таких случаях он молча вставал, делал один-два глотка из бутылки, которая всегда стояла у его изголовья, и шел налаживать остановившуюся машину. Возится, бывало, подолгу, иногда сутки, но, пока не запустит станок, не уйдет с буровой. Были у Бабаилова и свои слабости. Когда выпьет — а у него была склонность к этому, — мастер начинал по любому поводу и без повода на чем свет стоит бранить окружающих. Те, кто долго знал умельца, притерпелись к его пороку и не обращали внимания на сквернословие. Но вот один из новых рабочих, только что поступивших на буровую, не выдержал ругани Бабаилова и ответил ему той же монетой. Когда в бригаду пришел Каныш Имантаевич, этот новичок, Сейтказы Карсакпаев, пожаловался: «До каких пор этот старик будет оскорблять нас!» Канеке улыбнулся и говорит: «А ты знаешь ягоду долана?» — «Знаю — та, что растет на колючих кустах». — «Так вот, Сейтказы, Геннадий Ильич как тот куст долана: сверху колючки, а за ними доброе сердце. Верно, иногда он перебирает. Но надо прощать человеку его недостатки, особенно пожилым людям. Без таких мастеров нам несдобровать. Так что забудьте, джигиты, ваши мелкие обиды». Бабаилов и в тридцать третьем, самом тяжелом для Джекказгана году, не оставил Каныша Имантаевича, как поступили некоторые. Трудности и невзгоды делил наравне с нами. Геннадий Ильич много труда вложил в наше дело, его нельзя забыть».

Свидетельствует Т.А.Сатпаева:

«...Человеку, привычному к другому климату, освоиться с климатом Джебказгана было... не так-то легко. Безрадостная полупустынная степь; необычайно жаркое лето с температурой до 40 — 45 градусов и такими же морозами зимой; дожди как редкостное явление; почти непрерывающиеся ветры, переходящие летом в пылевые, а зимой в снежные бураны, почти постоянное жалобное завывание ветра в печной трубе, действующее на нервы; полное отсутствие овощей и фруктов в первые годы работы комбината, а в связи с этим развитие цинги — все это было малопривлекательным и создавало большую текучесть как среди рабочих, так и технического персонала.

Как раз в это время мы только что потеряли с Каньшем Имантаевичем нашего первенца-сына из-за неопознанной дифтерии. Сама я страдала цингой, и, надо сказать, мое мужество поколебалось. Жить еще в этой оторванности хотя бы от хорошей медицинской помощи, в этом климате, без овощей, которые иногда даже снились во сне, казалось невозможным... А геологоразведочная служба росла и крепла от года в год. Управление и камералки ее уже размещались в больших домах как в Джебказгане, так и в Карсакпае. Существовало уже просторное помещение для вновь организованного научно-исследовательского сектора. Уже имелось несколько микроскопов, биноклярных луп и других точных приборов; работала своя шлифовальная мастерская, а руды и породы Джебказганского района подвергались точным петрографическим и минералографическим исследованиям. Зарождался геологический музей. Постепенно росла научная геологическая библиотека... Тонкости бурового дела также осваивались. Ни одна новинка в этой области не проходила мимо нашей партии...»

Сложившийся и с каждым днем набиравший мастерство коллектив геологоразведчиков не замедлил показать хорошие результаты. План геологоразведочных работ 1930 года, который был назван специалистами Геолкома чистой фантазией, оказался намного перевыполнен. В тот год буровики прошли 126 скважин глубиной в среднем 82 погонных метра. Это в два с половиной раза больше, чем было пробурено за предыдущие три

сезона силами Геолкома. Разведанные запасы руды увеличились в несколько раз.

Таким образом, вопрос геологических кадров для Джекказгана был решен окончательно. Курсы, которые действовали в Карсакпае, постоянно пополняли ряды разведчиков. На комбинате стало со временем столько квалифицированных рабочих, что появилась возможность часть из них направить на самые передовые предприятия перенимать опыт.

Если в прошедшую зиму с трудом были укомплектованы рабочими три станка, то зимой 1930/31 года на сопках Джекказгана регулярно работали десять станков и обеспечить их буровиками не составляло труда. В следующую зиму постоянно действовали уже шестнадцать станков. А летом на Байконуре и Киякты, на Джекказганском хребте располагалось 27 буровых.

Каныш Имантаевич, худой и долговязый, носился на автомобиле от одной бригады к другой. А иногда являлся в сопровождении двух машин, нагруженных запасными частями и горючим, часто с группой инженеров и техников. Ведь к этому времени возросло не только количество станков, но и штат был дополнительно укомплектован инженерами, техническим персоналом. В отделе вторым районным геологом работал горный инженер С.А.Букейханов. Буровые работы возглавил инженер П.М.Никитин. Т.А.Сатпаева выполняла обязанности инженера-петрографа. Все это были специалисты с высшим образованием и большим опытом.

Увеличение числа специалистов позволило расширить поле деятельности геологического отдела. Теперь детально разведывались железомарганцевые руды в районе. Джекды и Найзатасе, Кургасынское свинцовое месторождение, где стоял давно заброшенный заводик горнопромышленника Рычкова. А в Киякты разворачивалась самостоятельная партия.

Каныш был прирожденным вожаком, пример которого вдохновлял всех. И, кроме всего, он любил работать в поле...

Из воспоминаний Т.А.Сатпаевой:

«Увлечшись полевой работой, Каныш Имантаевич совершенно забывал о времени и буквально от зари до зари без всякого отдыха мог с неослабевающим вниманием предаваться любимой работе, проделывая пешком за день не один десяток километров и как будто не чувствуя усталости, достаточно утомив при этом своих спутников.

Во время работы в поле он за целый день, даже в самую жаркую погоду, не брал в рот ни глотка воды и останавливал от этого своих спутников. И только лишь вернувшись вечером в лагерь, с наслаждением «упивался» хорошо заваренным крепким чаем, часто при этом приговаривая: «Вот кто достоин быть героем самой высшей степени, так это тот человек, который первый оценил чай как замечательный напиток.

Отдохнув и освежившись после чая, приступали к обеду, продукты для которого в виде свежей дичи всегда были заготовлены постоянно сопровождавшим Каныша Имантаевича в его маршрутных поездках шофером Петром Киселевым (как его звал Каныш Имантаевич), страстным охотником на дроф и уток. С невиданным аппетитом съедалось в компании целое ведро чудесного, ароматного, пахнущего слегка дымком от костра супа из дрофы или другой дичи. Вкусней такого ужина, казалось, ничего не могло быть. За едой Каныш Имантаевич со свойственным ему юмором любил над кем-нибудь подшутить и рассказать или послушать какую-нибудь интересную и забавную историю, от всей души посмеявшись при этом, что придавало всей обстановке теплоту, простоту и задушевность. Много разных приключений бывало в этих поездках. То, пробираясь по бездорожью и ориентируясь лишь по компасу к какому-либо отмеченному лишь в старых заявках месторождению, попадали в пухляки (сильно засоленные рыхлые участки глинистых почв) и возились с вытаскиванием забуксовавшей в них машины; то от сильной жары без конца лопались старенькие камеры колес, и приходилось тут же приклеивать на них заплатки, то искали переезд через речку и застревали в прибрежных песках.

Во всех этих приключениях Каныш Имантаевич сохранял свой оптимизм и юмор, вспоминая вечером очередные дневные происшествия и посмеиваясь над комическим положением кого-либо из их участников.

Зоркий взгляд геолога по дороге приковывали все выходы пород, все мелкие проявления какого-либо оруднения. Так, например, в этих поездках Канышем Имантаевичем было открыто месторождение фосфоритов в урочищах Досмагамбет и Карагайлы. В этих же участках были установлены глауконитовые пески, которые по рекомендации Каныша Имантаевича вскоре же с успехом начали применяться для опреснения технических вод и

очистки паровых котлов на Карсакпайском заводе.

Эти поездки, когда приходилось пробираться часто по бездорожью, по полупустынным «кара джолам»¹⁷ в сопровождении местного жителя — любителя-проводника, для Каныша Имантаевича были настоящим счастьем и наслаждением. Зовущие дали степи, насыщенные крепким запахом ароматной полыни, звонкие песни жаворонка, первый скромный весенний цветок, чудесные краски вечернего заката — ничто не ускользало от широкой души Каныша Имантаевича, такой же необъятной, как и его родной Казахстан. Вдохновляясь окружающим, он, сидя в кабине с шофером, пел любимые песни своего народа, отличавшиеся лиричностью и задушевностью мелодий. Заезжая на короткий отдых в какой-либо случайно встретившийся по дороге аул, Каныш Имантаевич привлекал всех своей дружеской простотой в обращении, своей приветливостью, готовностью выслушать каждого, помочь советом, а если нужно, то и делом. И повстречавшиеся с ним случайно люди, обласканные его добротой, никогда не забывали этих коротких с ним встреч. Если ему приходилось через год или позже ехать в эти же края, то нередко, подъезжая к знакомому уже по старой поездке аулу, он заставал там приготовленный свежий айран или кипящий самовар, поставленный задолго до его приезда по услышанному в степном чистом воздухе тарахтению его старой машины, где никто, кроме Каныш-ага, не колесил по этим местам. С радостью и любовью встречали его «старые знакомые», для которых этот приезд был уже теперь настоящим праздником...»

Годы испытаний

I

Зима, была трудная: перебои с дизельным горючим, нехватка шаров для станков, жесткие нормы на продовольствие... И бездорожье, и капризы погоды — все это было против буровиков. Но ничто не могло остановить налаженную работу. Ведь и люди стали более закаленными. Ряды разведчиков Джекказгана не поредели из-за житейских тягот; успешно преодолев необычайно тяжелый тридцать второй, геологи во всеоружии встретили новый, тридцать третий год.

Разведанные запасы руды ежегодно растут. Они уже достигли колоссальной цифры. Рубеж, который считался специалистами Геолкома и комиссией Главметалла последним пределом для Джекказгана, был превзойден еще в начале 1929 года. Последующие результаты изысканий оказались поистине сказочными. Если тридцатый и тридцать первый годы были временем подготовки кадров и увеличения площадей разведки, то тридцать второй стал годом подведения первых итогов. Раньше разведочные работы производились на известных рудных участках Джекказгана — на Соркудуке и Милыкудуке. А в тридцать первом, несмотря на сомнительные результаты электроразведки, Каньш Имантаевич перевел буровые работы на северное направление, в район Таскудука. Вначале бурили одновременно на двух участках. В первых скважинах руда не была обнаружена. Но тем не менее главный геолог дал распоряжение начать разведочные работы тридцать второго года опять с этих площадей. Предчувствие не обмануло его. Вскоре буры встретились с новым мощным рудным телом, распространенным на большой площади. Ранее безлюдное, голое урочище быстро стало обживаться разведчиками, здесь вырос настоящий рабочий поселок. С увеличением глубины бурения увеличивались и известные запасы руды.

Именно в эти годы Джекказганская геологоразведочная контора, которая уже не называлась, как раньше, отделом Карсакпайского комбината, стала вести работы и за пределами Джекказгана. Каньш Имантаевич создавал легкие поисковые отряды, которые каждое лето колесили по обширной территории Джекказгано-Улутауского района. Они проводили комплексное изучение минеральных богатств района. Результаты не заставили себя долго ждать. Были открыты разнообразные

рудопроявления марганца, железа, угля и других полезных ископаемых. Выявлены месторождения стройматериалов, и началась оценка их запасов и изучение технологических свойств...

Именно с этих пор Каныш Имантаевич взял себе за правило комплексное изучение района месторождения, сделал это основополагающим принципом всей своей деятельности как геолога.

В тридцать втором году изученные запасы Джезказгана были рассмотрены Всесоюзной комиссией по запасам полезных ископаемых (ВКЗ). Необходимые материалы отвозил в Москву сам Каныш Имантаевич. Он прожил в столице более месяца, терпеливо дожидаясь заключения экспертов. Наконец ВКЗ утвердила представленные расчеты почти без изменения, и богатства недр Джезказгана сразу же стали признанным сокровищем, охраняемым специальным государственным актом.

В судьбе месторождения теперь наступил важный этап. По этому акту оно получило право называться самым богатым, самым перспективным меднорудным районом страны. Теперь уж никто не мог упрекнуть геолога Сатпаева за то, что он именовал месторождение «Большим Джезказганом». В тот год издательство «Цветметиздат» выпустило книгу Каныша Имантаевича «Джезказганский меднорудный район и его минеральные ресурсы». Автор заключал: «...Джезказганский район является на сегодня крупным центром медных руд в Советском Союзе; наряду с медью в этом районе имеются крупнейшие запасы серного колчедана и железомарганцевых руд; кроме того, здесь имеются все объективные возможности для создания цементных, огнеупорных изделий, стекольной, фарфоро-фаянсовой и угольной промышленности... Для скорейшего освоения минеральных ресурсов Джезказганского района необходимо: а) срочно связать Джезказган железнодорожной колеей с Карагандой, протянув эту магистраль через Атасуйский железорудный район; б) окончательно определить производительность Джезказганского медно-металлургического комбината, отнеся строительство этого медного гиганта к числу сверхударных строек Советского Союза; в) максимально усилить темпы геологоразведочных работ в районе, придавая им широкий комплексный характер; г) наметить в качестве рабочей гипотезы второго пятилетия создание в Джезказганском районе комбината по выплавке черных металлов, завода ферромарганца и других производственных центров».

А что касается темпов изысканий, то и в этом джезказганские буровики оказались на высоте. Еще в 1931 году они вышли на первое место в системе Главцветметразведки, обеспечив проходку более двадцати тысяч

метров скважин только за один год.

Каньш Имантаевич, и раньше не сомневавшийся в исключительных перспективах Джезказганского месторождения, везде и всюду рассказывал о его значении и преимуществах, используя для этого любые возможности. Беседы с приехавшими в Карсакпай известными учеными, руководителями республики, многочисленные выступления в центральной и местной печати — все возможности использовались для пропаганды идеи Большого Джезказгана.

В итоге эти меры достигли цели. Джезказган стал чаще фигурировать в разных выступлениях и документах. В 1931 году ВСНХ принял постановление о проектировании строительства медеплавильного завода на базе Джезказганского месторождения. И вскоре началась работа проектантов, которая неизменно привлекала внимание Каньша Имантаевича.

Все шло, как было задумано. Джезказган уверенно вступил в период бурного развития, пробил наконец для него час расцвета. Казалось, ничто уже не может остановить его богатырскую поступь. Люди окончательно и бесповоротно поверили геологу Сатпаеву и Большому Джезказгану.

И как было не поверить? Ведь уже летом тридцать второго года на будущей стройплощадке комбината началась разработка бутового камня и других материалов. Единственное, что серьезно беспокоило Каньша Имантаевича, это водоснабжение будущего металлургического гиганта. И геолог снова проявил колоссальную энергию и организаторские способности, сумев привлечь к решению этого вопроса крупнейших специалистов. Договорились, что гидрогеологические исследования района начнутся в 1933 году.

А изыскатели, окрыленные началом строительных работ, вели свои дела с удвоенным рвением и энтузиазмом. Сама геологоразведочная служба Джезказгана представляла собой к этому времени уже крупный и своеобразный комбинат. Геологи постепенно начали переносить из Карсакпая свои основные службы в места разведки.

Неожиданная слава Джезказгана удивляла многих. Ряд крупных специалистов с сомнением отзывался о его перспективах. Это скептическое отношение вызывалось тем обстоятельством, что огромный объем работ был выполнен маленьким разведочным отделом небольшого комбината в сжатые сроки и в совершенно необжитой степи. Все это, по мнению критиков, не способствовало высокой точности исследований. А руководителей Главцветмета (к этому времени Главметалл вновь был преобразован в Главное управление цветных металлов) вообще пугала

слишком грандиозная, почти сказочная перспектива Джебказгана. «А вдруг все это окажется липой? Разве не ошибаются специалисты?..» И они с самого начала повели двойную игру. Не отказывали джебказганским разведчикам в средствах, но одновременно прислушивались к голосам их противников...

II

Тягостная весть дошла до Карсакпая в феврале 1933 года. Телеграмма из Главка оповещала джебказганцев о прекращении финансирования разведочных работ. Правда, говоря по справедливости, финансирование было закрыто не полностью, оставлен... один процент из ранее утвержденной сметы на 1933 год. Но если вспомнить, что круглосуточно работали 27 станков, да и другие службы не сидели сложа руки, то отпущенной суммы не хватало даже на выдачу расчета всем семистам рабочим и инженерам за работы, сделанные ими с начала года.

Нелепое распоряжение Главцветмета прозвучало как гром среди ясного неба.

Мырзабек Тунгушбаев, бывший буровой мастер:

«...Никогда не забыть мне лишений сурового тридцать третьего года. Тяжелую зиму, когда из-за свирепых буранов и нехватки кормадохнет много скота и люди остаются ни с чем, казахи издавна называют джутом. Для нас такой джут наступил в том году. Нашим скотом были буровые станки, которые мы «стерегли» во все времена года, днем и ночью. Они кормили нас, одевали. Наша судьба и хлеб наших детей зависели от их безостановочного тарахтения. Ну а раз лишили нас станков, то мы считаем, что наступил джут.

Вот как это началось. Однажды всех нас, буровиков, вызвали в Карсакпай. Было сказано прибыть всем рабочим буровых без исключения. Нам стало ясно: что-то случилось. Ведь Канеке нас особенно часто на всякие собрания не созывал, зря не беспокоил. Изредка собирал лишь старших буровых мастеров.

Мы думали поначалу, что нас собирают на какой-нибудь митинг, но тяжело было на душе — неизвестность пугала, и в клуб приехали все до единого. Оказывается, прибыли и люди из Байконура, Кияктов. Собрались почти все работники

геологоразведки. Как сейчас помню, Канеке сказал собравшимся:

— Получен приказ о прекращении разведочных работ. Все вы не позднее завтрашнего дня получите расчет. Почему это случилось, я вам объяснить не могу. Однако у меня нет сомнения, что это ошибочный, неправильный приказ. Богатства Джекказгана никаким приказом не упразднишь...

Сообщение Каньша подействовало как ушат ледяной воды. От растерянности в первый миг мы сидели молча, словно немые. А когда пришли в себя, начали шуметь. Весь зал загудел как улей. Одни кричали, что это вредительство, а другие говорили: «Давайте напишем письмо Сталину». После продолжительного спора обратились к Сатпаеву:

— Дорогой Каньш, укажи выход из этого тупика. Без тебя нам не выбраться из него. Где мы найдем работу?

Он был всеобщим любимцем и ничего не скрывал от нас, рабочих, не юлил. Всегда говорил открыто и честно. И в этот раз он ответил нам так же прямо:

— Друзья мои! Джекказган в таком неясном состоянии надолго не останется. В конце концов разведочные работы будут возобновлены. Однако, когда это случится, я не могу сказать. Сам я лично никуда отсюда не уеду. Буду работать, если надо, даже бесплатно, хотя бы пришлось продать последнюю рубашку, буду доказывать и добиваться признания правоты своего дела. С этой дороги не отступлю никогда...

Он сказал, что собирается ехать в Москву. И предложил нам: «Те, кто верит мне и богатствам Джекказгана, могут остаться в партии. У меня нет средств, чтобы платить вам ежемесячную зарплату. Однако все трудности и невзгоды будем делить пополам. Что буду иметь на своем столе я, все ваше. И хлеб и трудности пополам...»

Собрание не смогло прийти ни к какому решению. Разошлись. И после в продолжение нескольких дней каждый из нас находился в состоянии неуверенности. Трудно было решиться на что-либо определенное. Каньша знали много лет, верили ему безгранично. И в эти трудные дни покидать его не хотелось, но как жить, как прокормить семью? Ведь детей любовью к Каньшу не пропитаешь! Так думали многие. Но я не мог оставить Канеке, когда для него настали тяжелые времена. Когда я пришел к нему домой, он уже собирался в дорогу. Это было где-то в конце

февраля.

Говорю: «Канеке, остаюсь с вами. В дальний путь отправляйтесь, зная об этом. Поделим все трудности и радости поровну, как вы сказали...» Он меня обнял и крепко-крепко пожал руку. Вдруг, вижу, слезы на глазах у него показались. Разве утерпишь в такую минуту — я тоже прослезился...»

Мырзабек Тунгушбаев был не один. Тех, кто пожелал до конца остаться с Сатпаевым, чтобы сражаться вместе с ним за Большой Джекказган, было 72 человека. Начались самые трудные и одновременно героические дни долгой джекказганской эпопеи.

«Пришлось передать многие цеха разведки: гараж, мастерский, лаборатории — в ведение производственных предприятий комбината, сократить количество действующих буровых станков. Уволить желающих и малоопытных людей и предоставить многим отпуска без сохранения содержания, — пишет в своих воспоминаниях Таисия Алексеевна, — но надо было любой ценой сохранить высококвалифицированные кадры, выпестованные собственными руками. Эти люди оказались действительно во всех отношениях золотыми. Не желая бросать своей любимой работы, первоклассные мастера переходили на должность младших рабочих. Каныш говорил, что все эти невзгоды временные, и они верили в своего Каныша... Проведя ряд срочных мероприятий на месте, Каныш Имантаевич немедленно выехал на лошадах в условиях зимних морозов и неистовых буранов в четырехсоткилометровый путь на станцию Джусалы, далее в Москву в надежде предотвратить любыми путями угрозу окончательной ликвидации геологоразведочной службы в Джекказгане...»

III

В Москве он пробыл долго, почти до самой весны. Пришлось многократно обойти все инстанции в Главцветмете и в Главном геологоразведочном управлении ВСНХ СССР. Главную задачу — возобновление широкой разведки Джекказгана — пока приходилось оставить в стороне, теперь он думал лишь о том, чтобы любой ценой сохранить кадры разведчиков. Однако и это поначалу представлялось неосуществимым, а все его заявления и просьбы оставались без внимания. Собственно говоря, никто не отвечал ему «нет», просто компетентные лица не хотели больше заниматься решением этого вопроса. Самая большая

сложность для него состояла в том, что ни один из руководителей, ни один из специалистов, к которым он обращался, не отрицал наличия в Джезказгане медной руды. С ним никто не спорил и не доказывал обратного. Главным доводом бюрократов было: «Джезказган находится в отдаленной необжитой степи, дороги отсутствуют; открывать там крупное производство — дело сомнительное; ведь необходимо построить несколько сот километров железной дороги; надо искать воду — хорошо если она найдется, а если нет?.. Топлива нет, почва неплодородная. Хлеба там не посеешь, овощи не посадишь. И вы хотите, чтобы люди там работали? Другое дело Коунрад: почти у стен его плещется озеро Балхаш, и рудная база там надежная. Причем это месторождение разведан геолог Русаков, крупный знаток казахских степей. Теперь на базе коунрадских руд строится Балхашский медеплавильный комбинат. А кто этот Сатпаев? Есть ли открытые им месторождения? Если есть, какие там предприятия были построены? На каком основании он объявил Джезказган «самым крупным в СССР меднорудным месторождением»? Кто поддерживает это мнение, какие корифеи были в Джезказгане и проводили там капитальные исследования?.. Говорят, когда-то там ковырялись англичане, затем геолкомовские спецы. Все они оставили Джезказган как сомнительное месторождение. Даже такой знаток, как И.С.Яговкин. Правда, ВКЗ утвердила запасы Джезказгана, выполненные сатпаевской группой. Ну и что же? Как он проходил скважины? Кто проверял керны? Джезказганская лаборатория? Хм... Проводились ли дополнительные проверки ее анализов? Скажем, хотя бы в одной из центральных лабораторий. Нет. Вы утверждаете, что результаты Джезказганской лаборатории вне всякого сомнения. Но ведь это, дорогой товарищ, личное ваше мнение. Только ваше! А мы имеем право думать несколько иначе. Средства, которые нам доверило государство, необходимо направить туда, где они принесут отдачу уже сегодня. В ближайшие пять-десять лет в Джезказгане не предполагается вести крупное строительство. Ведь туда нужно вложить колоссальные суммы, сотни миллионов. Не так ли? Вы сами это не так давно доказывали. А раз для этого пока нет условий, стало быть, и разведочные работы необходимо пока прекратить...»

Однако к этому времени Каньш Имантаевич был уже человеком, повидавшим жизнь, закаленным в разных передрягах. У него есть солидный практический опыт и свои принципы. Ему уже тридцать четыре года, из них восемь отданы геологической работе. И самое главное — в тот момент для него не существовало силы, которая могла бы заставить его отказаться от дела, в которое он безгранично верил.

Потому он и жил в Москве месяцами, не уставая добиваться своего. Наконец в апреле после долгих мытарств, при помощи союзного Госплана и Совнаркома Казахской ССР удалось удвоить размер средств, отпущенных Главцветметом для джезказганских геологов. Но и этих дополнительно выделенных сумм могло хватить при самом экономном расходовании только на два-три месяца. Поэтому тогда же, в Москве, Каныш Имантаевич начал искать иные источники финансирования.

Одним из них оказался трест «Золоторазведка». Трест располагал достаточными средствами, только ему нужно было гарантировать, что они не пропадут, обернутся новым золотым прииском. Примечательно то, что его не интересовало, на каком расстоянии — в тайге или в пустыне — будет найдено месторождение. Главное — обнаружить проявления золотосодержащих руд. Каныш Имантаевич, не задумываясь, заключил договор с трестом. «Золоторазведка» обязалась перечислить джезказганской конторе несколько сот тысяч рублей, а он как начальник службы взял на себя ответственность за поиски и последующую разведку этого мнимого месторождения золота. Годы, проведенные в Джезказгане, убеждали Сатпаева, что улутауская земля богата многими полезными ископаемыми. И даже благородными металлами. Почему же не использовать их в тяжелое время для успеха главного дела?!

Он заключил договор и получил средства также от Института угля для разведки Кияктинского месторождения. Правда, и это казалось несколько сомнительным шагом. Ведь было ясно, что собранные таким способом небольшие средства он не сможет направить на разведку по договорным работам. Все до копейки они будут использованы для нужд Джезказгана. Однако кредитор не окажется в убытке. Выделенные средства будут возвращены с лихвой — не зря же в последние два года три-четыре буровых станка постоянно работали в отдаленном Киякты.

После возвращения домой можно будет дать задание инженеру Бурцеву, чтобы он составил надлежащую основательную документацию для Института угля, использовав для этого материалы разведки прежних лет. Конечно, это был не лучший выход из положения, но ничего другого не оставалось.

Каныш выяснил, что трест «Лакокрассырье» тоже ищет организацию и сырье для производства зеленой краски — «ярь-медянки». Сатпаев не такой барин, чтобы сидеть и ждать, пока сами явятся к нему просители. «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». В конторе треста он увлеченно рассказывает, что вокруг Улутау можно найти любой из видов медянки. Во время поисковых походов его люди несколько раз встречали

проявления этого сырья. «Может быть, направить вам в помощь группу разведчиков?» — «Нет, нет, зачем специально наряжать в такую даль отряд! Если это люди, знающие капризы нашей степи, тогда другое дело. Но лучше заключите договор с нашей конторой. Людей у нас не так уж много, но из уважения к вам могу выделить одного-двух инженеров и двадцать-тридцать рабочих».

После нескольких деловых встреч и с этим трестом был заключен договор. Понятно, что, подписывая такое соглашение, Каньш Имантаевич шел на большой риск. Ведь он не собирался снаряжать оговоренную договором экспедицию. Однако «Лакокрассырье» также не окажется в убытке. Сырье, которое ищет трест, можно хоть завтра отгружать тоннами. В Дзезказгане его предостаточно. Ведь вся окисленная медная руда, которая лежит в карьерах тысячами тонн, и есть то самое сырье для «ярь-медянки».

Вот строки из работы академика Сатпаева «Минеральные ресурсы Дзезказган-Улутауского района»:

«...Всесоюзный трест «Лакокрассырье» еще в 1934 — 1940 гг. широко использовал... руды, выработывая из каждой тонны дзезказганской окисленной руды краски на сумму более 10 тысяч рублей. Такая сверхприбыльность предприятия позволяла тресту «Лакокрассырье» возить окисленные руды Дзезказгана на транспортных самолетах и выделять геологоразведчикам Дзезказгана ежегодно свыше одного млн. руб., которые использовались для планомерного расширения ресурсов Дзезказгана».

Некоторую сумму удалось получить от казахстанской базы Академии наук СССР. Здесь Каньш Имантаевич заключил договор для проведения исследовательских работ на тему «Общее геологическое строение Дзезказгана».

Итак, не склонив в свою веру никого, но и не побежденный, Сатпаев в конце мая возвратился в Улутау с некоторыми средствами. Прежде всего рассчитался с оставшимися рабочими за прошедшие месяцы, выдав им мизерные зарплаты. Постепенно достал необходимые инструменты, горюче-смазочные материалы, дефицитные детали для станков, пустил в дело привезенные из Москвы алмазные коронки, бывшие в употреблении. Но поскольку средств все-таки было очень мало, он предложил преданным делу людям вообще обходиться без наличных денег. «Зарплату получите натурой — семейные в виде продуктов, а холостяки пусть питаются из общего котла, в столовой. Так удобнее и экономичнее нам, — объяснял он своим рабочим, — придется потерпеть. Иного пути у нас нет...»

И они терпели. Мало того, Сатпаев потребовал от них неукоснительного выполнения пятилетнего плана разведки Джезказгана, принятого три года назад. По тогдашним расчетам, ежегодно должны были работать не менее двадцати буровых станков. А сейчас не было и половины — не хватало рабочих для их обслуживания. Теперь каждый станок должен работать за три, каждый буровик за троих. Бурение некачественных скважин считается вредительством. Каждый грамм горючего для двигателей должен быть взят на учет. Необходимо беречь любой обломок металла, каждый килограмм шаров должен быть использован с наибольшим эффектом.

Трудно сказать, какой из факторов оказался решающим — оптимизм ли и непоколебимая вера главнокомандующего джезказганских геологов, удивительная ли самодисциплина его людей, но горстка мужественных энтузиастов, терпя лишения и невзгоды, добилась поразительных результатов.

Вот свидетельства некоторых участников этой героической эпопеи.

Мырзабек Тунгушбаев:

«Что и говорить, мы были в таком положении, которое сегодня кажется невероятным. Работали без зарплаты, питались из общего котла. В месяц нам выдавали по 50 граммов чая. На каждого члена семьи в день получали 200 граммов черного хлеба. Ну и еще по миске жидкой похлебки. Были случаи, когда из-за отсутствия горючего приходилось бурить скважины ручными станками».

Халык Темирбаев:

«Однажды на участке Таскудык мы нечаянно забили скважину. Колонка застряла и не подается ни туда ни сюда. Даже Бабаилов ничего не смог сделать. Кан-ага (так уважительно мы называли Каныша Имантаевича) был в Карсакпае. Услышав об аварии, он сразу же приехал и собрал всех в контору. Вид у нас, конечно, был неважный. Одежда ветхая, сами исхудавшие. Как назло, в тот день расплавился подшипник двигателя еще одного станка. В довершение ко всему один из младших рабочих пожаловался на мастера. В общем, собрание с самого начала

пошло кувырком. Неожиданно Кан-ага вскочил: «Что же я доложу партии и правительству, как я посмотрю в глаза руководству?» Произнеся это, он вдобавок еще ударил кулаком по столу так, что стоявшая там чернильница слетела на пол. От неожиданности я вздрогнул. Мне пришлось проработать рука об руку с Кан-ага подряд двенадцать лет. И позже он неоднократно приезжал к нам. В общей же сложности я знал его около тридцати лет. И в те годы и впоследствии я больше не видел его таким разгневанным. Он весь побледнел. Стоит посреди комнаты, дрожит весь, вид изможденный. Огромные глаза запали, скулы заострились, плечи поникли. Что и говорить, переживания последних месяцев и его довели до такого состояния. На его окрик в тот момент никто даже рта не раскрыл. Сидели в глубоком молчании. Через некоторое время он пришел в себя, почти успокоился и начал говорить уже другим тоном: «Извините, это случайно вышло, не хотел я вас ругать, что поделаешь, нервы подвели...» — и покраснел от смущения. Когда мы расходились, Ахмедия Тулекбаев говорит: «Эй, Халык, ведь он ругал не только нас, но и себя. Видно, тяжело ему. Если нам суждено умереть, пусть это случится на буровой. Давай будем спать там в будке, зато еще часок-другой к смене прихватим. Ведь Кан-ага тоже ради нас себя не жалеет». Ребята у меня были крепкие. Выдюжили, план того месяца, как ни бывало трудно, перевыполнили».

Павел Прокопьев:

«Меня до сих пор удивляет стойкость тех парней. Ей-богу, ежедневно мы работали по 15 — 16 часов. Часто не возвращались в общежитие, а оставались ночевать на буровой. И зарабатывали-то совсем немного, почти гроши. Таков был энтузиазм людей!.. Я был холостым. Исполнял обязанности старшего коллектора, а зарплату получал за младшего рабочего. Иногда и этого не доставалось. Только я виду не подавал, терпел. Сейчас вот думаю, как же терпели те, кто имел семью, детей. Все видели, как тяжело Каньш Имантаевич переживал неудачи. Кстати, в тот год он больше бывал в Москве, чем в Джекказгане. Как вернется, сразу на буровую — одного угостит куревом, другого «насыбаем»¹⁸,

расспросит, как дела, внимательно осмотрит сделанную работу. Даст указания о дальнейшем ведении разведки и, попросив «Потерпите, ребята!», снова уезжает ходатайствовать за нас. Иногда выезжал в Коунрад, Ачисай и оттуда привозил инструменты, запчасти. Мы, правда, не сидели сложа руки, если случались поломки, составляли из старых деталей исправные узлы, а чего не было, ухитрялись изготавливать сами».

Так прошел 1933 год. Известные запасы Джезказгана снова увеличились. Но разведка все же могла вот-вот прекратиться из-за недостатка средств. Вся надежда была на те организации, которые в прошлом году отговаривались: «Средства нынешнего года уже распределены, может быть, сможем что-то выделить в следующем...» Вот и наступил этот следующий, 1934 год. Обстоятельства для Джезказгана несколько не изменились. Стало даже труднее — Главцветмет категорически отказался финансировать геологоразведку и в прошлогоднем объеме. Если в минувшем году хотя бы приводились какие-то объяснения, то нынче джезказганцы не слышали в главке даже этих слов. Все шло к тому, что они вскоре окончательно лишатся всякой надежды на получение помощи.

Осенью за счет средств, добытых «на стороне», рабочим была выдана зарплата за последние пять-шесть месяцев, были возвращены в ведение геологов некоторые вспомогательные помещения, отнятые комбинатом, приобретены дефицитные запчасти, пополнен станочный парк. Теперь, в начале года, вновь приходилось отступать: последовала передача ряда цехов разведки производственным предприятиям комбината (хорошо было уже то, что дирекция предприятия понимала ситуацию и делала все возможное, чтобы сохранить кадры разведки), многим ценным работникам были предоставлены длительные отпуска без сохранения содержания. Снова приходилось отправляться в Москву на поиски очередных заказчиков для подрядных работ, наносить бесконечные визиты в Главцветмет, Главное геологическое управление... В Джезказгане работали лишь три станка. Рабочих оставлено ровно столько, чтобы обслуживать эти станки.

Трест «Золоторазведка» был доволен прошлогодними результатами. Получено две заявки об открытии двух месторождений золота. Результаты анализов обнадеживающие. Есть надежда еще на две заявки. Если содержание металла и здесь будет удовлетворительным, то трест готов в

новом году содержать в Джезказгане специальную партию геологоразведчиков.

«Может быть, товарищ Сатпаев временно оставит разведку меди, тем более что его заслугами по этой части пока пренебрегают, и перейдет в наше ведомство? Средства будут выделены большие, можете вести поиск золота на территории всего Казахстана, никто вас ограничивать не будет». Но планы джезказганского геолога были иными. Он хорошо знал, что будущее Улутауских степей не золото и не серебро, а медь. Он вежливо отклонил предложение «Золоторазведки», но не отказался от сотрудничества с трестом. Заключил договор, в котором обязывался и в будущем году найти новые золотоносные жилы.

Подобный договор был заключен и с Институтом угля. «Ведь надо же наконец подытожить результаты разведки угля в Улутауских степях за несколько лет».

В такой маете дожили до лета.

Лишь в июле по ходатайству отдела ресурсов Госплана СССР Главцветмет выделил средства, которые были к тому же намного скромнее прошлогодних, причем предупредил: «Это в последний раз, и больше для Джезказгана не будет выделено ни копейки». Для Каныша теперь было все равно, лишь бы дали деньги. Пусть ругают, пусть закатят выговор. Только бы не оставили без средств. Он предчувствовал, что в выигрыше будет Джезказган, а не его противники. Ведь такую сокровищницу никакими резолюциями не закроешь. Богатства недр Сры-Арки обязательно станут предметом первостепенной заботы металлургов. Но вопрос, когда это случится?..

Конечно, он понимал, что всем уже надоел. Да и самому ему давно надоело попрошайничать. А каково тем, кто работает в поле? В неопределенном состоянии, без уверенности в завтрашнем дне, не зная, что получат за сегодняшние труды. Долго ли смогут они терпеть?

Летом при встрече в Москве со своим наставником Михаилом Антоновичем Усовым Каныш без утайки рассказал о своих мытарствах и попросил его совета. Через несколько дней они встретились с профессором Московского института цветных металлов В.А.Ванюковым. Тот сказал:

— Мне кажется, что в вашем деле сможет помочь лишь товарищ Серго. Только надо его убедить в этом. — И еще раз с нажимом добавил: — Вы меня поняли? Надо убедить Орджоникидзе в уникальности сокровищ Джезказгана.

— Если б я смог попасть к нему на прием, я бы убедил наркома. Фактов достаточно, больше чем надо. Сколько угодно самых неотразимых

доказательств.

— Нет, дорогой, одних ваших материалов еще недостаточно. Не обижайтесь на мои слова. Результаты разведки надо еще довести до кондиции. Скажем, утвердить на каком-либо авторитетном заседании техсовета или коллегии, в общем, надо их провести через обсуждение больших, компетентных специалистов. А вот после такой апробации можно сказать: «Товарищ Серго, не только я так считаю, но и ученый совет такой-то организации...» Понимаете?.. И тогда можно отстаивать свое мнение. А насчет того, чтобы попасть к наркому, не беспокойтесь. Так как за вас просит уважаемый Михаил Антонович, я готов сказать несколько слов Григорию Константиновичу.

— Говорите, авторитетное учреждение? Об этом и мы в Джекказгане уже думали.

— На мой взгляд, нужно остановиться на Академии наук. Если б удалось протащить ваш вопрос на ее специальной сессии...

— Мне кажется, дельный совет, — сказал профессор Усов. — На технический совет вашего главка надежды нет, от Геолкома ждать помощи тоже нельзя — ясно, что эти организации настроены против идеи Большого Джекказгана. Они наверняка постараются провалить вашу затею. Зачем тогда напрасно время терять? Поэтому, перешагнув через них, надо идти прямо в академию. Если сессия поддержит Большой Джекказган, против ее постановления не сможет выступить ни одна организация, ни один ученый совет.

— Разумеется, если академия станет говорить с нами, ведь это такое научное учреждение... У меня ведь нет никакого веса в ученом мире... — проговорил Каньш Имантаевич.

— Но если академия станет говорить с вами, вы, судя по всему, не сомневаетесь, что ваше предложение будет поддержано, — с улыбкой заметил профессор Ванюков.

— Не знаю почему, но я уверен в этом. Мне кажется, что ученые должны безошибочно определить, что к чему.

— Михаил Антонович, кажется, ваш ученик пойдет далеко.

— Давайте сделаем так: я беру на себя переговоры с Владимиром Афанасьевичем Обручевым. А перетянуть на нашу сторону академика Андрея Дмитриевича Архангельского поручается вам, уважаемый, — сказал Усов, обращаясь к Ванюкову, — ну еще беру на себя и академика Ивана Михайловича Губкина. А если мы предварительно договоримся с этими тремя зубрами, то считайте сессию уже открытой. А дальше видно будет...

IV

Вторая половина тридцать четвертого года была посвящена подготовке задуманного. Шутка ли: выйти с проблемами Дзезказгана не куда-нибудь, а на сессию Академии наук СССР. Дзезказганцев будут слушать прославленные корифеи, известные всему свету! На карту окажутся поставлены судьба месторождения и надежды всех, кто, безгранично веря в своего вожака, вот уже полтора года мужественно сражается вместе с ним. Победа или поражение? Середины не будет. Значит, все помыслы, все силы направить на то, чтобы победить.

Каныш Имантаевич с удвоенной энергией продолжал выступать в прессе. Журнальные и газетные статьи преследовали одну цель — как можно доходчивей рассказать о наболевших проблемах Большого Дзезказгана, привлечь к этой идее новых сторонников.

Одновременно в ускоренном темпе, насколько это было возможно, продолжались разведочные работы. К осени 1934 года группа дзезказганских геологов снова произвела генеральный подсчет запасов и представила на утверждение в ВКЗ. В отличие от предыдущих материалов в этом отчете были отдельно учтены запасы свинца, цинка и серебра. К выкладкам приложили геологическую записку, составленную самим Сатпаевым. По сути дела, это были предварительные наброски его доклада на сессии. Здесь были обстоятельно изложены основные черты геологического строения и закономерности металлогенеза Дзезказганского района.

Медно-свинцовые руды Дзезказгана образовались в результате длительных процессов. Они отлагались из среды газо-водных растворов глубинного магматического очага, рассекавших на своем пути куполовидную структуру Дзезказганской свиты. Достигнув верхних слоев земной коры, рудные растворы пропитывали пористые песчаники, характерные для Дзезказгана, и отлагали в их порах свой металлический «груз». Так возникли «слоеные пироги», иначе говоря, богатые рудные пласты этого месторождения.

Наиболее важным в этой работе явилось установление впервые в геологической науке определяющего значения горизонтальных внутрипластовых зон тектонических нарушений типа пологих надвигов и линз расслаивания, игравших решающую роль в процессах миграции и локализации первичного оруднения в пределах Дзезказгана.

И еще один важный вывод следовал из этой работы: геолог-практик

впервые выступал как серьезный теоретик. Это было очень существенно, так как Сатпаев собирался выступить перед ученой аудиторией.

В тот год состоялся XVII съезд партии. Читая Отчетный доклад ЦК ВКП(б) и материалы съезда. Сатпаев обратил внимание на те строки, которые говорили о необходимости «упорядочить дело цветной металлургии». Значит, и в Центральном Комитете знали о беспорядках в Главцветмете. И это обнадеживало и вселяло уверенность в будущем успехе.

А делегат Казахстана, председатель Совнаркома республики Ураз Исаев, выступая перед посланцами партии, подчеркнул: «Запасы Джекказгана установлены с предельной точностью. Мы должны теперь же провести ряд подготовительных работ по освоению этого месторождения, чтобы к концу текущей пятилетки начать строить Джекказганский медеплавильный комбинат».

И вот подошло время созыва сессии Академии наук СССР. Она состоялась в Москве в ноябре 1934 года. Сессия была подготовлена казахстанской базой академии. Рассматривался вопрос «Производительные силы Большого Джекказгана и Большого Алтая».

В обсуждениях приняли участие представители 57 геологических и горнодобывающих организаций. Здесь были ученые с мировыми именами, видные инженеры, знаменитые геологи. Среди них признанный корифей Владимир Афанасьевич Обручев. Поговаривали, что вопрос о Большом Алтае был вынесен на рассмотрение сессии вместе с Джекказганом по его инициативе. Разве возможно было говорить отдельно о каком-то Джекказгане? Многие участники сессии и название это слышали впервые. Никому не знакомо и имя докладчика. Даже ученой степени и званий у него нет... И этого неизвестного геолога будут слушать десятки академиков, профессора с громкими научными биографиями. Знаток нефти Иван Михайлович Губкин, строитель Днепрогэса Борис Евгеньевич Веденеев, ученый-геолог Андрей Дмитриевич Архангельский. Кто этот Сатпаев рядом с ними?..

После утверждения повестки дня председательствующий предоставил слово для основного доклада геологу Сатпаеву.

На трибуну поднялся высокий молодой казах с черными волнистыми волосами. Тот, кто видел его впервые, мог бы дать ему не тридцать пять, а всего двадцать пять лет. Было заметно, что докладчик волнуется, поначалу улавливалась дрожь в голосе.

— Уважаемые ученые, коллеги-геологи! — начал он. — Вопрос о Джекказгане и его проблемах родился не сегодня, о нашей меди говорят

уже давно. В этом смысле вопрос уже с бородой. — Люди, сидящие в зале, одобрительно заулыбались. Выступавший приободрился и продолжал далее: — В Джезказгане за последние десятилетия побывало немало специалистов, много геологов видели его рудные залежи... Однако должен с сожалением констатировать, что до сегодняшнего дня Джезказганом с научной точки зрения никто серьезно не интересовался. Он считался отдаленным, следовательно, малоперспективным месторождением. В геологическом отношении он оставался совершенно не изученным, даже загадочным. Только теперь впервые судьба Джезказганского месторождения благодаря заботам и вниманию уважаемых наших академиков, присутствующих в этом зале Архангельского, Обручева, Байкова, Губкина, вынесена на ваше обсуждение. Мы, несколько джезказганских геологов, находящихся здесь, выражаем сердечную благодарность всем вам, уважаемые ученые, за то, что вы уделили нам свое драгоценное время...

За этим вступлением последовал обстоятельный рассказ о полезных ископаемых, содержащихся в джезказганских недрах, о запасах меди, разведанных к тому времени. Сложное геологическое строение Джезказгана изучено еще слабо. Однако докладчик хотел бы высказать некоторые свои предположения о его генезисе. Это не голословные утверждения, а выводы, сделанные путем сравнения с другими медными месторождениями, результат длительного исследования... Рудное поле Джезказгана возникло, по мнению Сатпаева, не однажды, а в несколько этапов. В разрезе земных слоев ясно видно, что расположение руд подчиняется характеру напластования осадочных пород. Это очень характерная особенность джезказганской структуры. Существует мнение, что здешние руды откладывались вместе с осадками на дне древних морей, заполненных концентрированными медными рассолами. Этот взгляд сразу же рождает мысль об осадочном происхождении джезказганских медных руд. Но это, по убеждению Сатпаева, ошибочное впечатление. Докладчик и его коллеги по Джезказгану склоняются к представлению о гидротермальном происхождении руд. Определяющую роль здесь сыграли глубинные процессы. Это подтверждают найденные в осадках «ядовитых» медных морей остатки крупных амфибий... Значит, никаких рассолов не было... В пользу гидротермальной теории убедительно говорят результаты разведки: расположение рудных тел, оно контролируется системой разломов и трещин, служивших рудоподводящими и рудораспределяющими каналами. И потому руду мы находили там, где по «осадочной» теории ей не полагается быть... Слов нет, в генезисе

джезказганских руд много еще неясного, спорного. Нужны детальные исследования...

Чем больше он говорил, тем голос его звучал яснее, тем доброжелательнее реагировал зал. На разгоряченном лице докладчика выражалась уже не робость, а уверенность, исчезла дрожь в голосе.

За пять дней работы сессии Каныш Имантаевич выступил трижды. Темы его докладов: «Основные черты геологии и металлогении Джезказганского меднорудного района: генезис, состав и запасы медных руд района», «Ископаемые угли Джезказганского района», «Месторождения огнеупорных, флюсовых и строительных материалов Большого Джезказгана».

Их основное содержание сводилось к следующему выводу: «В этом районе колоссальные возможности — мировая провинция меди, обеспеченность углем, строительными и другими минеральными ресурсами, остается лишь приложить сильные руки...»

Слово для содоклада было предоставлено Угэдаю (Сергею) Алихановичу Букейханову. Этот хорошо знающий свое дело геолог вместе с Канышем Имантаевичем в течение нескольких лет проводил разведочные работы в Джезказгане. После него на трибуну вышла минералог Таисия Алексеевна Кошкина (Сатпаева).

Подытоживая сказанное, джезказганские геологи просили присутствующих на сессии ученых и специалистов детально ознакомиться с результатами исследований и открыто высказать свои мнения. Они просили, учитывая важность обсуждаемых проблем, поддержать подготовленные казахстанцами предложения и наметить конкретные мероприятия по их скорейшему претворению в жизнь...

И вот Каныш Имантаевич держит в руках постановление третьей сессии Академии наук СССР 1934 года. Там говорилось: «...Существующий Карсакпайский завод, работающий на базе джезказганских руд, ни в коей мере не разрешает вопроса использования огромных запасов Джезказгана, и добыча наиболее богатых руд в дальнейшем может даже затруднить правильное использование всех запасов Джезказганского района. Поэтому сессия считает необходимым для ликвидации общей дефицитности меди в стране и использования громадных запасов построить в течение третьей пятилетки в Джезказгане медеплавильный комбинат...» Сессия поддержала и другой вопрос, который был крайне важен для развития меднорудного района, — о строительстве железнодорожной линии Джезказган — Караганда — Балхаш. По этому вопросу сессия даже обратилась в Госплан СССР, Главцветмет, Наркомат путей сообщения и другие инстанции с

просьбой рассмотреть результаты ее работы и предусмотреть ассигнования на проведение соответствующих изысканий.

Огромная и важная победа! Большой Джекказган наконец признан и ученым миром, он получил широкую известность.

В один из тех дней к Канышу Имантаевичу подошел корреспондент «Правды». Первое интервью Сатпаева центральному органу партии также было признанием успеха. В последующие годы их будет немало, Каныш Имантаевич станет одним из активных, желанных авторов «Правды». Но это первое выступление, когда ему еще предстояли многочисленные трудности, останется в памяти на всю жизнь.

У наркома

I

Главного геолога Карсакпайского медеплавильного комбината нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе принял в последний день 1934 года около восьми часов вечера в своем рабочем кабинете на теперешней площади Ногина.

Год назад Серго перенес операцию. Врачи категорически запретили ему работать и требовали, чтобы он хотя бы раз в неделю давал себе полный отдых и, кроме того, ежедневно спал после обеда часок-другой. Но нарком указания врачей выполнял по-своему, отдавая предпочтение утреннему сну.

В двенадцать он приходил на работу и занимался срочными делами наркомата, а после обеда обычно проводил производственные совещания или уходил на заседания Политбюро. Поэтому часы приема он переносил на вечернее время. Это было удобно: никуда не торопиться, телефоны не отвлекают внимания, да и сам посетитель в вечерней тишине кабинета чувствует себя непринужденней.

К зданию Наркомтяжпрома Каньш Имантаевич пришел задолго до назначенного часа. Перед революцией здесь размещались управления различных акционерных обществ и фирм; всей Москве оно было известно под именем «Делового двора». Громадное здание, нависающее над площадью десятками больших окон, в которых отражалась суeta предновогодней Москвы, показалось Сатпаеву в этот мягкий предпраздничный час торжественным и величественным. Именно таким и представлял он себе этот штаб промышленности, где решались судьбы миллионов людей, откуда тянулись нити, связывающие «железного» наркома со всей страной...

Каньш пришел раньше, потому что боялся опоздать из-за какой-нибудь непредвиденной случайности. Он тщательно готовился к этой встрече, был уверен в себе и все-таки волновался. Еще бы! Ведь сегодня он увидит товарища Серго, члена Политбюро! Замечательного человека, любимого всеми главнокомандующего советской промышленности. От сегодняшней встречи зависел успех дела, которому отдано восемь лет жизни! Если он проиграет сегодня, Джекказган заглохнет на многие годы...

Каньш давно продумал, что и в какой последовательности станет

говорить наркому, и, чтобы не сбиться, все записал в блокнот, но все же его не покидали неуверенность и щемящее чувство беспокойства.

Предъявив пропуск дежурному охраны, геолог направился в приемную наркома. Когда он отворил дверь, навстречу из-за стола поднялся невысокий мужчина средних лет.

— Семушкин.

— Сатпаев, геолог из Казахстана.

Помощник наркома кивнул, дружески окинул его внимательным взглядом и улыбнулся.

— Каныш Имантаевич? Наслышан о вас от металлурга Ванюкова. Наверное, вы его воспитанник?

— Нет, — ответил он и не стал поправлять Семушкина, хотя тот неверно назвал его отчество. — Я воспитанник профессора Михаила Антоновича Усова.

— Тогда ясно. Профессор Ванюков с Михаилом Антоновичем большие друзья.

— Товарищ Орджоникидзе, наверное, хорошо знает профессора Ванюкова? Меня так быстро известили о его согласии принять...

— Вы не ошиблись, — улыбнулся Семушкин. — Как специалист товарищ Ванюков пользуется в нашем наркомате большим авторитетом. Григорий Константинович очень ценит консультации такого рода ученых-практиков. Садитесь, пожалуйста.

Каныш опустился в предложенное ему кресло и стал ждать. Из задумчивости его вывел звонок, прозвучавший над дверью кабинета. Семушкин быстро поднялся, сказал Сатпаеву: «Извините», — и исчез за высокой дверью.

Каныш вспомнил, что пришел рановато, и как-то внутренне засуетился, к нему вновь вернулись томительное беспокойство и неуверенность. Размеренно и мягко тикали стенные часы, но у него было такое ощущение, что они стучат на всю приемную; в голове стоял гул, и Каныш, тяжело вздохнув, вдруг понял, как он устал за эти дни непрерывного ожидания.

Помощник задерживался в кабинете. Каныш смотрел на массивную, обитую черной кожей дверь и почти физически ощущал, как медленно тянется время. Потом он рассказывал жене, как принялся мысленно повторять то, что собирался сказать наркому...

Неожиданно послышались голоса. Из кабинета, радостно улыбаясь, выходили посетители — несколько кавказцев. Рослые, широкоплечие, шумные, они заполнили собой маленькую приемную, и в ней сразу стало

тесно.

— Здравствуй, дорогой товарищ! — приветствовал Каныша один, поглаживая густые усы.

— Здравствуйте. — Каныш поднялся.

— К Серго? — говорил другой, оглядывая Сатпаева. — Сейчас пойдешь, дорогой.

— Не робей, друг! — улыбнулся третий. — Выкладывай все как есть. Он таких любит.

— Спасибо, товарищи.

— Вас ждет Григорий Константинович. Заходите.

Разговаривая с кавказцами, Каныш не заметил, как из кабинета вышел помощник наркома. Семушкин стоял, придерживая рукой отворенную дверь, с улыбкой, ободряюще глядел на него:

— Успеха вам!

II

Он думал, что попадет в огромный кабинет, обставленный дорогой и громоздкой мебелью. Но, едва ступив за порог двери и в одно мгновение охватив взглядом всю его обстановку, понял, что ошибся. Рабочее помещение наркома было просторным, светлым, с широкими окнами и высоким потолком, но в сравнении с теми кабинетами, в которых Канышу приходилось бывать, оно казалось маленьким. Все было скромно и просто: длинный стол вдоль окон, вокруг него стулья с высокими спинками; в углу, рядом с письменным столом наркома, на высокой тумбочке макет доменной печи и несколько чугунных и стальных отливок... На всем лежала печать какого-то особенного делового уюта и собранности.

Серго сидел за столом, чуть согнувшись, и что-то читал. Он не заметил, что посетитель стоит уже рядом.

— Здравствуйте, Григорий Константинович.

Орджоникидзе вскинул крупную голову, пристально посмотрел на вошедшего, затем вышел из-за стола навстречу и протянул руку. Каныш назвал свою фамилию.

— А-а, здравствуйте! Прошу вас...

Нарком усадил Сатпаева в одно из кресел, стоящих перед столом, сам сел напротив. Коротко расспросив, где геолог остановился, как устроился, Серго удовлетворенно кивнул и потянулся через стол за газетой, которую читал перед появлением гостя.

Каныш узнал знакомый номер «Правды».

— В статье вас называют Канышем Эмантаевичем, а в докладной вы подписываетесь иначе. Где правильно?

Нарком говорил о номере «Правды» за 18 ноября, где была помещена статья «Страна цветных металлов». Краем глаза скользнув по странице, Каныш узнал материал, обведенный жирной красной чертой. Карандаш Серго прошелся и по тому абзацу, где говорилось о нем. Геолог помнил эти слова наизусть: «Ученый-геолог Каныш Эмантаевич Сатпаев рассказывает с увлечением о Джезказгане. Это не Алтай, это рядом с Алтаем, это имя еще не известно широким кругам, но оно скоро получит популярность Караганды. Здесь богатейшие медные рудники, они находятся в пустыне, где недавно кочевали казахи...»

Узнал он и бумаги, которые изучал Орджоникидзе перед его приходом. То была докладная, которую он передал в наркомат несколько дней назад...

— Правильно Имантаевич, — мягко, без нажима ответил Сатпаев и чуть заметно улыбнулся. — Автор корреспонденции допустил ошибку.

Каныш впервые за все время поднял глаза и встретился с дружелюбным взглядом Серго, внимательно изучавшим его.

Знакомое по портретам лицо. Крупная, красивая, гордо посаженная голова с большим широким лбом, орлиный нос, густые усы, нависающие над волевым ртом, живой пронизательный взгляд... Но на своих изображениях он выглядел красивее, моложе, а тут перед ним на расстоянии протянутой руки сидел человек, разительно похожий на свой портрет, с той лишь разницей, что годился тому, на портрете, в отцы; седые поредевшие волосы, лоб изборожден морщинами, бледное лицо выглядит очень усталым... Сердце Каныша сжалось: «Много работает, сколько забот!..»

— Откуда родом? Наверное, из степи?

— Вы угадали, Григорий Константинович. Из самой глубины ее.

— Значит, степную жизнь неплохо знаешь?

Каныш смутился и немного замешкался, но не потому, что не знал, как ответить, а потому, что вспомнил напутственные слова профессора Ванюкова: «Бойся его официального «вы». Если. Серго что-то не понравится в собеседнике, он переходит на «вы» и делает это намеренно заметно...» То, что нарком как-то сразу и запросто перешел с ним на дружеский тон, обрадовало его.

— Кажется, знаю немного, товарищ нарком.

— А учился где?

— Сперва в ауле, в русско-казахской школе... А потом в Сибири,

закончил Томский технологический институт. Диплом получил в двадцать шестом году. С тех пор и занимаюсь разведкой в Улутау-Джезказганском районе.

— Выходит, ты разведчик со стажем? — прищурился Серго и побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Да, уже восемь лет, — ответил Каныш и непроизвольно вздохнул.

Это не ускользнуло от собеседника, и он едва заметно усмехнулся.

— Так... И все восемь лет воюешь с Главцветметом?

Каныш промолчал. Орджоникидзе поднялся, обошел стол, взял в руки его докладную.

— В Главцветмете, конечно, хватает всяких спецов, — продолжал нарком и снова, усевшись в глубокое кресло, откинувшись на спинку грузным телом, неторопливо полистал бумаги. Затем, отложив их, испытующе, в упор поглядел на геолога. — Но нельзя думать, что все они ошибаются. Там работает немало сильных, крупных специалистов. Это опытные люди, и мы им доверяем. Чем вы объясните, что Главцветмет все же против широкой разведки Джезказгана?

Прямой вопрос наркома требовал взаимной откровенности, и Сатпаев ответил без утайки. По его мнению, специалисты в главке, при всем его уважении к их знаниям и опыту, пугаются географической отдаленности Джезказгана и опасаются ответственности за всевозможные непредвиденные осложнения.

— ...Все-таки рудники находятся далеко от больших экономических центров, в безводной полупустыне, где нет ни дорог, ни воды... Вот мои соображения, Григорий Константинович, — заключил Каныш.

— Резонно, — ответил нарком, собрав морщины на лбу. Придвинулся к столу и спросил: — Надеюсь, ты понимаешь, дорогой, что эта работа не на один год? Дело пахнет сотнями миллионов рублей. Где гарантия, что они не будут затрачены впустую?

Каныш сказал, заметно волнуясь:

— Я родился в степи и знаю ее, поверьте! Я глубоко убежден, Григорий Константинович, что освоение Большого Джезказгана будет одинаково полезно и для степи, и для всего Союза. В безводную глушь придет новая жизнь! Овчинка стоит выделки, клянусь вам! Если бы я не верил в успех, то не стал бы тратить на это дело лучшие годы своей жизни!

Горячность молодого геолога, его убежденность и энергия, с какой он защищал свой далекий Джезказган, вызвали улыбку Серго.

— Похвально. Но, дорогой, одного твоего убеждения нам мало. Нужно, чтобы и другие поверили в вашу степь.

— Что касается коллектива джезказганских разведчиков, они давно верят в нее! — воскликнул Сатпаев нетерпеливо. — Вам нужны факты? Пожалуйста. Когда в прошлом году мы получили от Главцветмета приказ об упразднении разведки, никто не хотел верить, что такое может совершиться. Сложился дружный коллектив, около семисот человек, мы успешно вели изыскания, а приказ выбил почву у нас из-под ног. Когда люди остались без зарплаты, без пайка, буквально без средств к существованию, я вынужден был предложить им искать другую работу. Что еще было делать?! Я думал, все кончено. Но семьдесят человек не ушли и решительно заявили, что верят в Джезказган и останутся со мной, чтобы довести дело до конца! — Каныш разволновался, голос его стал глухим, бледное лицо потемнело; он говорил, не отрывая глаз от наркома, который слушал его с серьезным, уже каким-то озабоченным вниманием, слегка склонив голову набок. — Эти люди, мои товарищи, несколько месяцев работали без оплаты. А вы представляете, Григорий Константинович, что это значит в наших условиях? Может ли убедить что-либо сильнее, чем такая одержимость? А специалистам Геолкома и главка этого мало. Им нужны только сухие факты, одни доказательства...

— Правильно, — спокойно перебил нарком. — Им нужны факты!

— И мы их представили за эти два года! Они отражены в постановлении сессии и в моей докладной.

Серго повертел в руках карандаш и несколько секунд молчал, опустив голову, как будто раздумывая о чем-то. Потом неожиданно спросил:

— А что ты скажешь об Алмалыке? По сведениям, там тоже много меди. Можно его сравнить, скажем, с Джезказганом? Которому из месторождений ты отдашь предпочтение?

И снова Сатпаев вспомнил напутствие Ванюкова: «Если Серго о чем-либо спросит, отвечай прямо. Не знаешь, признайся честно сразу. А если начнешь крутить, ходить вокруг да около, считай: конец. Сразу почувствует и перестанет слушать...»

— Не могу сказать, что знаю Алмалык хорошо, мало знаком с его разведочными данными, — ответил Каныш, тщательно подбирая слова. — Григорий Константинович, должен заметить, что у нас сильно отстает обмен опытом. Каждый сам по себе — попал на месторождение и копается на одном месте. А нашему брату, геологу, не мешает поездить, поглядеть, как дела у других, поучиться. — Каныш говорил и по глазам наркома видел, что тому нравится его откровенность. — А что касается сравнения... Как специалист скажу: Джезказган нельзя сравнивать ни с Алмалыком, ни с любым другим известным месторождением меди в Союзе. Это было бы

ошибкой.

Орджоникидзе вскинул густые брови.

— Что? Вы отдаете отчет своим словам?

Взгляд наркома стал жестким, в выразительных глазах мелькнула досада, и Каныш в эту минуту с обостренной ясностью прочел в них: «Э, да ты хвастун, братец! Куда хватил!» Но именно этот взгляд, недоверчивое и чуть огорченное выражение лица Серго придало Сатпаеву смелости, и он вдруг почувствовал себя раскованно, совсем свободно и уверенно. Вопрос наркома всколыхнул в нем чувства, наполнявшие его жизнь все эти годы, и теперь они словно прорвали сдерживающую их плотину; в голосе Каныша, в его взгляде, во всем облике сквозило вдохновение...

— Да ведь Джекказган — это уникам, Григорий Константинович! — горячо заговорил он.

— А конкретнее?

— Чтобы сказать конкретнее, нужно продолжать разведку. Но уже сейчас многое говорит в пользу Джекказгана. Во-первых, руду можно добывать без дополнительных средств. Прочность породы такова, что не требуется никаких крепей! Во-вторых, залегание руд позволяет вести разведку из одной шахты, вкруговую. Огромная экономия! Некоторые пласты вообще можно разрабатывать открытым, карьерным способом. И еще одно немаловажное преимущество: подземных вод там почти нет. Значит, не нужно никаких средств на откачку воды. Опять экономия! Далее... Кремниевые соединения в джекказганских рудах исключают возможность пожара в шахтах. А то, что, помимо меди, можно добывать свинец, цинк, серу, серебро и множество других редких металлов, разве это не существенно?!

Неожиданно Орджоникидзе улыбнулся. Откинувшись на спинку кресла, он слушал геолога с явным интересом.

— ...Технология обогащения джекказганской руды давно разработана, Григорий Константинович, — продолжал Каныш. — Выплавка меди вот уже несколько лет ведется на нашем Карсакпайском заводе. Одна только беда — в захолустье живем. Железная дорога позарез нам нужна, ей-богу!

Наркому явно нравилась увлеченность молодого казахского геолога и как будто даже передалась его влюбленность в дело, в далекий степной край с его богатейшими подземными кладовыми. А Каныш рассказывал взволнованно и убежденно, и в этом вдохновенном экспромте говорила вся его восьмилетняя неустроенная, кочевая жизнь с ее сомнениями и надеждами, удачами и трудностями, верой товарищей-геологов и столичных друзей и непониманием экспертов из Геолкома, воздвигающих

преграды и запреты...

— Обратите внимание, товарищ нарком, на следующие цифры. Для получения тонны меди из Коунрадской руды требуется 110 тонн руды. В Дегтярке — 74 тонны, в Бозшакуле — 156 тонн, в Алмалыке — 130. А мы у себя вырабатываем эту медь из 68 тонн руды. Почему эксперты не хотят видеть этого, почему сбрасывают со счетов все эти преимущества?

— Ну молодец! Хитер! — Серго раскатисто засмеялся. — Сперва говоришь, что твое сокровище нельзя ни с чем сравнивать, и вдруг отбарабаниваешь цифрами как на костяшках. Хват!

Каныш покраснел. Ему показалось, что в пылу речи он увлекся и сказал лишнее...

— Ладно, — Орджоникидзе сверлил гостя пытливым взглядом, — шутки шутками, но твое заявление весьма ответственно, Каныш Имантаевич. Не ради красного словца ты сравнил джезказганское месторождение с мировыми провинциями меди?

— Разумеется, Григорий Константинович! — с прежней живостью ответил Сатпаев. — Верхнее Озеро в Америке, Катанга в Африке разрабатываются давно, слава о них идет по всему миру. Но и сравнение с ними выгодно отличает Джезказган.

— Что? Геолог занимается еще и рекламой?

Каныш опустил голову. Ему нечего было ответить на это.

— Не обижайся, Каныш Имантаевич. Рассуждаешь правильно... Мало быть просто инженером. Надо быть хорошим инженером. Любить дело, гореть им, гордиться им. Иначе нельзя стать командиром социалистической индустрии.

— Вы говорите, реклама, — тихо ответил Сатпаев, и в голосе его прозвучала горечь. — Думаете, я ею от хорошей жизни занимаюсь? Да я просто вынужден это делать! Жизнь не такому научит. Когда твой рабочий шесть месяцев сидит без копейки, а у него семья, дети, не только рекламой, торговлей займешься! Не стану скрывать, Григорий Константинович, и этим пришлось... Надо же было эти два года как-то выкручиваться. Когда мы потеряли всякую надежду получить средства на поисковые работы от Главцветмета, пришлось искать деньги в других местах. Главзолоту обещали найти золото, угольному институту — уголь. Даже с трестом «Лакокрассырьё» договор заключили на поиски сырья для красителя... — Он невесело усмехнулся. — По правде говоря, мы ничего не искали для них. Предложили давно нами найденное, а деньги использовали на разведку Джезказгана.

— Молодец, правильно сделал!

— И на все это мы пошли, чтобы сохранить кадры. Посудите сами, откуда в наших краях взять буровиков? Хороший специалист долго не удерживается... Вот мы и начали еще с двадцать девятого года готовить свои, доморощенные кадры из местных жителей. Потерять их сейчас, когда затрачено столько сил и средств, было бы обидно.

— Верно, — одобрительно кивнул нарком. — Ну-ну... Значит, переквалифицируешь казахов-скотоводов в геологов? И много у тебя таких кадров?

— Техники и инженеры в основном приехали издалека. Остальные все из местных, от буровых мастеров до водовозов. Полтыщи наверняка будет!

— Так... — нарком задумчиво поглядел на Сатпаева. — Что еще у тебя ко мне? Выкладывай!

— Пока все, Григорий Константинович. Думаю, нельзя дальше испытывать терпение людей. Как бы закалены они ни были, всему есть предел. Боюсь, если в ближайшее время нам не окажут помощи, они уйдут от нас. Кроме вас, нам никто не поможет. Я уже везде был, два года только тем и занимаюсь, что обиваю пороги.

Орджоникидзе поднялся из-за стола, прошел по кабинету и стал расхаживать из угла в угол, скрестив руки за спиной и глубоко о чем-то задумавшись. Каныш сидел неподвижно, боясь шелохнуться.

Вдруг нарком остановился возле него, положил руку на плечо и спросил:

— Ты Иванова знаешь? Начальника Балхашстроя?

— Знаком. В прошлом году он был у нас в Карсакпае в командировке. Даровитый человек! Счастлив тот коллектив, который имеет с ним дело.

Серго живо продолжил в тон гостю:

— Мало сказать, даровитый. Золотой человек! Между прочим, пока его не направили в Казахстан, в главке в один голос утверждали, что там работать невыгодно. А Иванов доказал, что выгодно. И еще как доказал!

Каныш кивнул: он знал об успехах Иванова.

— Он не стал, как другие, жаловаться на трудности. Засучив рукава начал бороться с этими трудностями. Сейчас в Балхаше есть и дорога, и вода, и кадры. Настоящий командир производства так и должен работать: по-ивановски!

— Если бы товарищ Иванов работал на нашем комбинате, у нас с вами, Григорий Константинович, был бы совсем другой разговор, — вставил Каныш и с сожалением вздохнул. — Ничего не поделаешь...

— Эге-е! — засмеялся нарком и снова похлопал Сатпаева по плечу. — Вон ты куда метишь! И не думай, Иванова мы никому не отдадим. А вам

сейчас, как я понимаю, не руководитель нужен, а деньги. Верно?

— И немалые. В смете все указано.

Орджоникидзе прошел за стол, оперся руками на покрывающее его стекло и негромко сказал:

— Ладно, Каныш Имантаевич. Убедил. Я тоже верю в твой Джебказган.

Каныш вскочил с места. Все было так неожиданно, что он не мог подобрать подходящие выражения и только пробормотал, глотая слова от сильного волнения:

— Товарищ Серго... Григорий Константинович! Огромное вам спасибо!

— Ладно, ладно... садись. Потом будешь благодарить. Я ведь тебе сегодня ничего не даю, кроме обещания. Так что не торопись радоваться. Нам еще нужно уломать начальника главка. Думаю, мне это удастся, и они выделят на первое время некоторые суммы. Ну а потом на себя рассчитывай, на свои силенки. Вижу, хватка у тебя крепкая...

Серго улыбнулся и дружески подмигнул.

— Но учти, Каныш Имантаевич, там тоже сидят крепкие мужики. Их голыми руками не возьмешь. Разбрасываться деньгами они не любят...

— Знаем цену народным рублям, товарищ нарком. И потом... на нашей стороне решение сессии Академии наук, признавшей целесообразность строительства Большого Джебказгана.

— Читал, — коротко ответил нарком, кивнув на бумаги, лежащие в папке на краю стола. — Это веский аргумент. Но его надо умело использовать. А что, если мы поднимем этот вопрос на высшем уровне? Скажем, войдем с ходатайством в Центральный Комитет? — И продолжал, как бы размышляя сам с собой: — Конечно, первым делом важно начать строительство дороги. Затем подготовительные работы. Да... Несколько сот миллионов рублей потребуется. Но дело того стоит. Мы можем создать самый мощный комбинат в Союзе. Какая перспектива, а? В Балхаше мы планируем десятки тысяч тонн меди в год...

— А Джебказган даст в два, а то и в три раза больше, — взволнованно вставил геолог. — Самое меньшее!

— Так... А что, если по этому вопросу посоветоваться с Ивановым? А, Каныш Имантаевич? Мог бы он написать нам?

— Отчего же нет? Безусловно, напишет. Он человек объективный, прямой... Настоящий большевик!

— Давай так и договоримся, — нарком хлопнул ладонью по крышке стола. — Все эти твои записи оставь мне. Если понадобится что-либо еще,

запросим. Задержись в Москве еще на день-два. Поработай в нашем наркомате. Надо подготовить предложения на Политбюро. Договорились?

— Конечно, Григорий Константинович!

— А коли так, отдыхай теперь. А то ведь и Новый год недолго пропустить! Извини, что принял в такое время. Так уж пришлось...

— Что вы, что вы! Я сегодня такой подарок получил!

— Передай привет своим разведчикам, — тепло попрощался нарком. — Их терпение будет вознаграждено. Обещаю. Пусть потерпят еще немножко. Не дадим вам больше бедствовать.

Нарком проводил Каныша до дверей. Геолог с волнением ощутил крепкое пожатие широкой, сильной руки.

— В жизни, дорогой мой, немало всяких трудностей. Бывают настоящие. И картонные тоже. Суть в том, чтобы их осилить, победить. Вот так, товарищ Сатпаев. Желаю весело встретить Новый год. Пусть у тебя все будет хорошо и в жизни и в работе!

III

Поскольку встреча Сатпаева с наркомом произошла в последний день уходящего года, продолжение этой истории следовало искать уже в документах нового, 1935 года. Автор этих строк обнаружил любопытное письмо, хранящееся в Центральном партийном архиве в фонде Г.К.Орджоникидзе.

Вот некоторые выдержки из него:

«В ЦК ВКП(б)

И.В.СТАЛИНУ.

О необходимости форсирования развития

Джезказганского месторождения меди.

Январь, 1935 г.

...Для того чтобы хотя бы в основном удовлетворить потребности нашей страны в меди отечественного производства, в пределах третьей пятилетки нам необходимо наряду с форсированием строительства начатых... приступить к строительству двух мощных медных предприятий, а именно Джезказганского и Алмалыкского...

Джезказганское медное месторождение... по всем разведанным категориям является одним из мощнейших медных месторождений мира и самым крупным в Союзе. Разведки

последних трех лет позволяют разрешить проблему Джезказгана вполне грамотно. Запасы Джезказгана исчислены на основании 900 с лишним буровых скважин и свыше 1000 горноразведочных выработок. Технология добычи и переработка джезказганских руд вполне изучена... В случае положительного разрешения этого вопроса необходимо было бы создать сейчас же строительную организацию «Джезказганстрой» и выделить ей для подготовительных работ в 1935 году 3 млн. рублей с тем, чтобы в 1936 году приступить к развернутому строительству.

Единственным затруднением в освоении Джезказганского месторождения является отсутствие железнодорожной связи с внешним миром. Поэтому одновременно с началом подготовительных работ надо было бы приступить уже в 1935 году к строительству железной дороги Успенский рудник — Джезказган общим протяжением 414 км, которая соединила бы Карагандинский угольный бассейн с Джезказганом. Без этой железной дороги немыслимо приступить к развернутому строительству Джезказгана, не говоря уже о том, что немыслимо вести столь мощное хозяйство... Общая стоимость всего строительства, включая и железную дорогу, составит около 500 млн. рублей...

С.ОРДЖОНИКИДЗЕ».

К записке Орджоникидзе Центральному Комитету было приложено письмо начальника Главцветмета Шахмурадова и докладная начальника треста Балхашстрой Иванова. Они единодушно отмечали значение Джезказганского месторождения, его уникальность и преимущества в эксплуатации. По первому письму нетрудно убедиться в изменении отношения руководителей главка к проблеме изучения Джезказгана, разведка и строительство которого тормозились ими в течение двух лет; более того, теперь Главцветмет не только принимал точку зрения Сатпаева, но и настоятельно рекомендовал обратить внимание на важность открытий казахского геолога, а также ходатайствовал о выделении значительных средств для освоения Большого Джезказгана.

О Джезказгане теперь заговорили по всей стране. Задача его строительства стала рассматриваться, не без участия Серго, как важное государственное дело.

На очередной сессии ВЦИК (март 1935 г.) он говорил: «В ближайшее время нам придется приступить к строительству Большого

Джезказганского комбината. Там имеются богатейшие запасы медных руд. Они расположены в глубине Центрального Казахстана, вдали от железной дороги. Необходимо быстрее строить к Джезказгану железную дорогу от Караганды...»

Той же весной у подножия Улутау специалисты Народного комиссариата путей сообщения начали вести изыскательские работы.

Послание из XIV века

I

В лето 793 хиджры¹⁹, в год овцы, никогда не знавший поражения прославленный Тимур вышел из Самарканда во главе двухсоттысячного войска. На сей раз взор Железного Хромца был обращен к Золотой Орде, властителем которой в то время был Тохтамыш. Коварный Тимур избрал не кратчайший путь к стану своего врага. То ли он хотел нагрязнуть на Тохтамыша с той стороны, откуда тот меньше всего ждал его, то ли замыслил заодно расширить свои владения захватом новых земель — как бы то ни было, он, двигаясь со своим войском вдоль берегов Сейхуна²⁰, второго мая достиг реки Сары-Узень²¹.

Перед взором его расстилалась бескрайняя ковыльная степь, древняя колыбель кипчаков.

В ту весну земля эта, наслаждавшаяся покоем и тишиной после кровавых монгольских походов, снова подверглась нашествию десятков тысяч конских копыт. Тучами вздымалась пыль. Бесчисленные стаи птиц поднялись с озер, звери бежали, напуганные топотом конницы, люди оставили насиженные места и спешили прочь с пути завоевателя вселенной.

Когда властелину надоели тишина и однообразие бескрайних просторов, когда он уже потерял надежду найти что-либо, на чем можно было бы остановить взгляд, дозорные, ушедшие вперед к северо-западу, принесли весть: «На расстоянии дневного перехода возвышается гора, вершина которой касается туч. Десятки рек и маленьких речушек берут здесь начало, а еще найдешь зеленые луга для своих коней, сладкий привал — для войска...»

То была знаменитая Улутау, поднимающаяся в центре Сары-Арки.

Войско Тимура, разбитое на двести туменов, достигло Улутау и расположилось по берегам больших и малых рек, разбрелось по многочисленным лощинам.

В Улутау простояли три дня. Люди и кони отдохнули. Как утверждает летописец, утром четвертого дня перед тем, как отдать войскам приказ выступить, Тимур поднялся в сопровождении своих полководцев, визирей и придворного поэта Кермене на холм, где было водружено его черное боевое

знамя, и оглядел окрестность. Взгляд его узких глаз на какое-то время остановился, устремленный в беспредельную даль.

Вдруг властелин резко повернулся и обратился к стихотворцу:

— Эй, Кермене, чем наградить этот холм, удостоившийся прикосновения моих ног? Ведь теперь земля эта принадлежит мне!

Не в обычае поэта медлить с ответом. Кермене молвил с легкой улыбкой:

— Такой чести достоин не этот ничтожный холм, а гордая вершина Улутау, что касается дымчатых гряд облаков. Но ты не смог подняться на нее и наказываешь гору за неприступность, не так ли, повелитель?!

Усмехнулся грозный воитель.

— Нет, ты ошибся, мой акын. Зачем мне недостижимая вершина, на которую не могут ступить ни нога человека, ни копыто коня? Меня вполне устраивает этот холм, доступный и конному и пешему. Награда моя предназначена ему.

— Если так, мой повелитель, то вели зарыть на том самом месте, где водружено твое знамя, золотую чашу с твоим бессмертным именем, — посоветовал один из визирей.

— Глупец, разве тебе неизвестно, что золото невозможно спрятать? Зарыть золотую чашу, чтобы завтра какой-нибудь мошенник, подобный тебе, унес ее?

— Мудро говоришь, повелитель правоверных, — сказал Кермене, — долговечны в этом краю одни лишь камни. Если тебе угодно, вели начертать на одном из них твое бесценное имя. Только такого дара достойна земля, на которой ты стоишь.

Тимур остался доволен советом поэта и приказал:

— Кермене, хоть ты и стихоплет, но говоришь вполне разумные вещи. Докажи этим ослам преимущество обыкновенного камня перед золотой чашей!

Кермене послал за мастером-камнерезом и велел воинам найти несколько валунов величиной с большой сундук. Когда камни были доставлены, он вынул из ножен саблю, и, подав ее одному из сарбазов, сказал:

— А ну попробуй, какой из них тверже.

Одна из доставленных глыб вызвала восхищение мастера-индуса — ни булат Дамаска, ни меч, кованный кузнецами Багдада, ни тяжеловесный самаркандский молот не смогли оставить царапину на ее поверхности.

— Никто не позарится на этот камень, — заметил поэт. — А имя повелителя на его поверхности не сотрется и через тысячу лет.

В тот день летописец похода Шараф-ад-Дин Али Йадзы вывел арабской вязью: «Повелитель взошел на вершину Улутауских гор и долго наслаждался видом окружающей степи, которая была покрыта прекрасной зеленью от одного конца до другого... Затем он приказал войскам принести камни и соорудил здесь большую пирамиду, на которой искусные мастера высекли дату этого счастливого события, чтобы сей долговечный памятник мог сохранить память о нем на долгие годы...»

II

Август 1935 года. В вечном безмолвии, как и сотни лет назад, лежит опаленная солнцем кипчакская степь. Серые ковыльные холмы, окутанные маревом горы, нескончаемый простор — кажется, само время остановилось над этой землей, прошлое и будущее слились в один бесконечно длящийся миг. Но вот поднимается пыль из-за продолговатой возвышенности. Нет, то не случайный вихрь вздымает в воздух невесомый прах — по степи мчится автомобиль.

В машине сидят шестеро. Один из них Григорий Мироненко, водитель быстроходного «фордика». Он не только шофер, но и кормилец группы. Иной раз, подстрелив дрофу или антилопу, он готовит такую шурпу, что геологам могут позавидовать завзятые гурманы. Рядом с ним сидит минералог Таисия Алексеевна, а остальные четверо расположились в кузове грузовика. Один из них — Каньш Сатпаев — руководитель группы. Он не любитель быстрой езды. Мало того, зачастую Каньш Имантаевич, закинув за плечи рюкзак, взяв в руки геологический молоток и договорившись с водителем о месте встречи, отправляется пешком. Случается, что руководитель отдаляется от своих километров на десять-двадцать...

В этот раз они выехали на разведку во всеоружии, взяв с собой все необходимое: инструменты, топливо, еду, посуду, — и исколесили довольно значительную территорию. Пошла вторая неделя, как они в поле.

Сегодня решили сделать привал на берегу реки Жетикыз. Обычно добирались до места ночлега засветло и встречали прохладную осеннюю ночь большим костром. Однако нынче задержались по вине Каньша Имантаевича, который не минует ни одного холмика, обязательно поднимется на него, все прощупает, обстукает молотком. А таких возвышенностей встретилось в этот день немало.

После того как прошлой зимой в Москве Сатпаев добился средств на

возобновление разведки в широком масштабе, он часто стал удаляться за пределы освоенных территорий. Если в окрестностях Джекказгана ему была знакома каждая сопка и он наизусть помнил все интересные выходы горных пород, то в этих отдаленных местностях, где почти не ступала нога геолога, Каныш осматривал любую приметную возвышенность.

Когда он спускался по склону холма к берегу Жетикыза, уже вечерело.

Но Каныш все же решил завернуть и на вторую, ближайшую к их пристанищу, сопку. К его удивлению, вершина оказалась настолько обширной и ровной, что на ней с легкостью мог разместиться небольшой аул, в то время как с равнины сопка казалась остроконечной. Все видно отсюда как на ладони: на севере голубеет низменность Ханшапкан, за ней на горизонте едва маячат хребты Улутау. За миражами смутно белеет долина Кенгира. Удивленный величественной картиной, открывающейся с этой невзрачной на вид высоты, Каныш взглянул на планшет: «Э-э, да я стою на Алтын-Шокы — Золотой сопке». Он ожидал, что это название подразумевает нечто выдающееся, высочайшее, главное... «Почему же Золотая? Народ редко ошибается, давая названия, часто они прямо указывают на то или иное месторождение...» Не подобный ли случай перед ним?

Его властно захватила эта возникшая внезапно мысль. Увидев издали груды камней на самой середине площадки, он заволновался еще сильнее. Геолог зашагал быстрее, влекомый каким-то радостным предчувствием. Мигом забылась усталость.

Ему сразу бросилось в глаза, что эта груда камней не была похожа на те, которые он в изобилии встречал в горах и степи. Она напоминала основание двенадцатиканатной юрты. Лишь в середине ее зияло черное углубление.

Внимательно осмотрев странное образование, геолог обратил внимание еще на одну особенность: камни, сложенные как попало наверху, внутри углубления располагались в определенном порядке, напоминая какое-то строение.

Наклонившись, Каныш поднял пару булыжников. Удивление его было настолько велико, что, быстро присев, он достал еще несколько камней с самого дна углубления. Не было сомнений в том, что все они прошли значительную тепловую обработку. С помощью лупы он даже обнаружил прилипшие к камням частицы древесного угля. «Печь. Обыкновенная древняя печь!» Каныш не раз находил развалины их в окрестностях Улутау. Примитивные домны клали прямо в горах, чтобы плавить руду. Но для чего использовалась эта? Если для плавки металла, то должна быть и руда

невдалеке...

Забыв о времени, о том, что его ждут внизу, он рылся в камнях, желая во что бы то ни стало понять назначение печи. Пока Каныш установил: топка была глубоко внизу, а дымоход, вытягиваясь отвесно, заканчивался именно в том месте, где он стоит; плавил не металл, а что-то другое; возможно, и не плавил вовсе. Что-то подогревали?.. Но, во всяком случае, это не обыкновенный очаг для приготовления пищи.

Однако пора было возвращаться. Место ночлега осталось где-то левее сопки. Если идти напрямик, можно дойти за полчаса. Он с сожалением спустился с каменной кладки и направился к своим. Но, отойдя на какую-то сотню шагов, резко остановился: прямо перед ним лежал необыкновенной формы камень величиной с сундук...

Несколько лет тому назад, когда он впервые приехал в Улугтау, старейшина этих мест Омеке как-то говорил ему: «В молодости, когда искал потерявшихся коней, на какой-то сопке я видел необычной формы камедь с меткой на одной стороне...» Указать это место не брался: «Прошло слишком много лет...» Только назвал в качестве ориентира каменную насыпь, занимавшую площадь приблизительно с окружность юрты. И когда Каныш наткнулся теперь на необыкновенный валун, ему вспомнились слова аксакала. «Это, видимо, тот самый меченый камень, о котором говорил Омеке». Только на нем виднелись не пиктограммы, как он ожидал, а обыкновенные арабские письмена. Он хотел тут же прочесть надпись, призвав на помощь затверженную с детства арабскую азбуку. С великим трудом разобрал одну строчку. Это были обыкновенные славословия аллаху, всегда сопровождающие начало писем и посланий, принятые у мусульман. Но дальше Каныш ничего не смог понять...

Коллеги устали ждать своего руководителя. Вода в чайнике почти выкипела. Пришлось отправляться на поиски Каныша.

Из дневника бывшего коллектора группы Сергея Александровича Рожнова:

«Мы с Шарипом нашли Каныша Имантаевича возле огромного камня. Настроение у него было приподнятое. «Давайте, джигиты, попробуем сдвинуть. На Алтын-Шокы мы нашли клад ценнее золота. Это, по-моему, бесценное сокровище!» — говорит нам. Видимо, действительно оно было бесценное. Мы не смогли нанести царапину на камень даже крепким геологическим молотком. Втроем не смогли сдвинуть

его с места. Такой он был тяжелый. Вернулись в палатку, попили чаю. А наутро отправились к камню. Я сфотографировал его «фотокором». Чтобы снимок хорошо получился, набелил зубным порошком надпись на камне. Так родилась фотография, часто сопровождающая статьи об Улутауском камне, которые время от времени появляются в печати».

III

После возвращения из экспедиции Каныш Имантаевич отправил фотографию в Москву, в Академию наук. Через несколько месяцев в центральных газетах появилась статья о замечательной находке геолога Сатпаева в Улутауских горах. Известный ученый-востоковед Поппэ расшифровал надпись на каменной плите. Она гласила: «В год овцы, 793 прибыл в страну Токмак, в поход на Токтамышхана. В этом месте воздвиг оба. Да помнят все люди обо мне с молитвой. Аминь. Султан Турана Тимурбек...»

Осенью 1936 года на имя Сатпаева в Карсакпай пришло письмо от директора Эрмитажа, академика Иосифа Абгаровича Орбели. Он извещал о решении академии направить в Улутау специальную научную экспедицию и о постановлении художественного совета сделать достоянием Эрмитажа мемориальную каменную плиту — памятник знаменитого похода Тимура — и просил указать ученым местонахождение камня.

Через некоторое время валун с Алтын-Шокы занял то место в Эрмитаже, где он стоит и по сей день.

Камень из Улутау — случайная находка Каныша. Но случаен ли был интерес его к каменному письму Тимура? Такова уж была природа этого неуемного человека: постоянное стремление к знанию, интерес ко всему новому, неизведанному. Именно эта жажда исследователя заставила его еще в юности составить учебник алгебры, побудила к собиранию произведений народного искусства. «Каныш Сатпаев, молодой казах-инженер, получивший образование в Томском технологическом институте. Прекрасный знаток и хороший исполнитель баянаульских песен, давший для настоящего сборника ряд очень ценных сообщений не только в области напевов и мелодий, но и текстов, и снабдивший последние русскими переводами», — писал Александр Викторович Затаевич в предисловии к своей книге «500 казахских песен и кюйев», изданной в 1931 году.

Эта любознательность, жажда открытий закономерно привели его к

находке, представляющей собой большое историческое значение. И то был не единственный ценный памятник, обнаруженный геологом. На правом берегу реки Буланты он отыскал изображения диких животных на обрывистом утесе из сланцевых пород. Подобные изображения находил он и в долинах рек Тамды, Жетикыз, изображения людей — на высоте Едиге, на берегах Бала-Жезди и Сарысу. Сатпаева занимала и своеобразная архитектура мавзолеев Алашахана, Джочи, Домбаула, хотя все это и было весьма далеко от его прямых обязанностей...

«Настоящая статья не имеет целью дать полное и систематическое описание всех имеющихся в Джекказганском районе многочисленных доисторических памятников, — писал он в работе, опубликованной журналом «Народное хозяйство Казахстана» в начале 1941 года. — Она составлена главным образом для того, чтобы показать археологам и краеведам, какой разнообразный и интересный материал ожидает исследователей в этом районе».

В этом был весь Сатпаев — человек с широким кругозором, живший многообразными интересами.

Будут и город и море

I

Знойный июнь 1936 года. Полдень. Вдруг встрепенулся от неожиданного автомобильного гула аул Бекболат, расположившийся на джайляу вдоль реки Кенгир в урочище Наушабай. Население аула высыпало из юрт. Оказалось, снова приехал Каньш Сатпаев. Не один, с ним еще несколько человек.

Когда машина остановилась, прибывшие, выбравшись из кузова, стали отряхивать пыль с одежды. Затем гости направились к шестистворчатой белой юрте посреди аула. Это было жилище старейшины — Абдрахмана.

— Ассалаумагалекум!

— Алик салам, Каньшжан!

— Здравствуйте.

— Ыздрости, кунак. Проходи!

— Живы-здоровы, мил человек, куда путь держите?

— Понравился чудесный кумыс вашего аула, и вот снова пожаловал, да не один, — пошутил Каньш.

— Хорошо поступил, что приехал. Ты всегда для нас человек желанный. Слава аллаху, который посылает таких гостей!

— Спасибо, Абеке, за доброе слово.

— Ну проходите в юрту, — Абдрахман приподнял кошму у входа. Затем, обратившись к своей старухе, сказал: — Они, должно быть, с утра под солнцем, испечься можно. Поторопись с кумысом.

Здесь было семь дворов: Абдрахмана, Самета, Алима, Балгимбая, Байсымака, Жандильды и Аубакира. Все главы семей происходили из ветви Бекболат рода Найман. Жили скромно. Пасли скот, занимались земледелием.

— Каньш, дорогой, ты в последнее время что-то зачастил в наш Наушабай. Не успеет замести следы твоих ног, и снова ты здесь. Неужели ты нашел что-нибудь в недрах нашего джайляу? — спрашивал хозяин юрты, передвигая к себе миску с кумысом.

— Нет, богатство Наушабая не в глубине земли, а на поверхности, Абе. Если хотите знать, в чем дело, пригласите всех ваших людей. Послушайте о будущем Наушабая, — говорил Каньш. — А мои спутники приехали из Москвы, чтобы заранее прикинуть, как и что.

Пока гости пили кумыс, вернулся мальчик, посланный за аульчанами. И скоро юрта старейшины была переполнена сородичами.

— Не знаю, сохранится ли название Наушабай за этой местностью, — сказал Каныш, обращаясь к ним, — знаю только, что на том возвышении, где расположен ваш аул, будет возведен город.

— Город, говоришь?

— Какой город?

— Большой, как нынешний Карсакпай? С такими же длинными саманными бараками?

— Эй вы, потише! Слушайте не перебивая! — прикрикнул аксакал.

— Нет, город, который будет возведен здесь, не станет походить ни на один из известных вам. Разве это города? Карсакпай и Джезказган — это городишки, родившиеся от нашей бедности. А в этом улицы будут прямые как стрела. Дома красивые и такие высокие, как пять бараклов, поставленных один на другой. В ограде каждого разбиты цветники, растут тенистые деревья. По величине он равен десяти Карсакпаям, сотням таких поселков, как нынешний Джезказган. Сюда придет настоящая железная дорога, будет построен большой пассажирский вокзал. И не только город — мы построим здесь завод, который будет в десять, в сотни раз больше Карсакпайского. Тогда нынешний Джезказган-рудник превратится лишь в пригород этого нового города. А жители будут ездить на работу отсюда.

— Ойбой, мы до рудников и верхом-то добираемся лишь за полдня. Если отсюда будем ездить, то когда же работать? — подал голос кто-то у входа.

Каныш улыбнулся и ответил:

— Между городом и рудником будут постоянно курсировать быстрые поезда или будут ходить большие автобусы. Иначе говоря, пока у твоей хозяйки успеет самовар вскипеть, ты уже будешь на руднике.

— Ладно, карагым²² Каныш, нельзя тебе не верить, — вздохнул старик Абдрахман. — Но и трудно поверить. Твой рассказ похож на сказку, в которой за ночь успевают построить чудесный город. Пока мы не лишились рассудка, скажи, когда это должно случиться? Мы-то, старики, увидим все это?

— Увидите, — твердо сказал Каныш, — обязательно увидите. Уже в следующем году сюда, где стоит ваша юрта, по железной дороге придет поезд. А там легче, на все остальное потребуется пять-шесть лет.

— Да сбудутся твои слова, дорогой! Стало быть, на следующий год нам не следует располагаться здесь, ведь надо уступить место новому городу.

— Да, вам придется расстаться с джайляу и поискать его где-то подальше. Верховье Кенгира на протяжении тридцати километров будет занято озером.

— Шутишь, карагым, что значит озеро?

— Откуда возьмется озеро, с неба упадет, что ли?!

— Не с неба, сами сотворим. Плотиной задержим весеннюю воду Кенгира, как поступили с Кумолой у Карсакпая. Но эта плотина будет намного больше той. Строящимся городу и заводу нужна вода, много воды. Сады и цветники, деревья, о которых я вам говорил сейчас, тоже будут поиться его водой.

— Вот это дело!

— Неужели доживем до такого дня?

— Слышала, байбише, нам никак нельзя умирать, но увидев все это своими глазами.

— А что будем делать мы? Куда вы денете нас, семь дворов?

— Об этом не печальтесь, отагасы. Все получите прекрасные квартиры в новом городе. Ведь вы не будете сидеть сложа руки, а сами будете принимать участие в строительстве. Ну а вон те ваши малыши будут учиться в школах этого города. И, как знать, со временем станут инженерами, хозяевами завода...

Каныш допил кумыс, поблагодарил хозяина и отодвинулся от достархана. Все молчали. Будто решали, верить или нет только что услышанному. Чуть погодя один из старцев с почтением спросил Каныша:

— Все это, Канышжан, ты сам придумал? Как только голова твоя могла вместить столько, а?

Каныш скромно улыбнулся.

— Такое большое дело не придумывается и не решается одним человеком. Много знающих людей изучали этот вопрос, не раз обсуждали, спорили и вот наконец пришли к единому мнению.

II

Вопрос о водохранилище Досмурза и месте расположения города Новый Джекказган несколько раз обсуждался специалистами. Одно из таких обсуждений прошло в рамках научной сессии Академии наук по Большому Джекказгану 13 ноября 1934 года. Заседанием тогда руководил один из известных специалистов-гидротехников страны, главный строитель Днепрогэса академик Веденеев. На повестке дня значился вопрос: «О

водоснабжении будущего Большого Джезказганского комбината». Докладчиками были специалисты московского института «Водоканалпроект» И.Е.Суров, М.А.Стекольников и М.А.Руффель.

— Если внимательно всмотреться в карту района Улутау, — говорили они, — нетрудно заметить множество извилистых линий, идущих во всех направлениях. Это реки... Но от всех них мало пользы для проектируемого комбината, ибо они обильны водой только весной, а летом полностью высыхают. В течение последних двух лет наш институт вел гидрологические исследования в районе. В результате мы убедились в отсутствии там каких-либо подземных вод — в шахтах Джезказгана, например, совершенно сухо. Значит, если мы решаемся строить медный комбинат, то вся надежда на весенние паводковые воды местных рек. Предлагается построить для их удержания десять водохранилищ, которые дадут нам две с половиной тысячи литров воды в секунду. Это намного перекроет нужды металлургического комбината, даст возможность разместить в Улутауском районе мощные плодоовощные и злаковые хозяйства. Из вчерашних обсуждений вам хорошо известно, что этот край считался, да отчасти считается и сегодня бесперспективным, непригодным для развития зернового хозяйства. Проектируемая нашим институтом система водохранилищ, как видите, всецело опровергает ошибочные мнения о бесплодности Джезказгана...

— Можно ли задать вопрос? — спросил Каныш, поднявшись с места.

Председательствующий кивнул.

— Товарищ Суров, как вы считаете, что к данному моменту важнее: как можно быстрее удовлетворить потребности страны в меди или создать в Улутау изобильный сельскохозяйственный район?

— При плановом ведении социалистического хозяйства не должно быть деления на более и менее важные отрасли. А коммунистическое строительство ставит своей конечной целью уравнивание города и села. Это вы сами, уважаемый товарищ Сатпаев, хорошо знаете. Меня удивляет лишь то, что, прекрасно зная все это, вы задаете столь нелепый вопрос. Когда мы планировали строительство не одной, а целых десяти плотин в окрестностях Улутау, то, естественно, ставили себе целью одновременно удовлетворить потребности всех отраслей хозяйства.

Веденеев встал.

— Товарищи, прошу выступать ближе к повестке дня. Всем, разумеется, ясно, что речь идет об обводнении пустынных мест, а значит, и об оживлении сельскохозяйственной деятельности.

Сначала сидевшие в зале молчали, но затем оживились, заговорили.

Каньш отчетливо слышал некоторые реплики: «Смелое решение», «Молодец Суров» и т.д. Он предполагал, что будут возражения. Но теперь по всему видно было, что собираются принять предложение «Водоканалпроекта» без обсуждения. Невольно пришлось выступить.

— Отдавая должное смелости проекта, предложенного на обсуждение, считаю своей профессиональной обязанностью предупредить вот о чем, — сказал Сатпаев, поднявшись на трибуну. — По-моему, в разработке института слиты воедино две совершенно разные задачи. Первая — развитие медной промышленности в районе Улутау, вторая — невиданный подъем сельского хозяйства. Товарищи, для чего мы собрались сегодня? По-моему, в повестке дня сказано ясно: «Проблемы водоснабжения будущего Большого Джекказганского комбината». Стало быть, сегодняшний разговор должен вестись вокруг этого вопроса. Стало быть, институт, возглавляемый товарищем Суровым, обязан был к сегодняшнему дню представить нам проект снабжения водой будущего медного комбината. Об этом мы не раз говорили в Джекказгане с проектировщиками «Водоканалпроекта». С мнением местных специалистов по данному вопросу они знакомы. К сожалению, сегодня мы видим проект, весьма далекий от интересов промышленности. Сельхозпродукты пока можно завезти в Джекказган поездом. Ну а медь Джекказгана возить в виде руды в отдаленные районы, мотивируя это отсутствием воды, — это другое дело. Поэтому мы не разделяем ошибочного стремления некоторых товарищей сделать Улутау натуральным хозяйством, способным снабжать себя всем необходимым. Мы живем в эпоху развитого социалистического строительства, а не в период средневековья.

Было слышно, как в конце зала кто-то засмеялся. Несколько человек зааплодировали. Академик Обручев, сидевший в первом ряду, улыбнулся, шепнул что-то сидевшему рядом молодому инженеру.

— Уважаемый Каньш Имантаевич, сомневаетесь ли вы в том, что водохранилище Досмурза способно обеспечить ежесекундно два кубометра воды? — спросил инженер-проектировщик Руффель.

— Нет, не спорю. Кенгир — самая многоводная река в Улутау.

— Проектируемый объем Досмурзинского водохранилища — несколько миллионов кубических метров воды. Чтобы удовлетворить потребности промышленности, достаточно одной трети этого запаса. Куда прикажете девать оставшуюся воду, как не для нужд сельского хозяйства? Испарить ее? Ваш подход удивляет меня, — сказал Руффель.

Высказались еще несколько специалистов. Но ни проектировщики, ни джекказганцы не собирались сдавать свои позиции. Каждый настаивал на

своей правоте. Веденеев постучал по графину. Но споры не утихали, поэтому председательствующему пришлось подняться с места:

— Я плохо понимаю выступивших здесь товарищей. Товарищ Сатпаев против развития сельского хозяйства в Улутауском районе. Конечно, при необходимости нетрудно возить продовольствие издалека. Но, думаю, нелишне позаботиться и о людях, которые будут жить в этом промышленном городе.

Каныш Имантаевич снова попросил слова.

— Прошу правильно меня понять, товарищи. Я очень хорошо понимаю значение земледелия. Честно говоря, неплохой аппетит у меня и к овощам. А всестороннее развитие Улутауской степи — моя давняя мечта. Поэтому я не возражаю против скорейшего превращения ее в цветущий край. Но сейчас, думаю, нам полезней заняться конкретными делами, а не мечтаниями и фантастическими проектами. Неплохо, естественно, в одном районе построить не одну, а десять плотин. Но ведь это потребует сотни миллионов рублей. Кто выделит нам столько средств? Это одна сторона дела. Во-вторых, что на сегодня важнее нам получить от Джекказгана: медь или картофель? По-моему, медь! Для строительства Досмурзинского водохранилища тоже потребуются миллионы. Допустим, государство выделит нам их. Для чего? Повторяю: только лишь для получения меди Джекказгана! Значит, плотина должна работать только на потребности промышленности! Вы, товарищ Руффель, утверждаете, что для промышленности и города потребуется одна треть воды этой плотины. Это неверно. Сидящие в зале разведчики Джекказгана думают иначе. Создавая свой проект, вы руководствовались ближайшей двухдесятилетней перспективой развития рудного края. Сейчас в Карсакпае, Байконуре, Джекказгане живут около тридцати тысяч человек. Когда вы говорили о потребностях в воде, вы исходили из этих данных. Ну а я, делая выводы из уроков политпросвещения, данных мне только что товарищем Суровым, смотрю на будущее Джекказгана в перспективе социалистического планового развития и заявляю, что в ближайшие тридцать-сорок лет в этом районе и его окрестностях станут жить около трехсот тысяч человек. Будут построены гигантские рудники, карьеры, фабрики и заводы. Поэтому «большой воды» Досмурзинского водохранилища не хватит даже для удовлетворения потребностей промышленности. Отсюда следует вывод: ни в коем случае нельзя проектировать использование вод водохранилища для нужд сельского хозяйства. Иначе мы выбросим на ветер огромные государственные средства. Ибо почва в южной части Улутау, то есть именно в районах Досмурзинского водохранилища, не отличается особым

плодородием. А если мы хотим искать площади, действительно пригодные для земледелия, то надо искать их в северной части района. К сожалению, никто из исследователей до сих пор не удостоил ее вниманием.

— Вы, говорят, возражаете и против утверждений об отсутствии грунтовых вод в недрах Джекказгана? — спросил академик Веденеев.

— В своих докладах проектировщики открыто заявили, что вокруг Джекказгана совершенно нет грунтовых вод. Я не разделяю этого мнения, это правда. Думаю, что вопрос требует изучения. Нужно провести разведывательные работы. Да, там, где лежат пласты руд, воды нет, все шахты сухие. Во многих местах, где мы пробурили глубокие скважины, воды тоже не обнаружили.

— Тогда на чем основываются ваши возражения?

— Известковые толщи, а также трещинная структура недр Улутау дают мне основание предположить о способности их сохранять влагу. Проблема заключается в обнаружении этих хранилищ воды.

— Обратимся к фактам. — Суров вскочил с места. — Осадки, выпадающие в долине Улутау, составляют лишь десятую долю влаги, испаряющейся в воздухе. Такова интенсивность солнечных лучей в долине! Каныш Имантаевич, вы хорошо умеете считать, скажите, откуда взяться подземной воде?

Сидящие в зале обратили взоры к трибуне, ожидая, что ответит на это инженер из Джекказгана. Каныш Имантаевич несколько не смутился.

— Если вы опираетесь на сегодняшние данные, то я сошлюсь на факты давно минувших дней, дорогой товарищ, — сказал он. — В «Книге Большому Чертежу», составленной в XVI веке в Москве, указано, что из Улутауской горы протекают три реки под одним названием! В Сарысу впадает Кенгир, а куда девались две другие, никто не знает. Стало быть, засушливый микроклимат Улутау сложился не сразу. Это происходило медленно. В недрах его, видимо, совершались какие-то процессы, относительно которых мы сегодня в полном неведении. А разве нельзя предположить, что реки, широко разливающиеся весной, не уходят в те самые трещины... Короче говоря, искать грунтовые воды в окрестностях Джекказгана надо. Мое мнение разделяет инженер Ф.П.Моргуненков, который долгие годы занимался разведкой подземных вод в Средней Азии. Он-то сегодня присутствует здесь и, во всяком случае, гораздо лучше и глубже может ответить на этот вопрос, чем проектировщики «Водоканалпроекта»...

В спор вступил специалист «Гидроэлектропроекта» профессор А.А.Предтеченский.

— Я присоединяюсь к мнению товарища Сатпаева, — сказал он. — Сегодня можно признать следующее положение: предварительная проработка водного баланса действительно является только предварительной, но даже... и она вообще отвергает идею широкого развертывания сельского хозяйства при развитии джезказганской промышленности. Необходимы исследования не только по линии использования поверхностных вод, но и по линии нахождения артезианских вод...

Заседание заключил академик Веденеев:

— Что мы видим на сегодня. Вроде составлен хороший проект. Но он не совсем точно отражает действительное положение вещей. В результате этого нам пришлось обсудить проект, отражающий только лишь кратковременные наблюдения. Не учтены исследования прошлых лет об этом крае, проектировщики даже не посчитались с мнениями местных специалистов. Свидетельством той же безответственности является предложение об организации земледелия в районе с неисследованным составом почвы. Возникают сомнения в расчетах водных балансов. А мы сегодня собрались решать вопрос о снабжении водой будущих объектов медной промышленности. Поэтому я предлагаю вашему вниманию такое резюме нашего заседания. Разрешите зачитать его: «Проектируемый Большой Джезказганский медеплавильный комбинат может быть обеспечен технической и питьевой водой путем регулировки стока реки Кенгир... Вопрос развития орошаемого земледелия требует дальнейшей проработки... Секция отмечает, что рабочая «гипотеза» разработана на основе крайне скудных материалов, а потому подлежит уточнению на основе данных дополнительных изысканий, в число которых обязательно должно быть включено и исследование запасов грунтовых вод этого района».

И после этого вопрос водоснабжения Большого Джезказгана не раз подвергался обсуждению специалистов в разных инстанциях. Одно из них состоялось в мае 1936 года в Карсакпае. На этот раз собрались члены комиссии по проектированию Большого Джезказганского комбината.

Слово документам.

Протокол № 1 от 4 мая:

М.А.Руффель, инженер «Водоканалпроекта»: «...На Кенгире, где стоит могила Досмурзы, имеется глубокое место для устройства водохранилища. При длине плотины 622 и высоте 26 метров емкость водохранилища составит 245 миллионов кубических метров. Площадь зеркала — 37,5 квадратных километра, средняя ширина — около

километра».

Протокол № 2 от 7 мая:

Т.Гулин, директор Карсакпайского медеплавильного комбината: *«Лучшим местом для расположения промплощадки будет юго-западная часть от плотины Кенгирского пруда. В отношении города здесь тоже получается удобно... Сточные воды от города пойдут в обратном направлении, а около города кругом будет вода».*

Р.И.Шиндельман, проектировщик: *«С точки зрения расположения города мы должны ориентироваться на близость к воде. Ставить комбинат между городом и водой нельзя. Производство надо расположить подальше от города, будет чище, а воду к нему можно всегда подвести, для чего насосы...»*

А.Е.Протасевич, инженер-проектировщик: *«Так как водохранилище является основным отправным пунктом проектных предложений по всему строительству в урочище Досмурза, то рациональнее было бы все проектно-изыскательские работы по промышленному узлу вести в известной последовательности и разворот их приурочить к моменту окончания изысканий... Я полагаю, что возможность сдвига или переноса створа плотины не должна быть исключена».*

К.И.Сатпаев, начальник геологического отдела Карсакпайского комбината: *«Вопрос о плотине на реке Кенгир возник не сегодня. Он имеет семилетнюю давность. Первым его определил в 1929 году известный в Средней Азии гидротехник инженер Ф.П.Моргуненков. Он обстоятельно исследовал долины рек Кенгир и Джезды почти на всем их протяжении и первым наметил контур плотины в урочище Досмурза. Гидрогеологические исследования в этом районе велись в 1928 и в 1931 годах геологами Гриневым и Зайцевым. Начиная с 1933 года район Джезказгана исследует «Водоканалпроект», который также в конце концов остановился на варианте закладки плотины у могилы Досмурзы. Стоит ли снова возвращаться к этому вопросу?»*

В конце концов решение о строительстве плотины в урочище Досмурзы на реке Кенгир, а города и комбината — на берегу водохранилища принято единогласно. Люди, сопровождавшие Каныша Имантаевича в аул Бекболат, как раз и были членами этой комиссии. Они

приехали, чтобы вбить колышки в основание будущей плотины...

III

Жителям аула Бекболат недолго пришлось ждать начала большой стройки на берегу Кенгира. Новый Джекказган стал закладывать фундаменты своих домов уже следующим летом. Вот несколько записей из дневника первопоселенца этого города Жалпака Алдамбергенова.

1936 год, 20 августа

Рабочий поселок Карсакпай. Гостиница. Здесь несколько дней живет начальник Казводпроекта Иван Владимирович Нечаев, прибывший из Москвы, чтобы укомплектовать штаты новой организации. Я одним из первых зачислен в штат на должность хозагента, то есть снабженца. До меня приняты главный бухгалтер Серебрянский и рабочий Киргизбаев.

26 августа

Мы с Нечаевым отправились в Наушабай, на берег реки Кенгир. Прибыли в пять часов вечера. Раскинули брезентовую палатку рядом с каменным домиком, где жили двое наблюдателей метеослужбы.

27 августа

Проехали по степям в сторону Турткуль. Увидели густой баялыш²³. Нечаев распорядился заготовить его на топливо к зиме. Для этого необходимо найти рабочих. Это входит в мои обязанности. Я должен также возглавить строительство конторы, жилья и складского помещения.

28 августа

С председателем ближайшего колхоза «Талап» Бекеном Тнибековым договорился о найме рабочей силы и верблюдов. Приобрел несколько юрт для рабочих.

2 сентября

У нас уже десять рабочих и два верблюда с четырехосными телегами. Открыли карьер. Начали заготавливать и перевозить камень...

10 сентября

Из Москвы прибыли 20 инженеров и техников, геодезист и топографы.

Пока их устроили в юртах, а палатку приспособили под столовую.

В тот же день из рудничной пекарни привезли 200 килограммов хлеба. В пути сломалась телега. В восьми километрах от Рудника²⁴ просидели более пяти часов. Выручили геологи. К.И.Сатпаев предложил погрузить хлеб в его машину и доставить на место.

17 октября

Построили два барака из местных материалов. Гости из юрт переселились в барак. Открыли ларек. Бригадир — заготовитель топлива Жараспай Устабаев на всю зиму завез баялыша.

12 ноября

Меня командировали на Ачисайский рудник в Южном Казахстане. Оттуда я должен привезти инструмент, спецодежду, закупить лук для столовой.

Апрель 1937 года

В конце месяца на месте будущей железнодорожной станции разместились три жилые палатки. Рабочие-путеукладчики Петр Колесников, Баракбай Букиров, Нурмаганбет Киргизбаев и другие рубили тальник у речки Кенгир. После сушки из него построим магазин.

7 мая

Магазин готов. Неподалеку от него в саманных домиках поселились путеукладчики.

7 ноября

К дню празднования 20-летия Великого Октября уложили временный путь до местечка Шегенды, или 296 километров. Это значит, что до конечной станции осталось всего 22 километра. Этот день мы встречали как двойной праздник. А для меня он тройной. На торжественном собрании впервые слушал Каныша Сатпаева, об ораторском искусстве которого много слышал...

Виделся со стахановцами Шаймерденом Абдрахмановым, Асаном Уразбаевым, Исабеком Тапаловым, Аханом Бобаевым, парторгом железнодорожных строителей Калдыбаем Енсебаевым. Эта встреча запомнится мне на всю жизнь...

Летопись Джекказгана пополнялась новыми значительными

событиями.

Вот некоторые из них.

Ноябрь 1937 года. Железнодорожный путь соединил Нильды с Джезказганом. Строители торопились. Дорога сооружалась быстрыми темпами. Многие станции, дома на разъездах сдавались в эксплуатацию не совсем законченными. Поезда ходили редко, с большими интервалами. А производственные мощности Джезказгана, растущие с каждым днем, требовали более регулярных сообщений. Поэтому было предложено соединить новую дорогу с ранее построенной линией Караганда — Балхаш. Для этого требуется провести ветку со станции Жарык.

25 марта 1936 года нарком тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе подписал приказ о строительстве Джезказганского медеплавильного комбината. Позднее, XVIII съезд партии (1938 год) указал на то, что одной из важнейших задач по созданию надежной базы отечественной цветной металлургии является скорейшее введение в строй Джезказганского комбината. Съезд обязал строителей ввести в строй его первую очередь в 1940 году.

В 1936 году на строительство комбината государством было отпущено 2 миллиона рублей. В следующем году эта сумма увеличилась на 25 миллионов. А к концу 1940 года строители получили на нужды Джезказгана уже полмиллиарда рублей.

Проектировщики института Гипроцветмет за короткий срок составили проект Большого Джезказгана, согласно которому промышленный комплекс включал рудодобывающие рудники, обогатительную фабрику и медеплавильный завод. Весь этот комплекс, а также рабочие поселка будут получать электроэнергию из мощной ТЭЦ. Кроме всего этого, было намечено строительство ремонтно-механического завода, карьера по добыче флюсов, комплекса по изготовлению стройматериалов, крупного транспортного парка, а также создание плодоовощного хозяйства вблизи города.

Учитывая ошибки, допущенные строителями Балхаша, архитекторы наметили в первую очередь строительство основного жилого района. И планировали не систему временных бараков, как в годы первых пятилеток, а настоящий современный социалистический город. По плану промышленный комплекс должен был быть изолирован от города.

В 1939 году вступила в эксплуатацию железная дорога Джезказган — Жарык. Таким образом были соединены между собой три промышленных гиганта: Караганда, Балхаш, Джезказган.

В январе следующего года началось устройство Досмурзинского

водохранилища. Надо было во что бы то ни стало закончить до апреля первую очередь плотины, чтобы задержать паводковую воду, ибо то, что доставлялось на машинах, на подводах из Кенгира, поднималось из колодцев и 18-й шахты, уже не могло удовлетворить развернувшуюся здесь большую стройку. Таким образом, успех всего дела зависел от окончания строительства водохранилища. Передвижная паросиловая установка, доставленная к возводящейся плотине, работала безостановочно круглые сутки. Но землеройной техники не доставало. Тогда в работу включились рабочие руки. Строительство велось в три смены, непрерывно.

Погода также не баловала людей, как бы испытывая волю покорителей пустыни. В тот год весна пришла рано и снег растаял на месяц раньше обычного. Для джезказганцев наступили самые ответственные дни. Партийная организация бросила клич: «Все — на строительство плотины!» В Досмурзу стекались геологи, рудокопы, дорожники. Люди понимали: если они не сумеют задержать нынешнюю большую воду, строительство Большого Джезказгана задержится еще на год. Работали, вооружившись кто чем — кирками, лопатами, тачками. Никто не считался со временем — дневали и ночевали на дне котлована.

18 марта неожиданно поднявшаяся вода хлынула на строительную площадку. Наступил час испытания: ежеминутно прибывающая вода билась в тело плотины, угрожая снести ее. Несколько суток сражались джезказганцы со стихией. И самоотверженный труд увенчался победой. Плотина выдержала натиск воды, а вскоре весенняя река успокоилась.

К первому мая вода поднялась до намеченного уровня. И теперь можно было сказать: есть рукотворное море в пустынной Джезказганской степи!

Проводы

I

В 1940 году исполнялось двадцать лет со дня образования Казахской республики. В октябре были опубликованы Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждениях знатных казахстанцев. В числе первых стояло имя геолога Сатпаева. За пятнадцатилетнюю работу по разведке полезных ископаемых в Улутау-Джезказганском районе Каныш Имантаевич удостоился высшей награды страны — ордена Ленина. К тому времени он становится известен не только как выдающийся геолог-практик, но и как многообещающий ученый. Еще в 1938 году он был избран членом ученого совета казахского филиала Академии наук СССР.

Юбилейные торжества, посвященные Казахской ССР, по традиции проводились и в Москве. Президиум АН СССР решил отметить это событие специальным заседанием. Были запланированы сообщения «О развитии казахского языка», «Из истории борьбы казахского народа за независимость», «Пути развития казахской литературы». А назначить докладчика по первой и основной теме юбилейного собрания «Развитие науки в Казахстане за двадцать лет» Президиум просил правительство республики.

Общее собрание академии было назначено на первое ноября. За несколько дней до намеченной даты совет баз и филиалов Академии наук СССР получил телеграмму из Алма-Аты: «С основным докладом в Москву выезжает инженер К.И.Сатпаев».

Из воспоминаний ученого секретаря совета баз и филиалов АН СССР В.А.Ульяновской:

«...Хорошо помню этот хмурый ноябрьский вечер 1940 года, потому что я в тот вечер с нетерпением ждала основного докладчика из Казахстана, который почему-то опаздывал. В тот день я впервые познакомилась с К.И.Сатпаевым. Он пришел в конференц-зал академии буквально за несколько минут до открытия юбилейного заседания. Оказывается, только что сошел с поезда.

— Я геолог и буду говорить в основном о природных

богатствах родного Казахстана и о возможности использования этих богатств на благо народа, — заявил мне Каныш Имантаевич, и мы быстро с ним стали развешивать карты.

— Тезисы доклада есть? — спросила я его. — Вы будете читать? Прошу, не называйте цифр. Разве только в процентах...

Он успокоил меня, что доклад им написан, и показал объемистую папку.

Постепенно зал стал заполняться академиками. В переднем ряду старейшие геологи: П.И.Степанов, А.Н.Заварицкий, В.А.Обручев и другие.

Мне казалось, что академики за день достаточно устали и, если неинтересно будет построен доклад, большинство из них разойдется. Но вот вечернее заседание общего собрания было объявлено открытым и слово предоставлено К.И.Сатпаеву».

— Прежде всего разрешите мне передать Президиуму Академии наук, штабу передовой революционной науки, горячий братский привет от возрожденного казахского народа, — начал свою речь Каныш Имантаевич...

Затем он сошел с трибуны, оставив на ней свою папку, направился к карте и уже около нее продолжал свой доклад.

— По территории Казахская республика занимает второе место, а по населению — пятое в Союзе. Если говорить в сравнениях, площадь Казахстана намного больше любого государства Европы, как, скажем, наиболее весомые капиталистические державы Германия, Франция, Англия, Италия, а в Азии Япония. — Он сделал паузу и оглядел зал.

Конференц-зал переполнен. Ученый секретарь недаром предупреждала: «Будут маститые ученые, смотрите не подведите...» В первых рядах сидели самые маститые. Он узнал Веденеева, Бардина, Курнакова. А с Кассиным и Русаковым он успел поздороваться еще перед началом собрания. «Прекрасно, что именно ты, Каныш Имантаевич, приехал с докладом. Пора тебе выходить на большую арену, пора, дружище! Знай, что у тебя немало сторонников. Мы не подведем, если ты сам хорошо постараться!..» — говорили они, поочередно пожимая ему руку.

— Хочу назвать несколько цифр, которые сразу же дадут вам представления об изменениях, происходивших у нас за прошедшие двадцать лет, — продолжал докладчик, чуть повысив голос, дабы подчеркнуть важность сообщаемого. — В 1912 году в Казахстане было

всего две тысячи километров железных дорог, теперь общая протяженность железнодорожной сети достигла огромной цифры — 7106 километров. До революции у нас не было ни одного вуза, а нынче их в республике девятнадцать, и обучаются здесь 8400 студентов. Количество учащихся во всех учебных заведениях Казахстана достигло в этом году более полутора миллионов человек. Вместо 7,8 процента до революции грамотность населения республики поднялась в 1939 году до 76,3 процента.

Сделав снова небольшую паузу, Каныш Имантаевич достал из нагрудного кармана клочок бумаги и назвал еще несколько цифр. Потом не спеша отложил записи в сторону, оглядел зал, как бы спрашивая: «Не много ли сухих цифр, не скучно ли вам?», взял металлическую указку в руку и, снова обратившись к карте, сказал:

— Вглядитесь, товарищи, в карту республики. Общий облик ее весьма убогий, не правда ли? В основном голые степи, равнины, изредка горы, лишь кое-где прорезываемые линиями рек. Словом, судя по этой карте, Казахстан богат лишь равнинными степями; воды и лесов у нас совсем мало, а полезных ископаемых почти нет. Не ради упрека или красного словца скажу вам: такая картина изображена не нами, а весьма авторитетными исследователями дореволюционной поры. Например, один из великих корифеев русской науки, географ-путешественник Семенов-Тянь-Шанский, считал казахскую степь «богатой лишь солью, весьма бедной на полезные ископаемые». А один из основателей горной науки, автор учебника «Рудные месторождения» профессор Богданович когда-то категорически заявил, что в Казахстане нет железной руды.

Сидевшие в зале заметно задвигались, зашептались.

— Если быть искренним, для Казахстана эта карта, простите за дерзость, на сегодняшний день устарела. Нынче требуется принципиально новая карта казахских степей. Только не беспокойтесь, задача эта не будет возложена на вас. С этой задачей сегодня Казахстан вполне справится сам. Ныне он располагает квалифицированными кадрами, способными составить новую геологическую карту, дающую исчерпывающие сведения о полезных ископаемых республики. Мы, товарищи, считаем это еще одним свидетельством нашего роста.

Сатпаев сделал шаг вперед и, держа наперевес указку, заговорил неожиданно громко:

— Вы можете удивляться, возможно, даже подвергнете сомнению то, о чем я сейчас хочу сообщить. Как бы то ни было, сегодня я от имени геологов Казахстана впервые считаю нужным сделать это важное заявление. — Затем, широко проведя указкой по карте, продолжал: —

Недра этой огромной территории, называемой Казахской степью, таят в себе все без исключения химические элементы таблицы Менделеева.

В зале воцарилась мертвая тишина.

— Что еще удивительнее, все эти элементы пребывают не в случайном и разбросанном виде, но расположены большими залежами, пригодными для разработки в промышленных масштабах. Отсюда вы сами можете сделать вывод, какой потенциальной мощностью обладает «край, всего более богатый солью». А теперь обратимся к тому, как размещаются в недрах Казахстана главные элементы таблицы Менделеева... Начну свой рассказ с угля — хлеба промышленности. Его месторождения расположены в основном в Центральном Казахстане. Главной кладовой этого топлива является Карагандинский бассейн, третья угольная база страны. Площадь этого огромного угольного очага равна двум тысячам квадратных километров. В течение последних десяти лет на месте небольшого рабочего поселка с сотней полуразвалившихся лачуг вырос цветущий социалистический город. Караганда не единственная в Казахстане кладовая топлива. Ждут освоения такие месторождения, как Тениз-Коржункуль и Экибастуз на севере; Кендерлик на востоке, в Улутауском районе Киякты... О том, что в Доссоре и Макате имеются запасы жидкого топлива, было известно давно, недавно там обнаружены новые запасы нефти и газа. Еще более внушительны аналогичные месторождения в районах Урала и Эмбы!

Оратор далее подробно рассказал о богатейших медных месторождениях Джекказгана, Коунрада. О полиметаллах Рудного Алтая, о железорудных залежах Атасу, Каркаралы и Каражала, о неисчерпаемых запасах фосфорных солей, найденных на территории Джамбулской области...

По реакции аудитории он видел, что доклад удался, — лица выражали заинтересованность и сосредоточенное внимание. Закончив рассказ о богатствах казахстанских недр, Сатпаев сделал большую паузу и, медленно обведя глазами зал, сказал:

— Наши достижения стали возможны благодаря бескорыстной помощи братского русского народа, его выдающихся сынов, многие из которых сегодня сидят в этом зале, а именно: академика Обручева, геологов Кассина, Русакова, Яговкина, Нехорошева, Гапеева, Григорьева и многих других. Этот подъем стал возможен благодаря огромной помощи, беспримерному героизму, неустанным поискам. Поэтому в сегодняшний торжественный день казахский народ от всего сердца шлет братский привет этим замечательным людям, выражает им искреннюю признательность и благодарность...

Множество людей — и знакомые, и те, кого он знал понаслышке, — выражали Сатпаеву свое удовлетворение и признательность. Когда круг поздравлявших геолога несколько поредел, к нему подошли Кассин и Русаков.

— За пятнадцать лет уединения в такой глуши, как Джезказган, можно было сделаться замшелым провинциалом, — с улыбкой сказал Русаков. — Но ты превратил эту дыру в геологическую столицу Казахстана. Ты говорил с такой авторитетностью, словно сам исходил всю степь вдоль и поперек, будто сам бил шурфы во всех уголках вашей степи.

Каныш ответил в тон ему:

— Михаил Петрович, Джезказган на самом деле является географическим центром Казахстана — взгляните на карту. Почему бы ему не быть столицей, для начала хотя бы геологической?

Собеседники от души расхохотались. Затем Николай Григорьевич Кассин сказал:

— Да, Каныш Имантаевич, сейчас нужно, не откладывая, решать вопрос о геологическом центре Казахстана...

Он намекал на то предложение, которое было сделано Канышу Имантаевичу накануне юбилейных торжеств.

Незадолго перед тем при казахском филиале АН СССР был организован Институт геологических наук. Правительство республики решило поставить во главе его специалиста с хорошей научной подготовкой, опытного, хорошо знающего богатства казахских степей. После долгих обсуждений было названо имя Сатпаева. Но у него даже не было никакой научной степени. Всего лишь рядовой геолог, начальник одной из 38 геологических служб Казахстана. А в новом институте будут работать десятки кандидатов, даже доктора наук. Руководство филиала высказывало сомнение в отношении предложенной кандидатуры — поговаривали, что в научном мире имя Сатпаева мало известно... Назначение его основным докладчиком на юбилейном собрании Академии наук было вызвано стремлением упрочить престиж ученого.

Доклад его превзошел все ожидания. Авторитетная и строгая аудитория слушала выступление с напряженным вниманием и высоко оценила его. Спустя некоторое время Сатпаев получил предложение Президиума академии занять должность директора нового геологического института.

Ему уже за сорок. Хотя пятнадцать из них посвящены поискам подземных богатств родной земли, не время еще оглядываться назад, рано подводить итоги странствиям или гордиться промышленными гигантами, возведенными на местах его изысканий. Самая пора для научного творчества. И все-таки тянет еще раз мысленно обозреть пройденное...

Он перенес немало трудностей, но, если вдуматься, и достиг немало. Осенью 1926 года, когда он впервые приехал сюда, Джебказган представлял собой небольшой поселок с несколькими десятками саманных домишек, разбросанных там и сям. А теперь это подлинный социалистический городок с высокими зданиями, широкими прямыми улицами, обсаженными зеленью. И геологоразведывательная контора, которую он оставляет, уже не та маленькая служба с единственным станком и двумя-тремя техниками. Самостоятельная организация со своим подсобным хозяйством, с многочисленными отделами и музеем, со штатом в тысячу человек.

Нелегко расставаться с тем, что создано твоими руками. Но задание партии и правительства превыше всего.

Он решил оставить во главе конторы Василия Ивановича Штифанова. Да, и по возрасту, и по опыту службы он уступает многим здешним инженерам-геологам... На ответственной работе он всего третий год, и не худо было бы еще годик-другой присмотреться к нему, показать кое-что. Но ничего, хватка у Штифанова крепкая, дисциплинирован, настойчив в достижении цели. Не знает покоя, пока не доведет начатое дело до конца. Трудолобив, инициативен.

Решив вопрос о преемнике, Каньш Имантаевич объехал с ним и ближайшими сотрудниками самые важные объекты, на которых работали буровики. Попутно он делился с геологами своими соображениями о дальнейших путях развития Улутау.

Исследование окрестностей Джебказгана необходимо продолжать с тем же размахом. По его мнению, рудное поле района составляет много квадратных километров. За пятнадцать лет разведана лишь треть площадей. Во многих местах не удалось дойти до больших глубин. Значит, нужно снова исследовать ранее разведанные места глубинными скважинами. Западная часть и средние участки рудного поля изучены несколько лучше, полностью очерчены их границы. А вот южная и юго-восточная части остались почти нетронутой целиной. Он советует глубже и тщательнее разведать северное направление — рудоносные участки, относящиеся к Жиландинской группе, ибо расположение рудного поля и состав руды обещают хорошие перспективы. Возможно, не всегда качество руды будет удовлетворять нас. Но нельзя забывать и о том, что существуют в мире

рудники, где добывают руду с очень низким содержанием меди...

— Сейчас в нашей республике развивается преимущественно цветная металлургия. В этом повинны прежде всего мы, геологи. За последние годы я очень много внимания и времени тратил на изыскание железных руд. Оставляю вам в наследство Карсакпайское месторождение железа, Атасу и Каражал. Вам предстоит в ближайшие годы завершить их разведку и выступить с предложением о промышленной разработке руд перед проектными организациями.

Хотя мы соединены железной дорогой с карагандинским углем, он очень далек от нас и обходится дорого. А с развитием вашего города, с ростом его производственной базы в десятки, в сотни раз увеличится и потребность в топливе. Стало быть, оно обойдется нам еще дороже. Единственный способ сократить потери — ускорить разведку Киякты. Уголь там есть, и запасы его немалые. Трудность заключается в том, что он лежит в стороне от железной дороги. Выход из этого положения, по-моему, один — сооружение ветки Джекказган — Аральское море. Чтобы начать такое строительство, нужно иметь крепкую сырьевую базу. Думаю, в этом направлении вам придется поработать.

Хочу сказать еще: в наследство вам достались золотые кадры. Когда я принимал на работу сегодняшних буровиков-стахановцев, почти все они были неграмотными кочевниками, понимавшими толк разве что в скотоводстве да в ловле сусликов. Но старанием и упорством они добились того, чтобы стать отличными мастерами. Благодаря их самоотверженному труду мы добились и последние два года удерживаем звание лучшей в Союзе геологоразведывательной службы. Эти люди — моя гордость! Их я обрел в тяжелое время, прошел вместе с ними долгий и трудный путь. Я перед ними в долгу на всю жизнь. Они всегда делились со мной последним куском хлеба. Они самые дорогие и близкие мне по духу люди! Я давно обещал никого из них никуда не отпускать до достижения ими пенсионного возраста. Теперь прошу вас помочь мне сдержать это слово. Работайте в согласии с этими кадрами, не обижайте их, считайтесь с их мнениями, запросами. Обидев их, вы обидите меня...

Теперь, пожалуй, можно и отправляться. Истек срок, который он испросил у руководителей филиала, чтобы уладить все дела в Джекказгане.

— Нет, Канеке, так нельзя, — сказали ему в бригаде буровиков, — мы не можем так просто отпустить тебя. Удели нам еще день. Вон сколько лет трудились вместе, побудь еще один день с нами. Не на работе, а на отдыхе...

III

В воскресенье утром весь коллектив геологов на нескольких машинах отправился на отдых. Они выбрали живописное место на берегу Джебды, там, где речка, сжатая горами, делала большой изгиб. Выдался ясный, безветренный день. Халык и Мырзабек — мастера-бурильщики, которые сегодня были ответственны за организацию пикника, видимо, рановато приступили к своим обязанностям. К приезду разведчиков в казане уже что-то клокотало. Поставлены палатки, юрты. Их отдали женщинам с детьми. Прочие решили расположиться прямо на зеленом лугу, под открытым небом. Чуть погодя был доставлен и кумыс в двух бурдюках. Не забыли захватить гармонь и домбру. Звучали казахские, татарские мелодии; они сменялись русскими песнями. Не было конца пожеланиям, просьбам, наказам. Снова и снова люди говорили о своей признательности, любви, о том, что будут скучать, что им трудно расставаться с дорогим Каньшем...

И когда гул голосов, возбужденных кумысом и шампанским, достиг предела, табунщик подсобного хозяйства геологоразведки Сарымолла, по праву старшего сидевший на почетном месте, потянулся к домбре.

Друзья мои, близкие!
Прислушайтесь к голосу моему.
Вот что я вам скажу:
Когда степной орел -
Опора и крылья наши -
Собрался оставить нас,
Желает в иные края
Перелететь, к подножью
Красавицы Алатау...

Сидевшие вокруг притихли, услышав речитатив. Слова пожилого певца были как нельзя кстати, отвечали приподнятому настроению людей. Похоже, к сегодняшнему торжеству рабочий-акын пришел не без подготовки. Импровизировал он дольше обычного. Слова емкие, мысли собраны. Складно и последовательно рассказал он в стихах о жизни Каньша, о его деятельности в Джебказгане.

— Дорогой, Каньш, сокол ты наш! Даю наказ от имени твоего народа: где бы ты ни был, будь настойчив, верен себе, своей цели. Продолжай искать и находить богатства недр. Пусть знания твои приносят пользу

людям. И счастья тебе самому!

Акын утер пот с лица, выпил кумыса и закончил импровизацию следующим речитативом:

Залетев с Улутау,
Прилетай в Алатау,
Расскажи там о кладах Джебказгана
И покажи, чему здесь учили,
И еще закалку нашу рабочую,
Твердость нашей породы...

Едва акын умолк, собравшиеся разом заговорили:

— Верно сказал Сары-ага! Нет ошибки в его словах.

— Точно выразил наше уважение, наши чувства к Канеке!

Каныш слушал молча, с чуть заметной улыбкой на устах. Остановив жестом возгласы одобрения, поднялся с бокалом шампанского.

— Друзья мои! Дорогие братья-геологи! — Он умолк, еле сдерживая волнение, охватившее его. — У нашего народа есть мудрое изречение: «Птица взлетает с помощью крыльев, а приземляется на хвост». Если применить эту мудрость к моей жизни, то моими крыльями являетесь вы... Геологи иногда называют меня «Счастливым джигитом». Да, я счастлив! Счастлив не тем, что обнаружил богатства Джебказгана, а тем, что встретил вас. В 1929 году, когда расформировалась партия Геолкома, я остался здесь один с несколькими техниками. Что бы я делал тогда, если бы вы не явились на мой зов! И в тридцать третьем, когда сократили финансирование разведки, многие из вас твердо заявили: «Никуда не уйдем. Не оставим тебя!..» Да и потом, в трудные времена, что бы я сделал, если бы не чувствовал постоянно вашей поддержки? Нет, друзья! Вы глубоко ошибаетесь, если разделяете мнение Сары-ага о том, что я один разыскал ключ к богатствам Джебказгана. Я был силен вашей помощью, преодолевал трудности, потому что вы всегда были со мной. Поэтому я сегодня с полным основанием говорю: «Вы — мои крылья, моя опора!..»

Некоторые из старых разведчиков уже вытирали слезы, многие готовы были последовать их примеру. Люди почувствовали, что пришла минута расставания.

Сделав паузу, Каныш неожиданно повысил голос:

— Нас, людей разных национальностей, подружил, сроднил Джебказган. Поэтому, друзья, я поднимаю этот прощальный тост за землю

Улутау, за тот трудолюбивый народ, что в течение многих веков обитал на этой земле, за светлое будущее Большого Джекказгана; пью за вас, первооткрывателей его богатств, моих дорогих, самоотверженных друзей-разведчиков! — Сказав это, он пошел по рядам, чокаясь с одним, обнимаясь с другим, целуясь с третьим. Затем плеснул несколько капель шампанского на землю, остальное выпил до дна...

Когда машина, в которой возвращались супруги Сатпаевы, остановилась у крыльца их дома, Каныш увидел тещу — она стояла, прислонившись к стене, взволнованная. Вид у нее был удрученный.

— В чем дело, мать? Почему невесела?

— Беда, беда-то какая! — ответила она неожиданно резко. — Вы что, глухие, не слышали? Германия напала на нас. Война...

Из воспоминаний Т.А.Сатпаевой:

«...Наступил первый день Великой Отечественной войны. Эта новость затушевала все личное.

Через несколько дней, окончательно попрощавшись с Джекказганом, выехали на станцию Джусалы, связывающую Джекказган с большой жизнью страны. Тревожным был этот переезд Каныша Имантаевича на новое место работы. Эти тревоги и заботы складывались, конечно, прежде всего из состояния войны нашей страны и более из большой ответственности каждого перед своей Родиной в столь грозный для нее час. Эта ответственность призывала к жизни все силы, всю энергию, весь творческий дух на мобилизацию всего возможного, что могло быть полезным в это тяжелое время. В полной мере понимая неотложные задачи, Каныш Имантаевич видел все трудности предстоящей работы, всю ее сложность. Новый, малознакомый коллектив с какими-то своими направлениями, новые организационные задачи, новые неотложные дела.

С переходом на работу в 1941 году в казахский филиал Академии наук СССР со свойственной ему неутомимой энергией подошел Каныш Имантаевич к открытию новой страницы в своей деятельности — созданию науки в Казахстане».

Часть третья

Вершины

Известно, что наукой овладевает тот, кто испытывает жажду познания. Но одного стремления мало. Даже сам процесс приобретения знаний должен быть подчинен определенной системе.

...Для того чтобы сохранить свои познания и разум, нужно иметь характер. Сильный и крепкий характер. Тут уместно сравнить его с сосудом, хранящим бесценную влагу. Действительно, зачем овладевать знаниями, если их негде хранить? Значит, нужно быть стойким, нужно всегда сохранять твердость духа.

Абай Кунанбаев. 32-е слово назидания. 1895 год

Все для победы

I

В Алма-Ату прибыли в ночь на первое июля. Столичный вокзал, так же как все станции, которые они проезжали, был забит людьми. Прошло лишь десять дней с начала войны. Страна поднималась на бой с ненавистным врагом. День и ночь кипела работа в тылу, день и ночь шла кровавая страда на фронтах...

На следующий день Сатпаева вызвал к себе секретарь ЦК Компартии Казахстана Габдолла Бузурбаев.

— Институт геологических наук ваш, — сказал он, — но руководство казахским филиалом Академии наук СССР тоже придется осуществлять вам. Не удивляйтесь, Каньш Имантаевич. Время такое. Академик Григорьев по-прежнему остается председателем Президиума. Но он живет в Москве и вряд ли сможет непосредственно руководить филиалом. Собственно, так работали и раньше. Иосиф Федорович двигал наши дела в столице, в Президиуме Академии наук, а я как заместитель его здесь выполнял функции председателя... Так что без возражений принимайте свои дела и приступайте. Нынче все мы работаем за двоих, придется, будем и за четверых.

В другое время Каньш Имантаевич, может быть, возражал бы против такой нагрузки: руководить только что организованным институтом, да еще КазФАНОм, который призван направлять всю научную мысль республики! Но сейчас времени на размышления не было. Тот же Бузурбаев еще вчера был заместителем академика Григорьева. А сегодня уже секретарь ЦК вместо отправившегося на фронт. На войне как на войне!

Он помнил, как год назад проверяла работу казахского филиала объединенная комиссия Президиума АН СССР и ЦК Компартии Казахстана. Оценка была дана неудовлетворительная: не выполняется план по основным научно-исследовательским темам, слаба связь с промышленными и сельскохозяйственными объектами; не созданы надлежащие условия для воспитания местных национальных кадров — из 22 аспирантов только два казаха... Словом, филиал не сделался подлинным центром научной мысли республики... И сектор геологии работал куда хуже, чем следовало ожидать. План исследований был выполнен лишь на пятьдесят процентов. Дело дошло даже до обмана руководства филиала:

например, исследовательская тема «Использование сланцев как топлива» была показана начатой; на самом деле к ней даже не приступили, а закупленное оборудование, брошенное под открытым небом, за это время пришло в негодность...

Итоги работы комиссии рассматривало специальное заседание Совнаркома республики.

«Впервые я увидел К.И.Сатпаева на заседании СНК Казахской ССР в 1940 г., когда слушался отчетный доклад руководителей Казфилиала АН СССР, в котором я сам начал работу летом 1937 г., — писал позднее казахстанский академик Н.В.Павлов. — После неожиданной смерти в 1939 г. председателя Президиума КазФАНа, известного геолога академика А.Д.Архангельского, руководство филиала, дела которого шли из рук вон плохо, все еще не могло стабилизироваться. Из Москвы от Академии наук СССР наезжали бесконечные комиссии, обследовавшие состояние филиала, и без малейшего труда констатировали его печальное положение.

Рядовые сотрудники разбежались, как с тонущего корабля... И вот после пространного доклада ученого секретаря филиала, изо всех сил старавшегося представить дела в самом радужном свете, выступил и Сатпаев содокладчиком. Он говорил жестоко, но справедливо, критикуя беспорядки, воцарившиеся в филиале. Будто свежий ветер повеял в нашу затхлую, пропитанную интригами атмосферу, и все присутствовавшие на заседании сотрудники КазФАНа повеселели и ободрились. Сатпаев говорил, что филиал нужен, что он должен быть центром науки в Казахстане, но занять это положение он может только при деловом и разумном руководстве, значительном усилении кадров и четкой оперативной работе, которой пока что-то не видно».

Тогда же Совнарком республики, приняв рекомендации объединенной комиссии, сменил руководство филиала. Заместителем председателя Президиума был назначен кандидат исторических наук Г.О.Бузурбаев, в то время работавший помощником секретаря ЦК КП Казахстана. Каныш Имантаевич был введен в члены научного совета филиала. И вскоре уехал к себе в Джезказган.

Не прошло и года, как он назначен сюда на работу... Новое руководство филиала и его ученый совет, разумеется, не сидели сложа руки. Но в столь

тонком деле, как организация науки, много ли можно успеть за такое короткое время? Теперь же необходимо добиться повышения эффективности исследований в кратчайший срок. Этого требуют нужды войны.

Необходимо отрешиться от представлений мирного времени, отказаться от занятий чистой наукой. «Например, — говорил он, — сектор ботаники на время может приостановить свои фундаментальные исследования, временно заняться поисками лекарственных трав. Или найти виды растений, нужные для обороны. Агротехники занялись бы составлением почвенных карт республики. Ведь республике в будущем году предстоит в несколько раз увеличить посевы зерновых. А зоологи должны включиться в это дело в ближайшие дни — дать правительству республики необходимые рекомендации по резкому увеличению фондов мяса и пушнины. Ведь казахские степи богаты этими дарами природы».

«Моя первая встреча с Каньшем Имантаевичем была несколько необычной и в обстановке далеко не научной. Мы познакомились в магазине, — вспоминает другой казахстанский академик — И.Г.Галузо. — Случайно оказавшись рядом, он задал мне какой-то вопрос, из которого было видно, что он не алмаатинец. Завязался разговор. Я узнал, что мой собеседник геолог и только несколько дней тому назад приехал в Алма-Ату. Когда К.И.Сатпаев, в свою очередь, узнал, что я зоолог, он широко улыбнулся и сказал: «Ну что же, может быть, вместе поедем на охоту». И тут же засыпал меня вопросами из области зоологии: какие промысловые, пушные и вообще хозяйственно полезные животные заселяют территорию Казахстана? Как развит промысел рыбы? И прочее. Я не мог понять, почему геолог вдруг так подробно интересуется зоологической наукой. Когда на следующий день я поделился со своими товарищами по работе впечатлениями от встречи с интересным геологом, кто-то мне сказал: «Так это же, видно, был К.И.Сатпаев, который приглашен руководить нашим филиалом». Прошло несколько дней, и я уже был на официальном приеме у нового руководителя нашего филиала К.И.Сатпаева. Беседа затянулась, помню, очень долго. Каньш Имантаевич интересовался всеми тонкостями зоологической науки, а когда он узнал, что я паразитолог, то переключил свои интересы и в эту область... Меня поразил исключительно четкий, ясный и оправданный требованиями

народного хозяйства и культуры план развития зоологической науки в Казахстане, который начертил К.И.Сатпаев при этой первой нашей официальной встрече. Спустя некоторое время Каныш Имантаевич беседовал с группой зоологов и ботаников, работавших в казахском филиале АН СССР. Он говорил с каждым из нас в отдельности, знакомился с состоянием науки во всех деталях и затем, сориентировавшись, вносил свои рекомендации. Помню, однажды он нарисовал нам далекую перспективу освоения и реконструкции животного мира республики. Он много говорил о рыбных запасах и, так как в то время страна испытывала затруднения в продовольственных ресурсах, ставил перед нами задачу массового изучения рыбных запасов и возможностей использования наземных позвоночных животных. В одной из таких бесед возникла мысль о реконструкции фауны и обогащении ее продуктивными животными, а также водоемов промысловыми видами. К.И.Сатпаеву очень понравились работы сектора зоологии по выведению новой породы овец-архаромериносов. К моменту прихода К.И.Сатпаева в филиал уже были получены ободряющие результаты. Ознакомившись подробно с состоянием работ по выведению новой породы, он взял их под личное свое наблюдение и до последних дней своей жизни интересовался этим вопросом.

По предложению Каныша Имантаевича Сатпаева и его представлению была образована Курмектинская база, где и продолжались работы по выведению новой породы овец».

В кабинет руководителя филиала частенько заходили и ихтиологи.

— Во всем роду Сатпаевых не было рыбаков. Никто из нас не держал в руках удочку. А вот теперь приходится заниматься рыбными делами, — шутил Каныш Имантаевич.

Иной раз такие разговоры затягивались до полуночи, так как днем беседовать было некогда. Работы у всех по горло, а больше всех у Каныша Имантаевича. К тому же все без исключения сотрудники должны заниматься военной подготовкой.

У Сатпаева постоянно возникали новые замыслы — то предложит зоологам снарядить экспедицию на берега Балхаша для разведения ондатры, то загорится идеей химбиологов о выделке и окраске кож с помощью вытяжки из корней местных растений.

Но, разумеется, основным его делом оставалось руководство Институтом геологических наук, который тогда располагался в небольшом двухэтажном особняке на улице Виноградова, там же, где и все отделения филиала. Было тесно, но никто не роптал. Ведь в институте пока состояло лишь 25 научных сотрудников (только четверо из них были кандидатами наук). Теперь предстояло расширить штат, усилить секторы — геологический, металлургический, нерудных материалов и гидрогеологический, заново укомплектовать аналитическую химлабораторию. Для Каныша Имантаевича, прежде руководившего большой геологоразведочной конторой, все это не составляло особой трудности. Но здесь, как и в Джезказгане, все надо было начинать почти с нуля. От подбора кадров до строительства здания института...

До 1920 года недра казахской степи изучались разного рода выездными экспедициями. Они разведали немало полезных ископаемых. Однако ни одна из них не могла дать всеобъемлющего геологического описания огромной страны. Не было поэтому и достоверной геологической карты республики. А та, что была составлена в давние времена, обходилась только тремя цветами. На языке геологов это означало, что данная местность является в отношении полезных ископаемых самой бедной.

Планомерное изучение степи начинается с двадцатых годов. Ведется детальное картирование — каждый район, каждая область по мере экономико-хозяйственной необходимости снималась на карту десятикилометрового масштаба. Эту работу выполнял Геолком. Лучшие специалисты, ученые-геологи возглавляли экспедиции, снаряженные им в Казахстан. В результате за несколько лет была обследована обширная территория республики. Партии искали воду, полезные ископаемые, занимались съемками. Их усилиями была доказана большая значимость Карагандинского угольного бассейна. Как раз в эти годы геолог М.П.Русаков открыл так называемые «вторичные кварциты» Центрального Казахстана, среди которых нужно искать концентрации меди, залежи корунда и огнеупорных материалов. Следуя своей теории, он открыл в 1928 году Коунрадское медное месторождение, которое стало основной рудной базой для строительства большого Балхашского медеплавильного комбината. Основываясь на этой теории, геолог Р.А.Борукаев обнаружил в 1930 году Бозшакульское месторождение меди.

Создание крупных промышленных трестов, таких, как Карагандауголь,

Алтайполиметалл, Эмбанефть, Атбасцветмет, и организация при них постоянных геологических отделов открыли новые возможности для детального изучения недр Казахстана. В 1931 году в Алма-Ате был учрежден Казахский геологоразведочный трест. А к началу Великой Отечественной войны в Казахстане планомерной геологической разведкой занимались, кроме республиканского геологического управления (созданного на базе вышеназванного треста), еще тресты Казцветметразведка, Алтайцветметразведка, Казуглеразведка, Казнефтеразведка и геологические отделы или конторы при крупных промышленных комбинатах — всего 38 организаций. В количественном отношении это была самая многочисленная геологическая служба Советского Союза. И в качественном отношении ее кадры не уступали специалистам из центра. Многие из рудных залежей, разведанных казахстанскими геологами, стали к тому времени сырьевой базой вновь возведенных крупных промышленных объектов, еще большее число их находилось в стадии детальной разведки. Словом, человек, взглянувший в те годы на карту Казахстана, увидел бы, что она вся испещрена значками, обозначающими буровые вышки и палатки разведчиков недр.

Увеличение числа объектов изысканий, приведшее к резкому росту количества геологических кадров на местах, имело своим следствием и возникновение центров научной мысли на периферии.

Давно ощущалась потребность в едином геологическом центре в Алма-Ате, который мог бы обобщать результаты практической деятельности разведчиков и направлять ее.

Только что основанному учреждению пришлось с ходу перестраиваться на военный лад, организовывать всю свою исследовательскую работу с учетом нужд обороны страны. По мысли его директора, в идеале каждая научная работа должна обернуться залпом по врагу, любое открытие, всякая разведка месторождения немедленно должны приносить практическую пользу. На землях, временно занятых врагом, осталось много производственных мощностей, сырьевых баз. Для восполнения этих потерь требуется мобилизация всех ресурсов восточных районов — Урала, Сибири, Средней Азии и Казахстана. Необходимо в кратчайшие сроки открыть и разведать новые месторождения руд. Бросить на это все силы...

И вскоре четко организованная работа начала давать свои плоды. Вот архивная справка за один лишь 1941 год, притом за его последние шесть месяцев: по теме «Алтайские полиметаллические месторождения» проверено более девяноста рудопроявлений; а по темам «Пути увеличения

выплавки меди в Казахстане» и «Возможности выплавки меди по системе местной промышленности» проверялось более семисот заявок на медь; кроме того, именно в этот период поданы конкретные предложения по изысканию совершенно новых крупных месторождений железа и марганца, о транспортировке богатой джезказганской руды на Балхаш и разработке для этого новых богатых залежей.

А всего за годы войны институт организовал своими силами более 160 научных экспедиций. Большинство из них занимались поисками новых месторождений по заказам военной промышленности. Некоторые способствовали расширению действующих рудников. Было сделано несколько крупных открытий.

Ориентировка теоретических работ на практические нужды вызывала необходимость расширить штат института. Открылись новые секторы, лаборатории. Всем нужны кабинеты, квартиры.

Часть кадров Сатпаев приглашает из центральных городов, в исследованиях приняли участие также крупные ученые, эвакуированные в Казахстан. В числе их на постоянную работу приехал в Алма-Ату старый знакомый Каныша Имантаевича, известный знаток Центрального Казахстана М.П.Русаков. Набирались сотрудники из среды учащейся молодежи.

«Впервые мне посчастливилось встретиться с Канышем Имантаевичем осенью 1942 года, — пишет доктор геолого-минералогических наук П.Т.Тажобаева, — я была тогда аспиранткой горного факультета Среднеазиатского индустриального института. Приехала в Алма-Ату и оказалась в скромном кабинете директора Института геологических наук. Передо мной сидел обаятельный человек высокого роста, с благородным и приветливым лицом, глядевший очень дружелюбно... Я изъявила желание перевестись в аспирантуру при казахском филиале АН СССР. Мою просьбу Каныш Имантаевич воспринял благожелательно...»

В результате всех этих усилий, несмотря на трудности военного времени, Институт геологических наук быстро становится в ряд солидных научных учреждений академии. Это зафиксировано в постановлении бюро геолого-географического отделения Академии наук СССР от 5 октября 1943 года: «Особо отметить большую действенную работу казахстанского Института геологических наук в период Великой Отечественной войны в

скорейшем открытии и разработке множества сырьевых ресурсов стратегических металлов для нужд обороны; за сравнительно короткое время по объему научно-исследовательских работ и в комплектовании научными кадрами этот институт является одним из лучших и образцовым научным учреждением в системе филиалов АН СССР...»

III

После переезда в Алма-Ату Канышем Имантаевичем были созданы десятки научных работ. В основном это статьи, написанные для признания того или иного месторождения или результатов исследовательских работ. Сатпаев всегда считал своей главной задачей обратить внимание производителей на какой-то вопрос. Он не учился в аспирантуре и докторантуре, зато ему довелось пройти практическую «аспирантуру» трудовой жизни. И вот он руководитель крупного научно-исследовательского института. Мало того: глава казахского филиала Академии наук СССР. Под его руководством работают десятки ученых, среди них несколько докторов наук. И Канышу Имантаевичу по долгу службы приходилось не только советоваться с ними, а иной раз и указывать им, направлять их деятельность. Поневоле пришлось задуматься о научной степени...

В 1942 году Сатпаев публикует две монографии. Первая из них — «Медистые песчаники Казахстана и Советского Союза». Материалы для этого труда он собрал еще в годы работы в Джезказгане. Работа написана как итоговое обобщение многолетних наблюдений бывалого разведчика недр. Практическая ценность ее заключалась в обобщающих выводах и рекомендациях геологам-поисковикам по скорейшей разведке и распознаванию меднорудных месторождений, что было особенно важно в годы острого дефицита на медь.

Вторая монография называлась «О возможностях развития в Казахстане черной металлургии». В ней автор давал геологическое описание всех железорудных месторождений республики, указывал наиболее перспективные из них, которые могли стать сырьевой базой металлургической промышленности.

Накануне войны был завершен большой труд Сатпаева «Рудные месторождения Джезказганского района», начало которого еще в 1927 — 1928 годах было опубликовано в журналах «Жана мектеп», «Народное хозяйство Казахстана» и в других изданиях. За пятнадцать лет это

исследование выросло в крупную монографию.

В 1942 году Канышу Имантаевичу присудили за нее Сталинскую премию второй степени. В сущности, то была награда за Большой Джекказган, который в самые трудные дни войны давал стране колоссальное количество дешевой меди.

«...Много лет своей жизни К.Сатпаев посвятил Джекказганскому месторождению меди, в Центральном Казахстане, — писала «Правда» в номере от 17 июля того же года в статье «Оружие науки». — Медь в Джекказгане была найдена давно, но существовало убеждение, что ее там совсем немного. Сатпаеву стоило большого труда заново открыть то, что было плохо открыто, — доказать, что Джекказган — крупнейшее месторождение меди. Если бы Сатпаев был только геологом, его бы это удовлетворило. Месторождение очерчено, запасы подсчитаны, происхождение руд выявлено. Чего же еще? Но Сатпаев не только геолог. Сатпаев — государственный деятель. Разыскивая медную руду, он уже видит в степи корпуса заводов, которые будут эту руду превращать в металл. Но, чтобы возник завод, мало одной руды. Для постройки печей необходима огнеупорная глина. Для зданий нужны строительные материалы, выплавка металла не может идти без угля, без флюсов. И вот, ведя поиски руд, Сатпаев одновременно ищет в недрах земли и будущий завод, все, что нужно для его создания... Стране нужна сталь — Сатпаев ищет и находит в Казахстане богатейшие железные месторождения. Он ищет не только железо, но и марганец, который необходим для черной металлургии. Он исследует гидрогеологию района: ведь заводам потребуется вода. Он ищет все, что необходимо для создания в Казахстане мощного металлургического комбината. Медь и железо — две огромные задачи, решенные Сатпаевым. Но он не оставляет без внимания и то, что может оказаться мелочью... Эта черта его как ученого и государственного деятеля во всем блеске проявилась в дни войны».

Нового лауреата поздравили Совет Народных Комиссаров республики и ЦК КП(б) Казахстана.

В ответном письме Каныш Имантаевич заявил:

«Для исследователя нет ничего дороже, как видеть плоды своего творческого труда. Грандиозный размах индустриализации Джекказганского района, проведение к нему железной дороги, превращение этого в недавнем прошлом наиболее глухого района в один из мощных и цветущих индустриальных узлов республики окрыляли меня и помогали мне расти как исследователю и инженеру. ...Все тем, чего я достиг сейчас... я исключительно обязан Советской власти, так как, не будь ее, я

бы, несомненно, остался на всю жизнь незаметным аульным учителем. Нужно ли доказывать, что я чувствую себя в неоплатном долгу перед партией и Советским правительством, что я направлю все свои силы и знания на дело дальнейшего процветания любимой Родины».

Половину полученной премии он направляет в фонд обороны, на оставшуюся часть приобретает облигации государственного займа.

«Берите пример с лауреата Сталинской премии товарища Сатпаева, много сделавшего для развития цветной металлургии Казахстана!» — сказано в первоммайском Обращении 1942 года к трудящимся республики ЦК КП (б) Казахстана, СНК и Президиума Верховного Совета Казахской ССР. Имя Каныша Имантаевича в этом документе называлось рядом с именами 28 героев-панфиловцев.

К этому времени Сатпаев был автором более сорока опубликованных научных трудов. Некоторые из них под стать солидным диссертациям. Поэтому 17 августа 1942 года Высшая аттестационная комиссия по совокупности работ присваивает Канышу Имантаевичу ученую степень доктора геолого-минералогических наук.

«История развития науки свидетельствует о том, что самые животрепещущие идеи зарождались только там, где наука базировалась на конкретных фактах; на глубоком их изучении и анализе, на их обобщении, — напишет Сатпаев в статье, опубликованной в 1946 году газетой «Казахстанская правда», — известно, например, что крупнейшие ученые-геологи, разработавшие новые теории в учении о рудных месторождениях, по 15 — 20 лет работали на рудниках... Вместе с тем мы должны всячески развивать так называемую большую теоретическую науку. Мы не можем и не будем от каждой отрасли требовать только такой работы, которая привела бы к сегодняшним и завтрашним результатам. Мы должны развить в системе любого научного учреждения также и теоретическое направление науки. В будущем это даст основные определяющие элементы и для техники, и для производства».

Решение ВАК было лишь первым шагом на пути широкого признания заслуг Сатпаева как ученого.

Летом 1943 года прошли очередные выборы в Академию наук СССР. Каныш Имантаевич был избран членом-корреспондентом по геолого-географическому отделению. Он был самым первым ученым — представителем народов Советского Востока, ставшим членом сообщества светил современной науки.

Перед этим его ввели в комиссию академии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны. В 1942

году он становится членом Всесоюзной комиссии по запасам полезных ископаемых Комитета по делам геологии при СНК СССР; он оставался им до конца жизни.

В том же 1943 году Каныш Имантаевич был утвержден председателем Президиума казахского филиала АН СССР, обязанности которого он выполнял со дня приезда в Алма-Ату. В этой должности он пребывал до самой организации республиканской Академии наук.

Итак, в сравнительно короткое время на него свалилась масса ответственных поручений. И чем выше становилась занимаемая им должность, тем длиннее делался перечень его обязанностей. Но все — и малые и большие — дела он должен выполнять в соответствии с высокими требованиями тяжелого военного времени. Ответственность связана с постоянной активностью, вечным беспокойством... Не просто руководить, советовать — вмешиваться в решение всех малых и больших дел...

Теперь он полномочен распорядиться крупными средствами, определять судьбу целой отрасли промышленности или науки. Все это дела государственной важности. Он член многих комитетов, комиссий, советов. Одно его слово может повернуть в желаемое русло любую важную инициативу.

Однажды его пригласил к себе первый секретарь Фрунзенского райкома партии. Они были достаточно хорошо знакомы по работе. Канышу Имантаевичу по долгу службы и раньше приходилось иметь дело с этим рассудительным человеком. Ему нравились его требовательность, подчеркнута деловая строгость в работе, импонировала его манера обстоятельно, солидно обсуждать любой вопрос.

Входя в кабинет секретаря райкома, Каныш Имантаевич внутренне приготовился к очередному разговору о делах филиала. Но на этот раз секретарь вовсе не спрашивал о заботах ученых. Его интересовали сугубо личные дела Сатпаева.

— Каныш Имантаевич, я должен констатировать одно обстоятельство. Вы занимаете высокие должности и выполняете столько государственных заданий огромной важности, а до сих пор не член партии?.. Как-то не вяжется это с вашими практическими делами. Давно хотел об этом спросить, извините, что вторгаюсь в вашу личную жизнь...

— Что сказать вам, — неуверенно ответил Каныш Имантаевич. — Хотелось еще поработать как следует. Ведь в Алма-Ате я недавно, и дело, которое доверено мне, тоже новое. Может быть, товарищи меня еще недостаточно знают...

— Скромничаете, дорогой. По-моему, вы и сейчас работаете как

настоящий коммунист.

— Все же я должен как следует подготовиться. Членом партии быть великая ответственность!

— Извините, но я что-то не понимаю вас.

Нелегко было Канышу Имантаевичу отвечать на такие вопросы. Некстати начал этот разговор секретарь райкома, может быть, специально, с какой-то целью? И разбередил душу. А может, с благими намерениями расспрашивает, не знает той старой истории... Вступить в ряды партии он хотел еще в Джекказгане, давно это было. Однажды обратился с такой просьбой к тамошнему секретарю райкома. А тот, человек прямой, сразу расспросил о его происхождении; узнав, что отец был бием, а некоторые родственники состоятельными людьми, махнув рукой, заявил: «Ничего не выйдет. Не пустят тебя с таким происхождением в ряды партии, не пытайся даже...» С тех пор он ни с кем не возобновлял этот разговор. И даже думать себе запретил об этом. Знал: надо работать по-большевистски хорошо, целиком отдавать себя делу. Если б не сегодняшняя беседа, он ни за что не рассказал бы о том, что камнем лежало на сердце. Теперь пришлось все выложить.

Секретарь райкома долго не отвечал. А потом, глядя в глаза собеседнику, сказал:

— По-моему, прошло то время, когда по недоразумению честным людям отказывали в приеме в партию. Я поговорю с товарищами в Центральном Комитете, посоветуюсь. И сообщу вам. Думаю, на сей раз ваша кандидатура не встретит возражений.

Через несколько дней прерванный разговор снова возобновился в кабинете секретаря. А назавтра Каныш Имантаевич подал заявление в первичную партийную организацию филиала. Кандидатом его приняли единогласно, а через год, в апреле 1944 года, Фрунзенский райком выдал ему билет члена ВКП(б).

В том же году Президиум Верховного Совета Казахской ССР присвоил К.И.Сатпаеву почетное звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР».

Джездинская быль

I

В первых числах августа сорок первого года 11-я немецкая армия развивала наступление на юге. Украины. Линия фронта непрерывно отодвигалась к востоку. Битва за Днепр, развернувшаяся между Херсоном и Никополем, началась девятнадцатого августа. На исходе шестых суток в руки врага перешел Никополь — основное месторождение марганца в Советском Союзе.

Это событие, как свидетельствует хроника войны, дало повод министру пропаганды Германии Йозефу Геббельсу выступить по радио со специальным заявлением.

— Храбрые солдаты фюрера, господа офицеры, — говорил он, — марганцевые сокровища Никополя с сегодняшнего дня перешли в руки немецкой нации. Отныне советские заводы обречены на марганцевый голод! Отныне доблестной армии фюрера остается уничтожить последние танки русских! Потому фюрер призывает вас: скорее продвигайтесь вперед, уничтожайте танки коммунистов! Мы победим! Гений фюрера приведет вас к победе!..

Оправдалось ли пророчество министра пропаганды, как и остальные его предсказания, показала история. А как относительно марганцевого голода?..

До Отечественной войны марганец добывался у нас в основном на двух месторождениях — в Никополе и Чиатуре. По данным Центрального статистического управления за 1940 год, эти месторождения давали 91,6 процента марганца, потребляемого металлургической промышленностью Советского Союза.

В конце ноября немецкие войска, захватив Ростов-на-Дону, перерезали железнодорожную связь с Кавказом. Отныне доступ к Чиатурскому месторождению был затруднен. А фронт требовал новых и новых танков — значит, нужно было все больше броневых проката, все новых миллионов тонн специальной стали. Этот рост был немислим без марганцевых добавок. Встал вопрос, как восполнить потерю марганцевых месторождений?

Внеочередное заседание Совнаркома СССР 29 августа 1941 года (через пять дней после потери Никополя) посвящалось этой проблеме.

Необходимо было срочно увеличить до возможного предела добычу марганцевого сырья в восточных районах, выделив для этого необходимое количество людских сил и технических средств. Наряду с тем все геологические службы страны обязывались в кратчайший срок найти и разведать промышленные запасы марганцевых руд.

Большие надежды Наркомата черной металлургии возлагались на месторождение Полуночное, осваивавшееся на севере Свердловской области. Были приняты все меры для досрочной сдачи рудника. По двадцать часов трудились рабочие, строившие железнодорожную ветку от станции Ивдель. Круглосуточно шла работа на месторождении. И в конце 1941 года металлургические заводы Урала стали получать желанный марганец.

Однако Полуночное не могло заменить Никополя, оно не давало даже десятой доли того, что добывала Чиатура. Да и по качеству руда Урала не шла в сравнение с грузинской и украинской. По сути дела, металлургическая промышленность страны встретила сорок второй год с мизерными запасами марганцевого сырья. Потребность в нем оставалась по-прежнему крайне острой. Со времени принятия постановления Совнаркома на Урале, в Сибири, в Казахстане и в республиках Средней Азии без отдыха работали десятки геологических отрядов. Все они искали марганцевую руду. И вскоре на имя наркома черной металлургии И.Ф.Тевосяна стали поступать шифрованные телеграммы, официальные сообщения.

В их числе была заявка из Джекказганской геологоразведочной конторы, подписанная тремя геологами...

II

В день, когда началась война, джекказганский геолог Богданчиков находился в Кривом Роге. Его появлению здесь предшествовали следующие события.

В конце апреля его вызвал к себе начальник геологоразведочной конторы.

— Иосиф Николаевич, у меня для вас интересная командировка, — сказал Сатпаев, — на два месяца поедете на Украину, будете изучать месторождения Кривого Рога и Никополя. Не торопитесь. Вникайте во все детали. Это пригодится нам — пора основательно взяться за разведку железорудных запасов Улутауского района.

И вот война застала Иосифа Николаевича на берегах Днепра, в тысячах верст от родного очага. Перед геологом встал вопрос: прервать ли командировку и возвратиться в Казахстан, или продолжать ознакомление с месторождениями?

Сомнения его разрешила неожиданная телеграмма Сатпаева: «Предлагаю встретиться 26 июня на станции Джусалы. Постарайтесь не опоздать, предстоит важный разговор».

Немедленно свернув свои дела в Кривом Роге, Богданчиков выехал в Казахстан. Он успел к назначенному сроку. Беседа с Канышем Имантаевичем происходила в доме приезжих Карсакпайского комбината, где семья Сатпаевых остановилась на пути в Алма-Ату.

Разложив на столе карту района, Каныш Имантаевич указал сначала на Карсакпай, затем острие карандаша медленно поползло на север, а дойдя до Сарысая, стало кружить вокруг излучин Большой Джебды. Река в этом месте блуждала между невысокими холмами.

Богданчиков сразу догадался, к чему клонит Сатпаев. Правда, он ожидал, что разговор будет идти в основном о Найзатасе, крутой сопке восточнее того места, куда упирался сейчас кончик карандаша. В последние годы Джебказганская контора вела здесь разведку на железную руду — работали буровые станки. А там, куда указывал Сатпаев, еще лежала настоящая целина.

— Вы удивлены? — говорил Каныш Имантаевич. — Да. Найзатас подождет. И не только она. И в Балбырауне, и в Карсакпае, и в Кишитауе разведку придется временно прекратить. Железо подождет. Следует перейти на новую площадку. Будете разведывать, Иосиф Николаевич, марганцевую руду! Удалось ли вам как следует познакомиться с украинским месторождением этого сырья?

— Вполне.

— Марганцевые проявления в этих местах я увидел впервые еще в 1928 году, — продолжал Каныш Имантаевич. Достав щепоть насыбая из своей агатовой шакчи и положив его за губу, он принялся ходить вокруг стола. — Тогда я задался целью во что бы то ни стало найти флюсы для Карсакпайского завода. Привозимые с Урала обходились нам слишком дорого. Летом того года я обнаружил поверхностные проявления браунитовых руд²⁵. Но железистых флюсов там, к сожалению, оказалось мало, а потому изыскания прекратились. Лишь в 1936 году, восемь лет спустя, мы вновь добрались до этих мест. Да что я рассказываю об этом: вы сами участвовали в разведке... По-моему, в районе Бала Джебды могут оказаться неплохие запасы марганца. Правда, с тамошней породой

буровикам придется попотеть — это не медь...

III

Наскоро организованный Джебдинский геологоразведочный отряд прибыл на берег речки в первых числах июля. В зарослях густой травы виднелась одинокая зимовка колхоза «Кызыл Октябрь». Здесь и расположились геологи.

Каныш Имантаевич с первых дней напряженно следил за ходом разведки. Свое письмо от 19 июля, адресованное руководителям разведконторы, он заключал словами: «Убедительно прошу вас... информировать меня как можно подробнее о ходе работ и их перспективах».

Его предупреждение насчет твердости джебдинской породы полностью подтвердилось. Неподатливые скалы не раз приводили в отчаяние буровиков отряда.

Поначалу, приехав в Джебды, старший мастер Халык Темирбаев наладил бурение тремя станками. Но из-за низких темпов проходки — полтора-два метра в сутки — разведка Джебды двигалась медленно. А тяжелое положение на фронтах требовало совершенно другого размаха работ. В сентябре Джебказганская контора получила постановление Совнаркома СССР о повсеместном развертывании разведки на марганец. Прозорливость Сатпаева, его неоднократные хлопоты и беспокойство о Джебды были наконец-то поняты и оценены. Необходимо было наверстывать упущенное время, число станков было удвоено, заботами областного комитета партии и не без помощи Каныша Имантаевича удалось дать брони основному составу разведчиков. И все-таки людей не хватало.

Выход из создавшегося трудного положения нашел тот же Халык.

— Будем выходить на работу два раза в сутки, по шесть часов в смене, — заявил он на собрании бригады. — На фронте наши бойцы сражаются днем и ночью. Неужели же мы не сможем работать по двенадцать часов!

Так и решили. Разведка в Джебдах пошла быстрее.

В конце октября пришло еще одно письмо от Сатпаева. Он отмечал, что первые результаты изысканий неплохие, и призывал поспешить с расчетами, хотя бы приблизительными. «Словом, надо заявить о промышленных запасах Джебды, не ожидая окончания разведки, — писал он. — Это дало бы повод уже сегодня распланировать разведку

месторождения с тем, чтобы в новом, сорок втором году вести здесь систематическую плановую разработку. Это же даст возможность получить необходимые средства для детальной разведки в будущем, но самое главное — черная металлургия страны уже сегодня смогла бы получить сырье, в котором очень и очень нуждается...»

Пришлось приниматься за расчеты. Даже приблизительные выводы геологов говорили о том, что они уже являются обладателями немалого марганцевого богатства. В результате и была составлена та самая заявка, что пришла в Наркомат черной металлургии в самые критические дни марганцевого голода.

Ответ не заставил себя долго ждать. Но пришел он не из Москвы и не в виде обычного распоряжения... В один из осенних дней прибыла группа инженеров из Магнитогорска во главе с главным технологом металлургического комбината. Специалисты тщательно осмотрели разведочные канавы, отобрали изрядное количество образцов браунитовых руд и, возвращаясь в Дзезказган, измерили расстояние от места буровых работ до железнодорожной станции. Оказалось, сорок пять километров. Всего-навсего.

Вскоре никому доселе не известное месторождение стало предметом обсуждения сразу в нескольких городах. Через месяц после первой прибыла новая комиссия, образованная уже по приказу наркома черной металлургии И.Ф.Тевосяна. В ее состав вошли опытные специалисты во главе с известным знатоком марганцевых руд профессором Покровским.

От Казахстана в комиссию был назначен Сатпаев. Но в день отъезда экспертов из Алма-Аты он неожиданно заболел. Пришлось звонить в Казгеологоуправление и просить выслать вместо себя авторитетного, знающего специалиста, а самому лечь в больницу на обследование.

Через несколько дней комиссия вернулась в Алма-Ату. Протокол ее заседания сразу же доставили в больничную палату Сатпаеву: «В Дзезды марганец имеется, но его запасы нужно доразведать... Заявленный запас основан на недостаточном материале...»

Прочитав пространные объяснения, обставленные множеством оговорок, Каныш Имантаевич понял, что по такому руслу дело далеко не двинется. Рудник в Дзезды, рождение которого казалось ему несколько дней назад скорым и реальным, теперь едва вырисовывался за строчками заключения. В сущности, они означали приговор к замораживанию месторождения. И Каныш Имантаевич по-настоящему сердился на себя за то, что заболел, не поехал с комиссией, не убедил ее в необходимости немедленной интенсивной разработки рудных пластов. Вместе с досадой

на себя приходило и недовольство вчерашними соратниками. «Тоже мне! Хороши! Трое солидных геологов, знатоки Джекказгана, не смогли убедить десяток приезжих специалистов?! А может, проявили слабость, испугались ответственности? Поосторожничайте?»

Что придумать теперь? Дело кончено. Комиссия уехала в Москву. Быть может, и ему пора успокоиться, ведь его честь не пострадала... Но успокоение не приходило. Всей своей кипучей натурой Сатпаев болел за Джезды. А когда он верил во что-то, он уже не мог отступить, готов был на открытую схватку, хотя бы против него был весь свет. Решение бороться за марганец Казахстана крепло с каждым часом, каждой минутой.

Доктора, долго обследовавшие его, наконец собрали консилиум и поставили диагноз: гангренозный аппендицит. Пришлось согласиться на операцию. «Лечение продлится долго, таков характер болезни», — говорили врачи. «А дела?» — с беспокойством спрашивал Сатпаев. «Подождут!» Но интересы нового месторождения марганца, интересы обороны страны? Разве они могут ждать?.. И вот из больницы отправляется телеграмма главному инженеру Джезказганской геологической конторы Сейфуллину: «Немедленно выезжайте со всеми имеющимися камеральными материалами по Джезды». Сейфуллин вскоре прибыл вместе с коллектором джездинского отряда Пастуховым. Они привезли обширные отчеты геологоразведки.

Когда они появились в больничной палате, Каныш Имантаевич сразу заявил:

— К делу, друзья! За расчеты! И вам под моим контролем легче, и мне веселее.

Им выделяют стол в одном из тесных прокуренных кабинетов Института геологических наук, и джезказганцы принимаются за работу. Через неделю Сатпаев выписывается из больницы. Операция прошла нормально, но врачи пока что не разрешают ему работать. С трудом удалось вырваться из больницы, пообещав соблюдать постельный режим. Оказавшись дома, он вызывает джезказганцев из гостиницы и поселяет их у себя.

Сатпаевы жили в Алма-Ате довольно скромно, на большую семью трехкомнатная квартира. Старшая дочь Каныша Имантаевича от первого брака Ханиса, воспитанная с малых лет Таисией Алексеевной, училась на втором курсе медицинского института. Младшая, Меиз, ходила в школу. А вскоре родилась Мариам. К тому же в доме ученого постоянно жили престарелая мать Таисии Алексеевны и племянник Каныша Имантаевича Кемел, сын Казизы, единственной его родной сестры, умершей в тяжелом

1932 году. Кемел Акышов учился в десятом классе и по примеру дяди мечтал стать геологом. Но его мечты не сбылись. Окончив школу, он добровольцем отправился на фронт, а в 1944 году вернулся домой с тяжелым ранением.

Каныш Имантаевич еще не мог ходить, поэтому по утрам его постель переносили на диван, стоявший в гостиной. Здесь же на большом столе раскладывались камеральные материалы. На стульях лежали паспорта скважин, данные разведочных канав, геологические карты, схемы. На отдельном столике хранились результаты анализов, поступающие из лаборатории Института геологических наук. Посреди всего этого не разгибаясь сидели и часами щелкали счетами да крутили ручки арифмометров два джезказганца. Каныш Имантаевич, лежа на диване, руководил работой. То и дело он задавал какие-то цифры Пастухову, а тот высчитывал их на счетах. Затем записывались результаты. Так они работали по целым дням, иной раз не обмолвившись друг с другом ни единым словом. Лишь изредка о чем-то спорили. Расчеты продолжались до глубокой ночи. Отрывались от бумаг только тогда, когда радио передавало сводку Совинформбюро... И вновь воцарялась тишина, прерываемая стуком костяшек счетов да редким покашливанием.

Через несколько дней Каныш Имантаевич вышел на работу, хотя чувствовал себя еще не вполне здоровым, — тревожили боли в кишечнике, однако лежать долго в постели в эти напряженные дни он был не в состоянии.

После обработки первичных материалов Пастухов уехал в Джезказган. Окончательные расчеты теперь легли на плечи Саида Нагимовича Сейфуллина. Вечерами, вернувшись с работы, ему усердно помогал хозяин дома.

Наконец все было закончено. Составлены краткая геологическая характеристика месторождения, объяснительная записка к расчетам, обобщены дополнительные материалы и данные разведок. Все это приведено в систему, описано, пронумеровано. Подытожены разведанные запасы. Однако полученный результат не удовлетворял Сатпаева.

— Для Джебды этого мало, — заявил он.

— Но ведь и разведка была недостаточной. На следующий год запасы возрастут.

— Значит, так и следует указать в объяснительной. Пусть те, кто будет читать, знают, что это еще далеко не окончательные данные.

И такое уточнение было сделано в записке, поданной в Территориальную комиссию по запасам (ТКЗ). Специалистам предстояло

проверить все, после чего могло быть принято решение о строительстве рудника.

Саид все еще жил в Алма-Ате, со дня на день ожидая заключения экспертов. Тянулись дни, недели. Наступил новый, 1942 год. Прошло еще немало времени, а эксперты ТКЗ не торопились.

Записка все еще изучалась. Одни держали ее по несколько дней, другие неделями. И не видно было конца проверкам, придиркам, волоките...

В конце концов Сейфуллин не выдержал. Обязанности главного инженера крупной разведконторы не позволяли ему подолгу бывать в отъезде. И он возвращается в Карсакапай, так и не дождавшись рассмотрения своих расчетов в ТКЗ.

Все хлопоты по Джебды достались на долю Каныша Имантаевича. Документы из архива Джебдинского рудоуправления свидетельствуют, что эта история стоила Сатпаеву многих сил и нервов. Как ни старался директор института, усилия его оставались бесплодны. Не помогли ни аргументированность выводов, ни высокий авторитет в научных кругах, ни большие права руководителя филиала Академии наук СССР.

«Начальнику комитета по делам геологии при СНК СССР тов. И.И.Малышеву.

Для вас, конечно, совершенно ясна исключительная ответственность советских геологов в переживаемый военный период, когда неизмеримо возросшие нужды фронта в металлах и других видах оборонного сырья требуют максимально целеустремленной и оперативной работы со стороны геологов как по выявлению запасов необходимых видов сырья, так и по скорейшему оформлению и передаче их промышленности... Создавшаяся напряженная обстановка с марганцем диктовала необходимость скорейшей разработки Джебдинского и других месторождений марганца в Джебказганском районе, расположенных неподалеку от линии дороги в промышленно обжитом районе и обладающих значительными запасами высокосортных окисленных марганцевых руд. Эти месторождения разведывались Джебказганской ГРК на средства Наркомцветмета за счет экономии тех ассигнований, которые выделялись на медь, а в 1942 году частично на средства Казгеологуправления... Далее оставшиеся комплекты материалов подсчета запасов Джебдинского месторождения

поступили на рассмотрение ТКЗ. И здесь началась длинная цепь неожиданных недоразумений и оттяжек. Несмотря на пребывание в Алма-Ате, даже в том же Казгеологоуправлении, целого ряда крупных и авторитетных геологов, в числе рецензентов по Джебды почему-то был выдвинут и геолог Е... (в письме имя геолога названо полностью. — М.С.), известный в прошлом бесславными и бессистемными разведками в районе Атасу, но с чрезмерным и ничем не оправданным гонором... Наконец, 23/II-42 г. состоялось заседание ТКЗ, куда, кстати, тоже не был приглашен никто из авторитетных геологов. Результатом «келейного» заседания ТКЗ явилось неожиданное его «решение» о возвращении материалов подсчета обратно для новых расчетов. Мотивировки же этого решения, однако, настолько показательны по своей курьезности и несерьезности, что вынужден привести их целиком...»

Нужно ли приводить все девять страниц этого документа, где по всем пяти пунктам выдвинутых экспертами ТКЗ возражений даны обстоятельные ответы специалиста. Стиль письма весьма красноречиво показывает, что автор его не очень-то старался подбирать выражения, хотя оно и адресовалось человеку, стоявшему в то время во главе всего геологического дела Советского Союза. Не то было время, чтобы подбирать выражения. Вот еще выдержки из этого письма:

«Такой беллетристикой можно заниматься, конечно, на досуге, но предъявлять подобные требования к узкоцелевой работе, какой является означенный подсчет запасов, к тому же выполненный в весьма сжатые сроки, могут только люди, потерявшие всякое чувство меры... Писать с серьезным видом о приписке мощности в 7 — 8 сантиметров могут, конечно, такие специалисты, как геолог Е... Потому отписка ТКЗ по соответствующим пунктам инструкции, без учета реальных условий выполнения разведочных буровых работ, является голым формализмом и свидетельствует о полнейшей оторванности от жизни...»

В конце письма Каныш Имантаевич просил рассмотреть разведочные материалы Джебды на заседании Всесоюзной комиссии по запасам (ВКЗ) и в возможно кратчайший срок.

История Джебды не закончилась отправкой этого письма. При деятельном участии Сатпаева наболевший вопрос становится предметом серьезного разговора в ЦК КП(б) Казахстана. Еще осенью сорок первого года ответственные работники ЦК поставили перед Наркомчерметом вопрос о начале скорейшей эксплуатации руд Джебдинского месторождения. И теперь, когда это дело застопорилось в Алма-Ате, в самом Казгеологуправлении, кое-кому из волокитчиков пришлось держать ответ. Потому-то ТКЗ, вдруг в спешном порядке отказавшись от своего первого постановления, решает утвердить запасы Джебды. Однако комиссия предложила пересчитать их по методу «вертикальных сечений взамен примененного при подсчете метода ближайшего района». Кроме оттяжки времени, подобный пересчет не только не давал ничего принципиально нового, но и являлся менее рациональным, намного уменьшал запасы руд.

Но не таков был характер Сатпаева, чтобы останавливаться на полпути. Ученый не хотел компромиссов. Его устраивало лишь полное и безоговорочное признание Джебды и разрешение на немедленное открытие рудника.

IV

Весной стало ясно, что металлургические заводы не справятся с заданием по производству некоторых видов проката, установленным на первое полугодие сорок второго года. Почти все резервы ферромарганца были израсходованы. Вся надежда была на маломощные и без того работавшие с максимальным напряжением «выдыхающиеся» рудники. А спрос на сырье постоянно возрастал.

Поэтому вопрос о марганце стал предметом обсуждения в Государственном Комитете Оборонь...

В начале апреля на берег Джебды вновь прибыли специалисты Наркомчермета. Только что начал сходить лед; отовсюду с ущелий и равнин текут в русло реки весенние воды. В степи хозяйничает весенняя распутица. Но директива ГКО не считается с погодными условиями. Она обязывает в кратчайший срок, за сорок дней не только спроектировать и построить рудник, но и выдать первые тонны руды уральским заводам.

После краткого изучения месторождения и условий местности проектировщики предложили осуществлять эксплуатацию Джебды в два этапа. На первом предлагалось вести разработку руд открытым способом

из пластов, расположенных близко к поверхности. К ней можно было приступить сразу же и вывозить сырье автотранспортом до станции Джекказган. На втором этапе предусматривались строительство шахты для добычи глубинных залежей и одновременная прокладка железной дороги.

Теперь время заработало на Джезды. Не успели еще утвердить эти проекты в высоких инстанциях, а на берег уже прибыли первые строители. В основном это были рабочие, мобилизованные из близлежащих Карагандинской, Акмолинской, Северо-Казахстанской и Кызылординской областей. Приехали и горные техники, и кадровые рабочие, эвакуированные с Украины и из Липецка.

Директором вновь созданного рудоуправления был назначен криворожец Н.Ф.Михайлов.

В течение нескольких дней небольшая, окруженная холмами долина превратилась в строительную площадку. Словно в улье, кипела работа. День и ночь стучали буровые станки, сразу в нескольких карьерах шли вскрышные работы, а в ущелье Нарсай вырос целый городок из юрт и палаток. На берегу Улкен Джезды велось строительство полуземляных барачков... Ни на час не прекращался шум стройки: ревели бульдозеры и автомобили. В темное время суток в карьерах работали при свете автомобильных фар, так как электричества здесь пока еще не было. Но фундамент электростанции ускоренно закладывался.

В мае прибыло двести новых грузовиков, срочно выделенных из фонда Госкомитета Оборонны, затем еще сотня. На них требовалось посадить ни много ни мало триста водителей. Причем тотчас, в течение нескольких дней. Улутауская степь могла бы снабдить Джезды чем угодно, но такого количества квалифицированных водителей здесь взять было неоткуда. С грехом пополам набрали два десятка шоферов...

Что было делать? И Карсакпайский райком партии бросает клич: «Всем на марганец!», «Страна требует от нас скорейшего открытия Джезды!», «Если хотите, чтобы вашего сына, мужа, отца защищала броня танка, овладейте профессией шофера!..»

Учителя школ, колхозники, старшеклассники, домохозяйки оставляют дела и садятся за баранку автомобиля. Все, кто может удержать руль и достать ногой до педали, спешат овладеть техникой. Квалифицированные шоферы обучают новичков в течение недели. В основном практическая езда, теорию изучать некогда... Создаются колонны из десяти-пятнадцати машин, в каждой из них по одному опытному водителю, он же начальник колонны. Текущий ремонт, уход, заправка проводятся под его присмотром. Это как-то спасает положение.

В начале июня дирекция объявляет аврал. До установленного правительством срока остаются считанные дни, а карьеры к выдаче руды не готовы. Выполнение задания висит на волоске.

И вот остановлены любые работы, кроме главной, — путейцы, каменщики, плотники, канцелярские служащие бросают свои участки и становятся на расчистку карьеров. Работают сколько хватает сил. Четыре часа на сон, остальное время в карьерах. Казалось, течение дней остановилось для них. Общей целью стало: скорее добраться до залежей руды.

И это свершилось. 12 июня 1942 года, через 38 дней после начала строительства, была отгружена первая партия джездинского марганца. Этот день стал днем рождения рудника.

Вначале руда отвозилась на станцию Джезказган. После загрузки нескольких вагонов они с курьерской скоростью следовали в Магнитогорск, в Кушву. За отправкой их следил специальный уполномоченный. Вскоре порядок транспортировки изменился. Автомобили стали возить руду навстречу идущим вагонам, которые с каждым днем доставлялись все ближе к руднику по строившейся железнодорожной ветке. Этим достигалась экономия времени и дефицитного по тем временам горючего.

Накануне двадцатипятилетнего юбилея Великого Октября горняки услышали протяжный гудок первого поезда. На карте стальных магистралей Советского Союза появилась новая станция — Джезды.

С июля рудник переводится на производственный график добычи руды. Такое в истории нашей промышленности практиковалось впервые. С первых же недель джездинцы приступили к выполнению государственного плана добычи. И какого плана! Предстояло добывать и вывозить по 15 тысяч тонн высококачественной руды ежемесячно. Документы, архивы тех лет говорят о том, что в течение шести месяцев 1942 года Магнитогорский комбинат получал отсюда отличную браунитовую руду с высоким содержанием марганца.

Отличное качество джездинского марганца сразу же подняло производительность доменных печей. «Почти в три раза увеличилось производство высококачественного проката на Магнитогорском заводе», — свидетельствует «История Великой Отечественной войны», характеризуя далее организацию выплавки стали как большую победу, равную по своему значению выигрышу крупного сражения. Вот некоторые факты, дающие представление о значении нового месторождения: после ввода в строй Джездинского рудника удельный вес восточных районов по добыче

марганцевых руд возрос с 8,4 до 84,6 процента. Причем 70,9 процента всех марганцевых руд страны стало давать Джебды. Иными словами, за годы войны на руднике было добыто столько марганцевых руд, сколько добывали для военных нужд фашистской Германии Венгрия, Чехословакия и Румыния, вместе взятые.

«Они нашли какое-то Джебды!» — как говорят, злобно ворчал Адольф Гитлер. Вместо обещанного немцами марганцевого голода и падения выпуска броневых проката советским заводам удалось увеличить производство броневой стали в три раза!

План добычи 1943 года увеличился по сравнению с минувшим годом в четыре раза. Уже ставился вопрос о снабжении джебдинской рудой и Кузнецкого металлургического комбината.

Объем работ был исключительным по своим масштабам. Четыреста тысяч тонн руды необходимо было поднять из карьеров, перевезти на автомашинах, затем отгрузить в вагоны. Все работы выполнялись вручную. Лишь в некоторых местах действовали ленточные транспортеры да имелся единственный бункер-эстакада для выгрузки. Карьеры разрозненны и маломощны. Не успеешь в одном установить оборудование, глядишь, пошла бедная руда или он совсем выработан.

Горняки живут в наскоро приспособленных бараках и землянках. В помещениях тесно и холодно. Питание из общего котла. Но, несмотря на невзгоды и лишения, люди работают по двенадцать часов в сутки. Инженеры и техники тем более: их труд не нормирован. Счета времени здесь нет, есть только счет загруженных вагонов. Те, кто участвовал в нечеловечески тяжелой джебдинской эпопее, навсегда запомнили, какой ценой доставались эти черные браунитовые камешки.

Когда же план добычи увеличился в четыре раза, у руководства рудника возникли сомнения в реальности выполнения предложенного задания.

«Запасы месторождения исчислены в шестьсот тысяч тонн высококачественного сырья. Более половины уже выработано, оставшееся отгрузим в первом же квартале, — рассуждали они. — Затем пойдут мизерные вкрапления руды. Там много не возьмешь. Процесс трудоемкий, малоперспективный...» Вывод следовал сам собой: план сорок третьего года основан не на реальных, а на желаемых возможностях месторождения, и должен быть незамедлительно снижен. Одним из главных аргументов производственников служил и тот факт, что разведанные запасы рудника все еще не были утверждены, хотя вопрос и рассматривался дважды — на заседаниях ТКЗ и ВКЗ. Эксперты дважды отклоняли представленные

подсчеты из-за недостатка данных изысканий. Вдобавок ко всему разведчик Джезды Богданчиков указал теперь восточное направление залегания рудного тела, хотя в прошлом году он назвал основным местом сосредоточения руд противоположное направление. Значит, теперь придется переносить все главные механизмы и оборудование рудника, в том числе большой бункер-эстакаду. Работа предстоит трудоемкая, за месяц не управишься. «А где гарантия того, что через некоторое время геологи вновь не заявят о новом направлении и глубине расположения основного рудного тела?» — спрашивали руководители рудника. Словом, оснований для того, чтобы просить о снижении плана, было предостаточно.

В феврале в Москву едет главный геолог рудника С.А.Горланов. В его портфеле документы, подкрепляющие позицию рудоуправления. Мало того, он везет с собой многочисленные пробы с карьеров. Они подобраны с тем, чтобы подтвердить данные об истощении богатых браунитовых жил Джездинского месторождения.

Возникает конфликт. Руководство Магнитогорского металлургического комбината, заинтересованное в наращивании поставок джездинской руды, обрушивает на геологов Джезказгана обвинения в саботаже, и вскоре от них были затребованы объяснения...

В борьбу по джездинскому «делу» незамедлительно включается один из главных его зачинщиков — Каныш Имантаевич Сатпаев. Он не думает уклоняться от ответственности. Приехав в Джезды, директор института садится за первичные материалы. Вновь просматриваются паспорта скважин, данные канав. Десятки часов проводит геолог в рудодобывающих карьерах, наблюдает, делает соответствующие записи. Проверяются и дополнительные данные, полученные отрядом Богданчикова во время интенсивных изысканий прошлого, 1942 года.

И вот вновь прозвучал убежденный голос Сатпаева.

— Теперь я как никогда уверен в том, что за такое месторождение стоит выдержать любое сражение! — скажет он на заседании техсовета геологоразведочной конторы. — Очень важны данные восточного крыла. Мой совет: не снижать интенсивности разведки, смелее, дальше идти в восточном направлении. Запасы руды будут расти по мере роста темпов изысканий...

Но производственников не удовлетворяют оптимистические заверения авторитетного ученого. Они требуют твердых цифр, официально утвержденных комиссией.

15 июня 1943 года в Алма-Ате собирается выездное заседание ВКЗ. Председательствует доктор геолого-минералогических наук, профессор

П.М.Татаринов. В нем принимают участие почти все видные знатоки железисто-марганцевых месторождений (такие, как профессор А.Г.Бетехтин, геолог П.М.Каниболоцкий), всего 34 человека. Только в исключительных случаях ВКЗ приглашала столько специалистов. Обсуждалось два доклада. Первый делал инженер Е.А.Немов, представлявший интересы Казгеологоуправления и дирекции рудника Джебды. Со вторым выступил геолог И.Н.Богданчиков. Он говорил от имени Джебказганской конторы треста Казцветметразведки.

Во время обсуждения эксперты ссылались на одни и те же данные разведки, производственные факты. Но два расчета запасов, произведенные по разной методике, давали противоположные результаты. В одном случае большие перспективы на много лет. В другом — мизерные, не заслуживающие внимания запасы марганца. Спор осложнялся тем, что этих предполагаемых запасов пока что никто не видел.

Кому верить, а кому сказать «нет», навсегда определяющее судьбу спорного месторождения, это предстояло решить экспертам. Понятно, что обе стороны не щадили друг друга, оспаривая каждый сомнительный факт и способы подсчета...

Заседание продолжалось два дня и закончилось полной победой точки зрения джебказганских геологов. ВКЗ утвердила, правда, с некоторой поправкой, расчеты Богданчикова. Говорилось в акте и о перспективах роста при дальнейшей разведке.

Но производственники не отказались от своих сомнений и продолжали добиваться снижения плановых заданий теперь уже на 1944 год. Тем более что освобождение пути на Чиатуру и ожидавшееся скорое очищение юга Украины от немцев облегчало напряженное положение с марганцевым сырьем...

В один из осенних дней 1943 года Сатпаев был вызван в Москву к наркому черной металлургии.

— Как по-вашему, сможет ли Джебды и в будущем году дать столько сырья, сколько получено нынче? — спросил Тевосян, без предисловий перейдя к интересующему его делу.

— Год назад, чтобы ответить вам, я попросил бы время на размышления. А сейчас, товарищ нарком, отвечу вопросом на вопрос. Сколько джединского марганца потребуется вам в будущем году? Один, два, три миллиона тонн?.. Вы их получите.

— Ваши слова радуют меня. В таком случае мы подключим к Джебды и Кузнецкий металлургический комбинат! Он также находится у нас на голодном марганцевом пайке...

— Марганец будет, Иван Федорович! Отвечаю за это головой.

— Мы вам доверяем. Но все-таки мне неясно, почему производственники да и некоторые ваши коллеги относятся к этому месторождению с сомнением.

— Что касается геологов, скажу вам откровенно, — ответил Сатпаев не без обиды, — у некоторых товарищей не хватает ни профессиональной фантазии, ни решимости на риск. Потому, хватаясь за любую соломинку, эти деятели прикрывают свои слабости, а порой и элементарное незнание всякого рода формулами и теориями.

— Пожалейте! Ведь они тоже люди! — засмеялся нарком.

— В том и дело, что они не просто люди, но еще и специалисты с авторитетом и большими полномочиями... Ну а что касается джездинских производственников, здесь я не в обиде. Люди впервые приехали в степь, попали в нечеловечески трудные условия. Нехватка рабочей силы, техники, отсутствие многих элементарных бытовых удобств, чрезмерные требования потребителей — все это и привело к разного рода сомнениям и отговоркам. Тем более что сейчас джездинский марганец достается нам нуда труднее, чем в первые месяцы. Богатая руда кончается, да и опускаться теперь приходится гораздо глубже.

— И что же вы предлагаете?

— По-моему, в Джезды следует направить авторитетную бригаду специалистов, которые сумеют разъяснить суть дела всему шахтерскому коллективу. Конечно, легко просто приказать, но иногда требуются и разъяснения. Люди должны поверить в реальность намеченного...

*

12 июня 1967 года Джездинский рудник отмечал свое двадцатипятилетие. На торжественном собрании выступил ветеран рудника, его директор Абдрахман Токтыбаев:

«Помню тяжелый сорок второй год... Титаническую работу нашего коллектива, добывающего драгоценное стратегическое сырье для фронта, для победы! Какие трудности пришлось преодолеть первопроходцам-геологам, нашему замечательному ученому Каньшу Имантаевичу Сатпаеву, чтобы неизвестное, затерянное в степях Казахстана месторождение превратить в мощный центр добычи марганца. Неоценим вклад Джезды в дело

победы! Неоценима заслуга породивших это замечательное месторождение!.. Что скажут нам теперь вчерашние горе-спецы и скептики? И по сей день выдает тысячи тонн отличной руды Джездинское месторождение. Выдает и будет выдавать! А ведь и Сатпаев, и его коллеги-единомышленники были объявлены тогда карьеристами и фантазерами. Достаточно вспомнить, как высмеивали их прогнозы запасов. Кто прав, показало время! С тех пор мы дали Родине десятки миллионов тонн высококачественного сырья. Сбылись пророческие слова незабвенного Каныша Имантаевича. Он шутя говорил нам, тогда еще молодым инженерам: «Хотя Джезды не полководец, кующий победу в сражении, но он храбрый и славный солдат, делающий эту победу реальной!..»

Казахская база АН СССР была организована в 1932 году по инициативе правительства республики. Курс на индустриализацию, взятый страной, требовал для развития народного хозяйства надежной научной основы. Поэтому Казахстану был необходим академический центр. При своем основании база имела два отдела — ботанический и зоологический. Первый из них в том же году заложил Алма-атинский ботанический сад, существующий поныне. А зоологический начал планомерное изучение животного мира степи.

Через три года возникло еще два отдела (они стали называться секторами) — исторический и геологический. В 1936 году база снова расширилась: открылись секторы казахского языка, а также литературы и народного творчества имени Джамбула Джабаева.

От года к году республика набирала силы, креп е ее хозяйственно-экономический потенциал. Соответственно усложнялся состав базы, рос штат научных работников. Развивающаяся промышленность требовала все большего размаха исследований. Потому в 1938 году Президиум АН СССР преобразовал казахскую базу в филиал, дополнительно организовав еще два сектора — почвоведения и географический.

Институт геологических наук, куда Каныша Имантаевича пригласили директором, был первым самостоятельным научно-исследовательским учреждением в системе КазФАНа. Вслед за ним в том же 1941 году открылся Институт истории, языка и литературы.

Дальнейший рост казахского филиала тесно связан с возросшими в условиях военного времени запросами промышленности и сельского хозяйства республики. Поскольку филиал нацелил всю свою научную деятельность на удовлетворение нужд обороны страны, в большой степени повысилось практическое значение выполняемых исследований. Вскоре после начала войны на базе соответствующих секторов возникли химико-металлургический институт и Институт астрономии и физики.

Свидетельствует академик АН СССР В.Г.Фесенков:

«В первый год Великой Отечественной войны советские

астрономы, приехавшие в Алма-Ату для наблюдения полного солнечного затмения 21 сентября 1941 года, оказались на положении эвакуированных, так как после окончания своей работы уже не могли вернуться обратно. Однако мы не почувствовали тяжести положения, так как встретили активную поддержку со стороны руководства Казфилиала... и особенно со стороны Каныша Имантаевича Сатпаева. Для успешного продолжения научной работы мы предложили создать при Казфилиале АН СССР Институт астрономии и физики. Этот проект активно поддержал К.И.Сатпаев. После его доклада в Совнарком Казахской ССР в октябре 1941 года можно было приступить к организации института, его астрономической обсерватории и созданию для его сотрудников необходимых условий... Несмотря на то, что институт сначала занимал всего лишь одну комнату в здании Казфилиала, в нем началась активная научная работа. Каждую пятницу проводились научные собрания с докладами сотрудников, в которых время от времени принимал участие и Каныш Имантаевич».

О работах, выполненных Институтом геологических наук под непосредственным руководством Сатпаева в тот тяжелый для страны период, мы уже говорили. А какую лепту внесли в дело обороны страны новые институты, например, астрономии и физики? Архивы свидетельствуют, что в годы войны в лабораториях была налажена такая тонкая и сложная работа, как спектральный радиометрический анализ руд, поступающих от полевых экспедиций. В основном это было делом физиков. Но и астрономы плодотворно трудились для фронта. В творческом содружестве с ботаниками они занялись исследованиями, необходимыми для изготовления светофильтров. И вскоре противовоздушная оборона страны получила эти приборы. А содружество столь несхожих на первый взгляд наук привело в конце концов к неожиданному результату: в Казахстане родилась астроботаника — наука, до тех пор не существовавшая.

Значительными достижениями начинал свою работу и химико-металлургический институт. Ученые помогли специалистам Балхашского медеплавильного завода наладить технологию выплавки металла из богатых джезказганских руд, а до этого предприятие работало только на коунрадском сырье; для Чимкентского и Лениногорского свинцовых

заводов институт вел исследования по извлечению ценных компонентов из отходов обогатительных фабрик; именно в эти годы впервые сумели использовать отходящие сернистые газы металлургических заводов для создания в республике новой сернокислотной промышленности. В период войны металлурги республики с помощью ученых наладили выпуск нескольких новых остродефицитных редких металлов, а раньше они безвозвратно уходили вместе со шлаками или без пользы лежали в «хвостах» обогатительных фабрик. На основе рекомендаций ученых КазФАНа вблизи Караганды, в урочище Темиртау, началось строительство Казахского передельного завода — предшественника нынешней Казахстанской Магнитки.

Основные усилия химиков были также направлены на использование в народном хозяйстве сырьевых запасов Казахстана. В кратчайшие сроки они разработали промышленные способы получения жидкого стекла, карбида кальция, каустической соды, бентонитов и многих других видов продукции, имевших важное значение для обороны страны. Пожалуй, самыми серьезными их достижениями были детальное изучение месторождения фосфоритов и открытие способа получения из них минеральных удобрений.

Такая же напряженная работа шла и в других секторах филиала, в научных институтах, открытых в годы войны. Еще в начале ее ботаники, физиологи, биохимики передали производственникам новую технологию получения дубильных веществ, прочных растительных красок, витаминов, поташа и других ценных продуктов из растительного сырья. Весьма кстати оказалось открытие казахским ученым Каримом Мынбаевым каучуконосных растений — каратауский таусагыз позволил обеспечить десятки тысяч машин на фронте и в тылу высококачественной резиной.

Даже такая чисто «гражданская» наука, как лингвистика, нашла себе применение во всенародном деле помощи фронту. Казахские языковеды составили русско-казахский словарь военных терминов, который оказался весьма полезен для обучения новобранцев-казахов. Литературоведы выпустили в годы войны первый том «Истории казахской литературы». А историки наряду с собиранием и научной систематизацией материалов о Великой Отечественной войне подготовили и издали «Историю Казахской ССР с древнейших времен до наших дней». Внесли свою, притом немалую, долю в дело помощи фронту и такие представители сугубо мирных отраслей науки, как почвоведы. Они составили почвенные карты почти всех областей Казахстана, которые сыграли важную роль в рациональном использовании бескрайних земельных угодий республики...

Так было почти во всех секторах, отделах, научных институтах. Везде и всюду кипела работа. Лозунг «В тылу как на фронте!» определял все устремления коллектива филиала.

Общий штат филиала к этому времени достигает уже пятисот человек, среди которых 2 академика, 4 члена-корреспондента, 18 докторов наук и профессоров, 44 кандидата наук и около 150 младших научных сотрудников и лаборантов.

Пополнение кадрами постоянно расширяющихся институтов и секторов филиала шло в основном тремя путями.

Первый из них — приглашение одаренных, способных специалистов с промышленных предприятий. Хотя у них не было ни ученых степеней, ни навыков исследовательской работы, они хорошо знали производство, свое дело. Руководство филиала смело и решительно выдвигало таких специалистов на ответственные посты.

Второй — приглашение на временную или постоянную работу крупных ученых, эвакуировавшихся в Алма-Ату. Впоследствии многие из них остались в столице Казахстана, избрав ее местом постоянного жительства.

Из воспоминаний В.А.Ульяновской:

«...Разразилась война. Стал остро вопрос, куда вывезти из Москвы детей сотрудников Академии наук. Предлагались разные варианты, разные города. Я вспомнила, о радушном приеме своих друзей казахстанцев, которых к этому времени у меня уже появилось немало, вспомнила о словах тов. Ундасынова²⁶ и решила дать телеграмму о возможности вывезти детей в Казахстан.

А через два дня мне позвонили из Казахского представительства в Москве.

— Тов. Ульяновская, сегодня ночью мне звонил по телефону тов. Ундасынов и просил передать вам, что не только детей сотрудников Академии наук, но и всех академиков правительство Казахстана приглашает приехать в республику. Назовите любое место.

— Можно детей отвезти в Боровое? — задан был мною вопрос. — Куда переводить на содержание детей деньги?

— Повторяю указание тов. Ундасынова, — ответил мне постпред. — Можно везти в любое место, в том числе и в

Боровое, а о деньгах... ведь детей повезут в республику Советского Союза, какой же может быть разговор о деньгах?..

Я никогда не забуду этого разговора. Великое братство народов в нашей прекрасной стране сказалось здесь с особой силой.

В середине 1941 года не только дети сотрудников Академии наук, но и многие академики с семьями выехали в замечательный курорт Казахской ССР — Боровое, а некоторые институты, в том числе Институт истории, экономики, географии АН СССР — в столицу республики г.Алма-Ату».

Почти весь состав Президиума академии, самые замечательные светила советской науки собрались в городе у подножия Алатау. Они приехали не на день или на неделю, им предстояло целые годы работать здесь. Вот имена некоторых из них: металлурги А.А.Байков и И.П.Бардин, геолог В.А.Обручев, горняки Л.Д.Шевяков и А.А.Скочинский, химик Э.В.Брицке, агрономы Д.И.Прянишников и Н.В.Цицин, транспортник В.Н.Образцов, почвовед Л.И.Прасолов.

Глава казахского филиала, человек дела, умело воспользовался представившимся случаем для всестороннего развития республиканской науки.

Но прежде чем подключать эвакуированных ученых к научной деятельности, надо было окружить их вниманием и заботой. По воле военной судьбы они оказались далеко от родного очага, лишенными привычной обстановки. Предстояло сделать так, чтобы эти пожилые люди поменьше думали о бытовых мелочах жизни. С жильем в Алма-Ате туго, пустующих квартир ни у кого нет, но если каждый сотрудник филиала потеснится, то можно предоставить уголок или комнату приезшему специалисту... А академиков устроили с настоящим комфортом. Правительство республики выделило им для жилья самый лучший дом отдыха в урочище Медеу.

Свидетельствует казахстанский академик Н.В.Павлов:

«В мае 1942 года в самый разгар весны, когда алма-атинские сады, точно свадебной фатой, были одеты бело-розовым цветом яблонь, прибыл в Алма-Ату... В.Л.Комаров²⁷ с женой и довольно многочисленным штатом. К.И.Сатпаев встречал его на вокзале,

устроил на жительство в лучший дом отдыха под городом и заботился о всех необходимых мелочах жизни нашего дорогого гостя. Он сумел так обставить дело, что в короткое время В.Л.Комаров начал чувствовать себя лучше, чем в Свердловске, и развил энергичную деятельность. Во всех своих начинаниях В.Л.Комаров опирался на дружескую помощь, всестороннее содействие, а подчас и творческую инициативу К.И.Сатпаева, с которым он чрезвычайно близко сошелся и которого вскоре очень искренне полюбил. Неоднократно В.Л.Комаров говорил: «Я не знаю, что мы стали бы делать, если б в Казахстане не было Каньша Имантаевича. Честь и хвала казахскому филиалу, что у него такой блестящий и деятельный руководитель». Между В.Л.Комаровым и К.И.Сатпаевым установился прочный деловой контакт, а искренняя приязнь и уважение, которые они питали друг к другу, чрезвычайно содействовали простоте и сердечности отношений. К.И.Сатпаев часто и запросто приезжал к В.Л.Комарову, советуясь по делам филиала...»

Новые научные институты начали свои исследовательские работы под непосредственным руководством маститых ученых, с участием авторитетных специалистов и в соответствии с требованиями военного времени быстро становились на ноги.

Но основным источником пополнения штата сотрудников создающихся научных учреждений была аспирантура, открытая при филиале. В нее направлялись способные молодые люди с производства и из вузов. В основном здесь велась подготовка национальных кадров. Кроме того, Президиум филиала при поддержке правительства республики добился дополнительных мест для казахстанцев в аспирантурах центральных городов.

Все эти организационные мероприятия привели к тому, что за 1941 — 1945 годы КазФАН вырос не только в количественном отношении, но и пополнился опытными исследователями. Теперь его никто не назвал бы слабым учреждением, которое не стало средоточием научной мысли в республике, как оценивала его деятельность комиссия Большой Академии несколько лет назад. Рекомендациями филиала пользуются и промышленные предприятия, и сельское хозяйство. Не обходятся без советов институтов КазФАНа и плановые, проектные организации. Созрели предпосылки к тому, чтобы из филиала превратиться в

самостоятельный научный центр.

А руководитель филиала? Он тоже значительно вырос как организатор науки и как теоретик. Это ученый поистине с энциклопедическими знаниями. Круг его интересов весьма широк и многогранен. Это признают не только в республике. Доказательство тому — избрание его членом-корреспондентом АН СССР..

Зимой 1943 года в Алма-Ате состоялась представительная встреча московских и ленинградских кинематографистов с деятелями культуры Казахстана. Обсуждался вопрос о съемках большого фильма, посвященного гостеприимной республике. Заметным явлением на этом совещании писателей и деятелей кино стала речь руководителя казахской науки, в ней отразилось все богатство натуры Сатпаева, самобытность его творческой мысли.

Вспоминает казахстанский академик Кажым Джумалиев:

«...Надо было слышать эту речь! Ни конспекта, ни тезисов, ни заметок у него не было. Он не применял эффектных ораторских приемов, не повышал голос, не жестикулировал. Речь его на прекрасном русском языке текла свободно, как большая равнинная река, и были в ней присущие таким рекам широта, глубина и плавность. Пожалуй, больше всего меня поразила проистекающая из глубокого знания и убежденности свобода выражения мысли. Это была не речь, а мысли вслух, не выступление, а неторопливая беседа, не слово на ответственном совещании, а доверительный разговор с друзьями. Так маститый профессор читает многолетне проверенный курс перед знакомой аудиторией студентов. Русские, казахи — все замерли, как притянутые магнитом... Ни перешептывания, ни кашля, ни движения. Мягкий, густой, музыкальный голос этого изумительного человека покори нас. Он звучал как родник живой воды, отразивший солнечный луч. Слова Сатпаева были на удивление просты, но в них чувствовалось биение ищущей, беспокойной мысли, мудрость многознающего, богатого опытом человека. Он поражал ясностью, целеустремленностью мышления. Ощутимо, весомо падали слова в зал, и такие сжатые и энергичные, что иному сказанное Сатпаевым пришлось бы говорить целую неделю.

— Нельзя окинуть взором наш Казахстан, — говорит он. —

...Республика наша таит в себе природные сокровища, которые под стать ее безбрежным просторам... Да будет вам ведомо, что большая часть свинца, который ежедневно обрушивается ливнем на головы фашистов, производится у нас. Фронт только что получил танки со сверхпрочной броней. И в этом немалая наша доля. Все же это только начало индустриальной эры завтрашнего Казахстана. Богатейшее будущее промышленного Казахстана заложено в его неисчислимых сокровищах недр. В старину о Бетпак-Дале, Голодной степи, говорили: «Не пройдет конь — копыта сожжет, не пролетит орел — крылья опалит». Но и пустыня, и горы, и вся бескрайняя степь — это кладезь угля и свинца, меди и вольфрама...

Сатпаев говорил, а мы, все присутствующие, боялись пропустить хотя бы слово. Он красочно, сочными мазками нарисовал картину становления казахстанской индустрии, ее бурный рост и для всех ощутимые достижения, ее вчера, сегодня и завтра. А как хорошо он знал ее творцов и героев — старого шахтера Тусупа Кузембаева, джезказганцев, карагандинцев, карсакпайцев. Он свободно, как о близких друзьях, говорил о передовиках индустрии, инженерах-новаторах, ученых, посвятивших себя индустрии...

— В казахском фольклоре и литературе есть давняя оптимистическая идея — идея познания и подчинения сил природы человеку. Она характерна для всей восточной культуры. Вспомните индийский народный эпос «Махабхарата», его главного героя Рамаюну, — он добывает счастье бедному народу тем, что отвоевывает райский остров Цейлон у царства джиннов-дьяволов, желающих заморить человеческий род голодом. Вспомните Батрадза из осетино-нардского эпоса. Герой его не только уничтожает зло на земле, но и объявляет войну темным силам неба: возьмите казахского Ер-Гостика, подземного и подводного странника, открывшего там несметные богатства и привезшего на землю золотой котел; вспомните башкирского человеколюбца Уралбатыра — он нашел живую воду, но не воспользовался ею сам, хотя ему очень хотелось стать бессмертным, а оросил тоскующую по воде родную землю...

Все от полноты души зааплодировали оратору. Аудитория загудела, выражая Каньшу Имантаевичу одобрение, любовь и восхищение. Эйзенштейн благодарно пожал ему руки. Сатпаев

улыбнулся широко, не скрывая своей радости, однако заметил, что почтение высокого гостя он принимает как приятный, хотя и незаслуженный, комплимент — ведь он, Сатпаев, неспециалист в области литературы...»

II

В августе 1944 года начались подготовительные мероприятия по организации Казахской Академии наук. Дальнейшая работа казахского филиала проходила под знаком этого исторического решения. Оживилась переписка между Москвой и Алма-Атой, участились командировки в столицу руководителей КазФАНа. Надо было согласовать состав и структуру будущей академии. Действующим институтам с их выросшими штатами нужны были новые просторные помещения, да и вновь открывающиеся требовали места... Их необходимо обеспечить оборудованием, контингентом специалистов. Пора подыскать административное здание для академии. И все эти вопросы требовали безотлагательного решения.

В ноябре Совнарком республики, рассмотрев предложения подготовительной комиссии, утвердил изменения в структуре филиала. Открылись еще несколько институтов и научных учреждений. Снова было увеличено количество мест в аспирантуре.

В архиве Сатпаева сохранился черновик письма, подготовленного Каньшем Имантаевичем на подпись председателю СНК Казахской ССР и президенту АН СССР.

Вот выдержки из этого документа:

«...В научно-исследовательских институтах казахского филиала Академии наук СССР работает свыше 40 докторов и профессоров и более 100 кандидатов наук и доцентов... Достижения Казахской ССР в развитии экономики и культуры позволяют высказать мысль о том, что казахский народ имеет достаточные предпосылки ознаменовать приближающийся 25-летний юбилей Советского Казахстана организацией Академии наук Казахской ССР».

В 1945 году Академия наук СССР праздновала свое 220-летие. В связи с этим большая группа ученых была отмечена правительственными наградами. Среди них пятьдесят научных работников из коллектива

КазФАН. А руководитель его второй раз удостоился высшей награды Родины — ордена Ленина. В тот год за заслуги в деле обеспечения фронта ему вручили также орден Отечественной войны II степени.

Казахский филиал принимал самое активное участие в юбилее. В Москву отправилась группа видных ученых, которую возглавил Сатпаев. Делегация побывала не только в столице, но и в Ленинграде, знакомилась с постановкой исследовательских работ в вузах и научных учреждениях. Присматривались ко всему, что могло пригодиться в будущей работе дома.

Наступил завершающий, самый напряженный этап подготовки. Общие контуры будущей академии уже вырисовывались в результате детальных обсуждений. Научные коллективы и вузы начали выдвижение кандидатов в первые академики и члены-корреспонденты. По мысли руководства филиала, сразу же после организационного собрания должна состояться первая научная сессия академии. Все приготовления намечено завершить к июню 1946 года.

III

Почетных гостей, приглашенных на торжества по случаю открытия Академии наук, Алма-Ата встречала 24 — 25 мая.

В делегацию Большой Академии, прибывшую в Казахстан, вошли светила русской науки, самые именитые ученые: академики И.П.Бардин, И.И.Мещанинов, А.Н.Заварицкий, К.И.Скрябин, Л.Д.Шевяков, В.Г.Фесенков, члены-корреспонденты А.М.Панкратова, С.В.Бахрушин, Д.В.Наливкин, ученый секретарь совета баз и филиалов В.А.Ульяновская. Кроме них, правительство республики пригласило в качестве почетных гостей группу ученых-академиков, руководителей научных учреждений Москвы и Ленинграда. Это были те люди, чья деятельность оказалась каким-нибудь образом связана с Казахстаном. Одни из них в разные годы работали здесь, другие принимали деятельное участие в подготовке научных кадров.

Предгорья Алатау в праздничном весеннем уборе: куда ни глянешь, везде словно напоказ одетые снежно-розовым цветом яблони. Казалось, сама природа в радостном ожидании предстоящих событий. Гости поселили в домах отдыха у подножий гор. Но им было не до отдыха из-за бесконечных поездок по городу и окрестностям, встреч и приемов.

Уже на следующий день по прибытии гости начали знакомиться с научными организациями будущей Академии.

К этому дню в составе филиала уже действовали 16 научно-исследовательских институтов и шесть секторов. В них работало более 1600 человек. Из них 900 — научные сотрудники. Везде подготовлены показательные стенды, выставки, рассказывающие о развитии каждого учреждения, о тематике его исследований. А в Институте геологических наук открыт минералогический музей. По количеству выставленных экспонатов никак не скажешь, что все они собраны за какие-то четыре-пять лет. В самом центре города, вблизи улицы Головной арык, огорожена большая площадь. Здесь будет строиться основное административное здание Академии наук. Проект уже в работе. Его автор — выдающийся архитектор академик А.В.Щусев.

Из воспоминаний В.А.Ульяновской:

«Какая огромная разница по сравнению с моим первым посещением в 1939 году. Вероятно, если бы в то время передо мной кто-нибудь смог нарисовать картину, во что превратится филиал через шесть лет, я, конечно бы, не поверила. Вместо трех 78 докторов наук, среди которых значительное место занимали казахи. Вместо одного небольшого здания по улице Виноградова, в котором теперь помещается только один Геологический институт, шесть зданий, где расположены различные научные учреждения казахского филиала. Вместо небольшого плана научных работ, который в 1939 году был выполнен всего на 50 процентов, — огромные научные достижения по всем отраслям науки.

Недаром Советский Союз называют страной чудес. Одно из таких чудес мне пришлось наблюдать в отношении развития научной работы в Казахстане. Эти «чудеса» сделали наши простые советские люди, правильно организованный коллектив, и за всем этим я всегда вижу полную энтузиазма фигуру Каныша Имантаевича».

Первого июня в просторном нарядном зале Государственного театра оперы и балеты имени Абая собрались представители казахской интеллигенции — ученые и литераторы, деятели искусства, специалисты промышленности и сельского хозяйства, преподаватели высших учебных заведений, гости из Москвы, Ленинграда и соседних братских республик. В

президиуме члены правительства, партийные деятели, известные всему миру академики, члены Президиума КазФАНа...

— Товарищи! Сегодня мы являемся свидетелями волнующего исторического события. Сегодня мы собрались на торжества по случаю открытия Академии наук Казахской Советской Социалистической Республики. Разрешите поздравить всех вас с этим волнующим радостным событием, товарищи! — начал свою речь председатель подготовительной комиссии Н.Ундасынов, затем он зачитал постановление Совета Министров республики об открытии Академии наук, имена уже утвержденных правительством первых академиков и членов-корреспондентов. Их было тридцать человек.

Затем последовал доклад Сатпаева «О состоянии и основных проблемах науки в Казахстане».

— ...В своей многовековой долгой истории казахский народ пережил много событий. Когда-то он был хранителем расцветающей культуры, жил в замечательных городах, знал множество ремесел, имел прочные торговые связи с Востоком и Западом. Как чудо архитектуры существовали на его земле города, как Тараз, Алмалы, Отрар, Саганак, Шаш... В каждом из них расцветали очаги знаний, науки. Но как саранча, все пожирающая на своем пути, промчались по казахстанской степи монгольские войска. С тех пор словно обнищала наша степь. От городов остались лишь развалины, некоторые вообще стерлись с земли. Не только города, но и культура... Но не исчез с земли казахский народ. Он жил в обширной своей степи, вел кочевой образ жизни, занимался животноводством, и это определило его место в общечеловеческом развитии. Что и говорить, во многом отстал наш народ в своем движении вперед... Но вот свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. С тех пор прошла всего четверть века. Для нас она равна целому веку! Успехи Советского Казахстана, плоды которых — сегодняшнее наше торжество, являются прямым результатом мудрых решений партии и Советского правительства. Сегодня у нас снова расцветает культура, на месте развалин бывших очагов знаний словно из пепла возрождена наука...

Через два дня в зале заседаний Верховного Совета Казахской ССР состоялось первое общее собрание молодой Академии наук. Его участники единогласно избрали почетными академиками АН Казахской ССР известных русских ученых И.П.Бардина, С.И.Вавилова, Н.И.Мещанинова, В.А.Обручева, которые в своей научной и педагогической деятельности долгие годы были связаны с Казахстаном, много сделали для расцвета науки республики.

В заключение на трибуну поднимается старейшина только позавчера избранных академиков Г.А.Тихов и говорит:

— Дорогие товарищи! От себя, от имени группы первых академиков и членов-корреспондентов нашей молодой Академии наук, а также по поручению Президиума Академии наук Союза ССР предлагаю избрать президентом Академии наук Казахской ССР академика Каныша Имантаевича Сатпаева... Каныш Имантаевич человек всем вам известный, я бы сказал, всеми любимый. Большой организатор науки в нашей республике, выдающийся ученый с разносторонними глубокими знаниями, доктор геолого-минералогических наук, автор около двухсот научных трудов, лауреат Сталинской премии, член-корреспондент Академии наук СССР, заслуженный деятель науки Казахской ССР. Его личный вклад в геологическую науку поистине велик. Его заслуги в раскрытии подземных богатств Центрального Казахстана, особенно в Улутау-Джезказганском районе, неоценимы...

Общее собрание единогласно избрало Каныша Имантаевича президентом академии.

Недавно ему исполнилось сорок семь. Возраст немалый, но для ученого это самая счастливая пора, когда человек еще полон энергии и замыслов, творческих дерзаний и глубоких мыслей...

В тот год звезда его особенно сияла. 30 ноября, через шесть месяцев после замечательного восхождения на вершину научной славы, К.И.Сатпаев был избран действительным членом Академии наук СССР. Это был настоящий триумф, которого до него не удостоился ни один из ученых — представителей народов Востока.

Но впереди его ждали еще непокоренные вершины...

Лавры

I

Шли годы. Расширялась и мужала молодая Академия наук. Исследования, которые вели ее институты, с каждым годом становились более многоплановыми, углубленными. Заметно окрепли научные кадры республики.

Президент академии пользовался огромным авторитетом среди коллег. С его мнением считались во всех министерствах и учреждениях; одно лишь слово Сатпаева иной раз решало судьбу большого дела. И в Москве он был вхож в любую научную или плановую организацию. Как правило, и здесь ему удавалось решать весьма сложные вопросы. Таково было доверие к его мнению.

Между тем он оставался для всех доступным, по-прежнему открытым человеком. К нему можно было зайти в любое время дня, а то и вечером (в те годы часто работали в поздние часы). Академик никогда не откажет в приеме, усадит посетителя в кресло перед собой, предложит насыбай из своей шакчи. Насыбай у Каныша Имантаевича всегда отменный; он доставал хороший табак, а другую составную часть жевательной смеси — золу карагана — покупал у знакомого старика на базаре или готовил сам, вечерами сжигая ветки в печи. Газовых плит тогда еще не было, и даже еду у него дома готовили на обычной кухонной печке. Его любимым занятием стало посидеть возле топки с кочергой в руке, глядя, как сжигаемый на противне караган постепенно превращается в белый пепел. Позднее он часто сокрушался из-за того, что на новой квартире не поставили такую привычную с детства печку. Но и тогда Каныш Имантаевич не оставил обычное дело самолично готовить золу и толочь табак в ступке. Теперь он предавался этому занятию на даче академии, когда приезжал с семьей отдохнуть на день-два. Насыбай был его слабостью. Сослуживцы-геологи рассказывают, что он всегда радовался, если ему из дальней поездки в подарок привозили насыбай или шакчу. Кажется, это было лучшим способом сделать ему приятное.

Но вернемся в президентский кабинет. Мысленно побываем на приеме. Обычно Сатпаев сам начинал беседу, расспрашивая сперва о житейских делах посетителя. Благодаря этому гость незаметно для себя освобождался от скованности, и, когда разговор переходил на дела, он

горячо, с увлечением рассказывал об интересующем его вопросе. Характерно, что никто из сотрудников, коллег не боялся спорить с президентом, защищать свое мнение. Если посетителю удавалось отстоять его, убедить Каньша Имантаевича в собственной правоте, он мог считать, что приобрел верного союзника в лице академика. Однажды поверив в какую-то идею, Сатпаев никогда не забывал ни замысла, ни имени его автора, даже если это была случайная встреча много лет назад.

Но самое главное, президент всеми силами стремился обязательно выполнить однажды обещанное, во всяком случае, помогал как мог. Сослуживцы в один голос отмечают исключительно деловой характер бесед с ним. Он никогда не скажет: «посмотрим, подумаем, подождем» — или сразу ответит «нет», или окажет конкретную поддержку. Самым пагубным для научного работника была показать Сатпаеву слабое знание проблематики, которой занимаешься, или свой соглашательский характер. Этого он не прощал. Хозяйственные дела республики по-прежнему оставались в центре внимания президента. Важнейшей формой работы академии при Сатпаеве стало проведение выездных научных сессий на местах. К таким мероприятиям он готовился долго и основательно. Обычно за год или два до сессии Каньш Имантаевич сам приезжал в избранную область, знакомился с ее проблемами на месте, подолгу говорил со специалистами, с партийными и советскими руководителями. Затем по его следам отправлялись сотрудники различных институтов. И когда круг тем бывал со всех сторон рассмотрен и изучен, объявлялись сроки проведения выездной сессии. Как правило, она проходила с участием многочисленных специалистов министерств и ведомств. Таким образом решали многие острые спорные вопросы, всесторонне обсудив их на месте. Дальше уже оставалось практическое осуществление выработанных рекомендаций...

«Основным источником электроэнергии для надлежащего освоения горных богатств Алтая должна явиться строящаяся Усть-Каменогорская гидроэлектростанция. Несмотря на решающее значение этой ГЭС в развитии полиметаллической промышленности Алтая, строительство ее продвигается недопустимо медленными темпами. Оно было начато еще в 1939 г. За прошедшие семь лет выполнено только 20 процентов всего объема работ. Чтобы закончить строительство в срок, установленный пятилетним планом, Министерство электростанций Союза должно в 3 — 4 раза увеличить объем ассигнований и выделить нужные материальные ресурсы для строительства этой гидроэлектростанции», — говорил Сатпаев, выступая на сессии Верховного Совета СССР в октябре 1946 года.

Это сказано после завершения комплексной экспедиции АН Казахской

ССР в пределы Рудного Алтая, которую возглавлял сам президент. По сути, то было лишь началом большого разговора о подземных кладовых Восточного Казахстана, которые разведывались пока бессистемно и некомплексно, а самое главное, медленными темпами. Через год в Усть-Каменогорске состоялась первая выездная сессия академии с участием Министерства цветной металлургии СССР. Каныш Имантаевич выступил с докладом «Природные богатства Большого Алтая и их значение в народном хозяйстве СССР». Ученые, специалисты министерства долго, обстоятельно обсуждали возникшие к тому времени проблемы этого удивительного края. Полиметаллические руды его давно выявлены. А энергетические ресурсы! Суметь лишь обуздать могучие горные реки. Одна беда: нет еще к этим самым богатствам ни шоссейных, ни железных дорог. Тщательно обсудив перспективы развития Восточно-Казахстанской области, сессия выработала четкие предложения планирующим органам: какие производства должны развиваться в первую очередь и в каком темпе, какие отрасли промышленности будут здесь доминирующими, а какие вспомогательными...

С Рудным Алтаем у президента академии были давние связи. Особенно они окрепли после избрания его в депутаты Верховного Совета республики от Восточно-Казахстанской области. Во время встреч с избирателями — горняками, лесорубами, охотниками, скотоводами — Сатпаев побывал не только в Усть-Каменогорске, Лениногорске и Зыряновске, но добирался и до самых отдаленных горных поселков. Возможно, именно во время этих поездок снежной зимой 1947 года у него впервые зародилась идея об организации выездных сессий академии.

II

Вернувшись в Алма-Ату из многодневных странствий по городам и глухим селениям своего избирательного округа, Каныш Имантаевич занялся подготовкой к самому дальнему из своих путешествий. Еще в 1946 году он стал депутатом Верховного Совета СССР и теперь был включен в состав делегации высшего советского органа власти, выехавшей в марте 1947 года по приглашению британского парламента в Англию...

Пробудился он рано, мгла за окном едва начала редеть. Густая, прямо-таки негородская тишина стояла в номере отеля. Но не спалось Канышу Имантаевичу. Сколько ни пытался он заснуть вновь, ничего не выходило — стоило ему смежить веки, как вновь перед глазами возникали силуэты

далеких родных гор, бесконечные просторы степей. Не выдержав, он наконец поднялся с кровати и подошел к окну.

Предутренняя столица Англии терялась в густом сизом тумане. Только кое-где смутно прорисовывались в этом мареве каменные громады, похожие на борта гигантских дредноутов. Канышу Имантаевичу вспомнились белые ночи Ленинграда. Когда академик попадал на берега Невы в сезон белых ночей, он часами мог сидеть у окна гостиницы — город, словно взвешенный, безмолвно стоял в легкой дымке. Здесь этого ощущения не было — Лондон действовал подавляюще.

Когда ему сообщили о предстоящей поездке, Сатпаев усмехнулся: а что, если ему припомнят в Англии тот прием, который оказали британским дельцам в Джекказгане осенью семнадцатого года?.. Там помнят, наверное, и об отказе Советского правительства в тридцатых годах допустить англичан «кое-что поковырять в прибалхашских и более отдаленных пустынных безводных степях». А теперь он, коренной степняк, сын кочевника, действительно «поковырявший» в этих краях, прибывает в Англию как почетный гость правительства. И его встречают по всем правилам международного этикета. Вот уж действительно времена меняются...

Советских парламентариев в первый же день их пребывания в Лондоне принял премьер-министр Эттли. Но то был подчеркнуто официальный прием, и гостям трудно было сразу составить представление об англичанах. Они смогли сделать это после встреч с металлургами Шеффилда, жителями Эдинбурга и Стратфорда. Напоследок советских парламентариев пригласил к себе Уинстон Черчилль, недавно ушедший с поста премьера и теперь возглавлявший оппозицию. Принимая делегацию Страны Советов в своем доме, он вел себя подчеркнуто любезно и всем своим видом говорил: я самый большой друг России в Англии. Словно не было незадолго до этого его речи в Фултоне, в которой он призывал к непримиримой борьбе с коммунизмом. Черчилль держался как самый миролюбивый и доброжелательный джентльмен.

Согласно английскому обычаю гости располагались группами с бокалами в руках; стульев в зале не было, лишь возле стен стояли мягкие кресла. Лакеи разносили на подносах сэндвичи и предлагали напитки.

Хозяин дома произнес краткий приветственный спич и закончил речь с присущим ему юмором:

— Словом, приглашаю вас на время снять маски официальности и броситься на сэндвичи с обычным русским наступательным напором!

Несмотря на старания устроителей приема, оживленной беседы не

получалось, — за короткими вопросами следовали односложные ответы. Разделившись по двое-трое, гости негромко разговаривали, в каждой группе присутствовал кто-то из англичан, Каныш Имантаевич стоял в обществе «трех китов поэзии», как он шутя назвал членов делегации, известных поэтов Константина Симонова, Самеда Вургунна и Миколу Бажана. В это время к ним приблизился Черчилль, и Сатпаев ощутил на себе его цепкий взгляд. Повернувшись к экс-премьеру, он вопросительно взглянул на него.

— Мистера Черчилля интересует ваша национальность, — пояснил переводчик.

— Скажите, что я казах.

— Казак?.. Впервые вижу такого казака. Вы меня удивляете.

— Простите, сэр, — сказал Каныш Имантаевич, мягко улыбнувшись, — вы путаете меня с русскими казаками. Я потомок кочевников, гражданин Казахской Социалистической Республики...

И он сжато рассказал о своем народе и географическом расположении казахских земель.

— Скажите, все ли казахи такие богатыри? — спросил Черчилль.

— О нет, среди казахов я самый маленький, — в тон ему ответил академик.

Черчилль благодушно рассмеялся, шутка понравилась ему.

— Странно, — сказал он, чуть помедля, — англичане меня считают знатоком России, но я о вашем народе никогда не слышал. Тем более другие из моих соотечественников ничего не знают о казахах.

— Раньше их называли киргизами, — объяснил руководитель делегации, включившись в беседу. — Только в советское время они вернули себе свое истинное название. Казахи сейчас один из процветающих народов Советского Востока.

— Вынужден поправить господина Черчилля, — мягко сказал Каныш Имантаевич, повернувшись к переводчику. — Среди ваших соотечественников есть люди, которые достаточно хорошо знали о нашем народе...

— Неужели? — снова оживился хозяин дома.

— Да, сэр. Три-четыре десятка лет назад в Лондоне действовало акционерное общество Атбасарских медных копей, которое успешно занималось у нас в казахских степях поиском медных руд.

— Удивительно! Значит, английский капитал дошел и до ваших степей! Уму непостижимо!

— Но мы сумели самостоятельно достичь гораздо более

впечатляющих результатов в освоении собственных недр, — с вежливой улыбкой заметил президент академии...

И во время этого путешествия Каньш Имантаевич остался верен себе. При посещении Британского музея он заинтересовался образцами медносодержащих пород из английских колоний в Африке. Покидая выставку, он оставил сотрудникам музея адрес Института геологических наук в Алма-Ате.

Через несколько месяцев в столицу Казахстана пришел по почте объемистый тяжелый ящик с минералами. Так коллекция института пополнилась отличными образцами белого халькопирита, халькозина и других рудных минералов Африки...

Позднее Каньшу Имантаевичу не раз предлагали поехать за рубеж. Но он неизменно отклонял подобные приглашения, считая заграничные вояжи бесполезной тратой времени. Не терпя праздности ни в чем, он и здесь оставался верен себе. За все годы, прошедшие после поездки в Англию, он побывал только раз в Китае. Лишь в 1963 году его увлекла возможность выступить на международном геологическом конгрессе в Дели — в программу этого форума был включен как один из основных его доклад об успехах металлогении в Советском Союзе. Но эту поездку вскоре пришлось отложить. Подготовленные тезисы доклада стали последней научной работой академика...

III

Давно назрела необходимость широко обсудить проблемы изучения и освоения Западного Казахстана, развития его производительных сил. Геологи уже много лет вели изыскания в этом обширном крае, куда входили Актюбинская, Гурьевская, Уральская и недавно организованная Мангышлакская области. Результаты долгой работы разведчиков недр нуждались в глубоком научном осмыслении. После тщательной подготовки в 1949 году в Гурьеве открылась выездная сессия Академии наук республики.

Через несколько месяцев ученые в том же составе собрались на выездную сессию в Караганде, где Сатпаев выступил с докладом «Центральный Казахстан — важнейшая сырьевая база цветной металлопромышленности в СССР». Только на сей раз для обсуждений были приглашены специалисты других ведомств.

В последующие годы подобные сессии состоялись в Усть-

Каменогорске, Кустанае, Джезказгане, снова в Караганде... Перед каждой из них стояли самые актуальные вопросы, которые выдвигала жизнь. Роль Каньша Имантаевича на всех стадиях обсуждений была без преувеличения центральной. Выявить проблему, охватить все ее грани, назвать докладчиков и темы их выступлений, привлечь к дискуссии самых крупных руководителей заинтересованных министерств и ведомств, от которых зависело в дальнейшем решение проблемы, — все это определял президент Академии наук.

Вообще-то он не был любителем заседаний, хотя ему по долгу службы и по роду многочисленных обязанностей привелось на своем веку побывать на сотнях собраний. К тому же ему приходилось сидеть, как правило, не в зале, а в президиуме. Близкие друзья спрашивали академика, как ему удается без признаков утомления выдержать многочисленные дебаты. Улыбаясь, он отвечал не то всерьез, не то в шутку: «А я неинтересных докладчиков вовсе не слушаю. Просто ухожу в себя, обдумываю свои дела. Потому и не устаю, ведь работаю...» А когда оратор был интересен академику, этого нельзя было не заметить: Каньш Имантаевич поворачивался всем корпусом к говорившему и голову держал при этом как-то необычно, чуть наклонив ее вперед. Фоторепортеры запечатлели несколько таких характерных для него моментов.

Заседания, которые проводил сам президент, были всегда деловыми и отличались непродолжительностью. Обычно к нему приглашали самых необходимых людей. От выступающих он требовал кратко изложить суть дела. Ценил вносящих деловые, точные предложения. Не любил незначачих, общих фраз, трескотни.

Рассказывают анекдотичный случай, однажды происшедший на одном из обсуждений с участием Сатпаева.

Слушали отчет одного ученого о проведенной работе. Человек, судя по всему, хорошо подготовился — выступал бойко, четко. Называл итоговые цифры, перспективы на будущее, просил отпустить еще ассигнования, чтобы довести исследования до конца. Выступление произвело впечатление. Присутствующие слушали внимательно, и президент ни словом не прерывал выступавшего. Затем высказались еще два-три человека. Выступали по-казенному, лишь бы поддержать докладчика. Затем наступило томительно-затяжное молчание. Всем стало ясно — Каньшу Имантаевичу что-то не понравилось.

— Скажите конкретно, что вы сделали за последние три года? — вдруг спросил президент.

— Разве я не об этом говорил сейчас? Извините, если не расслышали,

повторю.

— Не надо повторять, ваш доклад я слушал дважды, — заметил Каныш Имантаевич совершенно серьезно.

— Как дважды? Не понимаю вас!

— Что тут понимать? Вы прочитали свой отчет нам дважды. По ошибке или считаете, что сидящие здесь не разберутся. Сознаться, не так ли?

— Извините, Каныш Имантаевич, я не понимаю вас.

— Ах вы еще не понимаете? Тогда уж извините за откровенность — из уважения к вашему возрасту я заставил себя через силу слушать вас, да еще и тянул этот разговор. Теперь пеняйте на себя. — Вызвав помощника, он попросил протокол заседания трехлетней давности. Когда принесли дело, он сам разыскал протокол давнишнего заседания и, сказав «сверяйте сами», начал читать. Сначала все подряд, затем лишь некоторые наиболее характерные абзацы. Неожиданно прервав чтение, президент спросил, в упор глядя в глаза незадачливому докладчику:

— Ну как, продолжать дальше? Или хватит? Ведь, кроме некоторых цифр, все осталось на прежних местах. А цифры небось тоже взяли с потолка. Пожалейте нас и сознайтесь: ведь не по силам эта тема для вас?

Тот замешкался, покраснел.

— Знаете, я, оказывается, не тот доклад взял. Извините, это нечаянно. Я принесу. У меня заготовлен другой доклад. Разрешите...

— Принесите.

Докладчик вышел, еле волоча ноги.

Когда за ним закрылась дверь, президент сердито продолжал:

— Думаю, он вовсе не явится. Нечего нам ждать его, и науке от него ждать нечего! Мне больно, товарищи, что этот казус происходит у нас. Стыдно и больно! Сколько государственных средств затратили, сколько времени зря потеряли. Ведь он работал в солидном, уважаемом коллективе. Куда смотрели, почему закрывали глаза?.. Знаю, знаю — у него, мол, семья, возраст, былые заслуги. А почему тему его не закрыли, может быть, надо было передать другому сотруднику? Ведь и тогда видно было, что не потянет он ее. Знали и молчали. Жалели! Но ведь с этой жалостью человека погубили, вон какой нахальный стал — пока не припер к стенке, все продолжал свое доказывать. Позор всем нам! В поучение всем прошу записать выговор руководителю института, а выступавших здесь в поддержку отчета предупредить за групповщину и беспринципность в науке и вообще в любом деле. А протокол заседания размножить и разослать по всем институтам.

Случай действительно анекдотичный, единственный в своем роде.

Вспомним теперь другой случай, в котором тоже весьма характерно проявился стиль руководства Каныша Имантаевича.

— Давно это было, в начале пятидесятых годов, — рассказывает главный инженер Джезказганского горно-металлургического комбината имени К.И.Сатпаева Далабай Оспанович Ешпанов. — Однажды нас (тогда я работал главным инженером шахты № 44) с начальником шахты Темешем Садвакасовым вызвали к директору комбината на совещание. В кабинете сидело много инженеров — руководители производственно-технических служб комбината. В одном углу Каныш Имантаевич в окружении группы джезказганцев. Вскоре сели за стол заседания; директор комбината Виктор Васильевич Гурба предоставил слово Канышу Имантаевичу...

— Какими способами вы добываете руду Джезказгана? — начал президент. — Сначала работали кайлом, лопатами. А потом появились перфораторы, лопату заменили скреперами. Вместо тачек пришли вагонетки. Не так ли? Вроде бы добились большого прогресса. А на самом деле все тот же дедовский способ.

Кое-кто из присутствующих инженеров зашептался, послышался легкий смешок.

— На вашем месте я плакал бы, — сердито заметил Каныш Имантаевич, — ведь такое положение на сегодня совершенно нетерпимо. Долго ли будем держаться за этот дедовский, явно беспомощный и непроизводительный способ добычи? Техническая мысль не стоит на месте. Горнодобывающая промышленность развивается, нельзя ли создать более эффективные машины? «Можно», — говорят нам ученые. Вот он, один из них. — Президент кивнул в сторону Уахита Шариповича Шарипова, сидевшего у дальнего края длинного стола. Он возглавлял экспериментальную лабораторию Института горного дела АН Казахской ССР. Рядом с ним сидели молодые инженеры Садвакасов и Ешпанов. Каныш Имантаевич стал теперь говорить, почему-то неотрывно глядя на них. Создавалось впечатление, будто бы выступление его предназначено только для них. Во всяком случае, двое руководителей шахты воспринимали его слова именно так.

— И он, Шарипов, самый скромный и молчаливый среди всех нас, вот уже несколько лет без устали продолжает говорить: «Давайте сообща совершим революцию в горном деле. Внедрим совершенно новую технику для добычи руд». Чем вы, производственники, помогли ему? Советом, пожеланиями, людьми?.. Скажи-ка, Уахит Шарипович, сколько лет прошло, как вы побираетесь здесь, в Джезказгане, словно самый немилый,

докучливый проситель?

— Скоро шесть лет, — ответил Шарипов, почему-то виновато покраснев.

— Знаю вас, производственников, — в ироническом тоне продолжал президент, — вам надо первым делом план выполнять, а за то, что не занимаетесь наукой, вас с работы не снимут. Ведь это удел ученых, научных институтов. Вот ваша позиция. Потому и с Шариповым вы сотрудничаете без желания, лишь бы не обвинили вас в ретроградстве. Не поверили в его идею. Не представляете, что в забоях могут работать буровые агрегаты на самоходной установке и экскаваторы, что транспортировать руду могут не электровозы, а автомобили-самосвалы. И, не поверив, объявили Уахита Шариповича Дон-Кихотом, безудержным фантазером. А ведь это идея не одного Шарипова, у нас в стране целые коллективы давно работают над этой проблемой. Нам известно, что и заграничные компании кое-где занимаются этим делом. И у них есть уже определенные успехи! Стыдно, товарищи! Особенно вам, сидящим здесь молодым инженерам.

Руководители 44-й шахты виновато опустили глаза.

— Ведь вам-то, молодым специалистам, и дерзать! А вы вместо этого хотите держаться за дедовский способ, лишь бы план дать. А ведь план-то мизерный. Он сегодня не удовлетворяет нас, стране нужно все больше джезказганской меди, и задания в ближайшем будущем будут увеличены. Как тогда их выполнить? Увеличить количество шахт, участков добычи? Но это нерентабельно. Здесь есть условия для строительства шахт-гигантов, каждая из которых смогла бы дать столько руды, сколько сегодня весь Джезказган. А для них ваши перфораторы и буровые механизмы не годятся, нужна новая техника. Так что вам, дорогие товарищи, все-таки придется подумать о своем будущем. Как будете жить через десять, двадцать лет, какими методами добывать и транспортировать руду? Если хотите переложить эту заботу на плечи одного лишь Уахита Шариповича и его коллег, то уверяю, вам придется ждать очень долго, еще десятки лет. Никакой революции в технологии добычи руд не произойдет. Такие дела в одиночку не делаются, ведь требуется много времени, материальных затрат и усилий людей разных профессий, а больше всего простой человеческой выдержки, воли. Словом, нужна ваша заинтересованная поддержка, деловая помощь. Нужны энтузиасты, которые, раз и навсегда поверив в идею, смогли бы целиком посвятить себя на много лет ее воплощению. Разумеется, если надо, мы можем через другие каналы в принудительном порядке обязать вас. Но, как видите, мы этого не делаем. Ибо успех решают

именно добровольцы-энтузиасты...

В просторном кабинете директора комбината надолго воцарилась гнетущая тишина. Джезгазганцы молчали не потому, что не знали, как ответить Канышу Имантаевичу, а потому, что, сказав сегодня «сделаем, поможем», нужно было потом держать данное слово. Все знали, что президент умел спрашивать и никогда не забывал ни своих, ни чужих обещаний. Каныш Имантаевич снова посмотрел в сторону молодых инженеров. И они наконец, не выдержав его взгляда, несмело поднялись.

— Мы понимаем, Каныш Имантаевич, что виноваты перед вами, — начал начальник 44-й шахты.

— Не передо мной, а перед Уахитом Шариповичем.

— Короче говоря, мы не возражаем против того, чтобы провести испытания нового агрегата на нашей шахте. Будем работать сообща, — сказал Ешпанов.

— Это уже другой разговор, — быстро согласился президент, — желаю вам удачи!

Забегая вперед, скажем, что спустя пятнадцать лет (правда, к этому времени уже не было в живых ни Сатпаева, ни Шарипова) почти все участники этого узкого совещания во главе с директором и главным инженером комбината — всего семь человек — стали лауреатами Государственной премии за разработку и внедрение новой технологии добычи руд. И в Джезказгане нынче успешно работают шахты-гиганты, где, как и в открытых разрезах, слаженно трудятся самоходные буровые каретки, шагающие экскаваторы и мощные самосвалы. И каждая из них ежемесячно выдает столько руды, сколько десятки прежних шахт вместе за год.

IV

Доброта, доступность Каныша Имантаевича были широко известны. К нему подчас приходили совершенно незнакомые люди, обращались с неожиданными просьбами. Антонина Сидоровна Додонова, много лет проработавшая у него секретарем, вспоминает о некоторых курьезных случаях, в которых проявились черты характера президента:

«Приходит старик и сразу с порога спрашивает: «Где Каныш?» Отвечаю: «Занят он». Он спокойно усаживается. «Для чего вам Каныш Имантаевич?» — «Не могу достать билеты на поезд». — «Ну, дорогой аксакал, здесь же не железнодорожная касса». — «Знаю, но Каныш мне не

откажет. Ему же сразу дадут». — «А деньги на билеты есть?» — «Есть, доченька, как же без денег». Ухожу за помощником, чтобы он помог старику приобрести эти злополучные билеты. Приходим с Бопежаном Байбалановичем Аяпбергеновым, а его уже след простыл. Через некоторое время вызывает меня Каныш Имантаевич. Вхожу в кабинет и вижу того старика. Уселся в кресло как дома, спокойно беседует с президентом. Каныш Имантаевич вручает мне записку в бухгалтерию академии; на листке просьба выдать некоторую сумму денег в счет зарплаты президента. Что делать? Виновата. Корю себя за оплошность. Когда возвращаюсь в кабинет, Каныш Имантаевич отдает деньги старику, наказывая купить билет на дорогу и еще подарки детям, и добавляет: «Заходите еще раз, когда будете в Алма-Ате». В приемной звоню в хозотдел академии, чтобы помогли старику скоро уехать. А он, виновато смущаясь, говорит мне: «Доченька, ты не ругай меня. Я не могу уехать, не повидав дорогого Каныша. Не деньги, а доброе слово его нужно мне...»

Обычно так настойчиво добивались приема у академика земляки-баянаульцы, зачастую приходили джезказганцы, в основном старые шахтеры и буровики. А бывало и так: входит человек с тяжелым мешком на спине. Без пояснений видно, что издалека. Антонина Сидоровна пропускала таких без промедления. Знала, что в мешке камни. Человек нашел их где-то в степи и привез, зная, что славный геолог Сатпаев по ним сможет определить, есть ли в той местности подземные сокровища. В глубине души он уверен в этом, иначе не стал бы тащить тяжкую ношу за тридевять земель. Случалось, что зря самодельный рудознатец потрудился — камни окажутся пустой породой или не стоящим внимания минералом. Но Каныш Имантаевич и для таких ходоков находил слова благодарности, чтобы человек уехал довольный собой. И обязательно с каким-нибудь подарком для семьи. А бывало, по следам таких находок выезжали поисковые отряды...

В личном архиве президента и фондах Института геологических наук хранится множество писем и заявок, свидетельствующих о рудных проявлениях, обнаруженных такими добровольными помощниками геологов. Многие до сих пор по-детски верят, что только академик Сатпаев смог бы оценить богатство найденной ими жилы. Но они не смогли своевременно дойти до Каныша, о чем жалеют всю жизнь. Автору этих строк однажды пришлось в Баянаульском районе слушать пожилого, солидного отца семейства, который с болью говорил о том, что не сумел вовремя показать рудные камни, найденные в одном месте, Сатпаеву. «Покажите другим геологам», — успокаивал я его. «Показывал. Разве они

язык камня понимают, как Канеке, не разобрались, бросили. А Канеке обязательно нашел бы что-нибудь стоящее», — сокрушался аксакал...

Как-то само собой выходило, что люди со многими своими просьбами, даже бедами обращались лично к нему. Приходили на прием, писали письма как депутату, ученому и как президенту.

В архиве академика несколько тысяч подобных писем, рядом копии его ответов. Приведем два из них, отобранные нами, потому что судьбу их удалось проследить до конца. Они выразительно показывают, какими хлопотами иногда приходилось заниматься крупному ученому, президенту Академии наук республики.

«Многоуважаемый М.М... У нас на Рудном Алтае давно работают научными сотрудниками геологи — супруги И. ...много сделавшие по изучению минеральных ресурсов этого края. В семье у них большое горе: старший сын Валерий после болезни гриппом получил осложнение и стал тугоухим. За 6 лет лечения и учебы с логопедом у ребенка улучшился слух, и он сейчас читает в объеме 1-го класса. В этом году Валерику исполнится 8 лет, и он должен пойти учиться в школу. Однако по состоянию слуха ребенок не может учиться в нормальной школе... Прошу вас оказать возможную помощь Павлу Викторовичу в устройстве его сына в московский интернат для тугоухих детей».

Разумеется, больной мальчик был устроен в специальную школу.

В архиве хранится переписка академика о деле карсакпайского кузнеца Баймеи Алтыаякова. Первое из писем датировано 28 июня 1944 года — Каньш Имантаевич выражает свою признательность и благодарность старому кузнецу за ценный подарок музею — изготовление нескольких образцов вооружения воинов Амангельды Иманова, предводителя повстанцев Тургайской области, боровшихся против имперской администрации; кузнец сам принимал непосредственное участие в восстании. Подарок мастера приравнен Каньшем Имантаевичем к исторической реликвии. А в письме, датированном 25 марта 1950 года, он просит министра социального обеспечения республики об увеличении размера пенсии кузнецу Б.Алтыаякову как заслуженному ветерану труда.

Среди писем попадаются и курьезные по содержанию. Есть прошения, изложенные в стихах по старой восточной традиции. Уже известный читателю Сарымолла Болманов, рабочий из Джекказгана, также прислал Каньшу Имантаевичу длинное послание в стихах, которое он завершил такими шутливо-загадочными строками: «Живу я в достатке, доволен всем, что мне дано, но вот беда — верблюды мои не дают сна...» Не жалоба и не просьба, но обиняками высказанная надежда на содействие всегда

отзывчивого друга. Так и случилось. Каныш Имантаевич прислал открытку в Джезказганскую геологоразведочную экспедицию: «Не следовало бы обижать старого рабочего, пенсионера, пусть он спит без забот, а для этого отправьте ему воз сена с хоздвора экспедиции...»

Казалось бы, совсем ничтожное дело. Стоило ли оно внимания человека, занятого государственными заботами? Но сам Сатпаев считал: раз человек обращается к нему, уповает на помощь академика, нельзя не оправдать его надежды. Делать добро людям! Таков был его девиз. И не было у него разделения: кому помогать, кому отказать, также как не умел он считать одно дело малым, другое большим. Любому частному вопросу президент мог придать общественное звучание.

Как-то приехав в Джезказган, он выступил перед городским активом.

— Хочу еще раз напомнить, товарищи, об уважении к старым нашим кадрам и вообще к людям престарелым, — сказал Каныш Имантаевич. — Многие здесь обращались ко мне с жалобами на невнимание к ним, некоторые пишут даже в Алма-Ату. Возможно, что часть из них пользуется знакомством со мной. Но, спрошу откровенно, не оттого ли случается это, что вы не совсем оправдываете их доверие? Задайте себе вопрос: «Почему они не идут к нам со своей бедой или за советом?» Вот где объяснение их ходатайств ко мне и в другие инстанции. Ведь жалуются не попрошайки и не бродяги, а наши первопроходцы, закаленные в труде кадровые рабочие. Задумайтесь, товарищи!..

V

В 1949 году Канышу Имантаевичу исполнилось пятьдесят лет. Общественность страны широко отметила это событие. Юбилейные торжества прошли в Баянауле, Джезказгане, Алма-Ате. Академика поздравляли десятки научных коллективов, партийные и советские организации почти всех областей Казахстана, учреждения, правления колхозов, отдельные лица, товарищи, старые друзья. В те апрельские дни поступило несколько сот поздравительных телеграмм. Знатного геолога страны поздравили министр металлургической промышленности СССР И.Ф.Тевосян, президент АН СССР С.И.Вавилов, многие светила советской науки. В «Вестник» АН Казахской ССР прислал специальную статью, посвященную юбилюру, старейшина советских геологов академик В.А.Обручев. «В день празднования пятидесятилетия жизни и свыше двадцати лет столь выдающейся научной и практической деятельности

академика Сатпаева мне как основателю сибирской школы геологов, в которой он получил свою подготовку к жизненному пути, особенно приятно приветствовать его как организатора и исполнителя изучения богатств нашей родины», — писал 86-летний ученый.

Не только академик Обручев, но и многие другие, в том числе научные учреждения союзных республик, приславшие приветственные адреса и телеграммы, отмечали знаменательный факт: имя и заслуги академика Сатпаева неразрывно связаны с успехами Казахской академии наук. Поздравляя президента с его личным юбилеем, они поздравляли и Академию наук, желали ей новых достижений. Как-то само собой получалось, что имя Сатпаева сделалось чуть ли не однозначным с понятием Академии наук Казахстана.

Были и телеграммы, будившие в памяти пережитое.

«...Восхищаюсь Вашими научными заслугами», — писал академик Г.М.Кржижановский. Как тут было не вспомнить далекий 1930 год, когда никому не известный инженер Сатпаев, отчаявшись от притеснений спецов Геолкома и Главметалла, пришел на прием к председателю Госплана СССР. Глеб Максимилианович тогда основательно поддержал его, помог получить крупные ассигнования на разведку Джекказгана. Особую радость ему доставило поздравление старого большевика К.И.Бронзоса, бывшего председателя правления треста Атбасцветмет, под руководством которого Каньш Имантаевич начал свою инженерную деятельность в Центральном Казахстане.

«...Расцветающему Казахстану нужны такие сыны, показывающие всему миру, что может сделать народ в таком содружестве наций, как наш великий Союз Советских Социалистических Республик, — писал профессор, член-корреспондент АН СССР Н.Г.Кель из Ленинграда. — Честь и слава славному пятидесятилетнему сыну казахского народа Каньшу Имантаевичу Сатпаеву. Привет и искренние поздравления от русских друзей, от таких друзей, которые крепко любят и никогда не подведут, потому что они настоящие душевные друзья, уверенные в том, что им оплачивают тем же. Такой дружбе может и позавидовать любой народ, ее не так много на белом свете».

14 мая в здании театра имени Абая состоялось чествование академика Каньша Имантаевича Сатпаева. В зале сидели представители партийных,

советских и общественных организаций республики, Академии наук СССР, Министерства геологии СССР, академий наук союзных республик и многих других научных учреждений страны — известные ученые, писатели, инженеры... Старейшина казахстанских геологов академик Н.Г.Кассин выступил с докладом о научной и общественной деятельности юбиляра. Затем Каныша Имантаевича приветствовали гости, специально приехавшие из Москвы, Ташкента, Баку, Минска, Фрунзе, и представители общественности республики. «Как подобает советскому ученому, Вы ревностно выполняете возложенные на Вас партией и правительством обязанности руководителя Академии наук Казахской ССР, пользуясь заслуженным уважением трудящихся республики. Ваша научная и государственная деятельность, отмечаемая сегодня общественностью, неразрывно связана с расцветом в Казахстане передовой советской науки и культуры...» — говорилось в приветственном адресе ЦК КП(б) Казахстана, Совета Министров и Президиума Верховного Совета Казахской ССР.

В заключение Каныш Имантаевич выступил с ответным словом.

«Дорогие друзья! — начал он. — Если бы меня спросили, что я считаю самым большим счастьем в своей жизни, я бы ответил, что самым большим счастьем для себя я считаю то, что мне выпала великая честь жить и работать в эпоху строительства социалистического общества в нашей стране... Этапы моей личной жизни и деятельности во всех своих лучших проявлениях неразрывно связаны, я бы сказал больше, возникли и развивались только в связи с развитием великой работы советского народа по переустройству общества на основах социализма... Жить и работать в нашу замечательную эпоху, когда есть все возможности для вдохновенного, творческого труда, когда на глазах одного поколения сбывается вековая мечта народа о счастье, — это великая радость. Она выпала и на мою долю, и я счастлив этим. Все, что мною сделано за истекшие годы моей жизни и деятельности, вытекало из простого чувства и стремления найти и вложить свой кирпич в строительство новой жизни народов нашей Родины. Я убежден в том, что это чувство, в сущности, вдохновляет и вас, моих друзей, близких. Все хорошее, что было сказано здесь, я направляю к его настоящему адресату — великой партии Ленина, подлинному организатору и вдохновителю всех наших побед. В дальнейшей своей жизни и деятельности я, конечно, отдам все свои силы и способности

беззаветному служению интересам народа, делу партии».

Это были лавры, заслуженные многолетним трудом, кипучей деятельностью, размахом свершенных дел. Всенародное признание таланта большого ученого, государственного деятеля.

Такая слава и почет могли вскружить голову кому-нибудь, но только не академику Сатпаеву. Более того, он считал все эти торжества излишними, старался убедить товарищей, чтобы не поднимали большого шума. В следующий юбилей, когда ему исполнилось шестьдесят, он категорически отказался участвовать в праздновании этой даты. Правда, некоторые газеты опубликовали статьи, посвященные ему, были телеграммы и письма. Но он, написав письмо-заявление в ЦК КП Казахстана, просил приостановить юбилейные приготовления. Такова была натура Сатпаева — не любил он громких слов, шумихи вокруг своего имени. Он долго досадовал и на столь широкое празднование своего пятидесятилетия. Была бы его воля, без всякой помпы съездил на родину — в Баянаул, в урочище Айрык, повидал бы стариков-аксакалов, земляков, с которыми в детстве играл в асыки. А потом собрал бы самых близких друзей к своему очагу и посидел с ними вечер. Вот это были бы настоящие именины!..

В тот год Сатпаев все-таки съездил в родные места. Он взял с собой нескольких близких, в том числе старших дочерей Ханису и Шамшию с мужьями. Прилетев в Караганду, они отправились на автомобиле к Аккелинским горам, в Айрык. В Тендике (по-старому Арал-тобе), где раньше жил клан Чормановых, теперь обосновалась центральная усадьба колхоза. А на зимовках Сатпаевых жили чабаны этого колхоза. Каныш Имантаевич побывал на обеих, правда, старые саманные дома не сохранились, среди зарослей алабото виднелись лишь их развалины. Заглянул он и в старое здание Аккелинской русско-киргизской волостной школы. Этот дом пока еще держался, но для жилья был уже непригоден, поэтому там теперь ютили в весеннюю распутицу молодых ягнят. А дети колхозников ходили в новую школу. Каныш Имантаевич съездил и в районный центр Баянаул, побродил по местам летних откочетов своего аула. Правда, и здесь не обошлось без собраний. Земляки тоже наговорили в его адрес много добрых пожеланий и поздравлений, а в день отъезда земляки еще высказали наказ-просьбу. Они просили оказать им содействие в разведении новой породы овец-архаромеринов, недавно выведенной учеными-селекционерами Казахстана.

В том же году после завершения Карагандинской выездной сессии

Академии наук, на которой Каныш Имантаевич выступил с докладом, он совершил поездку совместно с вице-президентом АН СССР И.П.Бардиным и казахстанским академиком Н.Г.Кассиным на крупнейшие месторождения черных металлов республики. Вблизи Караганды, в Темиртау, уже работал металлургический завод, который в дальнейшем должен был превратиться в огромный комбинат. В связи с предстоящей реализацией этого проекта пора было взяться за сырьевую базу будущего гиганта. Мнение авторитетного гостя, крупнейшего специалиста-металлурга Ивана Павловича Бардина много значило для Сатпаева. В тот раз они добрались даже до Джездинского рудника.

А вскоре Каныш Имантаевич с Кассиным совершили вторую поездку в прииртышские степи. Они побывали на ряде месторождений в отрогах Чингисских гор, а в конце пути заехали в Экибастуз. Здесь их тоже ожидали серьезные дела — грандиозная кладовая дешевого угля давно нуждалась в настоящем признании...

В 1950 году состоялись очередные выборы в Верховный Совет СССР. Через год — в Верховный Совет Казахской ССР. Оба раза Сатпаев был избран депутатом. Тогда же ВАК утвердила Каныша Имантаевича в профессорском звании по специальности «геология». А Президиум АН СССР назначил его членом оргбюро по подготовке и проведению объединенной сессии АН СССР и АН Узбекской ССР, посвященной вопросам геологии рудных месторождений Средней Азии. Кроме того, он был введен в члены Государственного комитета содействия строительству гидроэлектростанций и Главного туркменского канала, новых оросительных и обводнительных систем.

Так с течением времени росли слава академика, его вес как ученого и государственного деятеля.

Свидетельствует казахстанский академик Кажым Джумалиев:

«Сатпаева любил весь Казахстан. В его облике было что-то вдумчивое, ласковое, доброжелательное и в то же время мудрое. Изумительные глаза — добрые, умные, веселые, с едва приметной иронией. Над широким лбом — темные кудри, чуть-чуть тронутые сединой. На правом виске кудри спускались чуть пониже, а на левом буйно вздымались, как вьющийся весенний хмель. Он был не только красив, но и обаятелен. Люди тянулись к нему. Спокойный, ровный характер, доброта, мягкость, простота в обращении делали общение с ним радостным и приятным.

Младших по возрасту он называл уменьшительными именами — Саке, Кажеке, Маке, но делал это с достоинством, не панибратствуя. Нет! Просто этот человек был доброжелателен, уважителен со всеми, с кем его сталкивала жизнь. А как тепло, лучисто он улыбался!»

В начале 1951 года по поручению Президиума АН СССР Каньш Имантаевич принял участие в организационной сессии Академии наук Таджикистана. На этом же собрании ученые братской республики единогласно избрали его почетным членом своей академии. Так высоко были оценены его заслуги в развитии научной мысли Среднеазиатских республик.

Этим новым успехом завершился целый этап в жизни Сатпаева. За ним последовали трудные годы...

Тернии

Все началось с газетной статьи об идеологических ошибках, допущенных казахстанскими историками в изложении некоторых событий прошлого. Ничего особенного не случилось бы, если бы из справедливой критики были сделаны правильные выводы. Публикацию обсудили бы в научных коллективах и исправили при новом издании некоторые разделы «Истории Казахской ССР». Но нашлись люди, которые усмотрели в этом труде не отдельные неточности и ошибки, которые иной раз случаются в исследованиях ученых, а нечто более серьезное... Историки попали в разряд националистов, началась шумная кампания по изобличению идеологических противников. А последствия ее оказались драматичны. Так, даже выдающийся писатель, гордость казахской литературы Мухтар Ауэзов был назван националистом, крупные ученые-литературоведы К.Джумалиев и Е.Исмаилов лишились профессорских кафедр, композитор А.Джубанов и некоторые другие талантливые литераторы, историки, филологи несколько лет не имели возможности плодотворно заниматься творчеством...

Нет необходимости восстанавливать все подробности и последствия этих событий 1950 года, тем более что позднее они были осуждены и исправлены партией. Но остановиться на тех из них, которые непосредственно касались Сатпаева, нам придется.

Однажды у президента Академии наук произошел разговор с одним из ответственных работников. Сатпаеву было указано на серьезные ошибки в подборе научных кадров.

— Но эти ученые, — ответил президент на предложение уволить из системы академии «нежелательные элементы», — составляют золотой фонд нашей науки. Столько лет потрачено на их подготовку...

Сатпаев не поехал в академию, хотя там ждали неотложные дела; не смог заставить себя работать ни в тот, ни в последующие дни. Даже думать не хотелось об увольнении десятков талантливых ученых. Он верил им как самому себе, и они тоже верили в своего президента. Ничего дурного даже в мыслях никто из них не держал, он был абсолютно уверен в этом; просто некоторые люди проявляют подозрительное усердие. Но как и кому все это объяснить?..

Через несколько дней разговор об «оздоровлении климата в академии» был продолжен.

— Вот мой ответ, — медленно заговорил Сатпаев, словно взвешивая каждое слово, — я не дам согласия на такую безосновательную чистку ни в одном из вверенных мне научных учреждений, во всяком случае, пока я руковожу ими.

Теперь события стали разворачиваться стремительно. Резкой критике подверглось издание эпической поэмы «Сказ об Едиге». Всем стало ясно, на кого нацелена критика. Издателем эпоса был Сатпаев. Дальше — больше. Сатпаева ложно обвинили в принадлежности в юношеские годы к молодежному клубу, объявленному националистическим. Ему предложили чистосердечно раскаяться в грехах молодости. Но Каныш Имантаевич ответил отказом. Тогда ему посоветовали написать заявление с просьбой освободить его от обязанностей президента... по состоянию здоровья.

В других обстоятельствах он, может быть, и принял бы это предложение. Каныш Имантаевич не был честолюбив и не раз выражал желание оставить свои многочисленные должности для занятий наукой. Но теперь, когда решалась судьба десятков ученых, когда была поставлена под сомнение репутация самой Академии наук — слаженно и плодотворно работающего большого научного коллектива, — уйти в тень, без борьбы оставить все на произвол судьбы, в угоду горстке людей — этого он не мог и не хотел сделать. В глубине души он верил, что трудности временные: пройдут месяцы, годы, партия исправит несправедливость. Но ведь надо дожить до этих дней, а самое главное — сохранить научные кадры! Поэтому надо сражаться до конца...

— Нет, в данный момент я не приму этого предложения, — сказал он.

В начале следующего года общее собрание академии освободило Сатпаева от поста президента; он был выведен и из состава Президиума. В постановлении говорилось: «...За грубые ошибки, допущенные в подборе и воспитании национальных научных кадров, а также за местнические принципы в выдвижении их...»

Вскоре пошли разговоры, что его освободят и от директорского поста в Институте геологических наук. Там тоже нашлись критики, недовольные его стилем руководства и сомневающиеся в правильности некоторых его теоретических работ. Они теперь развили кипучую деятельность: писали письма в высшие органы власти, организовывали жалобы, создавали разные комиссии по проверке...

Именно в те дни, когда тучи все сильнее сгущались над его головой, Каныша Имантаевича вызвали в Москву. Руководство АН СССР предложило ему возглавить один из научно-исследовательских институтов по геологии.

Предложение лестное, о лучшем и мечтать не приходилось. Союзный институт, оснащенный самым современным оборудованием, а научные кадры — слава и гордость советской геологии!

Но вопреки ожиданиям многих Каныш Имантаевич поступает по-иному. Окончательное решение этого вопроса он адресует новому руководству Академии наук Казахстана.

Динмухамеду Ахмедовичу Кунаеву, человеку, мыслящему «по-государственному, широко, смело» (как пишет Л.И.Брежнев в книге «Целина»), который сменил Каныша Имантаевича на посту президента, не хотелось расставаться с ученым такого масштаба, как Сатпаев. Он лучше всех понимал, что значит деятельность академика для руководимого им научного центра. И теперь, когда Каныша Имантаевича пригласили в Москву, он использовал это обстоятельство, чтобы защитить от необоснованных нападок доброе имя всеми уважаемого ученого, и предложил ему оставаться во главе института, обещав свою поддержку.

Каныша Имантаевича такое решение вполне устраивало. И он, позабыв свои мытарства, приступил к давно задуманной работе...

Оценивая этот сложный период, Леонид Ильич Брежнев пишет в книге «Целина»:

«Замечу, что поборники национальной обособленности под предлогом защиты «чисто национальных традиций» обычно выступают изворотливо, редко в открытую. Напротив, ловко пользуясь ошибками противников, они хотят выглядеть, как говорится, святее папы римского. Помню, какой шум был поднят вокруг роли некоего Кенесары. Вначале объявили его прогрессивным деятелем, выступавшим за объединение Казахстана с Россией. Потом нашли документы, показывающие, что он был реакционер и объединения не одобрял... Не хочу ворошить старую историю, да и специалистом в этой области себя не считаю, а волновало меня другое. Баталии, которые навязывали некоторые демагоги, привели к тому, что из республики были вынуждены уехать такие выдающиеся люди, как писатель Мухтар Ауэзов и академик Каныш Сатпаев.

Мы помогли им вернуться в Алма-Ату. Замечательному ученому Канышу Сатпаеву принадлежат громадные заслуги в развитии производительных сил Казахстана. Мухтар Омарханович Ауэзов — признанный классик казахской

литературы. С благодарностью вспоминаю этих людей, с которыми часто встречался, тесно сотрудничал и просто по-человечески дружил. В беседах мы говорили о том, что любые крайности вредны...»

В другом месте книги «Целина» Л.И.Брежнев вспоминает:

«30 января 1954 года состоялось заседание Президиума ЦК, обсудившее положение в Казахстане и задачи, связанные с подъемом целины. Через пару дней я вылетел в Алма-Ату... Едва осмотревшись на новом месте, я должен был присутствовать на пленуме ЦК Компартии Казахстана. Должен сказать, о делах в республике многие ораторы говорили на нем самокритично и резко...»

К руководству в республике пришли люди, с большим мужеством и энергией восстанавливавшие ленинский стиль руководства, нормы партийной демократии. Вскоре они разобрались и в делах академии.

«Однажды отца пригласили в Дом правительства, — вспоминает дочь академика Меиз Каньшевна. — Его принял второй секретарь ЦК Компартии Казахстана Леонид Ильич Брежнев. Помимо других дел, он занимался в ту пору еще и кадровыми вопросами... Поначалу Каньш Имантаевич чувствовал себя скованно, он давно уже не был в этом высоком учреждении, ему совсем не хотелось при первой же встрече рассказывать о пережитом за эти годы. И, отвечая на вопросы секретаря, он коротко рассказал о той работе, которой последние три года жил весь коллектив Института геологических наук. И она того стоила. Рассказ явно заинтересовал Леонида Ильича. Он внимательно слушал ученого, задал несколько вопросов, уточняя перспективы работы, а затем неожиданно спросил о деле, о котором сам Каньш Имантаевич избегал вспоминать. Пришлось говорить обо всем начистоту и подробно. Как-то само собой получилось, может быть, сыграла роль задушевная атмосфера беседы, но Каньш Имантаевич выложил все то наболевшее, о чем думал и что пережил за эти годы.

— По-видимому, мы пересмотрим ваше персональное дело.

— Дело не во мне. Прошу вас, Леонид Ильич, пора вернуть к активной деятельности многих других ученых.

— Об этом тоже подумаем, — сказал секретарь».

И действительно, вскоре Бюро Центрального Комитета КП Казахстана, рассмотрев персональное дело коммуниста К.И.Сатпаева, сняло все обвинения, адресованные академику, как необоснованные. А в июне 1955 года Каньш Имантаевич был вновь избран президентом Академии наук республики. Обязанности президента он исполнял до конца жизни.

Разведка наверняка

I

Документы свидетельствуют, что ученые Института геологических наук начали эту работу в 1952 году. Однако эти данные не совсем точны. Проблемная тема «Составление металлогенических прогнозных карт полезных ископаемых Центрального Казахстана» стояла в научном плане института в течение ряда лет.

Созданием подобных карт определенного района в то время с увлечением занимались многие геологические институты страны. Крупные ученые-геологи, среди них были и известнейшие академики, пытались решить эту проблему. Ведь вооружить прогнозными картами геологическую службу страны значило обеспечить по меньшей мере наполовину успех поисковых работ разведочных партий. Сколько средств можно сэкономить — десятки, сотни миллионов рублей! А выигрыш во времени! Идти на поиск, имея в руках верные научные прогнозы, знать, куда ехать и что найдешь — разве это не заманчиво?.. Да, проблема стоила внимания, и поэтому геологические институты из года в год включали эту тему в свои научно-исследовательские планы. А некоторые коллективы уже составили первые пробные карты. Одна из них родилась в Казахстане. Но пока все эти опыты оказались неудачными. В теоретической части учеными был сделан ряд открытий; разрабатывались методологические рекомендации по составлению прогнозных карт. Но попытки практического осуществления этих указаний приводили до сих пор к неудачам. Новые карты по-прежнему давали нечеткие и в большинстве случаев неверные прогнозы. Стало быть, и теория была далека от совершенства.

«В этой области у К.И.Сатпаева не было предшественников, не было примеров, которые можно было бы взять за исходные и далее творчески развивать и совершенствовать. Здесь он был пионером и новатором в полном смысле этих слов», — сказано в одном из редакционных предисловий к его знаменитой монографии «Металлогенические прогнозные карты Центрального Казахстана», изданной после вручения ему и группе ученых Института геологических наук Ленинской премии за эту выдающуюся научную работу. Справедливости ради следует заметить, что у него были и предшественники и примеры. Об этом сам ученый пишет

в своей монографии. Однако его заслуга состоит в том, что он, досконально изучив все прежние работы, разобравшись в их ошибках и упущениях, даже позаимствовав из некоторых «несомненное рациональное зерно», по его собственному выражению, нашел к решению этой проблемы совершенно иной, сатпаевский, путь. Благодаря трудам академика Казахстан стал подлинной родиной металлогенической науки. Но все это было признано гораздо позже. А что же происходило вначале?

Вернемся к лету 1952 года. В Институте геологических наук создана группа из восьми человек: это своеобразный научный штаб, «мозговой центр», как его в то время шутили называли коллеги. Его задача — направлять работу всех геологических служб республики, сотен специалистов-геологов, призванных участвовать в работе над составлением прогнозной карты. Вот имена этих первопроходцев: К.И.Сатпаев, Р.А.Борукаев, И.И.Бок, Г.Ц.Медоев, Г.Н.Щерба, Д.Н.Казанли, И.П.Новохатский и Г.Б.Жилинский. Все они в прошлом бывалые геологи, открывшие немало крупных месторождений, люди, закаленные на полевых работах; некоторые из названных ученых являлись членами-корреспондентами и действительными членами республиканской академии. Словом, люди, возглавившие эту работу, во всех отношениях, как в теории, так и на практике, были крупными специалистами своего дела.

Опытным регионом для первых металлогенических исследований Сатпаев выбирает Центральный Казахстан. Геологическое строение, структура и история развития этого обширного района были достаточно хорошо известны; кроме того, в его пользу говорила насыщенность разнообразными месторождениями полезных ископаемых.

Директор института четко определил задачи исследования: изучение геологических условий образования месторождений и выявление закономерностей их размещения во времени и пространстве, а также особенностей развития структур всего региона — по сути, это были общие задачи металлогенической науки как таковой. Основываясь на всеобъемлющей разработке проблем, нужно было научиться прогнозировать результаты разведки полезных ископаемых.

Интересно отметить, что почти одновременно, а точнее, годом раньше, один из старейших институтов страны — ВСЕГЕИ (Всесоюзный геологический институт) в Ленинграде тоже начинает работу по составлению металлогенической прогнозной карты Центрального Казахстана. Там это исследование выполняла сильная группа специалистов; ленинградские ученые давно и систематически занимались проблемами металлогении, составляя прогнозные карты для нескольких районов

Советского Союза.

Итак, не говоря уж о других научных коллективах, два крупных института почти в одно и то же время вплотную взялись за разработку одной из самых сложных отраслей геологии. И те и другие одновременно трудятся над составлением прогнозных карт одного и того же региона. Естественно, напрашивается вопрос: неужели на обширной территории нашей страны нельзя было выбрать для этого эксперимента два разных района? Может быть, лучше было бы объединить научные силы двух коллективов и вести работу сообща?

Но что представляют собой эти прогнозные карты? Почему проблема прогноза в геологии не была решена до сих пор? Как объяснить отсутствие методологически верной теории для составления подобных карт? И наконец, еще несколько вопросов. Сведем их вместе: ОТКУДА, ЧТО, КАК и ГДЕ?..

Последние четыре вопроса, надо сказать, сформулированы самим академиком Сатпаевым. В его известной монографии они выделены курсивом и повторены неоднократно. Для чего это сделано и что они означают?..

II

Прежде всего: как работают геологи? Всем известны романтические рассказы о скитальцах, в холод и зной странствующих в поисках рудных проявлений по горам и безводным пустыням. Так было в прошлом, почти то же мы можем наблюдать и сегодня. Иной раз разведчик недр возвращается из такого трудного путешествия с удачей, обнаружив в одном или нескольких местах рудные проявления. Но бывает и другое. Несколько месяцев партия вела поисковые работы на разных маршрутах, исколесила сотни километров, истратила десятки тысяч рублей и ничего не нашла. И это случается не в один сезон, а иногда несколько лет подряд. Что поделаешь, невезение...

Потому-то предприимчивые дельцы прошлого вроде Поповых и Деровых, дабы не тратить время и деньги на такие рискованные поиски, придумывали разные хитрости. Они сулили премию тому, кто первым сообщит им о рудных проявлениях в той или иной местности. Обычно находилось немало охотников сорвать куш за даровые «божеские камни». Отправлялись на поиски многие джигиты, любители приключений. Забирались в труднодоступные ущелья, разрывали сурковые норы, чтобы

найти новую Караганду или Экибастуз. Иным из них везло. Они привозили целые курджуны²⁸ «цветных камней» — куски руды.

И тогда на места находок отправлялся геолог-специалист. Если рудопроявление стоило внимания, начиналась его разведка. Так были найдены в казахской степи многие известные месторождения.

По сути дела, этот способ поиска оставался основным вплоть до середины XX века. Менялось лишь оснащение разведки. В десятки, в сотни раз увеличилось мощность и скорость проходки буровых станков. Теперь с их помощью можно добраться до таких глубин, о которых раньше геологи и не помышляли. Ручные буры, кирки и другие примитивные орудия разведки ушли в прошлое. Появилась геофизическая разведка — электрические волны прощупывают толщи земли на сотни метров. С помощью такой разведки можно установить очертания рудного района площадью в десятки квадратных километров. На вооружении современных геологов есть и вертолеты и самолеты. Появилась возможность вести поиски рудных поясов из космоса.

Но все это данные о техническом оснащении геологоразведочных работ, а не о способе самого поиска. На земной поверхности осталось мало так называемых «белых пятен», где бы вовсе не ступала нога изыскателя. Ныне трудно открыть месторождение по случайному обнажению руд или минералов. Потому сегодня у геологов чаще в ходу термины «скрытое месторождение» и «закрытое месторождение», то есть недоступные взгляду подземные залежи полезных ископаемых, которые не обнаружишь обычными маршрутными партиями. На поиски надо снаряжать специальную экспедицию, применять комплексные методы поисков и новейшие достижения науки, ведя исследования по многу месяцев, иногда годы.

Но сразу встанут вопросы: куда эту экспедицию направить и что там искать? И тут поневоле приходится признать, что и сегодняшний геолог идет на разведку месторождения хотя и не вслепую, как в девятнадцатом веке, но все-таки не зная достаточно точно, ЧТО и ГДЕ искать, надеясь в большой мере на опыт и удачу.

— Сколько же мы можем терпеть такое! — сокрушался на Всесоюзном совещании геологов академик Сатпаев. — Далеко продвинулась геологическая наука. У нас работают десятки первоклассных институтов и тысячи замечательных специалистов. И все же, что скрывать, мы по-прежнему работаем на ощупь, почти вслепую. Чаще всего успех решает интуиция геолога, а не гарантированный прогноз науки. Не пора ли нам задуматься об этом?! Не пора ли вооружить наших геологов прогнозными

картами будущих месторождений?!

Это не было дежурным призывом, брошенным ради красного словца на большом совещании. Подобное вообще не водилось за Канышем Имантаевичем. Да и не он один говорил о разведке по прогнозам.

Если проследить историю этой идеи, то мысль о возможности прогнозирования месторождений полезных ископаемых, в частности о применении для этой цели металлогенических обобщений, впервые в мировой науке была высказана академиком В.А.Обручевым. «Изучение геологического строения и состава какой-либо страны, выясняя историю ее развития и современного состояния, позволяет нам судить о том, какие месторождения полезных ископаемых могут быть найдены в ее пределах», — писал Владимир Афанасьевич еще в 1932 году.

В дальнейшем идею геологического прогнозирования развивали и другие светила советской геологии: академики А.Д.Архангельский, Д.И.Щербаков, С.С.Смирнов, член-корреспондент Ю.А.Билибин и другие.

Попытки предсказать расположение месторождений были. Мысль ученых-геологов постоянно работала в этом направлении. С каждым годом проблема все сильнее привлекала лучшие силы геологической науки.

Систематически и постоянно вопросами прогнозирования занимался коллектив ВСЕГЕИ. Именно в этом институте впервые в Советском Союзе приступили к составлению большой прогнозной карты Центрального Казахстана, охватывающей всю территорию огромной области.

Ленинградские геологи в своей работе руководствовались теорией профессора Ю.А.Билибина о стадильности развития геосинклиналей и о месте в них рудных месторождений. В чем состоит суть геосинклинальной теории? Объяснить весь процесс возникновения геосинклиналей и в деталях проследить ход рудообразования в них — задача весьма сложная, к тому же для неспециалистов нет особой необходимости в этом. Но хотя бы кратко изложить суть дела стоит.

Вот как объясняет эту теорию специалист-популяризатор:

«...Ранний палеозой, 0,6 миллиарда лет назад. На месте Центрального Казахстана плещется неглубокое море. Лишь дугообразные цепочки островов, обращенные выпуклостью к северо-западу, возвышаются над водой... По еще неясным причинам время от времени вдоль краев континентов поднимаются эти цепочки, извергающие дым, пепел, лаву. Между ними и континентом — прогиб, море, быстро мелеющие, заполняющиеся осадками и вулканическими породами, — собственно геосинклиналь. Заполнившись доверху, геосинклиналь вдруг распрямляется, породы сминаются в складки, бывший прогиб вздымается к

облакам, прорезается долинами: образуется горная область. Давно нет больших гор в Центральном Казахстане, они вырастали здесь не один раз, но каждый раз их почти полностью срезала эрозия. Зато обнаружили насытившиеся металлами глубинные слои.

Геосинклинальная теория — великое достижение науки, связанное с именами выдающихся ученых. Но, как это часто бывает, разрабатывая эту теорию, отдельные детали геосинклинального процесса, геологи увлеклись. Появления месторождений тех или иных металлов стали привязывать только к определенным этапам развития геосинклиналей, закрывая глаза на частные несовпадения теории с практикой: металлов не оказывалось там, где они должны быть по схеме. И наоборот: там, где их не должно было быть, «незаконно» появились месторождения металлов».

«Идея составления металлогенических прогнозных карт для Центрального Казахстана возникла в стенах Института геологических наук АН КазССР еще в 1942 году, — пишет в своей монографии Каньш Имантаевич, — когда впервые здесь началось составление геолого-структурной карты Центрального Казахстана. Последняя рассматривалась нами в качестве геологической основы для металлогенических и прогнозных карт. В нагрузке этой геолого-структурной карты была заложена идея объективного отображения истории развития тектоники, магматизма, литогенеза Центрального Казахстана, начиная от верхов докембрия и до современности. Этот длительный отрезок времени (более полумиллиарда лет) был расчленен на шесть отдельных геотектонических этапов. Для каждого из них на карте отображалось развитие складчатых и разрывных структур, магматизма и основных рудовмещающих комплексов».

Как видим, идея составления прогнозных карт и в стенах Института геологических наук АН Казахской ССР возникла не вдруг и не случайно. А начавшаяся в 1952 году работа фактически была заключительным этапом в развитии этой идеи. Разумеется, и в Алма-Ате хорошо знали о геосинклинальной теории и о работах, проводимых ленинградскими учеными.

Существовали и другие теории, методические указания. Авторы их тоже были большими авторитетами в геологической науке. Так что легче всего было следовать по проторенному пути, выбрав для себя одно из имеющихся направлений и дав внешне стройную, логически убедительную схему прогнозов по региону.

«Одни исследователи (А.Н.Заварицкий и другие) рекомендовали класть в основу прогнозирования геологическую карту данной территории

и карту ее полезных ископаемых, другие (А.Д.Архангельский и др.) предлагали руководствоваться для этой цели главным образом палеографическими построениями и картами, третьи (Д.И.Щербаков и др.) — геологической картой с нанесенными на нее месторождениями, расчлененными на генетические типы, четвертые (Ю.А.Билибин и др.) — анализом изменений состава интрузивного магматизма в условиях историко-геологического развития мобильных геосинклинальных зон, пятые (Н.С.Шатский и др.) рекомендовали для целей прогнозирования «формационный» метод, не раскрывая, впрочем, достаточно ясно конкретного содержания этого метода...» — писал Сатпаев в своей монографии.

Итак, рекомендаций было более чем достаточно. И каждая из них заключала в себе что-то верное и полезное для прогнозирования. Однако ни одно из этих методологических указаний, взятое в отдельности, не могло помочь представить полную картину исследуемого района. Наоборот, приняв одну из рекомендаций к руководству, составители карты невольно «загоняли» природу в условную схему. Казахские геологи понимали это. «Следовательно, нужно было попытаться создать именно такие металлогенические прогнозные карты, которые, являясь объективным синтезом всех фактически накопленных знаний о геологии и металлогении Центрального Казахстана, могли бы с максимально возможной полнотой отображать действительное положение вещей в природе», — отмечал глава казахских металлогенистов.

Была и еще одна причина, почему группа Сатпаева не приняла так называемую универсальную теорию Билибина, не стала применять ее в своей практической работе по составлению прогнозных карт.

Каныш Имантаевич, как мы знаем, был учеником академика М.А.Усова, талантливого представителя сибирской школы геологов. А Михаил Антонович еще в тридцатых годах предостерегал своих воспитанников от «геосинклинального мистицизма».

«Всю историю планеты представлял он себе в виде ритмов, пульсаций, волн различной частоты, — пишет о Сатпаеве геолог-популяризатор. — Только самые крупные из этих волн управляют медленным геосинклинальным процессом. Рябь помельче накладывает на эту крупную зыбь более мелкие волны-этапы. Каждый из этих этапов начинался с некоторого расширения планеты. Огромные подвижные пояса земного шара пересекались целой сеткой трещин, разломов — и старых, и частично новых, и сквозных, через всю кору, и «тупиковых». Горячие, расплавленные, жидкие, летучие вещества глубин получали путь наверх.

Эти проводящие пути были как бесчисленные колонны-реакторы некоего химического завода: на этом пути под действием силы тяжести и меняющейся температуры сплошной поток глубинных веществ разделялся на отдельные составные части-элементы, образуя разные новые месторождения полезных ископаемых, подновляя старые, всю кору в целом пропитывая «гранитной кашей» — расплавом пополам с водой. Так появлялся на свет гранитный слой земной коры, характерный только для континентов, формировались руды металлов, которые, видимо, тоже связаны с континентами и их геосинклинальными или шельфовыми окраинами. В тонкой коре под океаном современная геология не предвидит полезных ископаемых глубинного происхождения... После периода растяжения наступала фаза сжатия. Складки горных пород смыкались еще больше, месторождения частично перерождались, формировались окончательно».

У академика Сатпаева был собственный взгляд на процесс рудообразования и существо геосинклиналей, совершенно отличный от упомянутых «универсальных» схем и направлений. В основу своих металлогенических исследований он берет всесторонний анализ реальных фактических данных о составе, строении, распределении и геологических условиях залегания в недрах рудных месторождений, и, говоря языком геологии, он разработал «Комплексный метод формационного металлогенического анализа и прогноза месторождений». Каждое значительное месторождение, рудное поле согласно сатпаевской концепции возникали не сразу и не вдруг, а в «непрерывно-прерывистом» процессе, постадийно, в несколько фаз. В рудообразовании участвовали не только химическая среда, но и физические силы, особенно в последующем развитии процесса. Следовательно, месторождения полезных ископаемых одновременно могут быть найдены и в геосинклинальных зонах, и в разломных структурах.

Таков был главный вывод сатпаевского учения о прогнозировании. Фактически родилась новая теория в металлогении. Через годы признанные авторитеты геологической науки назовут К.И.Сатпаева одним из основоположников металлогении, главой казахстанской школы. Но все это также еще впереди. Речь же идет пока о событиях 1952 года.

Обосновывая первые принципы своей теории, Сатпаев по интуиции, не зная еще, прав он или ошибается, прогнозировал будущие месторождения Центрального Казахстана не только в геосинклиналях, но и в геотектонических разломах, на которых до той поры вообще ставили крест как на бесперспективных. Составленная по его принципам карта

показывала руду в таких местах, где ей вовсе не полагалось быть. Каковы же окажутся практические результаты, должно было показать будущее: последнее слово всегда остается за геологоразведчиками. Казахские металлогенисты вновь смело шли на риск.

Центральный Казахстан является в геологическом отношении районом весьма древней структуры, богатой полезными ископаемыми. Территориально он охватывает обширные области республики. Архаичные структуры северных дуг Тянь-Шаня, изгибаясь на северо-запад, образуют структуру Пракаратау, дальше они простираются на север до излучины реки Ишим, отсюда начинается структура Праулутау. В середине региона находятся горы Кокчетав, Баянаула, Каркалинские, а на востоке — Чингис-Тарбагатайское. Северо-восточные границы окаймлены Прииртышской впадиной.

Понятно, что в геологическом отношении этот район представляет огромный научный интерес. Во-первых, обширное однородное пространство для такого важного эксперимента. Во-вторых, и в практическом смысле игра стоила свеч — здесь сосредоточены значительные запасы разнообразных полезных ископаемых. В-третьих, это был наиболее изученный район казахской степи, следовательно, лучше других оснащенный разнообразной геологической документацией.

Вот причина того, почему два главных геологических института страны одновременно выбрали Центральный Казахстан первым объектом для составления прогнозной карты. Они шли к решению задачи разными путями, хотя конечная цель была одна для всех.

Академиком Сатпаевым разработаны методологические принципы составления прогнозных карт. Вот они в кратком изложении академиков АН Казахской ССР И.И.Бока и Г.Б.Жилинского: «1) Комплексный подход к изучению вопроса; 2) полный сбор всех фактических материалов; 3) глубокое изучение и систематизация всех первичных фактических материалов и синтез их в их сложных взаимосвязях; 4) широкая коллективность в работе; 5) широкое обсуждение промежуточных результатов и всей работы после ее завершения; 6) постоянный учет и анализ практической работы геологов на основе внедрения результатов научных исследований; 7) постоянное совершенствование методов работы с учетом проверки практикой и новых достижений науки».

Над осуществлением этих принципов трудились более двух тысяч специалистов — ученые, геологи, техники... Они служили в различных трестах и ведомствах, живя разных городах и поселках Казахстана. Им предстояло выполнить дело, которое, по существу, не имело прецедентов в

мировой геологической науке. Кроме узкого круга ученых из научного института, никто из исполнителей не имел полного представления о предстоящей работе. Поэтому главный штаб, а официально он назывался межведомственным главным редакционным советом по составлению прогнозных металлогенических карт Центрального Казахстана, начал свою работу с составления методологических указаний, различных инструкций и пояснительных записок к ним. А многие вопросы, которые требовали совместного обсуждения, решались на расширенных заседаниях ученого совета института.

Каныш Имантаевич, истосковавшийся по любимой работе, задавал своим коллегам такой темп, предъявлял такие требования, что удивлялись даже люди, знавшие его много лет. Сколько энергии, практицизма и организаторского таланта проявил он! Он не знал покоя, и это упорство академика передавалось его коллегам — участникам разработок... Без конца шли телефонные разговоры, уезжали в командировки специалисты института, приезжали геологи с мест.

Благодаря умелому руководству директора института и хорошо организованному взаимодействию привлеченных специалистов уже к концу первого года работы удалось собрать весь необходимый материал. Это были данные шлиховых, металлогенических, поисково-геофизических исследований, выполненных в разные годы в Центральном Казахстане. Крупномасштабные геологические карты, отчеты и пояснительные материалы к ним. Обобщенные результаты всех видов геофизических наблюдений и съемок. Сведения о гидрохимии, природе и динамике подземных вод региона... И еще множество таких данных, самый характер которых не будет понятен неспециалисту без дополнительных объяснений. И наконец, была собрана информация о всех известных к тому времени проявлениях полезных ископаемых, будь то крупное месторождение или просто небольшие поверхностные признаки их. Группа исследователей, выполнявшая эту часть работы, добралась даже до архива Министерства внутренних дел республики. Исследователи нашли там около 600 дореволюционных заявок о проявлении полезных ископаемых на территории Центрального Казахстана. А всего составители карты имели на руках более пяти тысяч таких заявок. Каждая из них была научно обработана, записана в специальные кадастры.

Весь этот громадный материал поступил в распоряжение главного редакционного совета. Теперь предстояло освоить его — анализировать, обобщать, отсеивать... К началу следующего, 1953 года металлогенисты успешно справились с этой задачей и приступили к завершающему этапу

— составлению рабочих макетов прогнозной карты.

За основу решено было взять уже созданную к тому времени в институте геолого-структурную карту Центрального Казахстана, которая отражала геологическую историю региона от докембрия до сегодняшних дней. Карта зафиксировала шесть отдельных этапов развития на этом отрезке времени. Каныш Имантаевич, основываясь на своей концепции о стадильности развития региона, идет дальше авторов структурной карты. Он решает детально анализировать каждый из этих шести геолого-тектонических этапов, ибо, по его теории, на одном или нескольких из них могло иметь место развитие рудовмещающих комплексов.

Когда работа подойдет к концу, в пояснительной записке к уже готовой прогнозной металлогенической карте Центрального Казахстана появятся следующие уверенные рекомендации: «Допалеозойская эпоха не оставила в недрах Центрального Казахстана ни одного промышленно ценного медного месторождения... В эту эпоху созданы крупные осадочно-метаморфические концентрации железа, редкие и мелкие месторождения золота...» Или такая решительная запись: «Не рекомендуются дальнейшие затраты на изучение и разведку осадочных формаций цветных металлов в среднем и верхнем палеозое Центрального Казахстана». Необязательно быть геологом, чтобы по достоинству оценить, скажем, вот эту фразу: «На ранне— и поздневарисскую металлогенические эпохи падает до 91 процента всех учтенных общих запасов меди...» Таким образом, геологу-поисковику давался четкий и конкретный ориентир, на каком именно этапе тектонического развития данного региона искать тот или иной металл.

В своей монографии академик Сатпаев называет подобные структурно-геологические схемы картами «со спецнагрузкой».

Работа по составлению рабочих макетов состояла из нескольких этапов. После тщательного анализа обобщенный материал заносился в определенные листы, разделы. Одновременно составлялись единые кадастры по всем известным проявлениям металлов и других полезных ископаемых в данном регионе. Подготавливались пояснительные записки, расчерчивались уже готовые листы...

Вся эта черновая работа шла весь 1953 год, а уже в январе следующего года казахстанские металлогенисты имели готовую карту. За сравнительно короткий срок — всего за два года — была выполнена огромная работа. Вот некоторые данные, характеризующие масштаб исследований института по этой теме. Сама прогнозная карта Центрального Казахстана состояла из 280 геологических и геолого-металлогенических отдельных листов. По каждому из них составлены пояснительные записки. Их объем 36 томов.

Каждый лист и записка к нему заключали в себе следующие вопросы: название и координаты месторождения, если они умещались в данном листе; данные о полезных компонентах в руде; генетический тип месторождения; степень его изученности и современная оценка запасов; литературные источники приоритетного и основного значения. И еще много таких сведений, которые помогли бы геологу быстро разобраться в карте.

Закончив рабочий макет, ученые не торопились отдать его производственникам. С января до лета они занимались ревизией карты — коррективкой, доводкой отдельных листов. Понимая научную и практическую значимость этого первого опыта, коллектив института не только не боялся критики со стороны коллег, но, наоборот, считал любые предварительные обсуждения полезными для дела. В продолжение двух лет по инициативе Сатпаева ученые-геологи дважды собирались в Алма-Ате на научные конференции. В них участвовали лучшие силы республики, представители геологических учреждений Москвы и других научных центров страны. Были и противники и сторонники новой концепции академика Сатпаева в металлогенической науке. На конференциях происходил широкий творческий обмен мнениями, слышалась и жесткая критика. Разумеется, ценные мысли и предложения учитывались, однако в главном вопросе — о принципах прогноза — Каныш Имантаевич непреклонно отстаивал свою позицию.

Последняя из двух конференций состоялась в июле 1954 года. Обсудив уже готовую прогнозную карту, она рекомендовала проверку ее в производственных условиях.

III

К этому времени и ленинградские металлогенисты завершили свою работу. Была создана вторая «Прогнозная металлогеническая карта Центрального Казахстана».

Итак, пути двух научных школ скрестились в одном и том же районе. У разведчиков геологических экспедиций Центрального Казахстана теперь имеются две карты. Обе созданы авторитетными, прославленными коллективами, имеющими на своем счету большие научные заслуги. Под каждой из них стояли подписи знаменитых ученых, известнейших геологов. Обе утверждены на представительных совещаниях и рекомендованы для практического использования. Так что выбирай из них

ту, которая тебе по душе, и работай. Но одно немаловажное обстоятельство приводило геологов в замешательство: по логике вещей эти карты должны были показать одинаковые прогнозы, ведь рудопроявления нарочно не придумаете, но они давали совершенно разные сведения, порою противоречащие друг другу. Словом, если ориентироваться на эти прогнозы, одно и то же предсказанное месторождение пришлось бы искать в разных местах. Разумеется, геолога, непосредственно занятого поисками рудных залежей, подобные рекомендации могли только вконец запутать. Ему нужен точный прогноз.

Какой карте верить? Какая из них надежная помощница разведчика недр? Пояснительные записки к листам обеих карт написаны настолько убедительно и доказательно, что полевому геологу остается принять их на веру. Таким образом, перед производственниками вставала новая задача: досконально разобраться в этих двух прогнозных картах для успешного применения их в поисковых работах.

На научных конференциях, состоявшихся в Алма-Ате и в Ленинграде, а затем на специально посвященной проблемам металлогенической науки московской конференции 1956 года, ученые много говорили о преимуществах и недостатках итоговых работ ВСЕГЕИ и казахстанского института. Каждая сторона настаивала на своей правоте, и у каждой школы нашлось много сторонников.

Обе карты были рекомендованы к испытанию на самой территории Центрального Казахстана. Спорящим сторонам оставалось согласиться и терпеливо ждать.

Работу казахстанских металлогенистов отличал ряд практически выгодных моментов. Например, на их карте были выделены и оконтурены по степени перспективности три категории площадей: явно промышленные, требующие производства первоочередных геолого-поисковых работ; площади с благоприятными геологическими признаками, требующие планомерных исследований; и, наконец, площади со слабыми и неясными рудными признаками, требующие пока планомерной геологической съемки.

И вот геологи — люди, отличающиеся чисто практическим подходом к делу, без долгих раздумий взяли на прицел первую категорию — площади явно промышленные. В первый же год разведки поисковики обнаружили новые месторождения. Они нашли более сорока крупных металлоносных массивов гранитоидов. Этот факт имел в дальнейшем огромное теоретическое и практическое значение...

Карта, созданная в стенах Института геологических наук, отличалась и

конкретной детализацией прогнозов. Она определенно говорила, в каком районе, в слое какой эпохи развития структуры искать тот или иной металл. Указывались промышленные оруднения железа и марганца, меди и свинца, молибдена, вольфрама, олова.

Итак, сатпаевская карта точно и подробно отвечала на жизненно важные, вечные вопросы геологов: что и где надо искать. «Нетрудно видеть, — писал Каныш Имантаевич, — что к_о_м_п_л_е_к_с_н_о_с_т_ь, (подчеркнуто К.И.Сатпаевым), п_о_л_н_о_т_а в сборе всех первичных наблюдений и фактов, к_о_н_к_р_е_т_н_о_с_т_ь в их анализе, о_б_ь_е_к_т_и_в_н_о_с_т_ь в обобщениях и, наконец, к_о_л_л_е_к_т_и_в_н_о_с_т_ь в творчестве — вот методологические принципы нашей работы... Метод этот вкратце можно определить как метод комплексной структурно-региональной металлогении».

Окончательные итоги этого долгого научного спора были подведены в Алма-Ате в декабре 1958 года. На первое Всесоюзное совещание металлогенистов собрались более 800 специалистов из 120 научных и производственных коллективов. В обсуждениях приняли участие все главные руководители геологической службы страны и геолого-географического отделения АН СССР. Прибыли гости из-за рубежа. На рассмотрение ученым было предложено около двадцати прогнозных металлогенических карт, составленных многими коллективами для различных районов страны. Казахские геологи, помимо апробированной карты, представили на обсуждение семь докладов (два из них принадлежали Канышу Имантаевичу). Коллектив ВСЕГЕИ выступил на совещании с четырьмя докладами.

Форум геологов страны длился целых пять дней.

Сам факт проведения такого представительного совещания в Алма-Ате говорил о главенствующей роли казахстанской школы геологов в решении проблем металлогении. Как и ожидалось, участники сессии обсуждали в основном результаты деятельности алма-атинских и ленинградских ученых. Обе работы по своему масштабу и значимости представляли наибольший практический интерес. Первая объединенная научная сессия по металлогеническим и прогнозным картам, отмечая отставание отдельных исследователей от практических задач поисковых работ, в своем решении записала, что «...возникает опасность чрезмерной унификации представлений об общих закономерностях размещения месторождений полезных ископаемых, а также опасность излишней схематизации таких представлений». Фактически это было серьезное предостережение в адрес некоторых ученых-геологов.

В выступлениях, которые были солидарны с идеями казахстанской школы геологов, звучала еще одна ценная и немаловажная для Сатпаева мысль. Четче, чем другие, ее сформулировал секретарь геолого-географического отделения АН СССР академик Д.И.Щербаков:

«Хотелось здесь остановиться еще на одной особенности развития геологической науки, — говорил академик. — В поездках по Союзу мне в последние годы приходилось не однажды замечать перемещение передовой научной мысли из центра в самые отдаленные края... Особенно за последние десять лет сильно возрос уровень научных и практических учреждений на местах. Нам следует учесть эти обстоятельства, иначе недолго ошибиться. Прошли времена, когда можно было ехать из центра в командировку и выдавать простые азбучные истины за новость... Пора нашим центральным научно-исследовательским институтам сделать соответствующие выводы из этой приятной правды жизни...»

В том же 1958 году группе геологов во главе с К.И.Сатпаевым была присуждена Ленинская премия за металлогеническую прогнозную карту Центрального Казахстана.

В сущности, прогнозная карта стала венцом, итогом долгой работы, начатой Сатпаевым за тридцать лет до этого в окрестностях Дзезказгана. Главенствующая роль Каныша Имантаевича в этом деле также была бесспорной. Это дало основание некоторым участникам первого обсуждения работы при ее выдвижении на соискание премии предложить в качестве автора одного президента Академии наук Казахстана.

Но тут восстал сам Каныш Имантаевич. Поднявшись с места, он, как свидетельствуют очевидцы, напомнил, что работа велась всем коллективом института с деятельной помощью казахстанских геологов.

Металлогеническая наука и, в частности, дело составления прогнозных карт значительно продвинулись вперед со времен Сатпаева, но своим сегодняшним стремительным развитием она обязана трудам первого казахского академика и его сподвижников. И мы с полной уверенностью говорим, что дело, которому посвятил свою жизнь Каныш Имантаевич Сатпаев, живет и будет жить долго...

Последние высоты

I

С тех пор как Каныш Имантаевич вновь был избран президентом Академии наук республики, забот у него прибавилось. Снова, как и прежде, много времени уходило на многочисленные заседания, на решение неотложных текущих дел. Научный центр Казахстана стал теперь широко разветвленным, многоотраслевым коллективом. Одних научно-исследовательских институтов было около тридцати. В них трудилось более десяти тысяч сотрудников, которые разрабатывали множество проблем различных отраслей науки. Президенту необходимо быть в курсе всех этих разработок или знать хотя бы основные из них. Ведь в их числе есть и такие, которые нельзя решить без его личного вмешательства. Да и сам Каныш Имантаевич, понимая важность того или иного исследования, постоянно спрашивается о его ходе. То вызовет к себе научного работника, то неожиданно сам появится в лаборатории. Его интересует все, вплоть до самочувствия исследователя. И всегда окажет необходимую помощь. Приходилось ему заниматься и такими делами, которые вовсе были далеки от науки.

Тем не менее Сатпаев выбирал часы для самозабвенных занятий геологией. Он хорошо знал, над чем работает в каждый данный момент любой сотрудник руководимого им Института геологических наук. С самого начала директорства в институте у него сложилось правило: один раз в году совершать обход всех лабораторий для беседы с каждым из работников.

После нашумевших дискуссий по прогнозным картам школа казахстанских металлогенистов, основанная и руководимая Канышем Имантаевичем, завоевала авторитет и симпатии научной общественности страны. Алма-Ата превратилась в своеобразную Мекку геологов — со всех концов страны приезжали специалисты, чтобы ознакомиться с методикой составления прогнозных карт. С той же целью прибывали ученые из Чехословакии, Польши, Болгарии, КНР, Индии, Албании.

Глава школы и его коллеги получили немало приглашений посетить дружественные институты или выступить с докладом на различных совещаниях и конференциях, посвященных проблемам металлогенической науки. Сатпаева избрали заместителем председателя бюро Национального

комитета геологов Советского Союза, он стал членом редколлегии журнала «Советская геология». А в 1957 году введен в состав международной комиссии по составлению металлогенической карты мира.

Но слава и известность мало волновали всегда скромного Каныша Имантаевича — ему ли не знать, как все это преходяще. Зато он хорошо понимал, что главное в жизни — труд, честный, кропотливый труд на благо Родины. Академик по-прежнему совершал частые геологические поездки по родной степи.

Летом 1955 года он побывал в Южном Казахстане, детально ознакомился с месторождениями меди, ванадия, фосфоритов на Каратау и Киргизском хребте. В последующие годы целью таких поездок были районы Алатау, Караганды, Алайгыра, Саяка, Акбастау-Мейзека, Караганды, Рудного Алтая, Джекказгана-Улутау, Чингиса, Экибастуза. Президент посетил и почти все прииртышские месторождения полезных ископаемых. Случалось, что на одном руднике он проводил по несколько дней подряд, детально интересуясь всеми вопросами, а другие осматривал мельком. В иных случаях академик приезжал с целой свитой специалистов для того, чтобы на месте по косточкам разобрать накопившиеся за годы нерешенные проблемы месторождения; потом, как правило, они вносились в повестку дня выездной сессии Академии наук.

Институт геологических наук после первого большого успеха продолжал разработку металлогенических проблем и на материале других районов республики. В 1958 году начались исследования по теме «Геология и металлогения Успенской тектонической зоны», а еще раньше работы по составлению металлогенических прогнозных карт Восточного Казахстана. Руководителем исследований по обеим темам был утвержден академик Сатпаев.

II

В феврале 1956 года состоялся XX съезд КПСС. Он стал знаменательным событием в жизни Каныша Имантаевича: академик представлял на партийном форуме многотысячный отряд казахстанской науки.

Впечатления от съезда, выводы на будущее четко отразились в докладе президента, зачитанном на собрании работников научно-исследовательских учреждений и вузов Алма-Аты. Страна приступала к осуществлению шестого пятилетнего плана, и Казахстану, этой богатейшей кладовой

подземных богатств, предстояло играть в будущем всевозрастающую роль. К тому же на целинных землях республики уже третий год шла великая преобразовательная работа: к этому времени было освоено 18 миллионов гектаров новых земель, а валовой сбор зерна намечено было увеличить ни много ни мало в пять раз. Съезд поставил задачу преимущественного развития тяжелой промышленности в Казахстане, особенно горнодобывающих производств и металлургии.

«Осуществление громадных задач, поставленных перед Казахской республикой в шестом пятилетии, требует интенсивного развития науки... Учеными республики в творческом содружестве с работниками производства должен быть выполнен обширный объем научных исследований по изучению природных ресурсов республики и разработке эффективных методов их использования», — говорил академик Сатпаев в своем докладе. Далее он конкретизировал планы работ по наиболее важным отраслям науки. Ученый разделил территорию республики на одиннадцать региональных комплексов, выделив их по признаку технико-экономических направлений. Соответственно предложенному делению перед отраслевыми институтами ставились задачи комплексного исследования регионов. Для координации и контроля выполнения этих крупных научных задач был создан единый научно-организационный центр — Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Академии наук Казахской ССР.

И на этот раз глава казахстанской науки остался верен себе: он не увлекался отдаленными туманными перспективами, предпочитая заботу о реальных нуждах. Из общих задач и планов он выделяет самые главные, самые существенные. В энергетике это освоение ресурсов Иртыша (строительство Бухтарминской и Шульбинской ГЭС), нефтяных залежей Урало-Эмбинского района, дальнейшее развитие добычи угля в Карагандинском бассейне, Экибастузе и Тургайской впадине. В промышленности — строительство Соколово-Сарбайского горно-обогатительного комбината и металлургического завода в Темиртау, производство местных удобрений на основе громадных залежей каратауских фосфоритов... Сегодня эти задачи решены практически. Значение новых производств для народного хозяйства республики бесспорно. А ведь было время, когда за каждое из них пришлось затевать дискуссию, проводить научные сессии, по многу раз доказывать целесообразность своих предложений.

В те дни у президента Казахстанской академии и его коллег была еще одна забота... «Плодородные земли не лежат сплошняком. Их нужно было

найти, определить, какие из них пригодны под зерновые хлеба, какие под луга, пастбища... — вспоминает Л.И.Брежнев в книге «Целина». — Только Академия наук Казахской ССР создала и отправила в степи 69 комплексных экспедиций и отрядов. В изучении и оценке земель принимали участие специалисты академий, институтов и опытных станций всей страны. Тысячи почвоведов, ботаников, гидротехников, землеустроителей, агрономов России, Казахстана, Украины, Белоруссии обследовали 178 районов республики, выявили первоначально 22,6 миллиона гектаров пахотно пригодных земель».

Почвоведы академии в сравнительно короткий срок составили почвенные карты территории всех областей Казахстана. Это способствовало правильному размещению вновь организуемых целинных совхозов. Микробиологи проводили исследования по распространению азотобактера в почвах северных и центральных областей. Более ста новых сортов высокоурожайных сельскохозяйственных культур выведено за эти годы селекционерами Казахстана. Вопросы районирования и правильного территориального размещения их стали основным направлением исследований сельскохозяйственных научных институтов. Один за другим в бескрайние степи отправлялись отряды поисковиков — гидротехники, биологи, ботаники, зоологи...

В 1957 году Сатпаев был награжден третьим орденом Ленина за мобилизацию Академии наук Казахстана на освоение целинных и залежных земель.

На следующем, XXI съезде КПСС глава казахстанских ученых принял участие в прениях по Отчетному докладу. Текст его речи опубликован в «Правде».

«Для широкого использования богатейших минеральных ресурсов Центрального Казахстана уже сейчас становится тормозом бедность его водными ресурсами, — говорил Сатпаев. — Такое напряженное положение с водой требует неотложного сооружения в текущем семилетии канала Иртыш — Караганда... Три основные магистральные железнодорожные линии, имеющиеся в Казахстане, совершенно не связаны между собой в средней, наиболее промышленной, части республики. Это приводит к нерациональным и дальним перевозкам. Необходимо построить железнодорожную линию Джезказган — Аральское море, которая создаст кратчайший выход продукции из Джезказгана, Темиртау и Караганды и позволит освоить

Кияктинское месторождение углей и крупный Приуральский железорудный бассейн. Требуется также построить линию Караганда — Актогай через Каркаралинск, где находятся крупные минеральные богатства центрального промышленного района республики».

Сегодня мы видим: некоторые из этих предложений воплощены в жизнь, а другие уже ставятся в ряд неотложных задач дня...

XXI съезд КПСС принял развернутые планы по дальнейшему развитию народного хозяйства. В связи с этим перед геологами ставилась задача в ближайшем времени отыскать и разведать новые сырьевые ресурсы для возрастающих мощностей химической и металлургической промышленности. А это, в свою очередь, повысило значение и роль прогнозных карт. Именно в эти годы почти все геологические коллективы страны занялись прогнозными исследованиями. Теперь проблему предсказаний пытались решить не только ученые, но и сами геологический разведчики. Естественно, что подобные увлечения внесли в проблему много путаницы, противоречий. Многим начинало казаться, что за сравнительно короткий срок можно, подобно казахстанским геологам, добиться замечательных успехов. В спешке забывалось, что тем трем годам, за которые сатпаевская группа сделала первую карту, предшествовали многие годы систематической работы. В центральной научной печати стали появляться переводы научных трудов немецкого ученого Г.Шнейдерхена, когда-то объявленного отцом европейских металлогенистов.

Одним из первых против ошибочного направления в металлогении, уводившего науку в дебри бесполезных дискуссий, выступил Сатпаев.

«Известно, что модные теории появляются и исчезают, большей частью не оставляя каких-либо заметных положительных следов, а реальные факты продолжают существовать, — писал он в журнале «Советская геология». — Достаточно напомнить недавнюю историю с концепцией осадочного происхождения некоторых рудных месторождений, чтобы понять ошибочность самого принципа абстрактного теоретизирования в таких конкретных делах, какими являются металлогенические исследования и прогнозы месторождений полезных ископаемых. Поэтому не пора ли вообще перестать склонять достойное имя Ю.А.Билибина в связи с данной дискуссией».

Здесь же Каныш Имантаевич с полной научной объективностью доказал несостоятельность попыток некоторых известных ученых

популяризировать ошибочные концепции немецкого «отца металлогении».

«Основной... идеей Шнейдерхена, которую он и его отдельные единомышленники настойчиво пропагандируют и пытаются внедрить в геологическую теорию и практику, является утверждение, что для каждого крупного рудного региона якобы имел место только один этап эндогенного рудообразования — этап металлогенного орогенеза. Вся остальная история геологического развития данного рудоносного региона была будто бы совершенно бесплодной... На примере явно многоэтапной металлогении почти всех основных рудных районов СССР становится очевидной надуманность основного тезиса Г.Шнейдерхена о единичности металлогенических этапов в рудных регионах. — Далее, разбирая прочие тезисы немецкого ученого, Сатпаев писал: — ...Во всяком случае, никакого практического значения в прогнозно-поисковом и оценочном отношении этот вопрос, конечно, иметь не может, да и вообще, что для рудогеологической теории и практики могут дать подобные голые утверждения, кроме бесконечных дискуссий, уводящих геологов в туманные дебри надуманных теорий, которым можно только верить или не верить, так как они находятся вне области науки... Поэтому пропаганду этих и подобных им схоластических модных «теорий» у нас в СССР оправдать нельзя».

Далее академик Сатпаев делает одно существенное уточнение:

«...Эта строгая и стройная геолого-генетическая классификация эндогенных рудных месторождений сейчас также является общепринятой в геологической науке, но с той лишь, мягко говоря, досадной оговоркой, что основу этой классификации, не указывая имя ее подлинного автора — М.А.Усова, опубликовал много лет после М.А.Усова немецкий геолог Г.Шнейдерхен. Сейчас она во многих учебных руководствах и научных работах, в том числе и у нас, совершенно незаконно фигурирует под названием «Классификация Г.Шнейдерхена». Если учесть, что классификация М.А.Усова была опубликована на страницах открытой и широкой научной печати еще в 1933 — 1935 гг., а классификация Г.Шнейдерхена значительно позже, то нельзя не удивляться странной терпимости к подобным вещам со стороны авторов «Курсов рудных месторождений» и тех наших геологов, которые переводят труды Г.Шнейдерхена на русский язык», — писал Каныш Имантаевич позже в своем труде о научной деятельности академика М.А.Усова.

Одним из наиболее значительных дел, которое волновало Сатпаева и в решении которого он принимал живейшее участие, была реорганизация геологической службы страны. Однажды после очередной стычки в стенах

Министерства геологии СССР из-за бюрократической задержки решения важнейшего вопроса он обратился с письмом в ЦК ВКП(б). «...Распыление сил на многие, часто не актуальные объекты, отсутствие целеустремленности в работе, низкие технико-экономические показатели работ, отсутствие живого обмена опытом и комплексности, изоляция от геологической общественности, боязнь критики и другие крупные недостатки остались до сих пор не тронутыми и имеют место, как и прежде, — писал он в этом документе и далее предлагал для устранения всех этих недостатков укрепить организационно руководство Министерства геологии СССР крупными советскими геологами с большим производственным опытом и государственным кругозором (в настоящее время многие заместители министра не геологи), передав в систему руководящих кадров Министерства геологии СССР как в центре, так и на местах достаточное количество опытных геологов с производства, в первую очередь из геологов министерств металлургической, угольной и нефтяной промышленности СССР». Несомненно, это резко критическое письмо сыграло свою роль в том, что через некоторое время было принято правительственное решение о реорганизации геологической службы в стране. Собственно говоря, сама повседневная практика диктовала неотложные меры.

С каждым годом растущие потребности производства, увеличивающиеся мощности индустрии требовали соответствующего расширения добычи сырья, а это, в свою очередь, вызывало усиление разведочных работ. Многие министерства значительно умножили штаты своих геологоразведочных отделов. И под сомнение было поставлено само существование специального Министерства геологии... В итоге главное ведомство геологии ликвидировали, а его функции передали нескольким министерствам добывающей промышленности. Сатпаев, разумеется, вовсе не добивался такого исхода — налицо был явный перегиб.

Прошло немного времени. Отсутствие единого руководящего центра быстро и отрицательно сказалось на геологоразведочном обеспечении нужд народного хозяйства. Жизнь властно требовала пересмотра ошибочного решения.

«Когда же будет положен конец такому положению, когда по одним и тем же маршрутам куролесят геологические экспедиции самых различных ведомств? Одни из них ищут уголь, другие — нефть, третьи — железные руды и цветные металлы, нельзя ли все это сконцентрировать в одних руках и недра изучать комплексно?» — вопрошал академик Сатпаев на одном из совещаний руководителей народного хозяйства.

И действительно, разведка минерально-сырьевых баз велась разобщенно. Порою происходили весьма курьезные случаи: у одного рудника месяцами жили две-три, а то и четыре экспедиции — каждая из них, разумеется, искала строго определенное месторождение. Бывало и так, что одна партия уезжала, и в тот же день на ее место «вселялись» геологи другого ведомства. И это был не просто забавный парадокс. Впустую тратились огромные деньги — десятки миллионов рублей...

Ненормальное положение волновало многих известных геологов. Но одно дело горячиться, высказывать свое возмущение в узком кругу специалистов, друзей, совсем другое — идти на открытый бой. Одним из таких людей был коммунист Сатпаев. Он обратился в Совет Министров СССР с заявлением, в котором поставил вопрос «об объединении всех крайне распыленных геологических сил страны вокруг единого общесоюзного геологического центра...». Он предлагал сделать принципом работы этого центра комплексное исследование каждого разведываемого района, искать все виды полезных ископаемых, а не только те, что нужны на данном этапе. Так он поступал в годы службы в Джезказгане без чьей-либо подсказки и указаний, это стало стилем его работы как геолога. К всестороннему обследованию изучаемого района он стремился и в последующие годы, когда ему приходилось принимать участие в различных геологических экспедициях.

Столь же остро волновало академика Сатпаева и состояние геологической службы родного Казахстана. Поиски полезных ископаемых проводились здесь несколькими управлениями союзного министерства. Вот только шесть таких крупных управлений, работавших в те годы в республике: Казахское, Карагандинское, Уральское, Южно-Уральское, Узбекское, Западно-Сибирское. Последние четыре из них подчинялись трем самостоятельным трестам, размещавшимся за пределами республики. А сколько еще организаций работало в республике — аэрогеологические, геофизические, гидрогеологические службы... У каждого треста, у каждой экспедиции где-то в центральных городах имелись свои главки, управления. Их было не меньше десятка.

Как бы результативно ни работали они, эта множественность вносила разобщенность в исследования, приводила к снижению эффективности разведки, дублированию изысканий. И снова как ведущий авторитет в геологии Каныш Имантаевич не смог остаться в стороне. Он ставит перед казахстанским правительством вопрос об учреждении единого геологического центра. В 1956 году было создано Министерство геологии и охраны недр Казахской ССР, которое объединило все территориальные

геологические управления и специализированные тресты.

Так, при непосредственном участии и практической помощи Каныша Имантаевича было создано единое геологическое ведомство, которое по сегодняшний день занимается всеми разведочными работами в республике.

Не только геологическая служба, но и вся система научных учреждений требовала в то время коренной реорганизации. «Теперь нельзя довольствоваться такими геологическими исследованиями, которые ориентируются только на открытие месторождений полезных ископаемых, руды которых выходят на земную поверхность. Фонд таких месторождений из года в год сокращается, и важнейшее значение приобретает проблема поисков скрытых месторождений, осуществление которых должно опираться на достижения передовой теории», — говорил П.Я.Антропов, министр геологии и охраны недр СССР, выступая на Первом металлогеническом совещании в Алма-Ате. А по поводу состояния геологической науки того времени он писал впоследствии: «Был такой случай. Я договорился с академиком А.Н.Несмеяновым в бытность его президентом Академии наук СССР, чтобы он принял группу ученых-геологов для беседы о положении геологической науки. Тогда с геологической наукой дело обстояло следующим образом. Институт геохимии и аналитической химии имени В.И.Вернадского был в отделении химических, а не геолого-географических наук; геофизические методы поисков полезных ископаемых находились в отделении физико-математических наук, палеонтология — в отделении биологических наук. Короче говоря, наиболее передовые методы поисков минерального сырья были изъяты из отделения геолого-географических наук, и тем самым геологическая наука лишилась возможности не только ими пользоваться в процессе своих исследований, но и в какой-то мере направлять их и совершенствовать. При этой беседе присутствовали академики К.И.Сатпаев, Н.С.Шатский, Н.М.Страхов и Д.И.Щербаков. В вопросе геологических наук К.И.Сатпаев занимал совершенно четкую и последовательную позицию. Он решительно отстаивал положение, при котором все геологические науки были бы сконцентрированы в одном отделении Академии наук СССР, то есть чтобы комплексность в изучении минерального сырья соблюдалась не только в геологической практике, но и в геологической науке».

Требовали преобразования и взаимоотношения научных учреждений АН СССР с отраслевыми институтами Министерства геологии и охраны недр. Деятельность тех и других, тематика исследований, хотя они и старались объединить усилия для решения ряда проблем, все же оставались

изолированными или же, наоборот, разные коллективы повторяли друг друга в разработке общих проблем геологии.

Каныш Имантаевич всегда остро и конструктивно выступал по этому вопросу.

— Продолжая идти в таком направлении, недолго и в тупик зайти. Всю геологию затопим в наших межведомственных спорах, — говорил он в беседе с президентом АН СССР. — Нужны срочные организационные мероприятия...

*

«...Около года учеными в Академии наук СССР обсуждался вопрос о взаимодействии наук, занимающихся изучением земли и явлениями, протекающими в ее оболочках. Высказывались разные точки зрения... К.И.Сатпаев, опираясь на опыт проводимых им крупных комплексных исследований, последовательно и упорно доказывал необходимость создания нового отделения наук о Земле. Его мнение сыграло большую роль в принятом Президиумом Академии наук СССР решении о создании отделения наук о Земле», — вспоминал академик Д.И.Щербаков.

Реорганизация отделений Академии наук была проведена в 1963 году. А какие изменения происходили в структуре АН Казахской ССР?

«...В последние годы благодаря большим достижениям в исследовании космического пространства зародились и крепнут научно-теоретические связи между астрофизикой и геологией, благотворно влияющие на обе науки. Уже появилась новая отрасль геологической науки — планетарная геология, — говорил Сатпаев в своем докладе на общем собрании Академии наук республики, состоявшемся в июле того же 1963 года. — Творческие связи между астрофизикой и геологией оказывают существенную помощь геологам в понимании основных закономерностей в расположении зон крупных разломов и складчатых сооружений в земной коре, с которыми, как известно, тесно связаны проявления всех видов и комплексов магматических пород, являющихся первопричиной образования многих важнейших видов рудных месторождений. Благотворные связи между астрофизикой и геологией должны обязательно развиваться и в дальнейшем. Этому, бесспорно, будет помогать

совместное нахождение обеих наук в составе одного отделения Академии наук, которое можно назвать отделением наук о ВСЕЛЕННОЙ и ЗЕМЛЕ (выделено мной. — М.С.)».

Кстати сказать, через пять лет это название с небольшим изменением приняла и Академия наук СССР, снова реорганизовав отделение наук о Земле. Теперь оно именуется секцией наук о Земле. Термин, вошедший в нашу жизнь благодаря усилиям Сатпаева, кажется нам сегодня обыденным и простым. Трудно поверить, что в свое время он вызывал горячие споры ученых.

III

Одной из узловых проблем хозяйственного развития Казахстана, которой Каныш Имантаевич занимался много лет, особенно углубленно после завершения прогнозной карты, был вопрос о строительстве канала Иртыш — Караганда.

Задача обеспечения Центрального Казахстана водой давно требовала решения. Впервые с этой проблемой Сатпаев сталкивался еще в тридцатые годы в Джекказгане. Но тогда вопрос не стоял так остро, как впоследствии, — масштабы производства позволяли до поры до времени обходиться местными ресурсами воды. Карсакпай обеспечивала речка Кумола, а мощности Большого Джекказгана питало Досмурзинское водохранилище. Первые десять-пятнадцать лет искусственные водоемы полностью удовлетворяли нужды населения и промышленности. Но в пятидесятые годы, когда Джекказган начал бурно строиться, потребность в воде резко увеличилась. Стало ясно, что одним стоком Кенгира не обойтись. Гидрогеологи нашли недалеко от города, в Жанайских сопках, подземные воды. Читатель, очевидно, помнит спор Каныша Сатпаева со специалистами «Водоканалпроекта» о наличии грунтовых вод в этих местах. И вот много лет спустя на большой глубине все-таки нашли столь необходимую для Улутауской степи влагу. Ее стали качать из скважин и подавать по трубопроводу в Джекказган. На ближайшие 10 — 15 лет город и комбинат были обеспечены водой. Но никто не мог предсказать, что будет дальше. Джекказган рос, можно сказать, не по годам, а по дням. Он уже теперь был центром крупного индустриального района, добывающая промышленность его — это шахты-гиганты, две большие обогатительные фабрики и крупный медеплавильный завод. И население города постоянно возрастало. Потребности в воде измерялись десятками миллионов

кубических метров. Становилось ясно, что собственные ресурсы не могли решить проблему водоснабжения в будущем. А вопросами обеспечения водой Карагандинского угольного бассейна Сатпаеву пришлось заниматься еще в 1942 году, когда ему было поручено правительством республики выбрать площадку для сооружения Казахского металлургического завода. Его требовали пустить быстро, по законам военного времени. И расположить в экономически выгодном месте. Из предложенных трех вариантов комиссия избрала местом строительства берег нынешнего Самаркандского водохранилища в окрестностях Темиртау — вблизи от запасов угля и воды. Через десять лет население Карагандинского бассейна (а он включал в себя такие города-спутники, как Саран, Шерубай-Нура, Абай, Кушоки, Темиртау) перевалило за миллион, а в перспективе обещало увеличиться еще больше. Местные реки и задержанная в весеннее время паводковая вода могли теперь обеспечить население и промышленность только на одну треть. А как удовлетворить остальные потребности в воде?..

В Центральном Казахстане имелась еще одна «кочегарка», открытая в прошлом веке. В советское время геологи разведали колоссальные запасы угля в Экибастузе — здесь оказалось возможно наладить добычу самого дешевого топлива в Советском Союзе. Угольные пласты должны были разрабатываться открытым способом и питать энергетические мощности Прииртышья. Но беда состояла в том, что и здесь тоже не было достаточных запасов воды. Гидрогеологи, затратив немало средств и времени, наконец разведали в Калкамане, неподалеку от Экибастуза, подземное озеро. Однако его запасы были тоже недостаточны, чтобы обеспечить угольный гигант. В 1957 году построили трубопровод от Иртыша до Калкамана, который совместно с подземными источниками этих мест стал снабжать Экибастуз, подавая ежегодно до пяти миллионов кубометров воды. Но вскоре было запланировано увеличить мощность угольного карьера до сотни миллионов тонн в год, следовательно, потребность в воде вновь резко возростала...

Кроме того, Карагандинский промышленный узел в то время включал в себя, кроме Караганды, Экибастуза и Джезказгана, еще и такие крупные индустриальные очаги, как Атасу, Балхаш, крупные рудники в Шетском и Карагандинском районах. Из всех них один лишь Балхаш хорошо обеспечен водой — построен он на берегу одноименного озера. Когда гидрогеологи подсчитали, сколько воды потребуется этому гигантскому комплексу в семидесятые-восемидесятые годы, оказалось, что Центральный Казахстан, если его будут питать только скудные местные ресурсы, станет в будущем ежегодно недополучать около двух миллиардов

кубометров воды. Таким образом, без решения проблемы водоснабжения колоссальные минеральные богатства этого региона невозможно было использовать. Где же выход? Таким вопросом задавались производственники и ученые.

Если внимательно ознакомиться с картой Казахстана, то нетрудно убедиться, что это совсем не безводная страна. Одних лишь рек здесь 2174. Среди них такие полноводные, как Иртыш, Ишим, Урал, Сырдарья, Или... Их общий годовой сток — более 110 миллиардов кубометров. Беда в том, что только 5,5 процента этой воды приходится на долю Центрального Казахстана. А он дает семьдесят процентов угля и значительную долю других полезных ископаемых, добываемых в республике. Природа иной раз бывает несправедлива в распределении своих богатств. На поверхности бескрайние засушливые степи, а под землей богатейшие кладовые полезных ископаемых...

После многолетних обсуждений специалисты остановились на двух вариантах водоснабжения Центрального Казахстана. Первый предусматривал использование подземных вод. Второй — строительство канала Иртыш — Караганда.

Но, по подсчетам экономистов, строительство канала должно было обойтись очень дорого. Потому многие специалисты склонялись к первому варианту — использовать грунтовые воды. Были приложены огромные усилия для их поиска. Искали много лет подряд. И труд разведчиков увенчался успехом. В десятках мест обнаружилось подземные источники воды.

Специалистам предстояло выбрать оптимальный вариант. Что выгоднее? Канал или подземные воды? Нужно подготовить рекомендации правительству для принятия решения. И тут разгорелся ожесточенный спор. Те, кто поддерживал идею использования подземных вод, доказывали преимущества своего взгляда: не будет энергоемких насосных станций, нет необходимости в рытье дорогостоящего канала... А те, кто стоял за строительство рукотворной реки, говорили о дороговизне разветвленной сети трубопроводов, энергоемкости скважин («Как будете качать грунтовые воды без насосов?»); некоторые ставили под сомнение разведанные запасы подземных вод.

Разумеется, эти дебаты волновали и президента Академии наук Казахской ССР. Он с самого начала был сторонником строительства канала, а если сказать точнее, даже одним из авторов этой идеи.

После многократных дискуссий в различных инстанциях по инициативе Каныша Имантаевича вопрос был включен в повестку дня

Карагандинской выездной сессии АН Казахской ССР, состоявшейся в ноябре 1958 года. Ученые рассмотрели комплекс проблем, касавшихся развития производительных сил Центрального Казахстана. В числе основных тем обсуждения был проект канала, предложенный московским институтом «Гидропроект» имени С.Я.Жука.

Длина канала составляла, по расчетам, 514 километров. 23 мощные насосные станции, построенные по всей его трассе, поэтапно станут подавать иртышскую воду Караганде, к высшей точке подъема в 475 метров. Русло проляжет по территории Павлодарской области, пройдя вблизи Экибастуза, достигнет реки Шидерты. Затем до Караганды вода должна подниматься по руслу этой реки. Если раньше она текла на северо-восток, то теперь ей предстояло обратиться вспять. Это опять-таки дело насосных станций. Впоследствии предлагалось иртышскую воду по трубопроводам довести через Атасу и Шетский район до Джезказгана.

Карагандинская сессия ученых положительно высказалась за идею канала. Осенью того же года проект был одобрен и Советом Министров Казахской ССР.

Однако предстояло еще во всех деталях обсудить его в научных, а затем в плановых учреждениях. И вновь вспыхнули споры.

Московский институт «Водоканалпроект» возражал против этого строительства, доказывая, что главный путь решения проблемы — эксплуатация источников подземных вод. Ссылались на зарубежный опыт. Восемьдесят процентов всех городов США для своих нужд используют только подземные источники; этой же водой обеспечиваются и 27 процентов всей площади поливного земледелия в стране; Новая Зеландия, в десять раз меньшая по территории, чем Казахстан, ежедневно выкачивает из-под земли до 270 тысяч кубических метров пресной воды; потребление подземных вод стало системой даже в такой технически малооснащенной, отсталой стране, как Индия...

Сам собой напрашивался вывод: поскольку под поверхностью пустынь и степей, как показывали расчеты, лежат целые моря пресной воды, бессмысленно тянуть канал за тысячу километров, стоит только копнуть...

Каныш Имантаевич с самого начала обсуждения этой проблемы был против широкой эксплуатации подземных вод, он твердо стал на позицию сторонников строительства канала.

— Обеспечат ли полностью потребность Карагандинского промышленного узла подземные воды — вопрос этот другого порядка... — говорил он на одном из многочисленных совещаний по этому предмету. — Я хотел заострить ваше внимание на другом, более важном моменте. Надо

ли вообще поднимать эти воды из недр Центрального Казахстана? Подобрать впечатляющие примеры всегда можно, но не всегда они приемлемы. Структура и климатические условия Центрального Казахстана совершенно отличаются от структуры и климатических условий Америки, Новой Зеландии, Индии. Например, сколько выпадает осадков у них и у нас, в Центральном Казахстане?.. Подсчитайте и сравните эти цифры. Если начнем выкачивать подземные источники, да еще в таком объеме, какой требуется нашим промышленным комплексам, то сможет ли суровая, засушливая природа Центрального Казахстана ежегодно пополнять потребляемую воду в виде осадков? В тех странах, где идет систематическое потребление подземных источников, расход их ежегодно восполняется. А у нас это вряд ли возможно. Артезианские бассейны возобновляются очень медленно, за десятки лет, а массовая разработка пресных линз их верхней части ускорит процесс поднятия к поверхности горько-соленых нижних горизонтов грунтовых вод. Следовательно, этим самым, хотим мы этого или нет, мы дадим толчок к началу необратимого вредного процесса — засоления верхнего слоя земли. А это для нашей степи рана, неизлечимая на тысячи лет... И проблему водоснабжения промышленности не решим — у меня есть определенные сомнения насчет мощности этих подземных «морей». Мы обязаны не только разрабатывать наши кладовые подземных ископаемых, но и беречь их! Охрана нашей природы, охрана недр — дело святое, и в связи с этим на первый план выступает задача сохранить в первозданной чистоте подземные воды Центрального Казахстана. Они более нужны нашим скотоводам, земледельцам, животному миру. Поэтому я глубоко убежден в необходимости канала. Других путей удовлетворить потребности промышленных предприятий и решить проблему водоснабжения больших городов края не вижу. Канал нужен здесь как воздух, как хлеб!..

Однако, несмотря на эти основательные аргументы, дискуссия продолжалась. Позицию ученых «Водоканалпроекта» поддерживали специалисты Института гидрогеологии и гидрофизики АН Казахской ССР. По поручению Каныша Имантаевича группа сотрудников Института энергетики АН Казахской ССР под руководством его директора академика Ш.Ч.Чокина провела ревизионные расчеты проекта института «Водоканалпроект». Оказалось, что полезная отдача подземных вод с учетом запаса всех рек и озер Центрального Казахстана составляет более 18 кубических метров в секунду, а это удовлетворило бы потребность промышленного комплекса в воде лишь на одну четверть.

Таким образом, предложение об использовании подземных источников

оказывалось несостоятельным.

В июне 1959 года ученый совет Института геологических наук под председательством Сатпаева снова рассмотрел вопрос о выборе оптимального варианта обеспечения Центрального Казахстана водой. Вот выдержки из стенограммы этого заседания.

«К.И.Сатпаев: Большие мероприятия намечаются в связи со строительством канала Иртыш — Караганда. Однако «Водоканалпроект» против строительства канала. Находятся также отдельные лица, которые скептически смотрят на этот вопрос. В связи с этим выступления в печати корреспондентов ряда газет со ссылкой на наших гидрогеологов по вопросам наличия «подземных морей» в пределах Казахстана также могут несколько повлиять на решение этого вопроса в кратчайший срок. Поэтому нам необходимо иметь одно конкретное представление по этому принципиальному и важному вопросу.

У.М.Ахмедсафин: В результате анализа гидрогеологических материалов, накопленных в последнее время различными учреждениями, имеются большие возможности для решения вопросов водоснабжения Центрального Казахстана за счет подземных вод. В связи с этим необходимо расширить гидрогеологические исследования и максимально использовать подземные воды, которые к 1965 году могут извлекаться в объеме 3,5 — 4,0 кубических метра в секунду.

Ж.А.Айталиев: ...За семилетку мы не сумеем дать артезианской воды столько, сколько дает канал.

К.И.Сатпаев: Потребности Карагандинского промышленного узла в 1965 году не менее 25 кубических метров в секунду.

П.Я.Авров: Единственным источником, способным обеспечить такой мощный промышленный узел, как Караганда, может служить иртышский канал.

И.П.Новохатский: Противопоставлять использование подземных вод строительству канала нельзя.

С.К.Калугин: Вопрос о канале поднят давно и правильно. Идеи строительства канала и использования подземных вод не исключают друг

друга. Канал необходимо строить.

А.А.Флеров: Подземных вод в Казахстане, безусловно, очень много, поэтому их необходимо использовать для рассредоточенного водоснабжения.

М.П.Русаков: Ошибка У.М.Ахмедсафина в том, что он назвал площади распространения подземных вод «морями», а это не совсем так. Канал Иртыш — Караганда необходим, но, безусловно, изучить и использовать подземные воды нужно.

А.А.Флеров: Вывести четыре кубических метра воды в секунду на поверхность земли и подать все это в одну точку представляет собой дорогую и очень сложную инженерную задачу...

С.К.Калугин: Для вывода этих вод, очевидно, необходимо 150 — 200 скважин.

Н.Ф.Колотилин: Канал, безусловно, нужен — экономически он полностью оправдывает себя.

Г.Ц.Медоев: Название «подземное море» неточно, и нельзя позволять так искажать смысл понятия о подземных водах. Строительство канала Иртыш — Караганда, безусловно, не может быть взято под какое-либо сомнение...»

К слову сказать, этот спор не окончен и сегодня. И ныне ведутся исследования подземных источников Центрального Казахстана с точки зрения их использования для хозяйственных нужд в большом масштабе. Ведь иртышскую воду не подведешь ко всем городам и предприятиям. Это очень дорого и нерентабельно, да и запасы Иртыша имеют предел. Потому и продолжается изучение почв, исследуется возобновляемость артезианских бассейнов... Таким образом, последнее слово по этой проблеме еще не сказано. По-видимому, окончательное решение определится через годы, когда будут в достаточной степени взвешены все предложения гидрологов.

Но вернемся к событиям 1959 года. 11 июля Сатпаев обращается с письмом к председателю Госплана СССР А.Н.Косыгину, в котором, подробно излагая аргументы в пользу строительства канала, он просил

включить эту задачу в план семилетки. А позже, чтобы добиться решения вопроса, президент поехал в Москву.

Когда председатель Госплана стал расспрашивать Каньша Имантаевича о деталях проекта канала, академику припомнился разговор, состоявшийся в предновогодней Москве четверть века назад. Как и тогда, речь шла о судьбе его главного детища — Джекказгана. Тогда обсуждался вопрос о стальной магистрали, сегодня надо было добиться решения, столь же важного для дальнейших судеб медной столицы Казахстана. И Сатпаев снова нашел нужные слова, сумел убедить собеседника...

О необходимости строительства этой жизненно важной для Центрального Казахстана голубой трассы он убежденно вновь говорил с высокой трибуны XXI съезда КПСС.

...Сегодня Экибастуз, Караганда, Темиртау уже пьют иртышскую воду. Недалек тот день, когда она дойдет до Атасу, Джекказгана. До Караганды вода поднимается по каналу, дальше будет подаваться по трубопроводам. Жаль, что Каньш Имантаевич не дожил до этих радостных дней. Ведь именно его научное предвидение, его глубокая вера в свою правоту на много лет приблизили осуществление этого грандиозного дела...

Когда остановились часы

I

Первые признаки недуга появились в начале 1962 года. У Каныша Имантаевича пропал аппетит. Неведомая ранее тяжесть разливалась по всему телу после еды, и он подолгу не мог избавиться от неприятного ощущения. Вначале академик относил это к последствиям недавно перенесенного гриппа и не придавал серьезного значения своему состоянию, надеялся, что в скором времени все пройдет.

Но шли дни, а перемены к лучшему не было. Сатпаев обратился к старому другу-врачу. Пройдя обычные процедуры обследования, Каныш Имантаевич понял, что доктор встревожен: стал настойчиво уговаривать его проконсультироваться у видного ученого-онколога...

— Ничего серьезного, Канеке. Какой-то воспалительный процесс в кишечнике... Может быть, потребуется небольшой курс лечения...

— А что, если до весны я съезжу на отдых? Источники Кисловодска никогда не были мне противопоказаны. Знакомое дело.

— Тогда уезжайте немедленно.

— Считайте, что я уже на курорте.

Этот разговор произошел в начале марта. Через неделю президент отправился на Кавказ. Проведя там с месяц, он почувствовал себя так, словно никакой хвори и не бывало. Каныш Имантаевич решил вернуться домой через Москву, чтобы мимоходом обсудить в столице неотложные дела. Однажды после ужина в гостинице он почувствовал режущую боль в желудке. Всю ночь академик не мог уснуть. На следующий день вновь пришлось обратиться к врачу. В больнице, куда его положили на обследование, через несколько дней состоялся консилиум, который постановил: необходима срочная операция.

— Дайте подумать, — сказал академик, — посоветоваться с семьей.

Вернувшись в гостиницу, он позвонил в Алма-Ату, на квартиру младшей дочери.

— Меиз, без тебя мне сейчас, видно, не обойтись. Отпросись с работы и побыстрее приезжай в Москву.

— Что случилось, папа?

— Ничего серьезного, балам²⁹... Что я слышу — ты хнычешь? Я считал тебя взрослым, самостоятельным человеком!.. Мама не должна

знать, что я тебя вызываю. Скажи, что едешь в командировку...

В столице Каныш Имантаевич постоянно останавливался в гостинице «Москва». В первое время он занимал трехкомнатный люкс на третьем этаже. Меиз в те годы еще училась в школе, иногда во время каникул отец брал ее с собой. Однажды, когда она уже была студенткой геологоразведочного факультета, они с отцом в очередной раз приехали в Москву. Обжитый ими люкс оказался занят. Знакомый администратор гостиницы предложил им день-два пожить на десятом этаже в однокомнатном номере. Им понравилось здесь — просторно, светло, уютно, а самое главное, тихо, сюда не доносился уличный шум, как на нижних этажах. А вид какой! Вся Москва словно на ладони: Манежная площадь, Кремль, университет, Мавзолей... Им так пришелся по душе этот номер, что и в следующие приезды Каныш Имантаевич стал останавливаться только в нем, даже звонил заранее, чтобы заполучить его. Вот и в этот приезд академик поселился в привычном 1052-м.

При входе в гостиницу Меиз встретила знакомых алма-атинских докторов — хирурга и онколога; это еще больше встревожило ее. Может, и они вызваны отцом? Значит, дело слишком серьезное...

— Папа, что это значит? — с дрожью в голосе проговорила она, едва войдя в номер.

С Меиз отец всегда бывал откровенен. Делился иной раз такими мыслями, в которые не посвящал даже жену. Они оберегали легкоранимую Таисию Алексеевну от волнений. Вот и теперь он вызвал из всего многочисленного семейства одну Меиз.

— Я сам ничего толком не знаю, балам, — начал академик, глядя прямо в глаза дочери. — Завтра поедем на прием к знаменитому хирургу Александру Александровичу Вишневному. Он собирает из-за меня консилиум, будут все здешние светила медицины. А я пригласил туда алмаатинцев, которые давно уже лечат меня... И ты должна быть там.

Меиз отвернулась, чтобы отец не увидел выступившие слезы.

Мнения врачей на консилиуме разделились. Одни ратовали за немедленное хирургическое вмешательство, другие, сославшись на слишком высокое артериальное давление больного, возражали против операции и предлагали лечение радиоактивными лучами. Только в одном они были едины: прогрессирующая опухоль.

Чтобы лишний раз не мучить больного поездками взад-вперед, он был оставлен в госпитале Вишневного.

Утром следующего дня Каныш Имантаевич позвонил в гостиницу:

— Меиз, вызови машину из гаража Верховного Совета и увези меня

скорее отсюда. Всю ночь глаз не сомкнул, давление поднялось.

Вернувшись в свой номер, он немедленно заказал билет на поезд.

В Алма-Ату приехали второго мая. Родственники, близкие друзья, которые все-таки узнали о неожиданной болезни президента, большой группой приехали встречать его на вокзал. А состояние академика тем временем улучшилось. Дорогой давление упало до нормы. Чем ближе подъезжали к дому, тем заметней настроение его повышалось.

Встречавшие, увидев по-прежнему веселого и жизнерадостного Каньша Имантаевича, терялись в догадках. Всей гурьбой проводили его до дома.

II

В тот год Академия наук СССР приняла постановление о проведении 12 — 17 мая в Алма-Ате XI сессии Всесоюзной геохронологической комиссии. Руководить ее работой было поручено Каньшу Имантаевичу как члену Президиума союзной академии.

Объясни он свое состояние, его немедленно освободили бы от новой обязанности. Но академик и не думал делать этого. О его болезни пока не знал никто из официальных лиц ни в Алма-Ате, ни в Москве. Таково было желание самого президента — не хотел будоражить людей. Поскольку на последнем консилиуме приняли решение начать сеансы радиоактивного облучения, договорились проводить лечение в местном онкологическом институте. Но лечиться в больницу Сатпаев не стал. Условились, что он будет приезжать на процедуры. В семье никто не знал обо всем этом, кроме Ханисы и Меиз. Такова была воля отца. «Не надо всех мучить, поделим с вами это бремя. Будем высоко держать голову, дочери!»

К работе президент стал относиться с еще большим, чем прежде, рвением. Он часами не отрывался от письменного стола. Ни одно заседание геохронологической комиссии не было пропущено им.

В конце мая 1962 года было объявлено о новых выборах в Академию наук республики. Каньш Имантаевич решил сам провести и это ответственное и трудное дело. Выборы состоялись 29 мая. В составе академии прибавилось четырнадцать новых академиков и двадцать один член-корреспондент. Самого Сатпаева общее собрание вновь единогласно избрало президентом.

Лечение продолжалось весь июнь, захватив и начало июля. Наконец, закончив назначенную консилиумом дозу облучения, врачи провели новое

обследование. Они убедились в том, что рост опухоли приостановлен, болезнь не прогрессирует.

— Словно воспалительного процесса в кишечнике (этой версии врачи оставались верны до конца) не было. Можно надеяться, что вам скоро станет легче. Поздравляем, Канеке!

Он и сам чувствовал улучшение. Пища усваивалась легче, и боли уменьшились...

Он давно задумал привести в порядок свои домашние бумаги. Но из-за вечной занятости никак не мог выбрать время для этого. Архив вообще не приводился в порядок с самого момента переезда из Джекказгана. За годы добра здесь накопилось немало. Только книг более четырнадцати тысяч, рукописей сотни связок. А сколько разнообразной корреспонденции! Надо было привести все это хозяйство в какую-то систему. Сомнения ли, закравшиеся в душу, или другие побуждения двигали им — как бы то ни было, с осени того года он начал заниматься домашним архивом. (К слову сказать, этот архив и книги впоследствии были переданы по его указанию библиотеке Института геологических наук.)

В тот год он в четвертый раз баллотировался на выборах в Верховный Совет СССР по Джекказганскому избирательному округу. С радостью ехал академик в места своей молодости для встречи со старыми друзьями.

Вспоминает Алдаяр Талкенов, бывший председатель Карсакпайского райисполкома:

«...В шахтерском городке Джекказгана состоялась встреча с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Им был наш любимый Канеке. Собралось много народу. Дворец шахтеров не смог вместить всех желающих. Люди стояли в коридоре, запрудили улицу. Многие приглашали его в гости: как-никак все старые знакомые, друзья, сподвижники в многолетнем сражении за Большой Джекказган.

В некоторых домах он побывал сам, просто заходил проведать старцев. Многие из них были уже на пенсии. Когда выяснилось, что невозможно посетить всех пригласивших, Канеке предложил: «Не смогу я побывать у всех. Соберитесь где-нибудь все, побудем один вечер вместе...»

«Раз другого выхода не было, пришлось уважить его просьбу. Целиком закупили ресторан, приготовили ужин. Народу тьма. Никто из старых разведчиков-шахтеров не пожелал остаться

дома. В тот вечер Канеке был в особо приподнятом настроении. Увидев меня, позвал к себе и спросил:

— Где келин³⁰, почему она не пришла?

Попробовал было придумать причину, он засмеялся и говорит: «Брось, Алдеке. Пойди пригласи Гульжан. Соскучился я по ее песне». Ничего не оставалось делать, позвал жену, которую оставил дома, думая, что неприлично будет ее присутствие здесь, в ресторане. Гульжан спела для него в тот вечер много народных песен. Не удержался и Канеке, взял домбру да как запоет! Эх, как он пел! Какой у него был приятный голос!

Знал я ученого еще с Карсакпая. Встречался с ним на различных совещаниях партийно-хозяйственного актива. Вместе встречали мы когда-то и академика Бардина. Что и говорить, многое у нас с ним пережито. Хотя знал его давно, но таким нарочито веселым, бодрым он был, кажется, только в тот вечер. Оказывается, он был тогда серьезно болен. Кто знал?.. Какой могучий дух, какая щедрая душа у этого человека! Знать, что проводит с друзьями последний вечер, и так его провести...

Утром следующего дня мы проводили его на поезд. Опять было многолюдно на вокзале: пришли руководители города, партийные работники, шахтеры. Стоя у двери салон-вагона, Канеке обратился ко всем провожающим:

— Друзья мои, джезказганцы! Старые добрые друзья! Помните те трудные дни, когда оказалось под сомнением богатство Джезказгана, когда было прекращено финансирование разведки? Помните мои слова, что в недалеком будущем здесь вырастет большой город?.. Теперь вот он, перед вами, Большой Джезказган! Вот руда его. Каждый час отправляются эшелоны. А город! Молодой, красивый, со своим морем. Очень прошу вас, друзья, берегите Джезказган как зеницу ока. Хотя и велики наши богатства, но не беспредельны. Это земля, которая сторицей вознаградит за уважение и любовь к ней! — сказал и, помахав рукой, быстро скрылся в вагоне. Разволновался, видно, последнее слово произнес с трудом.

Мы стояли зачарованные. У всех на глазах слезы. Это была, оказывается, последняя наша встреча с ним. Больше он не приезжал в Джезказган. Сердце его, наверное, чувствовало тогда, что он прощается с нами, со своим любимым детищем — Джезказганом. И слова его прозвучали как завещание».

В личном архиве академика Сатпаева сохранился листок с наказами избирателей своему депутату. Каныш Имантаевич до последнего дня работы держал его под стеклом на письменном столе.

Вот слова этих наказов:

1. Решить вопрос с выделением средств и организацией ботанического сада в Джекказгане, с тем чтобы строительство его началось в 1963 году.

2. Ходатайствовать перед правительством о выделении средств на строительство аэропорта с бетонированной посадочной площадкой.

3. Решить вопрос организации в Джекказгане горно-геологического научно-исследовательского института Академии наук Казахской ССР.

4. Оказать содействие в решении и укомплектовании специалистами проектного института Джекказгангипроцветмет в 1962 — 1963 годах с целью передачи проектирования города и промышленных объектов джекказганскому институту.

5. Ходатайствовать перед правительством об открытии политехнического института в Джекказгане на базе существующего филиала института с последующим выделением средств для строительства специального помещения для института.

Трудно сегодня конкретно определить роль Сатпаева в претворении в жизнь этих пожеланий земляков. Скажем только: ботанический сад Джекказгана существует уже второй десяток лет; аэропорт города принимает современные пассажирские лайнеры; решены вопросы об организации и укреплении научно-исследовательских, проектных и учебных институтов.

Каныш Имантаевич всегда ревностно относился к исполнению своих депутатских обязанностей, за годы пребывания на больших научных и общественных постах у него выработались на этот счет строгие правила. Несмотря на огромную занятость, он всегда принимал производственников и работников полевых партий вне очереди. Неукоснительно соблюдал дни и часы, назначенные для приема избирателей, а приехавших издалека старался выслушать и в неурочное время. Добрая половина личной переписки ученого связана с его депутатскими делами. Первые из этих писем датированы 1936 годом. Тогда он был избран депутатом Карагандинского областного совета от Карсакпайского района. А в 1937 году как посланец джекказганских горняков принял участие в X Всеказахском чрезвычайном съезде Советов по обсуждению проекта Конституции Казахской ССР. Начиная с 1946 года Каныш Имантаевич

трижды избирался в Казахстанский Верховный Совет, четырежды в Верховный Совет СССР. Колхозники Карагандинской области, горняки Лениногорска, рыбаки Гурьева, шахтеры Джезказгана называли его имя в числе депутатов в верховный орган власти. Весь Казахстан, от востока до запада, с любовью и доверием отдавал ему свои голоса...

А в 1962 году на первой сессии шестого созыва народного парламента страны Каныш Имантаевич был избран заместителем Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР. И это тоже было выражением доверия к его высокому авторитету ученого и государственного деятеля. Прошло ровно 42 года с того дня, когда юный Каныш был избран членом Баянаульского ревкома...

В тот последний приезд академик сделал серьезное замечание своему преемнику Василию Ивановичу Штифанову, начальнику Джезказганской геологоразведочной экспедиции с 1941 года.

— Вася, ты, видать, уже привык к спокойной, благоустроенной жизни, что-то в последние годы стал равнодушен к работе.

Штифанов, никогда ранее ничего подобного не слышавший от своего учителя, оторопел.

— Ты что, решил, что запасы Джезказгана беспредельны? — продолжал Сатпаев. — При твоём попустительстве горняки здесь делают что хотят. Привыкли снимать сливки. Рудой с сравнительно низким содержанием меди они не желают заниматься. Что за хищничество? А тебя волнует лишь ежегодный рост запасов. Нельзя так, Вася. Если ты в скором времени не узаконишь добычу руды и с малым содержанием меди, то считай, что в скором будущем положение Джезказгана осложнится... Это не бездонная бочка.

Об этом Каныш Имантаевич говорил и раньше — здесь же, в городе, на научной сессии по Большому Джезказгану, состоявшейся в 1961 году.

Из заключительной речи академика К.И.Сатпаева:

«...Говоря о дальнейшем росте запасов меди в районе Джезказгана, мы не можем мириться с теми огромными потерями, которые допускаются сейчас в условиях разработки Джезказганского месторождения. Подобных потерь нельзя допускать, и геологи Джезказгана обязаны всемерно бороться с такими фактами. Между тем, к глубокому нашему сожалению, один из рудничных геологов, И... красноречиво ратовал здесь в защиту выборочной отработки богатых руд Джезказгана. Это

очень прискорбная, я бы сказал, даже тяжелая роль для геолога, в особенности для рудничного геолога, если иметь в виду, что ресурсы меди в стране сравнительно ограничены.

В Джезказгане в последние годы с легкой руки Гипроцветмета почему-то стали считать бедным такое содержание меди в руде, которое в настоящее время, по рекомендациям того же Гипроцветмета, на целом ряде месторождений, например на Коунраде и Бозшакуле, принимается не только в качестве минимального, но и даже среднего содержания меди в балансовой руде. В Болгарии, по проекту того же Гипроцветмета, сейчас эксплуатируются медные месторождения со средним содержанием меди всего в 0,4 — 0,5 процента. Как видите, в этом вопросе наблюдается пока что полная путаница. На Джезказгане почему-то считаются сейчас допустимыми большие безвозвратные потери меди при разработке. «Обосновывают» это лозунгом: «Стране нужна медь». Мы тоже хорошо знаем этот лозунг, но считаем, что эту потребность надо обеспечивать путем правильного планирования необходимого объема добычи руды, исходя из реального среднего содержания меди в месторождении и применения прогрессивных методов технологии переработки руды, а не путем «планового» омертвления огромного тоннажа меди в виде безвозвратных потерь в недрах месторождения. Сейчас в погоне за выборочной добычей богатой руды мы теряем в Джезказгане более одной пятой части его медных запасов... Между тем медь ничем нельзя полноценно заменить в технике. Но если уж где и применяют сейчас заменители меди, то это делается вынужденно. Поэтому мы обязаны всемерно и решительно бороться против любых крупных безвозвратных потерь меди...»

Теперь, через год, он вновь возвратился к этому вопросу. Значит, отнюдь не забыл о нем. Был, видимо, особый смысл в том, что он обратился со словами предостережения именно к Штифанову. Хотя он и выговаривал своему преемнику, но называл его по-прежнему коротко Васей, зная, что тот после этого разговора спокойно спать не станет.

Так оно и было. Через несколько месяцев, весной 1963 года, Штифанов без вызова сам прилетел в Алма-Ату. Пришел к президенту академии и горестно поведал:

— Каныш Имантаевич, после нашей беседы семь раз ездил в Москву. Чьи только пороги не обивал. Однако добиться ничего не смог. Никто не хочет узаконить низкий предел содержания меди для Джекказгана. Что теперь делать, ума не приложу.

Академик задумался.

— В ближайшее время поехать в Москву не смогу. Есть неотложные дела, — проговорил он. — А месяца через полтора жди от меня вестей. Подготовь все документы и жди. Как только получишь известие отсюда или из Москвы, немедленно вылетай. Договорились?

— Рахмет³¹, Канеке, — улыбнулся Штифанов и протянул раскрытую ладонь.

— Чего обрадовался, кончил дело, так сразу защекотало в горле?

— Ваш насыбай ведь особый, давно не нюхал.

— Радоваться еще рано, — сказал Каныш Имантаевич, насыпая насыбай в подставленную ладонь, — тщательно готовь документы, чтобы институтские чиновники не смогли ни к чему придраться.

Вспоминает В.И.Штифанов, Герой Социалистического Труда:

«Однажды, если память не изменяет мне, через месяц после моей поездки в Алма-Ату, я получил условленную телеграмму из канцелярии президента. Быстро собрался и вылетел в Москву. Позвонил в известный номер гостиницы. Он сразу узнал меня по голосу.

— А, Вася? Уже приехал?! — услышал я его радостно-возбужденный голос. — Я уже разведаль кое-что... Сегодня хорошенько отдохни. Завтра вечером зайдешь ко мне, поедем в гости к одному богу...

На следующий день мы встретились с ним к концу рабочего дня и поехали за город. Только тогда я догадался, что мы едем на дачу к знаменитому геологу М..., который в годы войны имел большие полномочия в геологической службе страны. Как известный государственный деятель, он пользовался огромным влиянием и авторитетом среди геологов страны. Одно его слово в иные годы решало судьбу многих рудников и шахт. А в ту пору он являлся председателем Всесоюзной комиссии по запасам. Словом, едем к тому богу, который нынче держал в руках судьбу нашего наиболее важного вопроса. Про себя я не переставал удивляться находчивости своего учителя, который не

официально, а таким окольным путем хотел решить судьбу Джебказгана.

Видно, давно не встречались они; поздоровавшись, не выдержали, по-братски обняли друг друга...»

Несколько минут ушло на взаимные приветствия, расспросы. Вспомнили геологов, ушедших из жизни. Через некоторое время хозяин дома спросил:

— Каныш Имантаевич, скажи-ка, милый, какая нужда заставила вас приехать ко мне? Чем я обязан твоему визиту?

— Илья Ильич, вам больше, чем кому-либо, известно, как нуждалась в меди наша промышленность в годы войны. Вы один из тех, кто стоял над нашими душами, требуя все больше этого добра. И отказа не было. Я сам указал на самые богатые сливки Джебказгана, чтобы обеспечить Балхашский завод высококачественной рудой. Таково было требование времени. Слава богу, сейчас мирное время. Но потребности народного хозяйства в меди не уменьшились. Они постоянно растут. Открыты новые месторождения. Теперь надо кончать со спешкой, соблюдать технологию добычи, брать руду подряд, не разделяя на богатые и бедные пласты. Это понятно сейчас всем, даже горнякам. Но когда доходит до дела, никто не хочет считаться с этими элементарными требованиями. Руководству рудников прежде всего надо справиться с планом добычи руды. И оно стремится достичь этого наилегчайшим способом, без всяких затрат. Не будем скрывать — разве мало их, поступающих так и получающих награды, ордена, окруженных почетом и славой? Именно таково сегодняшнее состояние Джебказгана, дорогой Илья Ильич. Горняки уже привыкли брать богатые руды, а бедные бросать без внимания. Об этом я говорю на каждом совещании. Однако мое мнение для них не закон. На словах они соглашаются со мной, а на деле по-прежнему продолжают свое дело. Вот товарищ Штифанов провел почти полгода в Москве и не смог ничего сделать. Гипроцветмет сначала обещал проверить его заявление, однако, не желая возиться, положил его в долгий ящик.

— По-моему, твое беспокойство не так уж и обоснованно. Мне известны запасы Джебказгана, на наш век их хватит.

— Вынуждаете на откровенность, Илья Ильич, — неожиданно опечалившись, сказал Каныш Имантаевич. — Не хочу, чтобы через десяток-другой лет какой-нибудь умник бросил в мой адрес: «Вот посмотрите, что наделал этот Сатпаев — вознес до небес Джебказган, а

запасов его руды не хватило и на сто лет». Мое желание: разведанные запасы руды должны быть полностью добыты. По-моему, самым подходящим, рентабельным будет брать руду со средним содержанием меди, указанным в нашей записке... Ни меньше и ни больше! Помогите нам, Илья Ильич.

— Разве можно тебе отказать, Каныш Имантаевич? Сколько дел своротили вместе, и каких дел!.. А ты, геолог, все хорошенько подумай и приходи со своими данными ко мне на службу. Там уж посмотрим, что получится. Эта цифра — твое последнее слово, Каныш Имантаевич?..

Цифра, названная Сатпаевым, уже давно, еще в довоенные годы, была предложена им как оптимальная для джезказганских руд, идущих на обогатительную фабрику. Меньшее содержание меди делало добычу убыточной, большее оставляло в отвалах недопустимо много металла. Он пришел к этому выводу почти интуитивно, взяв в расчет самые общие данные о запасах и экономической рентабельности разработки месторождения. И когда вскоре Гипроцветмет наконец произвел с помощью современных вычислительных машин сложные расчеты по определению оптимального содержания меди в руде, это предвидение ученого в точности оправдалось.

В начале сентября 1963 года в Алма-Ате состоялось республиканское совещание работников химической промышленности. Каныш Имантаевич выступил с докладом на тему «Сырьевые ресурсы химической промышленности Казахстана, состояние и задачи химической науки республики».

Весной того же года группа ведущих специалистов Лениногорского полиметаллического комбината за внедрение в производство новых эффективных методов добычи руды была удостоена Ленинской премии. Комитет по Ленинским премиям поручил Сатпаеву как члену своего Президиума вручить лауреатам дипломы. И в начале октября он отправляется на Алтай. Исполнив свою миссию, президент академии не стал сразу возвращаться в Алма-Ату. Он побывал на свинцово-цинковом и титано-магниево-комбинатах Усть-Каменогорска. Посетил Бухтарминскую гидроэлектростанцию, проехал по рудникам Зыряновска, Лениногорска, Тыщинки, спустился в шахты.

Сказалась ли усталость многодневного путешествия, но притаившаяся болезнь вновь заявила о себе... Однажды вечером после посещения Лениногорского ботанического сада он снова почувствовал боли в желудке, легкую тошноту. Но не стал прерывать командировку. Лишь приехав в Алма-Ату, Каныш Имантаевич обратился к своим врачам и по совету их в

течение ряда дней снова принял несколько сеансов радиоактивного облучения. И снова ему полегчало.

В те дни ЦК КПСС готовил специальный Пленум по вопросу развития химической промышленности в стране. Планировалось провести его в декабре. Каньш Имантаевич как признанный знаток минерально-сырьевых баз химической промышленности был приглашен в Москву для участия в заседаниях подготовительной комиссии Академии наук СССР. За делами заботы о здоровье отошли на второй план. Сатпаеву по целым дням приходилось заниматься материалами предстоящего обсуждения.

Наконец состоялся декабрьский Пленум ЦК КПСС, а чуть позже началась сессия Верховного Совета СССР, на которой Каньшу Имантаевичу также необходимо было присутствовать.

В Москву приехала и Таисия Алексеевна. Они договорились, что на следующий день после завершения работы сессии уедут вдвоем на отдых в Кисловодск. Путевки были готовы, билеты на поезд куплены.

III

За окнами искрился декабрьский полдень. Ученый обедал в столовой академии и вдруг ощутил знакомые рези в желудке. Он покинул зал и отправился в гостиницу. Вскоре у него резко поднялось давление. Состояние продолжало ухудшаться с каждым часом. Ночью Сатпаев был доставлен в больницу.

В следующие несколько дней в Москву прилетели некоторые близкие и друзья академика. Среди них старшая дочь Ханиса, племянница Райхан Абикиевна, оба доктора медицинских наук, а также младшая дочь Меиз — геолог.

Консилиумы созывались один за другим. Последний раз онкологи совещались во второй половине января по личному указанию министра здравоохранения СССР. В нем приняли участие известнейшие светила — академики и профессора. Их приговор гласил: «Медицина теперь бессильна, и при нынешнем состоянии больной не перенесет даже транспортировки...» Оставалось вести счет дням и часам. Когда остановится их бег.

Узнав о болезни Сатпаева, друзья один за другим ехали в Москву из далекого Казахстана. Люди приходили в палату к президенту, объясняя ему, что прибыли в командировку. Побыв с ним, возвращались домой удрученные. Часто навещали академика московские ученые, особенно

много было среди них геологов.

Из воспоминаний П.Я.Антропова, министра геологии и охраны недр СССР:

«...В последние дни жизни К.И.Сатпаева мне не однажды приходилось посещать его в больнице под Москвой и видеть, как угасал этот замечательный и выдающийся геолог нашего времени. За день до его смерти мы посетили его с министром Е.П.Славским, который также был его большим другом и товарищем. К.И.Сатпаев был совсем слаб, но и в эти роковые для него часы глубокая вера в жизнь не оставляла его ни на одну минуту. Он вдохновенно, глубоко и идейно, как истинный патриот нашей Родины и большой ученый, вел с нами разговор о недрах его страны, о месторождениях нефти на Мангышлакском полуострове и других минерально-сырьевых богатствах Казахстана».

Несколько раз в эти дни академик вспоминал о договорах Института геологических наук с предприятиями, составление которых в тот год задерживалось. Он успокоился только тогда, когда ему принесли телеграмму Г.Б.Жилинского, его заместителя по институту, о подписании договоров. На самом деле они не были еще готовы, это сообщение дали, чтобы успокоить больного. Каныш Имантаевич спрашивал, кто занимается с микрозондом, — прибор, предназначенный для опознания редких элементов и определения их содержания в рудных шлихах, был закуплен в Японии усилиями самого президента.

...День 30 января выдался на редкость хорошим. Академик чувствовал себя значительно лучше. Он с аппетитом пообедал. Посмотрев в зеркало, попросил пригласить больничного парикмахера. Ближе к вечеру, когда Таисия Алексеевна и Ханиса поехали отдохнуть в гостиницу, обратился к оставшейся дежурить Меиз:

— Сядь-ка поближе, балам... Рассказать тебе сон, который я сегодня видел? Очень занимательный.

— Если хороший, расскажи.

— Снилось, будто брожу в горах. В руках у меня молоток — видно, искал руду. Кругом утесы, обрывы, осыпи. А мне почему-то все время хочется выбраться куда-то наверх, на простор. Но я постоянно оказываюсь

в каких-то расселинах. И вот забрел я в темное сырое ущелье; чем дальше иду, тем все уже ущелье, отвеснее и выше становятся его стены. Я начинаю карабкаться, но каждый раз обрываюсь, сползаю опять на дно. Исцарапался, руки покрыты синяками. Раз даже ударился о камни, в кровь разбив голову. Но вдруг словно какая-то сила подхватывает меня, и я начинаю взбираться по скалистой круче с неведомой легкостью. И вот уже гребень, я поднимаюсь во весь рост и вижу: вместо остроконечной вершины передо мной равнина, бескрайняя степь. Сары-Арка наша! Вздохнул полной грудью и почувствовал себя вольно, свободно. И что-то крикнул от радости... Ну что скажешь, балам?

— По-моему, папочка, добрый сон. Но ты ведь, кажется, не придаешь значения снам?

— А сейчас почему-то легко стало на душе после этого восхождения. Наверное, скоро домой поедем.

— И вправду, папочка! Не зря ты степь видел!

Весь день он был весел. Особенно когда пришли его давние друзья. Сидели больше часа. После их ухода опять позвал к себе Меиз:

— Не знаю отчего, но захотелось поесть ягод. Что, если завтра ты съездишь на рынок?

Но, проснувшись следующим утром, дочь почему-то не поехала выполнять просьбу Каньша Имантаевича, а, повинувшись какому-то предчувствию, сразу же отправилась в Кунцево. Войдя в больницу, Меиз узнала, что отец уже несколько часов лежит без памяти.

Часовая стрелка неумолимо ползла к пяти...

«От Президиума Верховного Совета СССР
Москва. Кремль, 1 февраля 1964 года.

Президиум Верховного Совета СССР с глубоким прискорбием сообщает, что 31 января 1964 года после тяжелой и продолжительной болезни на 65-м году жизни скончался видный советский ученый, президент Академии наук Казахской ССР, лауреат Ленинской и Государственной премий, депутат Верховного Совета СССР, заместитель Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, академик Каньш Имантаевич Сатпаев».

IV

Казахстан прощался с ним 3 февраля.

Гроб с телом покойного был установлен в фойе Государственного театра оперы и балета имени Абая. Вереница людей протянулась в несколько кварталов. Кого здесь только не было: русские, украинцы, казахи, киргизы, узбеки... Шахтеры Караганды, геологи Рудного Алтая, рабочие Алма-Аты, чабаны из Баянаула... Ученые и писатели, государственные деятели, люди искусства... Соратники и ученики, товарищи... Шли без конца, многие в трауре, несли цветы и венки. В почетном карауле друг друга сменяли старые друзья, делегации всех областей Казахстана, Москвы и союзных республик...

«Было утро. Я еще сидел за достарханом, пил чай. Вдруг радио, будто бы других слов, помягче, не было, сообщило: «Умер Каньш Имантаевич...» Меня словно обухом по голове хватили — упал в обморок... — годы спустя рассказывал старый джезказганец, буровик-пенсионер Халык Темирбаев. — Вызвали врача, тот привел меня в чувство, жена укладывает в постель, а я рвусь бежать. Как оставаться дома, когда самый дорогой тебе человек ушел из жизни?! Да ведь я потом не прощу себе, если, оберегая свое здоровье, не увижу в последний раз Каньша. Приехал в аэропорт. Оказывается, все старики наши из геологоразведки собрались здесь. А билетов в Алма-Ату нет. Нашли Штифанова, говорим: «Иди заказывай специальный самолет, иначе и тебя не отпустим на похороны». Таким вот образом все, кто еще оставался жив в ту пору из старой гвардии джезказганских буровиков, отправились провожать в последний путь незабвенного Кан-ага...»

За три года перед тем, выступая на похоронах одного из самых близких ему людей, великого своего современника, Сатпаев говорил:

— С этого часа имя Мухтара Ауэзова переходит в историю, отныне это имя мы будем произносить рядом с дорогими именами великих сынов казахского народа Абая Кунанбаева, Чокана Валиханова... Пройдут годы, и незабвенный образ дорогого Мухтара Омархановича останется в наших сердцах и как легенда, сказ, песня будет передаваться из поколения в поколение. Чем дальше и отдаленнее будет время, тем краше будет звучать эта песня, легенда. И тогда бессмертное творение Мухтара Ауэзова вместе с его легендарным обликом будет сиять нашим людям как яркая звезда на

небесах...

И вот спустя три года скорбные слова звучали на том же самом месте. Всю жизнь шли рядом два великана казахской социалистической культуры, и теперь могилы их оказались рядом...

Позади остались траурные дни. Такова уж природа человека: любая скорбь постепенно притупляется. Душевная боль сменяется раздумьями. Рождается потребность до конца осмыслить значение той большой жизни, которая завершилась на глазах современников.

«Три больших дела он оставил после себя: первое — Джекказган, второе — Академия наук Казахстана, третье — Институт геологических наук. Во всех них живут и работают сотни людей, которые продолжают дело достойного сына казахского народа, ученого, коммуниста, геолога Каньша Имантаевича Сатпаева. Пройдут годы, появятся новые ученые, но надолго сохранится благодарная память о первом руководителе Казахской академии наук», — писал в книге воспоминаний профессор В.С.Коптев-Дворников.

Джекказган стал центром большой области, превратился в площадку новых гигантских строек. На горно-металлургическом комбинате, за создание которого так упорно и мужественно сражался академик, недавно открыт музей истории предприятия. Один из залов музея посвящен жизни и деятельности замечательного ученого, чье имя носит теперь индустриальный гигант. А дом в Карсакпае, в котором Сатпаевы прожили пятнадцать лет, превращен в мемориальный музей академика.

Его имя носит Институт геологических наук АН Казахской ССР. Оно живет не только на мемориальной доске, установленной на фасаде института, — имя Сатпаева в делах, разносторонних исследованиях многочисленного коллектива, в его научных открытиях, в практическом воплощении их. Ведь здесь сегодня работает созданная академиком школа казахстанских геологов.

В главном корпусе Академии наук, в фойе второго этажа установлена мраморная скульптура — Каньш Имантаевич сидит в раздумье, как бы спокойно-испытующе вглядываясь в каждого поднимающегося по ступеням этого храма науки. В другом конце просторного зала — фигура Михаила Васильевича Ломоносова. Великая русская наука считает своим отцом Ломоносова. И казахская наука обязана ему, ведь она расправила крылья с благородной помощью ученых — сынов великого русского народа, при их поддержке достигла больших высот, добилась широкого признания. Академик Сатпаев еще при жизни современниками был назван «ученым особого склада, ломоносовского типа на казахской почве в XX

веке». Потому в главном здании Академии наук Казахстана оба эти великана сидят рядом, символизируя нерушимую дружбу, взаимопомощь, братскую солидарность двух народов.

Не скудеет с годами память о Сатпаеве. Люди хотят знать больше о народном академике. Имя его напоминает новым поколениям, вступающим в жизнь, о завидной судьбе... На родине в Баянауле открыт еще один музей. Шадринский совхоз, на землях которого когда-то кочевал родной аул Каныша Имантаевича, носит его имя. По реке Или давно плавает пароход «Академик Сатпаев». В Джунгарском Алатау его именем названы ледник и вершина, которую альпинисты покорили в год его смерти. Геологи назвали минерал, открытый ими в рудах Каратауского ванадиевого месторождения, сатпаевитом. В Алма-Ате. Карсакпае, Аркалыке, в шахтерских городах Каратау, Ленгере, Кумкенте его именем названы средние школы. Восемь больших городов Казахстана своим центральным улицам дали имя академика Сатпаева. Еще при жизни он был почетным гражданином Джекказгана, это звание сохранено за ним навечно.

«Я люблю природу, особенно камни. У меня уже собран целый ящик разных минералов. Напишите, пожалуйста, как мне стать геологом?.. Пока я учусь в седьмом классе», — писал мальчик из Усть-Каменогорска. Академик не успел прочитать это письмо, как и сотни других, свидетельствовавших: дают всходы зерна, брошенные им в родную землю. В делах этой славной смены отныне суждено было продолжаться второй жизни академика, начавшейся с той самой минуты, когда остановилось сердце выдающегося сына казахского народа, большого ученого и человека...

*Семипалатинск, Казахская ССР
1966-1979*

Основные даты жизни и деятельности

1899, 12 апреля (31 марта) — Родился в ауле № 4 Аккелинской волости (ныне Баянаульский район Павлодарской области Казахской ССР).

1909 — 1911 — Учеба в аульной школе.

1911 — Поступление в двухклассное русско-киргизское училище Павлодара.

1914 — 1918 — Студент Семипалатинской учительской семинарии.

1918 — 1919 — Учитель естествознания двухгодичных педагогических курсов.

1920 — 1921 — Народный судья десятого участка Баянаульского района.

1921 — 1926 — Студент горного факультета Сибирского (Томского) технологического института.

1926 — 1941 — Работа в геологоразведочной службе треста «Атбасцветмет» и Карсакпайского медеплавильного комбината.

1940 — Награжден орденом Ленина в связи с 20-летием Казахской ССР за заслуги в разведке недр Джезказган-Улутауского района.

1941 — 1964 — Директор Института геологических наук АН Казахской ССР.

1941 — Назначен заместителем председателя Президиума казахского филиала Академии наук СССР.

1942 — Присуждение Всесоюзной аттестационной комиссией ученой степени доктора геолого-минералогических наук.

Присуждение Государственной премии СССР второй степени за научный труд «Рудные месторождения Джезказганского района».

1942 — 1945 — Член комиссии Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны.

1943 — Избрание членом-корреспондентом Академии наук СССР.

1944 — Принят в члены Коммунистической партии (большевиков). Президиумом Верховного Совета Казахской ССР присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Казахской ССР».

1945 — Награжден вторым орденом Ленина в связи с 220-летием Академии наук СССР.

Награжден орденом Отечественной войны II степени за мобилизацию ресурсов тыла.

1946 — Избран в действительные члены и президентом АН Казахской

ССР.

Избран действительным членом Академии наук СССР.

Избран депутатом Верховного Совета СССР.

1947 — Избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Поездка в составе делегации Верховного Совета СССР в Англию.

1947 — 1964 — Член Президиума комитета по Ленинским и Государственным премиям при Совете Министров СССР.

1949 — Избран членом ЦК КП(б) Казахстана.

1950 — Утвержден в ученом звании профессора по специальности «геология».

Избран депутатом Верховного Совета СССР.

1951 — Избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

Избран почетным членом Академии наук Таджикской ССР.

Освобожден от поста президента и члена Президиума Академии наук Казахской ССР.

1952 — 1958 — Руководитель группы по составлению «Металлогенической прогнозной карты полезных ископаемых Центрального Казахстана».

1955 — Избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР.

1955 — 1964 — Президент АН Казахской ССР.

1956 — Избран делегатом XX съезда КПСС.

Избран членом ЦК КП Казахстана.

1957 — Награжден третьим орденом Ленина за мобилизацию Академии наук Казахстана на освоение целинных земель.

1957 — 1964 — Заместитель председателя бюро Национального комитета геологов Советского Союза.

Член советской комиссии по металлогенической карте мира.

1958 — Присуждена Ленинская премия за разработку методики и составление комплексных металлогенических прогнозных карт Центрального Казахстана.

Избран депутатом Верховного Совета СССР.

1959 — Избран делегатом XXI съезда КПСС, где выступил в прениях по основному докладу.

1960 — Избран членом ЦК КП Казахстана.

1961 — Избран делегатом XXII съезда КПСС.

1961 — 1964 — Член Президиума Академии наук СССР и бюро отделения геолого-географических наук.

1962 — Избран депутатом Верховного Совета СССР, заместителем Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.

1963 — Награжден четвертым орденом Ленина за заслуги в развитии геологической науки и изучении полезных ископаемых Казахстана.

1964, 31 января — Скончался в Москве. Похоронен 3 февраля в Алма-Ате.

Краткая библиография

Сатпаев К.И. Избранные труды Т. 1 — 5. Алма-Ата, «Наука», 1967 — 1970.

Сатпаев К.И. Джекказганский меднорудный район и его минеральные ресурсы. М.-Л., Цветметиздат, 1932.

Большой Джекказган. Сборник докладов и статей научной сессии АН СССР. М.-Л., 1935.

Большой Джекказган. Геология и металлогения. Труды объединенной научной сессии. Алма-Ата, Издательство АН Казахской ССР, 1961.

Комплексные металлогенические прогнозные карты Центрального Казахстана. Алма-Ата, «Наука», 1968.

Наука Советского Казахстана. 1920 — 1960. Алма-Ата, «Наука», 1961.

Октябрь и наука Казахстана. Алма-Ата, «Наука», 1967.

«Вестник АН Казахской ССР», 1949, № 4/49.

Академик К.И.Сатпаев. Сборник, посвященный памяти выдающегося советского ученого. Алма-Ата, «Наука», 1965.

Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи, 1771 год. Спб., 1772.

Затаевич А. 500 казахских песен и кюйев. Алма-Ата, 1931.

Весин-Харчепко А. На берегу Кенгира. Алма-Ата, 1950.

Пинегина Л.А., Федюкин С.А. Джекказган — город меди. Алма-Ата, «Наука», 1966.

Исабаев К. На стыке судеб. Алма-Ата, «Казахстан», 1969.

Есенов Ш. Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата, «Казахстан», 1970.

Оразов Т. Бала Каныш. Алма-Ата, «Жазушы», 1971, на казахском языке.

Брагин А.И. Умом и молотком. М., Политиздат, 1975.

В работе над книгой автор использовал материалы Государственного архива народного хозяйства и Центрального партийного архива при Институте марксизма-ленинизма, архивы Геолкома (в Ленинграде), Джекказганской геологоразведочной экспедиции, краеведческих музеев Джекказгана, Павлодара, Семипалатинска, Томского политехнического института, а также документы персонального архива академика, хранящиеся в Институте геологических наук имени К.И.Сатпаева АН

Казахской ССР, Государственного архива Казахской ССР.

Иллюстрации

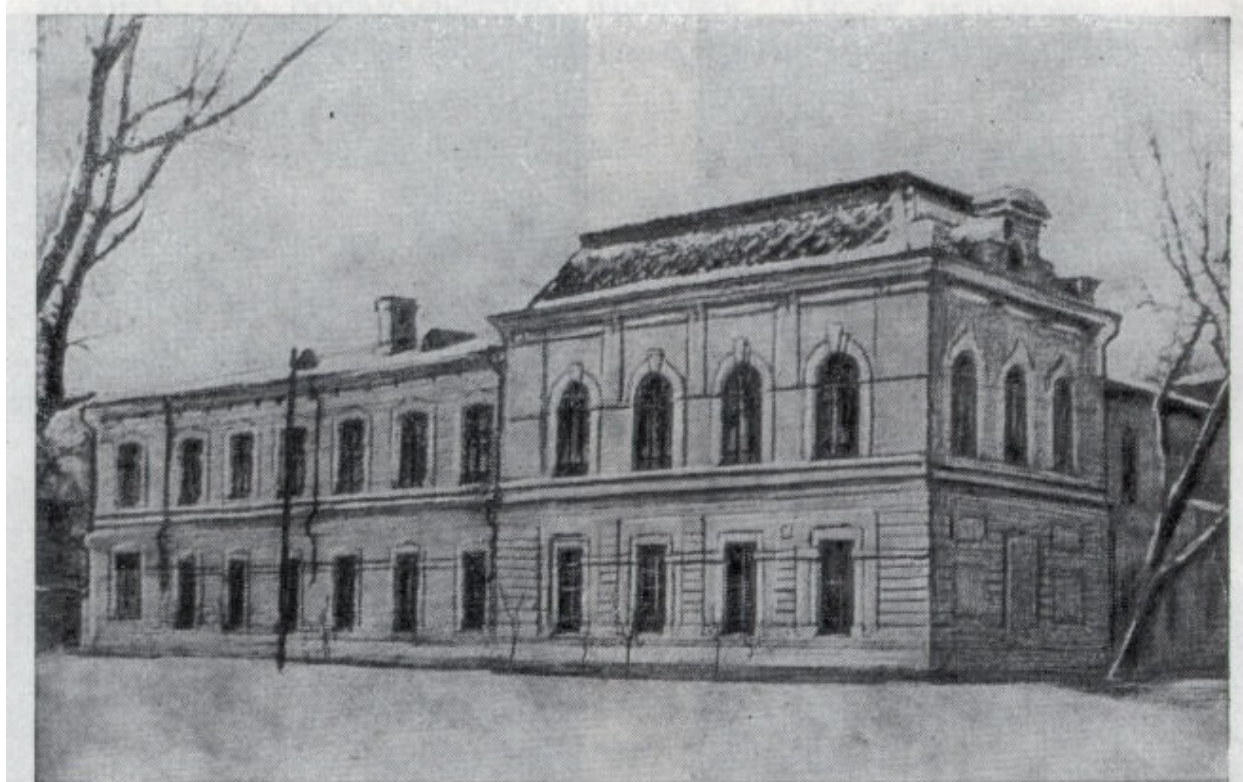
Имантай. Отец Каныша Сатпаева.

Каныш — ученик Павлодарского
русско-киргизского училища.

Аккелинская волостная школа, где К. Сатпаев учился в 1909—1911 годах.

Здание учительской семинарии, в которой Каныш Сатпаев обучался в 1914—1918 годах.

Соқ баст

1. оқығыстардың алдына тартылып отырып
кестаб 1919 ынсы қолдан бұлай басталып
оның бері тырыс толастар ақы арғы
созылып келіп, 1924 ынсы қолдың басында
ажақталып отыр. қарылыған кестабде
панның өз қызысы мен адыстыр тастыды-
ның қызындығының ұстыне керекті термис-
дер тастылып отырып да ағыр қымсы болды.
қай панды болды, адырысы есіп пандыра-
ды өз бір ұжымның соқ қы қоспары мен
атыр әрі бұған, әрі дол тұрында тасты
отырып аға керекті қона ағыр нары.

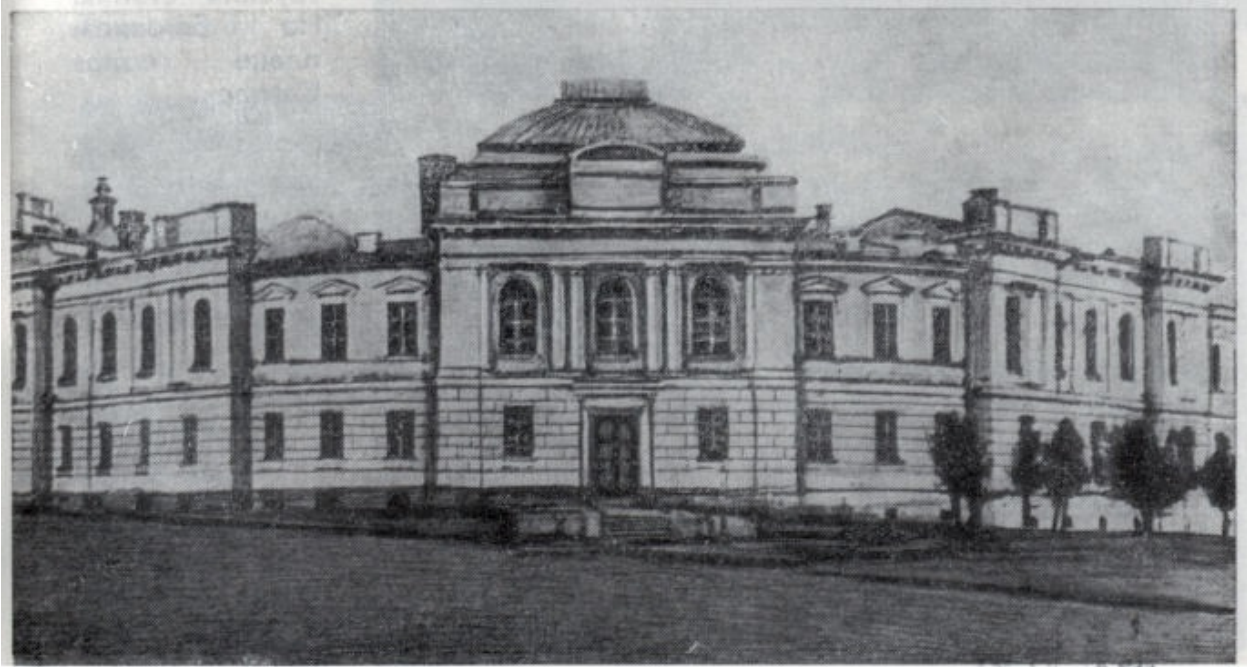
Страница рукописи первого учебника алгебры на казахском языке — первая научная работа К. И. Сатпаева.

Михаил Антонович Усов — профессор Сибирского технологического института.

Каныш Сатпаев. 1921 год.

Здание горного факультета Томского технологического института.

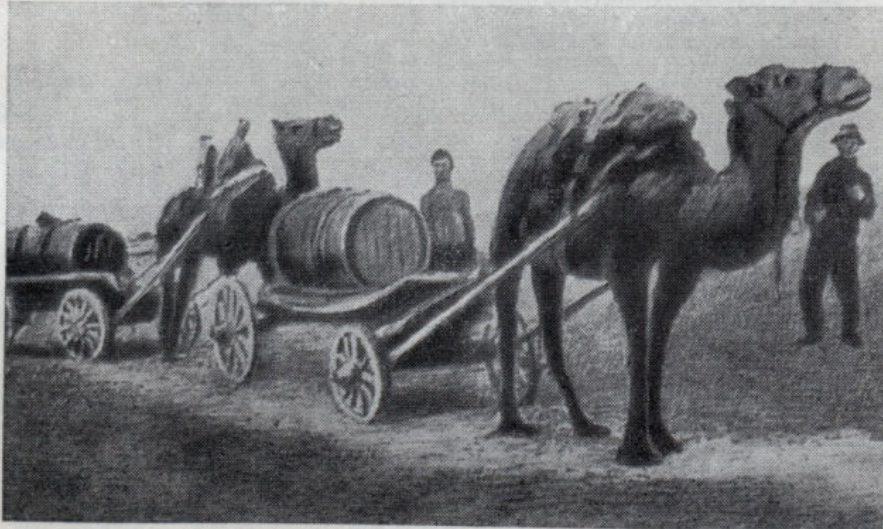
Таисия Алексеевна Сатпаева.

Каныш Сатпаев в 30-е годы. Джек-казган.

Геологическая
партия в Улу-
тауских степях.
На ближнем
плане геолог
Сатпаев.

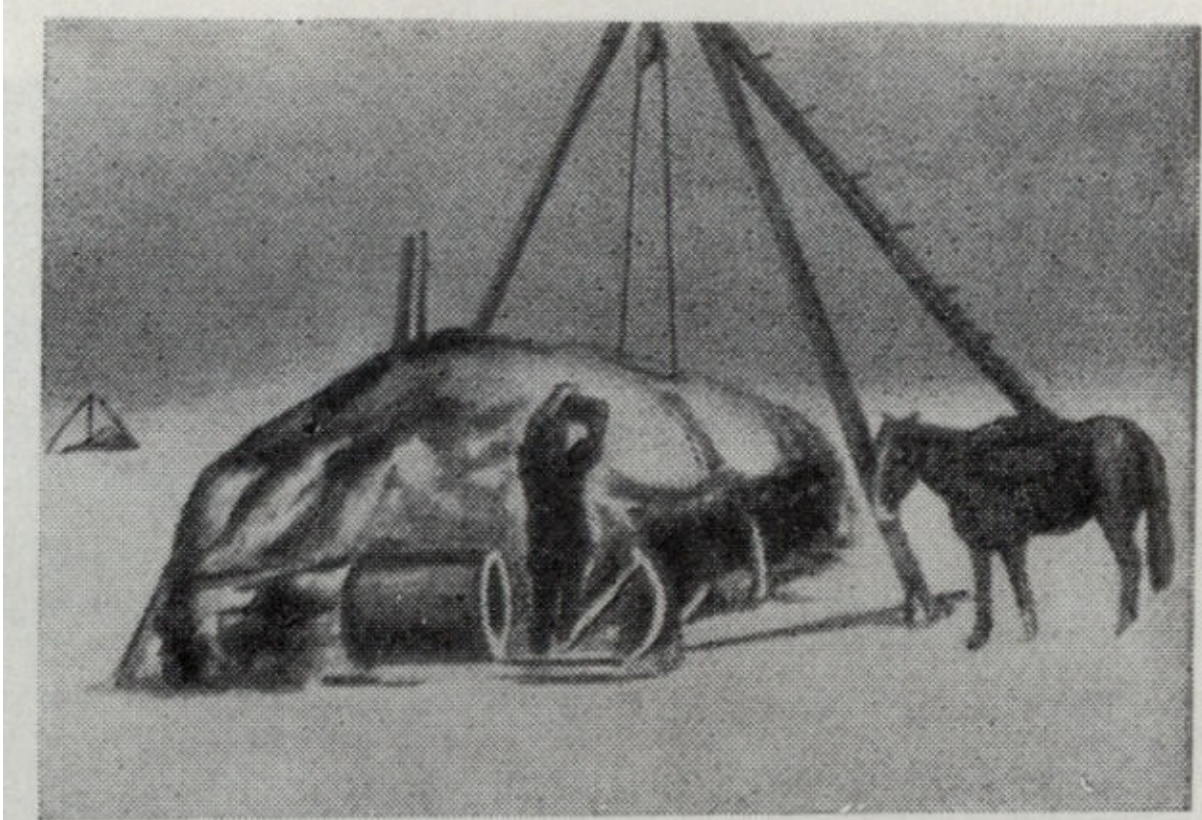
Так доставляли
разведчики
недр Джезказ-
гана воду на
буровые в 30-х
годах.

Статьи К. И. Сатпаева об освоении подземных богатств Большого Дзезказгана.

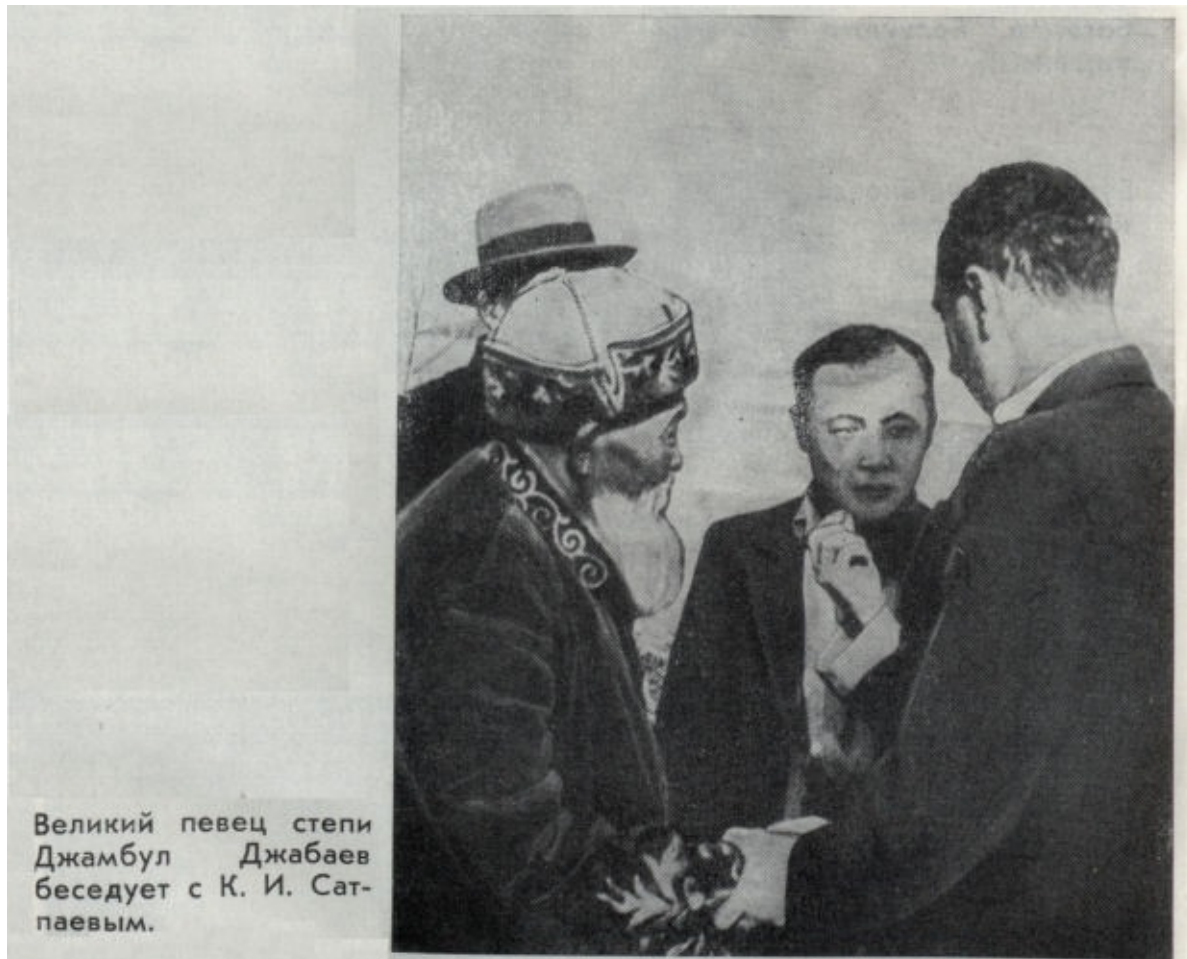
Джезказган в 50-х годах.

Буровая, установленная в казахской юрте.

Члены жюри на со-
стыязании акынов
(слева напра-
во): К. И. Сатпаев,
М. О. Ауэзов и на-
родная артистка
СССР Куляш Байсеи-
това. 1943 год.

Великий певец степи
Джамбул Джабаев
беседует с К. И. Сат-
паевым.

Каныш Сатпаев за-
кладывает первый
камень будущего
здания АН Казахской
ССР.

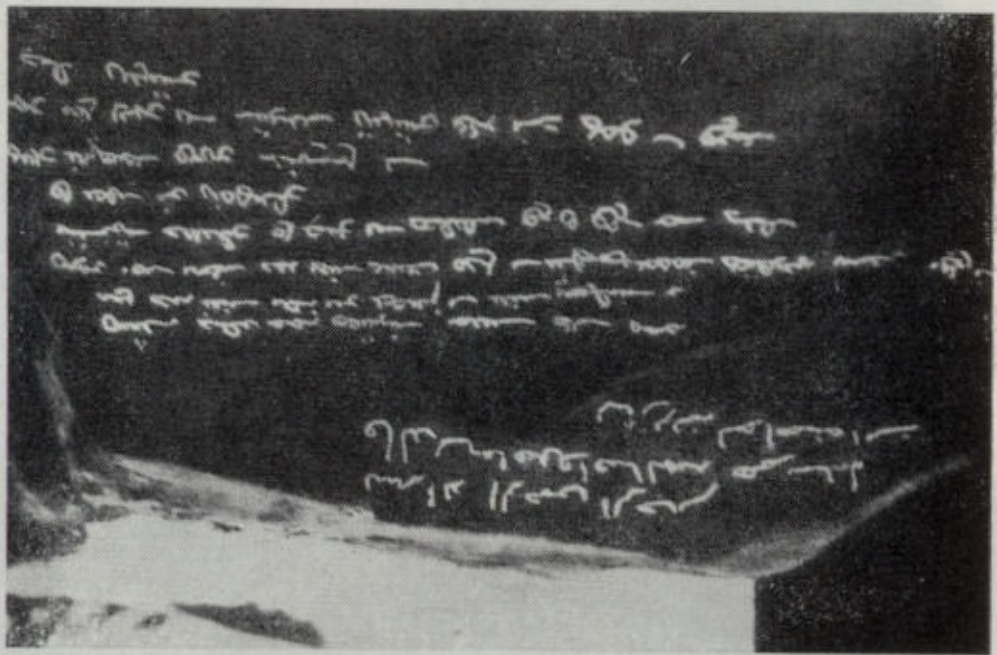
Главное здание Академии наук Казахской ССР.

К. Е. Ворошилов в геологическом музее Института геологических наук АН Казахской ССР. 1957 год.

Председатель Госплана СССР А. Н. Косыгин и председатель Совета Министров Казахстана Д. А. Кунаев вместе с К. И. Сатпаевым рассматривают образцы руд. 1961 год.

Памятный камень,
оставленный Та-
мерланом во вре-
мя похода в ка-
захскую степь.

Здание Института
геологических на-
ук имени К. И. Сат-
паева АН Казах-
ской ССР.

Академик К. И. Сатпаев.

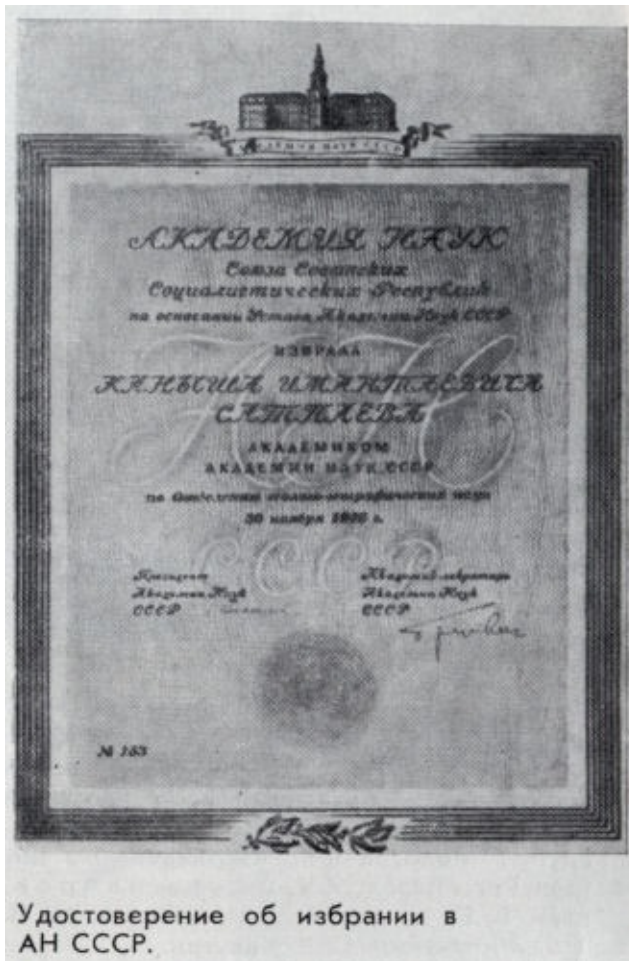
С лева направо: академик Е. Н. Павловский, К. И. Сатпаев, первый президент АН Таджикской ССР Садриддин Айни, первый секретарь ЦК КП Таджикистана, академик АН Таджикской ССР Б. Г. Гафуров, писатель Мирзо Турсун-заде. 1951 год.

Группа геологов рассматривает металлогеническую карту Центрального Казахстана. Слева направо: Г. Ц. Медоев, К. И. Сатпаев, В. В. Галицкий, Д. Н. Казанли, М. П. Русаков, Н. Ф. Колотилин, Г. Б. Жилинский, С. К. Калугин.

Академик К. И. Сатпаев в
1960-е годы.

Удостоверение об избрании в
АН СССР.

**ДИПЛОМ
ДОКТОРА НАУК**

ГМ № 000011 ✽
Москва 15 мая 1948 г.

Решением
Высшей Аттестационной Комиссии
от 17 августа 1948г (протокол № 49)

гражданину
Сампаву Каншиу Чинтаеву
ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ ДОКТОРА
ГЕОЛОГО-МИНЕРАЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Председатель
Высшей Аттестационной
Комиссии
Ученый Секретарь
Высшей Аттестационной
Комиссии

Скарянов
Идешиев

Диплом доктора наук.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОМИТЕТА
ПО ЛЕНИНСКИМ ПРЕМИЯМ
В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
ОТ 22 АПРЕЛЯ 1958 ГОДА
ПРИСУЖДЕНА ЛЕНИНСКАЯ ПРЕМИЯ

САТНАЕВУ Владимиру Михайловичу — за разработку методики и освоения космического аппарата в прикладной науке Центрального Космического.

М. С. Голубев

Председатель Комитета
по Ленинским премиям в области
науки и техники
акад. Сергей Павлович КОЗЛОВ

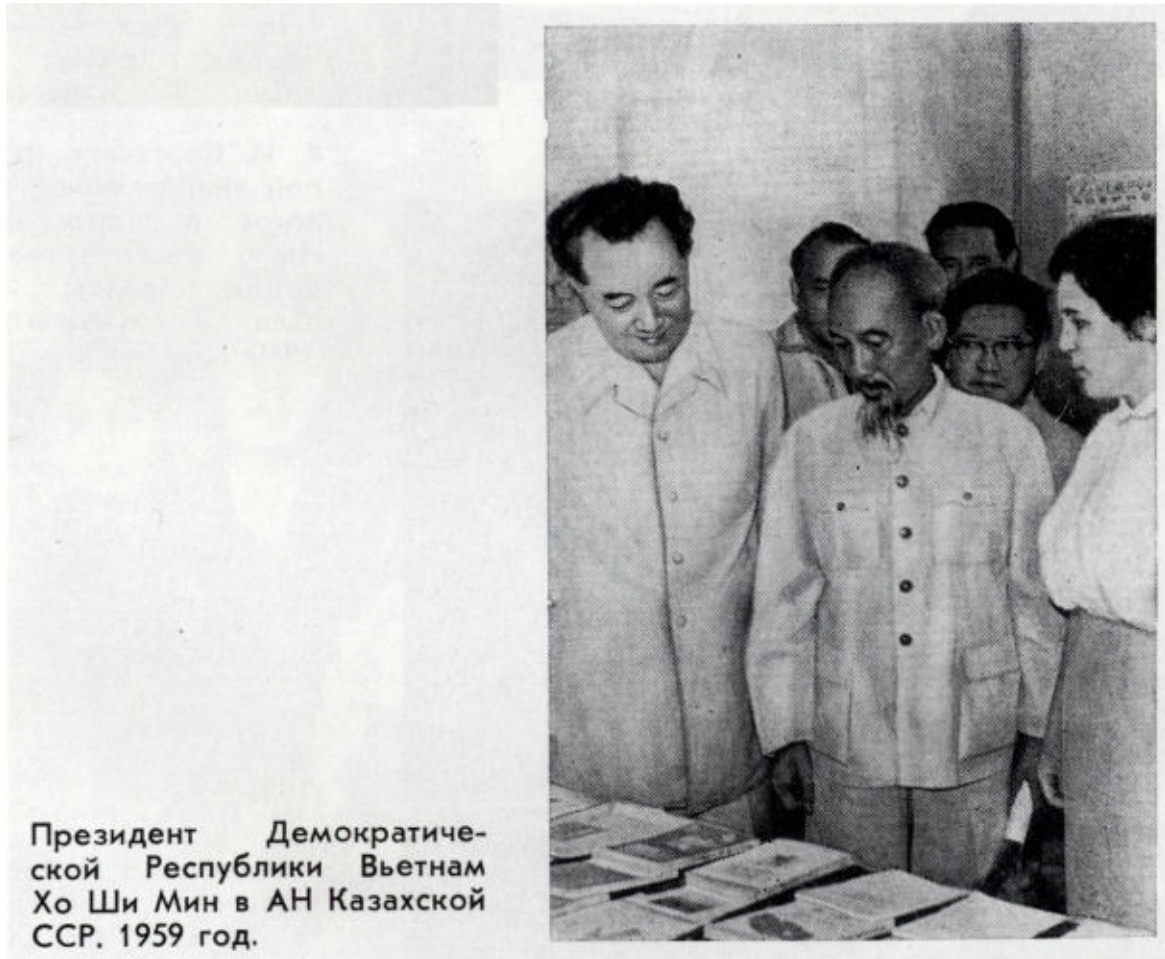
А. И. Сидоров 24.04.1958

Члены Государственного Комитета
по Ленинским премиям в области
науки и техники
акад. Сергей Павлович КОЗЛОВ

В. Г. Сидоров 24.04.1958

Постановление комитета
по Ленинским премиям от
22 апреля 1958 года.

Президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин в АН Казахской ССР. 1959 год.

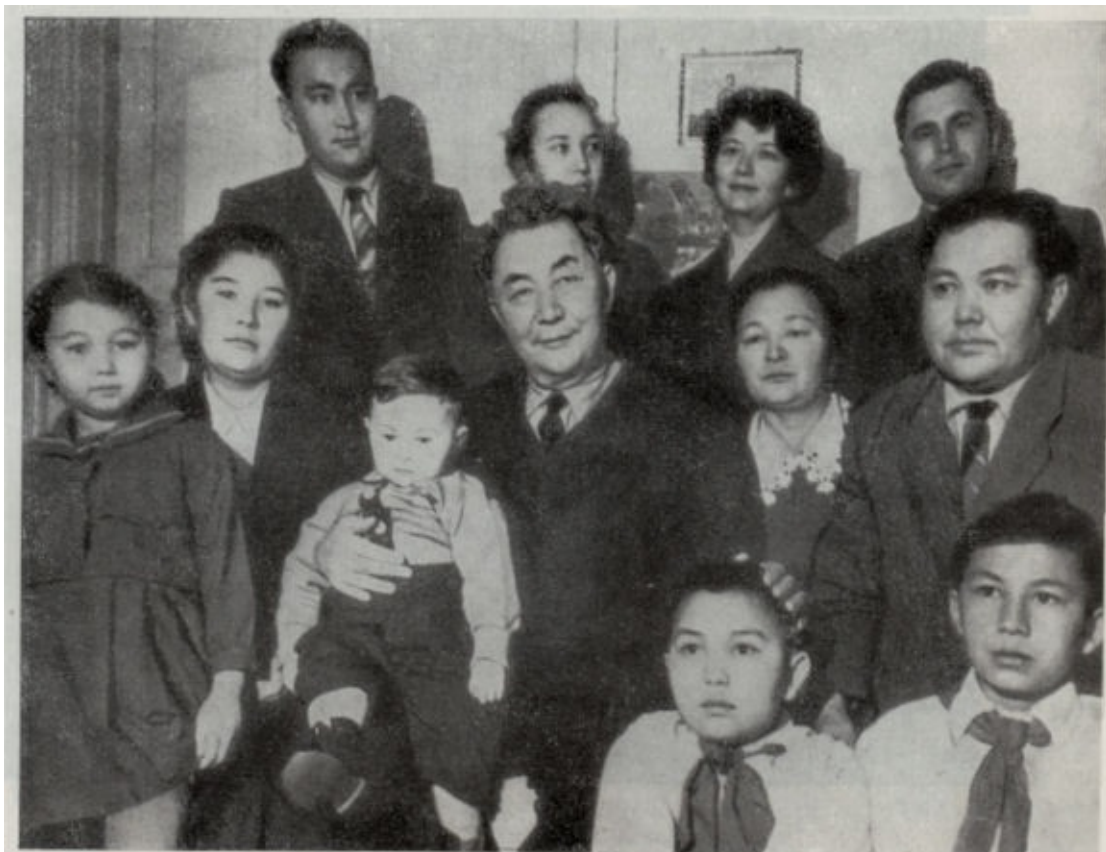
К. И. Сатпаев с группой энергетиков, геологов и гидрогеологов рассматривают проект трассы Иртыш — Караганда. 1960 год.

Академик В. Г. Фесенков и К. И. Сатпаев в кулуарах АН СССР в перерыве между заседаниями, 1963 год.

На отдыхе в окрестностях
Алма-Аты.

К. И. Сатпаев со своими
детьми, зятьями и внуками.
1963 год.

Академик К. И. Сатпаев.

Памятник на могиле. Алма-Ата.

Примечания

1

Выборный родовый судья.

2

Отгонное пастбище.

Дословно — год свиньи.

До 1925 года казахов называли киргизами, перенося на них название соседнего народа — собственно киргизов.

5

Бабки.

6

Дедушка.

7

Скатерть.

Отец.

Братишка — уменьшительное обращение к младшему.

10

Кожаный сосуд.

11

Конское ребро с жиром.

Сушеный творог.

13

Почтительное обращение, дословно значит «хозяин очага».

Тип юрты.

Ага — уважительное обращение к старшему.

Табакерка для жевательного табака — насыбая.

Проселочная дорога.

Смесь табака и золы, используемая для жевания.

1391 год по европейскому календарю.

Сырдарья.

Сарысу.

Уважительное обращение к младшему.

Кустарник, используемый для топки.

Так называли местные жители поселок Старый Джекказган.

25

Техническое название марганцевой руды.

Председатель казахского Совнаркома.

Президент Академии наук СССР.

Шерстяной мешок.

Дитя мое.

30

Сноха. Обращение старшего к жене младшего по возрасту.

Спасибо.